

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2-й кв.

10-й год издания

№ 6

Июнь 1940 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

Академик Б. Греков

Спорные вопросы периодизации древней истории народов СССР*

1

До тех пор, пока наши историки ограничивались изучением судьбы только русского народа, вопрос о периодизации истории России решался довольно просто и не вызывал сколько-нибудь серьезных и глубоких разногласий.

Повторив сведения о Руси, почерпнутые у составителя «Повести временных лет», указав на образование Киевского государства, на его распад и появление уделов, историки обычно переходили к Московскому государству, за которым следовал так называемый петербургский период нашей истории.

Если к этому прибавить, что, как правило, история России рассматривалась в отрыве от всемирной истории, вследствие чего Россия часто представлялась историкам страной, развивавшейся по особому, совершенно оригинальному, «самобытному» пути, то мы получим более или менее точное представление о том, как строилась периодизация нашей истории в дореволюционной исторической науке.

Сейчас вопрос ставится совершенно по-иному.

Мы не можем ограничиться только изучением русского народа по мотивам политического и научного характера: мы не имеем права замалчивать историю народов,

вошедших в Советский Союз и живущих ныне в неразрывной дружбе с русским народом, с другой стороны, совершенно очевидно, что научно подойти к объяснению истории нашей страны без учета истории других народов, ее населявших и населяющих, совершенно невозможно. Если ограничиться только историческими судьбами русского народа, то наше представление об истории СССР будет совершенно неверным.

До того момента, когда о русском народе впервые заговорили исторические источники, многие другие народы нашей страны уже жили полнокровной исторической жизнью. Но эта жизнь не была похожа на позднейшую жизнь русского народа.

Без установления правильной периодизации истории СССР нельзя осмыслить весь путь, пройденный народами нашей родины. Мы пользуемся периодизацией истории человечества, установленной классиками марксизма. Эта периодизация и легла в основу работ всех учреждений Академии, занимающихся историей нашей страны и других стран. Но тут как раз и возникли совершенно неожиданные осложнения.

После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» некоторые наши историки вывели заключение, что в IV главе этой книги установлена такая закономерность исторического развития, при которой каждое общество, без исключения, должно было обязательно переживать в строго определенной последовательности все этапы развития, известные человечеству на протяжении его жизни: первобытно-общинный,

* Доклад, прочитанный 28 февраля 1940 года на общем собрании Академии наук СССР.

или, иначе, родовой, строй, рабовладельческий, феодальный и капиталистический.

Эти историки сделали попытку пересмотреть в соответствующем духе учение классиков марксизма и настаивали на необходимости отказаться от периодизации, положенной в основу работы гуманитарных академических институтов. В частности эти историки утверждают, что поскольку Киевское государство было древнейшим русским государством, возникшим в результате распада первобытно-общинного строя, оно должно было быть государством рабовладельческим, то есть таким, в котором производство было основано на труде рабов, государством для удержания рабов в подчинении у рабовладельцев.

Это заключение идет вразрез с теми основными положениями, на которые опираются и многотомник по всемирной истории, и многотомник по истории СССР, и все учебники по истории русского права для высшей и средней школ.

Критика и самокритика — условие роста науки. И, поскольку возникли сомнения, мы, конечно, должны рассмотреть спорные вопросы. Вполне естественно, что начинать следует с проверки того, правильно ли понимают марксистскую периодизацию истории те, кто считает позиции гуманитарных академических институтов и прежде всего Института истории неправильными.

В заключении своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс приходит к основному выводу о том, что человечество пережило три великих эпохи цивилизации. Вот подлинные слова Энгельса: «Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостное право в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации...» (Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 232—233. Партиздат. 1937).

С первого взгляда может показаться, что тут нет ничего нового, что это — обычное деление истории человечества на три периода: древний, средневековый и нового времени. Энгельс не отвергает этого обычного деления, но заполняет его новым содержанием. Он указывает на основной признак, положенный в основу этой периодизации. Этот признак — способ производства. В основе производства древнего мира лежит труд раба, основой производства средневекового общества является труд крепостного крестьянина, и, наконец, способ производства в новое время характеризуется эксплуатацией наемного рабочего. До эпохи цивилизации существовало бесклассовое, родовое общество, где,

как правило, еще не было эксплуатации человека человеком.

Энгельс говорит о господстве, о преобладании того или иного способа производства; он нигде не отрицает возможности и даже неизбежности наличия, например, свободного наемного труда не только в средневековом, феодальном обществе, но даже и в рабовладельческом, или наличия рабов в феодальном и даже капиталистическом обществе (например в Америке).

Эта периодизация была принята и Лениным.

В лекции «О государстве» Ленин подчеркивал свою полную солидарность с мыслями, высказанными Энгельсом в только что приведенной нами цитате.

Вот подлинные слова Ленина. «Я надеюсь, — обращается он к слушателям, — что по вопросу о государстве вы ознакомитесь с сочинением Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Это — одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала» (Ленин. Т. XXIV, стр. 364).

Привожу этот текст для того, чтобы показать, что Владимир Ильич Ленин не собирался отвергать самый основной вывод Энгельса и что выхватывать отдельные слова из контекста лекции Ленина, чтобы доказать противное, — это явно порочный способ истолкования его мыслей.

Эти мысли совершенно ясны.

В своей лекции «О государстве» Ленин неоднократно пользуется терминами: «эпоха рабства» (там же, стр. 370), «рабовладельческая эпоха» (там же), «времена рабовладельческие» (там же, стр. 369). А что под этими терминами подразумевал Владимир Ильич, — это ясно хотя бы из следующего его замечания: «Во времена рабовладельческие в странах наиболее передовых, культурных и цивилизованных по-тогдашнему, например, в древней Греции и Риме, которые целиком покоились на рабстве, мы имеем уже разнообразные формы государства» (там же, стр. 369). Стало быть, по Ленину, времена рабовладельческие — это древний мир, древняя история. Никаких в этом сомнений быть не может. Он сам говорит: «рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад» (там же, стр. 366). Далее, Ленин говорит: «...каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий...» (там же, стр. 367—368). Абсолютно никакого расхождения с Энгельсом у Ленина нет.

Переходу теперь к IV главе «Краткого курса истории ВКП(б)». Здесь мы читаем:

«На протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя..., а в восточной части Европы, в СССР сменились даже четыре общественных строя» («История ВКП(б)», стр. 113). Дальше совершенно ясно сказано: «Истории (конечно, как увидим сейчас, истории человечества, а не каждого отдельного общества.— Б. Г.) известны пять основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический» (там же, стр. 119). Слово «основных» подчеркнуто не случайно, потому что предполагаются и не основные, а переходные типы производственных отношений; об этом говорится совершенно четко на стр. 115: «...они (производственные отношения.— Б. Г.) могут быть... переходными отношениями от одной формы производственных отношений к другой форме». И дальше идут два характерных обобщения: «Вот схематическая картина развития производительных сил от древних времен до наших дней» (там же, стр. 118); «Такова картина развития производственных отношений людей на протяжении истории человечества» (там же, стр. 122).

Таким образом, «Краткий курс истории ВКП(б)» нисколько не расходится ни с Энгельсом, ни с Лениным. И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и национально-колониальный вопрос», рассматривая состояние общества в Туркестане, в некоторых частях Азербайджана и Дагестана, у горцев, татар, башкир и ряда других народов, указывает на то, что эти общества не успели пройти капиталистического строя, и называет формы их общественного строя, в зависимости от степени развития этих обществ, то патриархально-родовыми, то полупатриархальными, полуфеодальными. Товарищ Сталин при этом подчеркивает, что эти народы были вовлечены в общее русло советского развития, минуя капитализм, а некоторые — и феодализм.

Известно, что и Америка, например, миновала феодализм, что очень многие народы нашего Севера не переживали капитализма, а если знали феодальные отношения, то только в зачаточной форме.

Все это убеждает нас в том, что теория неизбежности переживания каждым обществом всех известных человеческой истории форм общественного строя не находит подтверждения у основоположников марксизма, на которых сторонники этой теории пытаются опереться.

Маркс на вопрос Веры Засулич о дальнейших судьбах русской общины после

очень внимательного изучения вопроса ответил, что все зависит от исторической среды, в какой развивается русская община. Вот об этом — об исторических условиях, в которых развивается то или иное общество — забывают сторонники разбираемой нами теории.

Стало быть, принципиальные позиции главных редакций «Всеобщей истории» и «Истории СССР» ни в какой мере не заслуживают упрека в неправильном понимании самого духа марксистской периодизации истории. И в конкретном случае, вызвавшем особенно ожесточенную атаку противника, в вопросе о Киевском государстве, нам думается, Институту истории есть чем защищаться.

Если ставить вопрос во всей его остроте, то он сведется к тому, куда относить Киевскую Русь: к древнему миру (к этому времени, кстати, уже давно исчезнувшему) или к средневековью. Если к средневековью, то возникает вопрос: что же было в Восточной Европе до средневековья? Была ли здесь своя древняя история в марксистском понимании этого термина, то есть древняя рабовладельческая эпоха цивилизации? Для того чтобы убедительно ответить на эти вопросы, исходя не только из теоретических соображений, но и из конкретного материала, необходимо изучить структуру древнерусского общества, определить историческую среду, в которой это общество развивалось, — иначе говоря, определить место Киевского государства в общеевропейском историческом процессе.

2

Киевское государство — самое крупное из всех славянских государств — возникло, конечно, не вдруг: оно появилось в результате длительного и сложного развития славянства в целом, в частности той группы славян, которые нам известны под собирательным термином восточных славян.

Но история славян — это только часть истории Европы. Славян, как и всякий другой народ, нельзя изучать изолированно от той среды, в которой протекала их история. И, прежде всего, нельзя отрывать славян от их непосредственных соседей: с одной стороны, от германцев, с другой — от тех народов, которые до появления на сцену германцев и славян давно уже жили интенсивной общественно-политической жизнью.

Мы сейчас убедимся, что судьбы древних славян совершенно аналогичны судьбам древних германцев и что жизнь этих двух народов в интересующий нас период протекала в сходных исторических условиях.

И германцы и славяне, по римской терминологии, усвоенной и нашей современной наукой, в первые века нашей эры были «варварами». Эти «варвары» на рубеже древней и средневековой истории столкнулись с мировой Римской державой. Это было столкновение двух миров, двух систем: одной — рабовладельческой, внутренне разлагавшейся, другой — молодой, имевшей все возможности для дальнейшего роста. Победили варвары. Они не только разгромили старый мир: они создали новый. По выражению Энгельса, они «вновь оживили Европу», «вдохнули новую жизненную силу умиравшей Европе...» (Ф. Энгельс «Происхождению семьи...», стр. 205).

В чем же была сила этих варваров? Что, собственно, они сделали?

На этот вопрос Энгельс относительно германцев отвечает так: «...омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй» (там же). Они, германцы, продолжает дальше Энгельс, «сумели сбросить в феодальном государстве осколок настоящего родового строя в форме сельских общин (марка) и тем самым дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную исключенность и средство к сопротивлению, каких в готовом виде не нашли ни древние рабы, ни современные пролетарии...» (там же, стр. 206). Варвары развили и сделали господствующей уже существовавшую на их родине более мягкую чем рабство крепостническую форму зависимости, форму «стоящую... высоко над рабством» (там же), благодаря чему Европа смогла сделать огромный шаг вперед. И это несмотря на то что варварский строй жизни был в общем значительно примитивнее цивилизованного рабовладельческого римского общества!

Эпоха рабства окончилась. Наступило средневековье. Что же делал в это время самый многочисленный из европейских народов — народ славянский? Что он представлял тогда собой? Какова была его роль в этот период истории Европы?

Если мы хотим знать мнение по этому вопросу Маркса, то мы можем сослаться на его слова: «В древней русской общине все абсолютно до малейших деталей тождественно с первобытной германской общиной». Иначе говоря, по мысли Маркса, варвары-славяне в своих общественных отношениях тождественны варварам-германцам.

Известны и соображения Энгельса, специально относящиеся к древним славянам. В «Диалектике природы» Энгельс о древ-

нем рабовладельческом мире говорит, что это была узкая территория, расположенная вдоль средиземноморских берегов, а потому она «могла быть разорвана и смята немцами и славянами с севера и арабами с юго-востока».

Говоря о победоносном наступлении германцев на Западную Римскую империю, которое остановилось лишь с завоеванием Италии лангобардами в 568 году, Энгельс прибавляет, что это наступление «принесено», поскольку речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 344).

Между участием германцев и славян в наступлении варваров на умирающий античный мир проведена здесь полная аналогия.

Такова марксистская точка зрения на роль славян в период раннего средневековья. Сторонники цикличности исторического процесса, желающие опереться на авторитет Маркса и Энгельса, должны серьезно задуматься.

Правда, ни Маркс, ни Энгельс не занимались специально древней историей славян. Наша задача — создать эту историю. И мы задачу эту должны выполнить и выполним.

Кое-что в этом направлении уже сделано.

3

Наши историки уже ставили перед собой вопрос о том, знала ли Восточная Европа рабовладельческие общества, или, иначе говоря, переживала ли Восточная Европа период древней истории, и если да, то какие именно ее народы.

На этот вопрос ответить было нетрудно, так как факты, имеющиеся в нашем распоряжении, подсказывают нам утвердительный ответ.

Древнейшее восточноевропейское государство, часть территории которого сейчас входит в состав Советского Союза, — Ванское государство халдов, или, иначе, Урарту (XI—VI века до нашей эры), — было государством рабовладельческим (см. В. В. Струве «Урарту — древнейшее государство на территории СССР». «Ученые записки ЛГУ» № 19). Все Причерноморье, уже в VI веке до нашей эры усеянное греческими колониями, тоже знало рабовладельческий строй. Одна из этих греческих колоний, Пантикапей, в IV веке до нашей эры стала центром большого Боспорского государства, в состав которого входили часть Крыма, Приазовье и пространства до Кубани и Дона. Во II веке до нашей эры это Боспорское государство

стало частью Римской державы. Царство Боспорское, существовавшее немногим меньше тысячи лет, было рабовладельческим. Некоторые кавказские государства в период римского владычества на Кавказе тоже были рабовладельческими.

Итак, в истории нашей страны был древний рабовладельческий период. В то время когда в древних рабовладельческих государствах, расположенных на юге нашей страны, развивалась культура, остатки которой мы сейчас изучаем по письменным памятникам и по многочисленным археологическим раскопкам, к северу от этих государств частью кочевали, частью переходили к оседлости варвары: скифы, сарматы, славяне и др., — в значительной своей части переживавшие тогда родовую строй.

В Западной Римской империи приблизительно с III века до нашей эры начинается весьма заметный кризис рабовладельческого хозяйства, сопровождающийся энергичным натиском варваров-германцев. В Восточной Римской империи мы можем наблюдать тот же процесс, но только протекающий с некоторым запозданием.

Начало изучению этого важного исторического явления положили академик С. А. Жебелев и его ученики — сотрудники сектора древней истории Института истории Академии наук СССР.

Я имею в виду прежде всего работу С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» («Вестник древней истории» № 3 (4) за 1938 год). Надпись на камне, открытая еще в 1878 году во время раскопок в Херсонесе Таврическом, уже давно прочно вошла в научный обиход как ценнейший источник по древней истории юга нашей страны и была много раз обследована с разных сторон европейскими специалистами. Но никому из них не бросилось в глаза едва ли не самое важное, что имеется в этом документе, на что обратил внимание С. А. Жебелев. К северу от Черного моря в то время существовали рядом два мира: один — дряхлевающий, уходящий в прошлое — рабовладельческий, другой — громко заявлявший о своем рождении — варварский, родовой, общинный. Столкновение между этими мирами стало неизбежным, и С. А. Жебелев первый заметил этот важнейший переходный момент в нашей истории, начало конца древней истории в нашей стране.

С. А. Жебелев отмечает (пользуясь его собственными словами), что «увядание Боспорского государства шло постепенно и вызвано оно было не только внутренними причинами экономического и политического характера, но и причинами внешними — напором варваров». Эти варвары — скифы, — до сих пор угнетавшиеся соседними рабо-

владельческими государствами, настолько окрепли, что смогли в Крыму создать свое собственное государство и повели борьбу со своими угнетателями. Они сначала заняли Ольвию, потом — Херсонес и, наконец, обрушились на Боспорское государство. Боспорский царь Перисад вынужден был отказаться от власти и отдаться под защиту Понтийского рабовладельческого государства.

В том же документе С. А. Жебелеву удалось пайти сообщение о восстании рабов в Боспорском царстве. Этот факт ясно говорит о характере классовой борьбы в Боспорском государстве и о начавшемся здесь кризисе рабовладельческого строя.

Восставшие имели большой, хотя и кратковременный успех. Им удалось послать даже своего вождя в боспорские царя. Соседний понтийский царь Митридат Евпатор круто расправился с восставшими. Но когда перед ним возникла задача — спасти свое государство от наступления Рима, — то и этот умиритель скифов понял, что спасти его самого и его государство могут лишь варвары. Города-полисы Причерноморья один за другим спешили изменить своему нечаянному защитнику и переходили на сторону рабовладельческого Рима. Не случайно Митридат Евпатор отпускал на волю рабов: он связал свою политику с теми, за кем было историческое будущее. Если же эта политика, тем не менее, не дала ожидаемых результатов, то это объясняется тем, что варвары тогда еще не были в состоянии противостоять античным рабовладельцам.

Колесо истории, во всяком случае, и здесь повернулось в сторону варварского мира, способного вдохнуть новую жизнь в умиравшую античность.

Исследования С. А. Жебелева показали, в какой сложной обстановке жили рабовладельческие государства на юге нашей страны. Они были окружены враждебными варварскими племенами, у которых искали поддержки восставшие рабы.

В том же направлении, уточняя и расширяя изучение этих важнейших процессов, идут работы и учеников С. А. Жебелева.

В одной из таких работ приведены интересные факты. («Вестник древней истории» № 2 (3) за 1938 год, стр. 283). Аппиан неоднократно упоминает о том, что Митридат заключал союзы с варварами, которые во все время борьбы Понтийского царства с Римом оставались верными союзниками понтийского царя.

В этой борьбе соотношение сил было ясно: рабовладельческие города-полисы становились на сторону Рима, варвары вместе с Митридатом шли против рабовладельческих государств.

Славян тут мы еще не видим: в источниках фигурируют скифы. Но нам известно, что скифы — собирательное имя многих варварских народов, живших на юге нашей страны. Не случайно преки еще долго продолжали называть по-старому Киевскую Русь Скифией, или Тавро-Скифией, оговариваясь иногда, что эти тавро-скифы сами себя называют Русью.

Во втором томе «Истории СССР» (макет), в главе V, написанной М. В. Левченко, ясно показана борьба Византии со славянством. Левченко устанавливает в истории этой борьбы два периода: до начала VII века нашей эры Восточная Римская империя еще сопротивляется, хотя и не всегда успешно, славянскому вторжению на Балканский полуостров. В 602 году, с воцарением Фоки, варвары торжествуют окончательно. Левченко находит полную аналогию в приемах и средствах борьбы Западной Римской империи и Византии с варварами: Византия сначала действует оружием, затем, вынужденная идти на соглашение с варварами, включает их в качестве федератов в свои войска и предоставляет им свою территорию. Славяне крепнут. Иоанн Эфесский, современник этих событий, под 583 годом отмечает: «Будучи весьма мало вооружены, 2—3 метательными копьями, славяне взяли много укрепленных городов на своем пути, обосновались на захваченной территории, сжились на новых местах, владеют большими стадами, стали богаты, имеют золото и серебро, обзавелись оружием, которым научились владеть лучше чем римляне».

В 602 году в Византии происходит восстание армии, участвовавшей в борьбе со славянами. Это восстание самым очевидным образом знаменует внутренний кризис умирающего рабовладельческого общества Византийской империи.

Римский мир с его античным рабством попал в безысходный тупик. Это было время умирания рабовладельческого строя и рождения нового общества. Рабство, по выражению Энгельса, «уже не могло», а труд свободных «еще не мог сделаться основной формой общественного производства. Вывести из этого положения могла только коренная революция» (Ф. Энгельс «Происхождение семьи...», стр. 198). Она началась с систематических восстаний рабов. Параллельно шло победоносное наступление варваров. Западная Римская империя была опрокинута.

Если Восточная Римская империя (Византия) не пережила этой катастрофы, то только благодаря тому, что она под натиском варваров внутренне переродилась. Византийский земледельческий закон, памятник VIII века, приводит нас к выводу, что в византийской деревне победил кре-

стьянин, организованный в общину. Византия варваризировалась и стала жить по-новому. Варвары и здесь, в изменении византийского общественного строя, сыграли решающую роль.

В нескольких номерах периодического органа Института истории, «Вестника древней истории», помещен ряд специальных статей, посвященных этому предмету.

Все они сходятся на одной основной мысли:

«Если рабство у древних славян не получило широкого развития, то это как раз произошло в связи со столкновением славян с рабовладельческой империей на Востоке». В самой империи в это время рабовладельческий строй «уже становился пройденным этапом, а население империи, благодаря славянам, их общинному строю, вступило на путь феодального развития более ускоренным темпом». Так формулирует эту мысль редактор журнала профессор А. В. Мишулин в статье «Древние славяне и судьбы Восточноримской империи» («Вестник древней истории» № 1 за 1939 год, стр. 306).

Те же процессы отмечают наши историки и на юговостоке Византийской империи.

В только что защищенной докторской диссертации Н. В. Пигулевской «Сирийская хроника Ешу Стилита» очень убедительно показано разложение рабовладельческого строя в Сирии и Верхней Месопотамии, протекавшее накануне вторжения арабов. И здесь рабовладельческий древний мир пошел вследствие внутреннего разложения и под натиском варваров (арабов), после чего и тут наступил средневековый, феодальный период истории.

4

Как раз в это время, в V—VIII веках, на территории Римской империи Восточной и Западной, происходило образование варварских государств. Германские государства возникли несколько раньше славянских, но образование и тех и других есть результат одного и того же процесса.

От VI—VII вв. мы имеем первые глухие сведения и о славянских государствах или полугосударствах: в начале VII века о Чехии, в середине VII века о Болгарии и о Сербии. К этому же времени относятся, по сообщениям арабов, возникновение в Западной Украине (в Прикарпатье) первого восточнославянского крупного политического объединения. Об этом говорит вполне заслуживающий доверия Масуди в своих «Золотых лугах». Он рассказывает, что восточнославянское племя вольнян образовало политический союз, во главе которого стоял царь Малжак. Этому царю повиновались другие славянские племена. Потом по-

шли внутри этого царства раздоры, и оно распалось. Наша «Повесть временных лет», повидимому, имеет в виду этот факт в рассказе о том, что на вольнян-дулебов напали авары, те самые авары, с которыми в это время сталкивались и другие народы Европы. Уже в свое время Блючевский обратил серьезное внимание на это сообщение.

«Итак, — пишет он, — мы застаем у восточных славян на Карпатах в VI веке большой военный союз под предводительством князя дулебов». «Этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она... началась в VI веке на самом краю, в югозападном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат» (Проф. В. Блючевский «Курс русской истории». Т. I, стр. 104. Соцэкгиз. 1937). Если нет оснований считать этот факт «началом» нашей истории, то справедливость требует признать, что это очень важный момент в общественно-политической жизни восточного славянства.

Нужно отметить, что до сих пор наши историки мало считались с этим фактом. Они проходили мимо него с некоторого рода равнодушием по той причине, что он стоял в стороне от издавна глубоко усвоенного и ставшего научной привычкой представления о ходе русской истории, начинающейся якобы с Рюрика. Совсем иное место занимает первое восточнославянское полугосударство в современном понимании истории нашей страны.

VI — VII века — это время окончательной победы варваров-славян над разрушавшимся рабовладельческим миром Восточной Европы. Если бы сообщение об образовании восточнославянского примитивного, варварского государства или полугосударства даже до нас и не дошло, то и тогда мы вправе были бы допустить в свете научной гипотезы его существование. Иначе нам невозможно было бы ответить на вопросы, что же делали восточные славяне, наиболее многочисленные и могущественные из славян, по единодушному признанию Иордана и Прокопия, до сих пор выступавшие совместно с другими славянами в борьбе с Византией, когда все другие ветви славянства уже успели заявить о своем государственном существовании.

Восточные славяне не представляют какого-либо исключения среди славянских племен. Течение их общественно-политической жизни синхронно с жизнью других частей славянства. Проявления общественной жизни славян аналогичны формам политического бытия других варварских народов, частично утвердившихся на территории древних обществ и тем самым начавших новый, великий период истории Евро-

пы — средневековый, феодальный. Здесь уже не рабы являются основой производства, а свободные крестьяне-общинники: равноправные члены франкской общины, члены жупы, или задруги, у южных славян или чехов, члены верви, или мира нашей «Русской правды», члены «ополе» у поляков. Нужно, впрочем, подчеркнуть, что строгое различие в названиях установилось несколько позднее. В более раннюю пору существования славянства эта терминология, повидимому, не была устойчивой: жупа была известна у поляков и у сербов, вервь — у восточных и южных славян и т. д. Но дело, конечно, не в словах, а в их значении. А содержание понятия общины решительно одинаково у всех славян и германцев. Итак, свободный член общины — основа производства всех варварских европейских средневековых обществ.

Процесс классового расслоения тоже в основном одинаков в германских и славянских общинах. С появлением имущественного неравенства и с ростом частной собственности на землю (поскольку и славяне и германцы — прежде всего земледельцы) выделяются из общины богатые землевладельцы. Они распрямляют свои земельные владения и принуждают своих свободных соседей по общине работать на них. Свободные общинники, вынужденные работать на землевладельцев, попадают в положение, близкое к положению патриархальных рабов.

Так начинается процесс феодализации варварских обществ. Государство возникло до полного оформления общественных феодальных отношений. И перед учеными, занимающимися изучением средневековой истории, встал естественный вопрос о социальной природе варварских государств дофеодального периода.

5

Какие классы существуют в дофеодальных варварских государствах? Каковы взаимоотношения между этими классами?

Здесь нам необходимо вспомнить о существовании, кроме основных общественных форм, известных человечеству, и переходных форм.

И. В. Сталин называет переходные государства Кавказа и прилегающих к нему с севера земель полупатриархальными, полуфеодальными. Пельзя иначе характеризовать и дофеодальный период Киевского государства. Это — государство, в котором очень заметно и успешно изживаются остатки патриархального строя и столь же явно растут элементы феодализма. Это положение надо обосновать фактами, которые, к счастью для нашей науки, имеются, хотя и в очень небольшом количестве.

Документов, вышедших до нас от этого периода, очень немного, но все они перво-классного достоинства. Это случайные осколки значительных рукописных и вещественных сокровищ, уцелевшие после многократных разрушений Киева и уничтожения его культурных ценностей.

Долго, едва ли не целое столетие, шел в нашей науке спор о родовом и общинном строе древней Руси. Этот спор разрешился только тогда, когда на конкретном материале с полной убедительностью выяснилось, что это две ступени в развитии одного и того же общественного явления. Сейчас было бы положительно дико слышать мнение о том, что русская община XIX — XX веков родилась только в XVII веке, что средневековая Русь ее не знала.

Стоит развернуть «Русскую правду», ее древнейшую часть, уходящую своими корнями в глубокую старину, и мы встретимся здесь с общиной под названием «мир», очень популярным у нас на Руси и в более позднее время. «Аще поимет кто чюжь конь, либо оружье, либо порт, а познает в своем миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду» («Русская правда». Акад. сп., стр. 12). Мир этот, как явно следует из текста источника, имеет определенные границы, которые и учитываются при разыскании пропавшей вещи. Тот, кто ищет свою пропавшую вещь, в данном случае повинному «муж», сам связан с этим «миром», иначе закон не употреблял бы по отношению к нему выражения «в своем миру», то есть в миру того, кто ищет пропавшую вещь. Муж — самая популярная фигура в древнейшей «Русской правде». Его интересы она прежде всего и защищает. Из древнейшего текста «Русской правды» можно вывести заключение, что мужи владеют челядью, то есть эксплуатируют труд непосредственных производителей, рабов и нерабов, что у мужей есть недвижимость. Мужья не разрывают своих связей с мирами, из которых они, надо думать, происходят. Мир — не родовая община, а община сельская, территориальная, соответствующая франкской марке. В «Правдах» «Ярославичей» и «Пространной» мир известен под другим, южным названием — «вервь». Тут устройство общины обрисовано еще ярче и полнее. Частная собственность на землю уже есть. Есть крупное барское имение. Но это — время уже более позднее. Это уже XI век, когда феодальные отношения на Руси очевидны. Для характеристики более раннего периода эти данные позволяют сделать вывод, что необходимо было немалое время для создания тех отношений, которые в XI веке перед нами налично. Община несмотря на свою внутреннюю эволюцию (замена родовых связей хозяйственными и появле-

ние частной собственности) в течение всего средневековья продолжает жить и защищать своих членов (правда, не всегда с одинаковым успехом) от обнищания и от систематического наступления крупных землевладельцев.

Если мы хотим представить себе общественную структуру восточного славянства этого дофеодального периода во всей ее полноте, мы не должны забывать о существовании этих относительно устойчивых крестьянских миров. Русский народ в это время — это совокупность мелких сельских общин, экономические связи между которыми очень незначительны. Если говорить об этих экономических связях, то надо подчеркнуть, что они поддерживались городами с их ремеслами и торговлей. Но города Киевской Руси в этот период в большинстве своем не настолько обособлялись от деревни, чтобы поставить крестьянское население в сколько-нибудь значительную экономическую зависимость от них.

Условием дальнейшего существования народа как этнического целого становится в это время государственная власть. Она выросла из родового строя, окрепла в военных предприятиях, возглавляемых вождями. Военачальник уже превратился в князя. Родственники вождя и его боевые товарищи, составляющие его дружину, положили начало новой, уже не патриархальной знати, рядом с которой, однако, продолжала существовать и знать, непосредственно выросшая из родового строя. Это «старцы градекие», «бояре земские». Дружины имеются не только у князей, но и у бояр.

Договоры с греками показывают нам бояр, заключающих вместе с князьями договоры, посылающих в Византию корабли со своими уполномоченными, «слами». Эти «слы» имеют золотые печати, которыми они пользуются для удостоверения торговых, а может быть, и не только торговых сделок.

В договорах называются и купцы. Они стоят рангом ниже бояр. Не они посылают в Византию корабли, а их самих на кораблях посылают князья и бояре. «А великий князь Руский и бояре его да посылают в преки к великим царям Греческим корабли, елико хотятъ со слы и с гостями, якоже им установлены». И дальше: «Иже посылаемы бывають от них (князей и бояр. — Б. Г.) слы и гости» («Договор с греками» 945 года).

Купцы («гости») носят с собой уже не золотые, а серебряные печати.

Несмотря на низшее по сравнению с боярами положение в обществе купечества мы должны причислить к привилегированным слоям киевского общества и купцов. Нельзя забывать о том, что из среды общин-

ного крестьянства при условии наличия имущественного неравенства и частной собственности на землю выделялись разбогатевшие люди, в свою очередь пополнявшие ряды формирующегося господствующего класса.

Дальнейшее преуспевание этого класса, материальное и политическое, было обеспечено, поскольку в его руках уже тогда находилась власть. Это подтверждается многочисленными фактами.

Наши летописи, договоры с греками, иноземные источники о средневековой Руси говорят нам о том, что знать, окружавшая князей, не была политически пассивной: она участвовала в заключении договоров с греками, она ездилась вместе с княгиней Ольгой в Константинополь, с нею советовались князья обо всех важных вопросах внутренней и внешней политики. Но все же князь стоял во главе этой аристократии. Греки в своих договорах с Русью прежде всего имели дело с русским князем. Русский князь, по данным договоров, разрешает недоразумения, которые могут возникнуть между обоими государствами. Он запрещает русским людям, приезжающим в Грецию, «творить бесчиния» в греческой стране, он просит помощи у греческих царей, когда в этом оказывается необходимость, он же обязывается в свою очередь, помогать Византии военной силой, он гарантирует неприкосновенность греческих владений, соприкасающихся с русскими владениями, обещает нерушимо хранить условия договора «дондеже солнце сияет и весь мир стоит» («Договор с греками» 945 года). В договоре подчеркивалась непрерывность княжеской власти: договор оставался в силе и при преемниках заключившего его князя.

Княжеская власть — не власть вооруженного народа. Это не военная демократия времен Прокония и Маврикия. Это власть, уже оторванная от народной массы, стоящая над нею и часто ей противопоставляемая. Это — уже государство.

На какие же средства живет господствующий класс в этом государстве? Князья, окружающая их знать, дружины княжеские и боярские, несомненно, были очень рано связаны с землей. Едва ли можно сомневаться в том, что все эти люди из господствующего класса ели хлеб не покупной, а добытый на их земле их собственной челядью, что они ели не один хлеб, а и говядину, и баранину, и домашнюю птицу тоже из собственных хозяйств, запивали еду пивом, тоже не привозным из-за границы. Это несомненно. Но богатели они все-таки не от своего сельского хозяйства. Владимир Святой имел основание сказать: «Дружиною налему серебро и злато, яко же дед мой и отец мой доискалися дружи-

ною злата и серебра» («Лаврентьевская летопись под 996 годом»). И деда и отца Владимира мы хорошо знаем. Это Святослав и Игорь. Они с дружиной действительно добыли много ценностей. Игорь даже поплатился жизнью за свою чрезмерную алчность. Брали, конечно, не только серебро и золото, но и все то, что легко было на византийских рынках превратить в золото и серебро.

Ценности поступали к князьям и их дружине не только в виде военной добычи, но и путем взимания узаконенной государством дани.

Эту дань собирали, конечно, прежде всего князья. Но и не только они. Нам хорошо известен факт предоставления права сбора дани боярам, и мы имеем прекрасный тому пример в лице Свенельда, «мужа» (дружинника) князя Игоря, а потом Святослава. «И примучи (Игорь.— Б. Г.) Угличи и возложи на ня дань и власт Свенельду; и дасть же дань доревьску Свенельду; и имаше по черне куне от дыма». Дружина Игоря находила, что для одного мужа это слишком обильная дань: «Реша дружина Игорев: «и дал еси единому мужеву много». Очевидно, князья давали право собирать дань и другим мужам своих дружин.

Из повеления Игоря видно, что несмотря на наличие единиц обложения и установление норм сбора «по белке¹ и веверице² от дыма», «по черне куне»³ «по шьягу»⁴ «от Новгорода гривен 300 на лето» размеры дани в это время иногда определялись аппетитом сборщика и терпением плательщиков. Этот порядок в середине X века был изменен: размеры дани и ее сбор были уточнены и урегулированы.

В способах обложения не было единообразия: на Новгородскую землю накладывалась общая сумма в явном предположении, что сами новгородцы будут разверстывать эту сумму согласно установившимся у них обычаям; на радимичах оставлена была та самая дань, какую они платили хозарам, пока радимичи находились под их властью («...и влаша Ольгови по шьягу, якоже и хозаром даяху»); на северянах дань по сравнению с той, какую они платили хозарам, была облегчена («возложи (Олег.— Б. Г.) на нь дань легку»), повидному, за то, что они не противились подчинению власти Олега, Олег при наложении на них облегченной дани якобы сказал: «Аз ем (т. е. хозарам.— Б. Г.) противен (враждебен.— Б. Г.), а вам не чему» («Лаврентьевская летопись под 884 год»).

В середине X века княгиня Ольга произвела серьезную реформу в деле обложения.

¹ Либо мех либо серебряная монета.

² Белка.

³ Куница.

⁴ Монета.

Под 946 и 947 годами в Лаврентьевской летописи записано важное сообщение по этому предмету: «И иде Вольга по Деревстей земли с сыном своим и дружиною, уставяюще уставы и уроки, и суть становища ея и ловища». «В лето 6455 (947.—Б. Г.) иде Вольга Повугороду и уставы по Мсте погосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знаменья и места и погосты и сани ея стоять в Плескове и по сего дне и по Днепру прувесища и по Лесне, и есть село ея Ольжичи и досело». Перед нами запись, свидетельствующая о серьезных мерах, принятых правительством княгини Ольги едва ли не по всей территории Киевского государства. Это — «установление», идущее от государства. Мы имеем и другие аналогичные факты этого же периода. Дети Ярослава «уставили» «Русскую правду», то есть создали новый закон, сам Ярослав ездил по Ростово-Суздальской земле и «устави ту землю». «Уставы» эти касались, конечно, прежде всего обязанности населения по отношению к власти. А о княгине Ольге прямо сказано, что она уставяла «уставы и уроки», «оброки», «дани», «становища», «погосты». Несомненно, что главное внимание Ольги было обращено на упорядочение взимания дани и оброков. Она определяла и пункты сбора этих платежей — становища и погосты. Одновременно с этим княгиня Ольга осваивала отдельные места, превращала их в княжескую вотчину. В погостах и становищах, несомненно, были представители княжеской власти, подобно известному нам Свенельду.

Получали ли землю представители власти на местах в то время, мы сказать не можем за отсутствием данных. Однако факты XI века позволяют предполагать раздачу земли и в более раннее время. Очень любопытный намек имеется в житии Феодосия Печерского, писанном Нестором. Речь идет о начале XI века (в 1032 году Феодосий уже построился в Печерском монастыре). Отец Феодосия, повидимому, служил князю Ярославу и переведен был князем из города Василева в Курск («Бысть же родители блаженного переселитя в ин град, глаголемый Курск, князю тако повелевшу» (Петерик Киево-Печерского монастыря изд. 1911 года, стр. 16)). На новом месте у родителей Феодосия оказалось имение. Купили ли они его здесь, или же князь, по распоряжению которого переехал сюда отец Феодосия, дал ему эту землю на новом месте, мы не знаем, но возможность пожалования (бенефиций) не исключается.

Сын землевладельца средней руки, Феодосий служит при дворе курского вельможи. Вельможа этот, несомненно, тоже был землевладельцем. Эти предположения под-

тверждаются известными нам фактами княжеского землевладения в X веке и «Правдой Ярославичей» середины XI века. В этой «Правде» крупное княжеское землевладение уже фигурирует как явление совершенно обычное.

Первое документально засвидетельствованное пожалование земли церкви относится к середине XI века, но рассказано об этом факте как о явлении, совсем не новом, а обычном в Киевской Руси. Речь идет о Киево-Печерском монастыре. Монахи сначала жили в пещерах, под землей. Потом (когда именно, неизвестно, но, во всяком случае, при жизни Антония и до бегства из Киева князя Изяслава; Антоний умер в начале 70-х годов XI века, Изяслав бежал в 1068, а вторично был изгнан братьями в 1073 году) помыслили монахи постройиться на земле, для чего понадобилось княжеское пожалование. Антоний «посла единого от братье ко Изяславу князю река тако: княже мой! Се бог умножает братью, а местице мало, дабы ны дал гору ту, яже есть над пещерою. Изяслав же слышав и рад бысть, посла муж свой и вда им гору ту» («Лаврентьевская летопись под 1051 год»).

Очевидно, Антоний прекрасно знал, что без княжеского пожалования нельзя строиться на берегу Днепра. Князь охотно удовлетворяет просьбу монахов и посылает своего «мужа» для отвода земли и формального ее закрепления за монастырем. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что это не первый случай пожалования земли властью, что к XI веку успели сложиться определенные правила оформления подобного рода сделок.

Нет ничего невероятного в том, что земельные пожалования церкви были уже при Владимире I Святославиче. Это доказывает с достаточной убедительностью Горчаков в своем специальном труде «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988—1738 годов)» (Изд. 1871 года, стр. 46—47.)

В безукоризненно чистом виде княжеское пожалование земли монастырю засвидетельствовано в грамоте князя Мстислава Повгородскому Юрьеву монастырю в 1130 году. Князь Мстислав отдает монастырю населенную землю под названием Буйпы «с данию и с вирами и с пролажами». Дарение на вечные времена, что и оговаривается в грамоте: «...который князь по моему княжению почнет хотети отъяти у св. Георгия, а Бог буи за тем и св. Богородица; и ты игумене Исаие, и вы, братие, донеле же ся мир се стоит, молити Бога за мя и за мои дети» (обычная формула вечного вклада в монастырь). (В л а д и м и р-

ский и Буданов «Хрестоматия». Изд. 1899 года. Вып. 1-й, стр. 131—132).

Какое значение имел этот вклад для монастыря?

До 1130 года крестьяне селения Буйцы платили князю дань и вносили все другие платежи, предусмотренные «Русской правдой». Князь на эти доходы содержал свой двор, тратил их на нужды государства. Сейчас эти дани и все другие платежи будет получать монастырь «донеле же мир стоит». Дань совершенно явно превратилась в земельную докапиталистическую ренту. Монастырь будет жить за счет крестьянского труда.

Документ, нами рассмотренный, относится к началу XII века, когда феодальные отношения в Киевском государстве были уже несомненны. Но мы имели случай убедиться, что практика «пожалования» земли начала складываться гораздо раньше.

Однако несмотря на совершенно очевидный рост крупного землевладения оно в дофеодальный период истории Киевского государства далеко не было столь распространенным, как позднее. На огромной территории, занятой крестьянскими мирами, крупные поместья были отдельными островками. Основным производителем оставался попрежнему свободный крестьянин, несмотря на то что процесс его закрепощения уже начался. Внутри княжеской, боярской и церковной вотчины труд патриархального раба, несомненно, применялся, но рядом с ним и вытесняя его стоял труд крестьянина, который вследствие экономического и внеэкономического принуждения попадал в зависимость от богатого землевладельца. Первые сведения об эксплуатируемой в вотчине массе мы находим в древнейшей «Русской правде», где эта масса называется челядью. Очень многие русские источники позволяют нам делать заключения о том, что этот термин покрывал собою не только рабов, но и совокупность зависимых от хозяина людей. Характерна в этом отношении терминология древних русских переводов Библии и Евангелия, где название «челядь» ни разу не соответствует ни в греческом, ни в еврейском тексте понятию «раб».

В «Правде Ярославичей» очень полно изображена княжеская вотчина, где работают зависимые по договору люди (рядовичи), крестьяне (смерды) и холопы.

Растущее число вольноотпущенников и стремление законодательным путем сократить количество источников рабства свидетельствуют о постепенном изживании патриархального рабства. Но это уже XI—XII века. В дофеодальном периоде эти факты имеют только то отношение, что они показывают, в каком направлении шло

развитие русского дофеодального общества. Этим приемом «обратного заключения» приходится пользоваться ввиду скудости источников по дофеодальному периоду нашей истории.

Какие же выводы о характере общественных отношений дофеодального периода мы можем сделать из всех наших наблюдений?

Мы видим, что государство в это время уже существовало и что оно пришло вместе с распадом родовых отношений и появлением классов.

Классами этими были, с одной стороны, выросшие из родовых старшин старцы градские, боярство, частью патриархального, частью нового происхождения, высшие слои дружины, княжеской и боярской, сами князья и их родственники и купцы, с другой стороны, — крестьяне-общинники (эта наиболее многочисленная масса народа), обедневшие крестьяне, вынужденные искать пристанища у богатых людей, и, наконец, рабы.

В основе производства все же лежал труд свободного крестьянина-общинника. Рабы обслуживали своим трудом, конечно, не бедняков, а людей богатых.

Высшие слои общества богатели не столько от земли, сколько от дани, сбор которых обеспечивало им государство.

В то же время весьма энергично и заметно росло крупное землевладение за счет общинных земель, и крестьянство начало попадать в зависимость от землевладельцев вследствие как экономического, так и внеэкономического принуждения. Труд патриархального раба медленно, но систематически вытеснялся более производительным трудом зависимого крестьянина.

Этот общественный порядок нельзя назвать рабовладельческим. Но это и не феодальный строй, хотя феодальные отношения в нем заметно растут. Перед нами общество, переходное от патриархального к феодальному строю.

Итак, пересмотр основных позиций, на которых стоят институты Академии наук, занимающиеся изучением истории нашей страны, и основной вывод, полученный в его результате, позволяют с уверенностью определить место славянства в истории Европы, в частности место и роль крупнейшего из славянских средневековых государств — государства Киевского. Этот пересмотр помогает нам понять происхождение высокой культуры этого государства, создавшей основу культур трех братских восточнославянских народов: великорусского, украинского и белорусского. Эти народы жили объединенной жизнью в далеком прошлом, которое мы стремимся познать и, как мне кажется, не совсем без успеха.

Тактическая линия большевиков в первой русской революции

(К 35-летию III съезда РСДРП и книги В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции»)

Начавшаяся в 1905 году буржуазно-демократическая революция в России поставила перед социал-демократией ряд актуальнейших вопросов. Выработка верных тактических решений, как подчеркивал Ленин, имеет гигантское значение для партии, которая стремится руководить пролетариатом в духе принципов марксизма, которая стремится организовать революцию, а не тащиться в хвосте событий.

В обстановке нараставшей народной революции было особенно необходимо выработать правильную тактику — эту составную часть науки о руководстве классовой борьбой пролетариата, выработать правила политического поведения партии, определить характер, направление и способы ее политической деятельности.

Но социал-демократия вследствие раскольнических действий меньшевистских лидеров не была единой партией: она была расколота на две фракции.

Меньшевики вскоре после II съезда РСДРП к своим старым разногласиям с партией по организационным вопросам добавили разногласия по вопросам тактическим. Организационный оппортунизм меньшевиков перерос в тактический оппортунизм. Меньшевики сделали уже не два, а три шага назад и скатились в болото соглашательства. Их тактическая линия в революции 1905 года воскресила ошибки «экономизма» на расширенной основе.

Решения III партийного съезда и меньшевистской конференции обнажили пропасть, разделявшую большевистскую и меньшевистскую линии в революции.

Гениальное обоснование большевистской тактики и классическую критику меньшевистской тактики Ленин дал в своей книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Конспектом этой книги явилась статья Ленина «Третий шаг назад», в которой было кратко показано различие между решениями III съезда партии и женеvской конференции меньшевиков. Подготовительные работы Ленина к книге «Две тактики» опубликованы в V и XVI Ленинских сборниках.

Книга «Две тактики социал-демократии в демократической революции» была написана Лениным вскоре после III съезда партии, в июне—июле, и вышла отдельной брошюрой в Женеве в августе 1905 года. Уже в 1905 году она трижды издавалась: два издания были вымучены ЦК в Женеве и одно издание — Московским комитетом. Эта книга Ленина была предметом особенной ненависти царской цензуры. На нее был наложен арест. Петербургская и московская судебные палаты вынесли решения об ее уничтожении.

Ленин в своей брошюре тщательно рассмотрел тактические резолюции III съезда и меньшевистской конференции, определил отклонения от принципов марксизма в решениях конференции, выяснил конкретные задачи социал-демократического пролетариата в демократической революции.

«Краткий курс истории ВКП(б)» с предельной ясностью раскрывает все богатство идей этой замечательной ленинской книги. Идея гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, признание вооруженного восстания народа важнейшим средством свержения царизма и завоевания демократической республики, план борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую — таковы основные тактические положения, развитые Лениным в этой книге.

1

Тактика большевиков была до конца верной, потому что она опиралась на трезвый анализ обстановки и соотношения классовых сил и исходила из задач, поставленных перед Россией ходом объективно-исторического развития. Применение материалистической диалектики обеспечивало партии правильную оценку положения, правильный прогноз событий.

Из какой оценки сущности революции исходили большевики?

Россия страдала не столько от капитализма, сколько от недостаточного его развития. Назревшие политические и социаль-

не-экономические преобразования призваны были очистить почву для широкого и быстрого развития капитализма. Эти преобразования не только не означали подрыва капитализма и ослабления господства буржуазии: они были вызваны потребностями развития капитализма.

Революция поэтому не выходила из рамок капиталистического строя. Это была революция буржуазная по своему общественно-экономическому содержанию, это был переворот, сметающий остатки старины — крепостничество и монархию. Непосредственными задачами революции были: свержение царского самодержавия, установление демократической республики, конфискация помещичьей земли, установление восьмичасового рабочего дня.

Россия к тому времени стала империалистическим государством. Промышленный подъем 90-х годов в России явился преддверием новой эпохи. Несравненно ускорила концентрация русской промышленности. Такие монополистические объединения, как Сахарный синдикат, Электрический синдикат, «Продамет», «Трубопродажа», Зеркальный синдикат, «Продвагон», «Гвоздь», Цементный синдикат, возникшие в конце 90-х и начале 900-х годов, играли уже значительнейшую роль в экономической жизни страны. К началу революции 1905 года в России наряду с отсталым помещичьим землевладением и огромной массой мелких крестьянских хозяйств существовал передовой промышленный и финансовый капитализм.

Русская революция, будучи обращенной своим острием против крепостничества и абсолютизма, имела общие черты с буржуазными революциями эпохи монополистического капитализма. Но, будучи отделенной от них большим историческим периодом, развернувшись при ином соотношении классовых сил, русская революция не могла механически воспроизводить ход буржуазных революций XVIII—XIX веков.

И прошлые буржуазные революции не знали единообразия. Одни из них заканчивались полным свержением абсолютизма, решительной плебейской расправой с феодализмом, установлением республики (французская буржуазно-демократическая революция 1789 года), другие — ограничением королевской власти, установлением конституционной монархии (германская буржуазная революция 1848 года).

Ленин в статье «Революция типа 1789 или типа 1848 года?», указав на то, что русская революция будет ближе к революции типа 1789 года, при этом сделал существенное замечание: «говорим: типа, чтобы устранить нелепую мысль о возможности повторения безвозвратно минув-

шей социальной, политической и международной ситуации 1789 и 1848 годов» (Ленин п. Т. VII, стр. 181). Анализируя в этой статье конкретно-исторические особенности развития революции в России, Ленин указывает, что русская революция по сравнению со всеми прошлыми буржуазными революциями обладает такими преимуществами, как исключительная революционная активность и организованность пролетариата и сравнительная слабость буржуазии.

Это были те новые черты, те особенности, которые отличали русскую революцию от всех прошлых буржуазных революций.

Товарищ Сталин, указывая на различные исторические условия, в которых происходили революционные перевороты на Западе и в России, писал:

«В то время как революция на Западе разыгралась в условиях мануфактурного периода и неразвитой классовой борьбы, когда пролетариат был слаб и малочислен, не имел своей собственной партии, могущей формулировать его требования, а буржуазия была достаточно революционна для того, чтобы внушить рабочим и крестьянам доверие к себе и вывести их на борьбу с аристократией, — в России, наоборот, революция началась (1905 г.) в условиях машинного периода и развитой классовой борьбы, когда сравнительно многочисленный и сплоченный капитализмом русский пролетариат имел уже ряд боев с буржуазией, имел свою партию, более сплоченную, чем буржуазная, имел свои классовые требования, а русская буржуазия, жившая к тому же заказами от правительства, была достаточно напугана революционностью пролетариата для того, чтобы искать союза с правительством и помещиками против рабочих и крестьян» (И. Сталин «О Ленине», стр. 7. Госполитиздат. 1939).

В прошлом одни революции происходили при политической активности широких народных масс (французская буржуазно-демократическая революция конца XVIII века), другие протекали без участия широких масс народа и были верхушечными (турецкая революция 1908 года, португальская революция 1910 года).

Замечательный по своей ясности анализ отличия революций буржуазных от революций буржуазно-демократических, народных Ленин дал в своей книге «Государство и революция».

«Если взять для примера, — пишет Ленин, — революции XIX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными

экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают. Напротив, русская буржуазная революция 1905—1907 годов, хотя в ней не было таких «блестящих» успехов, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомненно, «действительной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток своих требований, своих попыток по своему построить новое общество, на место разрушаемого старого» (Ленин. Т. XXI, стр. 395—396).

Основное различие между буржуазной и буржуазно-демократической народной революциями заключается в их движущих силах. Активное участие масс в революции со своими самостоятельными интересами, со своими собственными экономическими и политическими требованиями — вот что прежде всего характеризует народную, буржуазно-демократическую революцию. Именно этой чертой революция 1905—1907 годов коренным образом отличается от всех прошлых революций, даже самых демократических.

Революция 1905 года была буржуазной революцией по своим непосредственным задачам, но установление этого факта, без рассмотрения всех других особенностей революции, не позволяло еще делать вывода о ее движущих силах, о классах, заинтересованных в ее действительной и полной победе. «Буржуазное — по своему общественно-экономическому содержанию — освободительное движение, — пишет Ленин, — не является таковым по его движущим силам» (Ленин. Т. XI, стр. 153).

Либеральная буржуазия, не будучи заинтересована в полной победе революции, переходила на сторону контрреволюционного самодержавия. Самое положение буржуазии в царской России определяло ее непоследовательность в демократическом перевороте. Русская революция развертывалась в условиях ожесточенной классовой борьбы, когда противоречия буржуазного общества были уже крайне обострены. Революция развертывалась в период империализма, а «либеральная буржуазия империалистической страны не может не быть контрреволюционной» (И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 225. Госполитиздат. 1939). Русская буржуазия сократила стадии своего развития по сравнению с буржуазией западноевропейских стран: европейская буржуазия сначала дралась за республику, а потом изменяла

свободе и предавала революцию, а русская буржуазия сразу стала предавать революцию.

Говоря о контрреволюционности российской либеральной буржуазии, нужно помнить в виду, что в стране уже был сравнительно многочисленный и сплоченный рабочий класс, имевший уже опыт боев с буржуазией. Русский пролетариат представлял собой сознательную, самостоятельную политическую силу, он имел уже свою социалистическую партию и был организован несравненно лучше чем буржуазия, а «Там, где пролетариат сознательно борется, либеральная буржуазия перестает быть революционной» (Сталин. См. Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 74. Партиздат. 1937).

Ленин следующим образом характеризует позицию русской буржуазии в революции:

«Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, перешителнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья, т.е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т.е. направить против самой буржуазии то оружие, которым снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве» (Ленин. Т. VIII, стр. 57—58).

Революция 1905 года хотя и являлась буржуазно-демократической, а не социалистической, но была направлена против либеральной буржуазии, и победа революции была невозможна как победа буржуазии. Это отличало буржуазную революцию в России от происходивших в прошлом революций на Западе.

Основное тактическое положение, защищаемое Лениным в его работе «Две тактики», сводится к тому, что пролетариат может и должен быть вождем и руководителем буржуазно-демократической революции в России.

Русская революция привела в движение рабочий класс и крестьянство. Самое энергичное участие в ней пролетариата как наиболее революционного класса являлось условием ее победы. Исход революции зависел от того, указывал Ленин,

«выиграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции» (Ленин. Т. VIII, стр. 32). Ленин предвидел в зависимости от этого два возможных исхода борьбы: или решительную победу революции над царизмом, свержение царизма и установление демократической республики, или сделку буржуазии с царем за счет народа и установление конституционной монархии.

Меньшевики, «лежавшие» на точке зрения марксизма, исходили из того, что буржуазная революция выгодна лишь буржуазии, и на этом основании объявили гегемонию пролетариата в буржуазной революции «вредной утопией».

Из всенародного характера революции большевики делали вывод о том, что пролетариат должен стремиться к руководящему участию в ней. Самое положение пролетариата в буржуазном обществе заставляет его быть последовательным демократом, ибо демократический прогресс облегчает его борьбу за низвержение капитализма.

Буржуазная революция не только в высшей степени выгодна и безусловно необходима пролетариату, но, как показал Ленин, в известном смысле более выгодна пролетариату чем буржуазии. И потому, что пролетариат в таких странах, как Россия, страдает не столько от капитализма, сколько от недостаточного его развития, и потому, что полная победа буржуазно-демократической революции является фактором, приближающим победу социализма. Поэтому марксизм учит пролетариат не отстраняться от буржуазной революции, не предоставлять руководство в ней буржуазии, а самым энергичным образом участвовать в ней. Это позволит, как подчеркивал Ленин, в громадных размерах расширить рамки буржуазно-демократической революции.

У пролетариата были все возможности для того, чтобы избавиться от участи пособника буржуазии, которую ему навязывали меньшевики, и стать вождем буржуазно-демократической революции. Эти возможности определялись тем, что пролетариат по своему положению являлся единственным последовательно-революционным классом, тем, что, имея свою собственную партию, он мог сплотиться в самостоятельную политическую силу, что он был наиболее заинтересован в решительной победе революции.

Гегемония пролетариата означала руководящую роль пролетариата в революции, союз пролетариата с крестьянством, изоляцию либеральной буржуазии.

Для того чтобы возможность пролетарского руководства революцией превратилась в действительность, у пролетариата должен был быть союзник. Таким союзником могло быть только крестьянство. «...чтобы не оказаться, — писал Ленин, — со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазной демократией, пролетариат должен быть достаточно сознательным и силен, чтобы поднять до революционного самосознания крестьянство, чтобы руководить его натиском...» (Ленин. Т. VIII, стр. 65).

Развитие капитализма сделало абсолютно невозможным сохранение крепостнических отношений в сельском хозяйстве. Устранение остатков крепостничества приняло форму острейшего кризиса, общенациональной революции. Борьба крестьян с помещиками за землю, указывал Ленин, составляла основу буржуазной революции в России.

Положение крестьянства в царской России было совершенно невыносимым. Сочетание капиталистической и крепостнической эксплуатации после реформы 1861 года еще более ухудшало положение крестьян. Ленин писал: «1861 год породил 1905-й» (Ленин. Т. XV, стр. 146).

Борьба крестьянства за землю делала для него необходимым полное устранение царской власти как оплота помещичьего землевладения. Крестьянство было силой революционной, кровно заинтересованной в полной победе революции. Жизненные интересы крестьянства толкали его на союз с пролетариатом.

Крестьянство объединялось с пролетариатом не на почве социализма, а на почве демократизма. В буржуазно-демократической революции все крестьянство как класс, страдавший от пережитков крепостничества в капиталистическом обществе, было заинтересовано в победе революции.

Революция 1905 года была буржуазно-демократической, крестьянской революцией. Народная, демократическая революция и характеризуется, в частности, развитием могучего крестьянского движения. Это была такая буржуазная революция, которая могла победить лишь как крестьянская революция. Ленин показал, что крестьянской является такая буржуазная революция, которая революционизирует специально касающиеся крестьянства земельные отношения и выдвигает крестьянство в качестве активной общественной силы, в качестве движущей силы революции. Одним из источников ошибочности тактической линии меньшевиков, указывал Ленин, было игнорирование крестьянского характера русской революции и связанной с этим расстановки классовых сил.

Под руководством пролетариата крестьянство в революции 1905 года поднялось на борьбу против помещиков. Массовые стачки пролетариата пробудили крестьянство, по выражению Ленина, от летаргического сна. Но борьба крестьян не всегда была достаточно организованной и наступательной. Крестьянство не было свободно от монархических настроений. От радикализма аграрного оно не всегда переходило к радикализму политическому.

За руководство крестьянством шла борьба между пролетариатом и либеральной буржуазией. От исхода этой борьбы в огромной мере зависел исход революции. В союзе пролетариата с крестьянством, при руководстве в этом союзе со стороны пролетариата, большевики видели основное условие успеха революции.

Союз рабочих и крестьян в революции 1905 года не был еще достаточно прочным. Революционная борьба крестьянства не была достаточно организованной и наступательной. И это стало одной из причин поражения первой русской революции.

Либерально-монархическая партия кадетов была наиболее опасной социальной опорой царизма. Это была партия соглашения народа с царизмом, она старалась овладеть крестьянством и ликвидировать революцию путем соглашения с царизмом. Без изоляции либералов нельзя было оторвать крестьянство от царизма и привлечь крестьянские массы на сторону пролетариата.

В процессе развития революции либералы все более и более обнажали свою контрреволюционную, монархическую сущность. Русский либерализм прошел весь путь, так хорошо показанный Салтыковым-Щедриным в его сказке «Либерал». Либерал сначала действовал «по возможности», потом добивался «хоть чего-нибудь», наконец, пришел к тому, что стал действовать «применительно к полности». Либералы после 9 января, по выражению Ленина, «морозовели», затем слегка «покраснели». Ленин писал: «Будет пар в котлах, — будут свистеть и свистки. Будет сила у революции, — будут свистеть и кадеты» (Ленин Т. IX, стр. 111).

По мере перехода рабочего класса к наиболее высоким формам борьбы либералы все более обнажали свою контрреволюционную, монархическую суть.

III партийный съезд в резолюции «Об отношении к либералам» указал на «антиреволюционный и противопролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках» и выдвинул задачу — «энергично бороться... против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение...» («ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 49).

Политически изолировать либерально-монархическую буржуазию означало разоблачить ее хамелеонство, оторвать от нее массы, заставить ее открыто отшатнуться от революции. Заставить буржуазию отшатнуться от революции означало не ослабление размаха революции, как утверждали меньшевики, а новый ее подъем. Ленин писал:

«...только тогда начнется настоящий размах русской революции, только тогда это будет действительно наибольший революционный размах, возможный в эпоху буржуазно-демократического переворота, когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства на-ряду с пролетариатом» (Ленин Т. VIII, стр. 95—96).

Маркс и Энгельс дали только основные наброски идеи гегемонии пролетариата. Ленин развил их в стройную систему. Учение Ленина о гегемонии пролетариата было творческим развитием марксизма.

Гигантский результат первой русской революции, замечательный итог большевистской работы, состоял в том, что пролетариат освободился от влияния либерализма и выступил в революции гегемоном. Революция 1905 года по роли пролетариата в ней была революцией пролетарской.

В гегемонии пролетариата Ленин видел решающее условие успеха революции. Исследуя особый тип демократической, народной революции, Ленин показал, что ее победа невозможна как победа буржуазии. Опровергая догмы II интернационала о буржуазной революции, Ленин поставил перед пролетариатом задачу руководства движением всех трущившихся и превращения крестьянства из резерва буржуазии в резерв рабочего класса.

Рабочий класс в революции 1905 года был передовой, основной силой революции. Но, не имея единства в своих рядах, не имея единой сплоченной партии, расколотый меньшевиками, ведущими соглашательскую политику, он выступал не всегда достаточно дружно и не смог стать настоящим вождем революции. Это явилось одной из причин поражения первой русской революции.

2

Важнейшим средством свержения царизма и завоевания демократической республики, непременным условием победы революции Ленин считал победоносное вооруженное восстание народа.

Ленин всегда ставил вопрос о восстании в зависимости от конкретной исторической обстановки.

«Для нас, революционных социал-демократов, — пишет Ленин, — восстание не

абсолютный, а конкретный лозунг. Мы отделили его в 1897 году, мы ставили его в смысле общей подготовки в 1902 году, мы поставили его, как прямой призыв, лишь в 1905 г., после 9 января» (Ленин. Т. VIII, стр. 223).

После событий 9 января недостаточно было лишь пропагандировать идею вооруженного восстания, ибо общенациональный политический кризис уже разразился и общедемократическое революционное движение уже требовало практического осуществления лозунга восстания.

III партийный съезд 25(12) апреля — 10 мая (27 апреля) 1905 года констатировал, что общедемократическое революционное движение уже привело к необходимости вооруженного восстания и оно поставлено на очередь дня. Съезд выдвинул лозунг вооруженного восстания как главной и неотложной задачи революции. III съезд обязал партийные организации наряду с пропагандой идеи восстания заниматься его практически-организационной и военно-тактической подготовкой.

Характеризуя новую постановку вопроса о вооруженном восстании, товарищ Сталин в июле 1905 года в статье «Вооруженное восстание и наша тактика» писал:

«...мы должны стараться популяризировать идею необходимости восстания во всех классах населения, но не это одно мы должны делать!.. Как раз техническое руководство и организация общерусского восстания — вот та новая задача, которая ставится событиями перед пролетариатом, и если наша Партия желает быть действительным политическим руководителем рабочего класса, она не должна и не может сложить с себя этой обязанности...» (см. Л. Боряя «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 53).

Лозунг меньшевиков «вооружать парюл жгучей потребностью вооружиться» в обстановке, когда нужен был уже прямой призыв «к оружию», был интеллигентским резонерством и означал фактический отказ от подготовки восстания. Меньшевики возлагали все надежды на блок с монархической буржуазией и держали курс не на вооруженное восстание, а на свертывание революции.

Решительной победой революция над царизмом резолюция женеvской конференции меньшевиков признает созыв царским правительством представительного учреждения (Земского собора).

Большевики видели силу восстания, источник его неопределимости в сочетании гвастущего революционного возмущения

масс и планомерной деятельности партии, в практической, политической и военно-технической подготовке восстания. Ленин писал о том, что революция есть война, и партия исходила из того, что коль война, то по-военному. Ленин развил известное положение марксизма о том, что восстание, как и война, есть искусство.

В организации масс для восстания, в дезорганизации аппарата власти царизма огромнейшую роль играло применение массовых политических стачек. «Это было новое, очень важное оружие в руках пролетариата, неизвестное до того в практике марксистских партий и приобретенное потом право гражданства» («История ВКП(б)», стр. 68). Русские большевики выдвинули это средство борьбы пролетариата как могучее оружие революционной мобилизации масс, оружие дезорганизации сил врагов пролетариата и как существеннейший этап к восстанию, к непосредственной борьбе за власть.

Стачка в революции 1905 года была главным средством раскачивания масс и наиболее характерным явлением в волнообразном нарастании событий. Стачка, как специфическое пролетарское средство борьбы, придала революции 1905 года пролетарский характер и наложила свою печать на все ее развитие. «...опыт 1905 года, — писал Ленин, — создал глубокую и великую традицию массовых стачек» (Ленин. Т. XV, стр. 536).

Массовая политическая стачка сыграла в 1905 году огромную роль в революционной мобилизации масс: она подвела массы вплотную к пониманию необходимости восстания, она сыграла огромнейшую роль и в начале и в дальнейшем ходе восстания. Стачка привела к восстанию и этим исчерпала, изжила себя в качестве главного и самостоятельного средства.

Огромную роль в развертывании творческой инициативы масс играла тактика революционного, «самочинного» осуществления восьмичасового рабочего дня. В резолюции III партийного съезда «Об отношении к тактике правительства накануне переворота» указывалось: «Организовывать пролетариат для немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня и других стоящих на очереди требований рабочего класса...» («ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я, стр. 46). Имелось в виду «такое осуществление, которое не считается с властями, не считается с законом, игнорирует и власть и законность, ломает существующие законы и устанавливает новые порядки самочинным путем, явочным порядком» («История ВКП(б)», стр. 68).

Революционное творчество рабочих масс создало Советы рабочих депутатов. Они возникли как органы стачечной борьбы и «были невиданной еще в мире массовой политической организацией рабочего класса» («История ВКП(б)», стр. 75). Советы превратились в органы восстания.

Советы в процессе восстания становились зачатками нового, революционного правительства; «власть неизбежно досталась бы им в случае победы восстания» (Ленин. Т. X, стр. 18).

Такую же роль, как политическая стачка и осуществление восьмичасового рабочего дня в городе, играли в деревне организация революционных крестьянских комитетов и проведение революционным путем демократических преобразований — вплоть до конфискации помещичьих земель.

Ленин еще в начале 1905 года, имея в виду размах нараставшего крестьянского движения, в письме III съезду «О напелой аграрной программе» предложил перенести вопрос об отрезках в комментарий к программе, а в программу включить лозунг конфискации помещичьей земли. В резолюции III партийного съезда «Об отношении к крестьянскому движению» было записано, что «социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель...» («ВКП(б) в резолюциях...» Ч. 1-я, стр. 47).

Призыв к вооруженному восстанию был неразрывно связан с делом организации революционной армии. Без революционной армии не могло быть победоносного восстания, не могло быть создано революционное правительство. «Революционная армия, — писал Ленин, — необходима потому, что только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация» (Ленин. Т. VII, стр. 383).

Под революционной армией Ленин имел в виду прежде всего вооруженный пролетариат и крестьянство, а также организованные в передовые отряды части войска, готовые перейти на сторону народа.

Ленин считал, что в результате победоносного народного восстания свергнутое царское правительство должно быть заменено временным революционным правительством. Чтобы обеспечить решительную победу над царизмом и двигать революцию вперед, дальше того, чего хотела монархическая буржуазия, следовало на первый план выдвинуть лозунг образования временного

революционного правительства, как важнейшую задачу победоносной революции.

Вопрос о временном революционном правительстве и об отношении к нему социал-демократии стал центральным тактическим вопросом. Вокруг него сосредоточились острейшие разногласия, разделявшие большевиков и меньшевиков.

Партия должна была, как указывал Ленин, выяснить для себя следующие четыре вопроса: 1) значение временного революционного правительства в происходящей революции, 2) свое отношение к нему, 3) условия участия социал-демократии в нем, 4) условия давления на правительство снизу. Большевики дали ясный ответ на все эти вопросы.

Временное революционное правительство должно было, по мысли Ленина, явиться органом победоносного народного восстания. Выросшее из народного восстания, оно должно было закрепить завоевания революции, подавить сопротивление контрреволюции, подавить попытки буржуазии свести на-нет революционные завоевания пролетариата, осуществить все ближайшие политические и экономические требования программы социал-демократии — программу-минимум РСДРП.

Конкретизируя программу деятельности временного революционного правительства, Ленин ставил перед ним следующие шесть задач: 1) созыв всенародного учредительного собрания, 2) вооружение народа, 3) обеспечение политической свободы и немедленную отмену всех законов, ей противоречащих, 4) полную культурную и политическую свободу всем угнетенным и неполноправным народностям, 5) восьмичасовой рабочий день, 6) учреждение крестьянских комитетов для поддержки и проведения всех демократических преобразований, в том числе и поземельных, вплоть до конфискации помещичьих земель.

Для того чтобы быть на высоте своих задач, временное революционное правительство должно было явиться не парламентской коалицией, а революционной диктатурой пролетариата и крестьянства, опирающейся на военную силу, на вооруженное восстание.

«Это может быть только диктатура, — писал Ленин, — потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контр-революционные попытки невозможно» (Ленин. Т. VIII, стр. 62).

Требование Ленина, чтобы временное революционное правительство выступало

диктаторски, находилось в прямом соответствии с указаниями Маркса. Обосновывал понятие революционной диктатуры, Ленин ссылался на статьи Маркса в «Новой Рейнской газете» 1848 года. В этих статьях Маркс указывал, что всякое временное государственное устройство после революции требует диктатуры и притом энергичной диктатуры.

Для осуществления своих задач временное революционное правительство должно было быть правительством победивших классов — пролетариата и крестьянства. Классовым содержанием временного революционного правительства должен был быть союз пролетариата и крестьянства, союз классов, заинтересованных в доведении революции до конца. Оно должно было являться революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства.

Ленин писал о том, что отношение между этими понятиями такое же, как отношение между юридической формой и классовым содержанием.

Для того чтобы действительно завоевать республику, учил Ленин, пролетариат и крестьянство должны «вместе бить» самодержавие, затем «вместе добить» его и, наконец, «вместе отбить» попытки восстановить свергнутое самодержавие. Вот это последнее «вместе отбить» и есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Поскольку буржуазия неспособна на решительную борьбу с царизмом, правительство победившей революции не может быть обычным буржуазным правительством. Революция может закончиться победой только в том случае, если она дойдет до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Учение Ленина о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства — основное положение стратегии и тактики большевиков в революции 1905 года.

Перед социал-демократией, естественно, вставал вопрос об отношении к временному революционному правительству, об участии в нем. Партия признала принципиально допустимым участие во временном революционном правительстве. Решение III съезда следующим образом отвечало на этот вопрос: «В зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии...» («ВКП(б) в резолюциях...» Ч. 1-я, стр. 46).

Признание принципиальной допустимости участия партии пролетариата во вре-

менном революционном правительстве представляло огромный теоретический и политический интерес. Долгая эпоха политической реакции, начавшаяся после поражения Парижской коммуны, сроднила социалистическую партию с мыслью о борьбе только оборонительной, о действиях только «снизу». Действия «сверху», через революционное правительство, — это был новый, невиданный ранее способ борьбы.

Ленин обосновывал необходимость в эпоху демократической революции действий и «снизу» (давление граждан на революционное правительство), и «сверху» (давление революционного правительства на граждан). Ленин опирался при этом на известные указания Маркса и Энгельса о необходимости деятельного политического вмешательства пролетариата в события. Ленин указывал, что Энгельс неоднократно, в частности в статье «Бакунисты за работой», осуждал анархистов за их политическую пассивность.

В этой статье Энгельс писал: «Бакунисты много лет проповедывали, что всякое революционное действие сверху вниз зловредно, что все должно быть организовано и проведено снизу вверх» (Цит. по Ленину. Соч. Т. VII, стр. 325).

Относительно цели участия социал-демократии во временном революционном правительстве решение III съезда указывало на два момента: беспощадную борьбу с контрреволюцией и отстаивание самостоятельных интересов рабочего класса. Решение ставило необходимым условием такого участия давление «снизу» на временное революционное правительство и одновременно «строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям...» («ВКП(б) в резолюциях...» Ч. 1-я, стр. 46).

Меньшевики безоговорочно отвергали участие социал-демократии во временном революционном правительстве, исходя из того, что оно может быть только обычным буржуазным правительством, что участие социал-демократии во временном революционном правительстве отпугнуло бы буржуазию и привело бы к ослаблению размаха революции. На деле позиция меньшевиков уступала руководство движением либерально-монархической буржуазии и помогала ей вести революцию к поражению. Так «исовоискровство» (меньшевизм) полностью смыкалось с буржуазно-либеральным «свобождением».

Свою предательскую тактику меньшевики пытались оправдать стремлением сохра-

нить классовую чистоту пролетариата. Они обвиняли большевиков в мильеранизме, ссылаясь на постановление Амстердамского конгресса II интернационала в 1904 году, признавшего, что «социал-демократия... не может добиваться какого бы то ни было участия в правительстве буржуазного общества». Демагогически подменив вопрос об участии в революционном правительстве в период разгара революции вопросом об участии в реакционном, буржуазном правительстве в период отсутствия революционной ситуации, меньшевистская конференция отвергла участие социал-демократии во временном революционном правительстве и определила позицию социал-демократии как «партии крайней революционной оппозиции».

Пытаясь применить эту категорию парламентской борьбы к условиям борьбы отнюдь не парламентской, к обстановке восстания, меньшевики уподоблялись, отмечал Ленин, тому известному герою народного эпоса, который повторял хорошие советы как раз тогда, когда они неуместны.

Тезис меньшевиков о том, что социал-демократия должна была ограничиться ролью крайней революционной оппозиции, не мог означать ничего другого, как стремление не дать пролетариату воспользоваться плодами его победы, с тем чтобы они достались целиком буржуазии.

Этим же целям служил лозунг меньшевиков о немедленной организации «революционного самоуправления» в качестве якобы «возможного пролога восстания». Совершенно очевидно, что организация революционного самоуправления могла явиться эпилогом, а не прологом победоносного восстания.

3

Большевики, признавая безусловно буржуазный характер происходившей революции, разоблачали авантюристский характер призывов к «углублению» революции. Однако, устанавливая, что происходящая революция является буржуазно-демократической, большевики определяли этим лишь ее непосредственную, ближайшую задачу, ее программу-минимум. Ленин писал:

«Представьте себе, господа, что мне надо вывезти со двора две кучи сора. А телега у меня одна. И на одной телеге больше одной кучи вывезти нельзя... Сначала русскому народу надо вывезти вон на своей телеге весь тот сор, который называется крепостнической, помещичьей собственностью, а потом с опростанной телегой вернуться на более чистый двор и начать укладывать на воз вторую кучу, начать убирать сор капиталистической эксплуатации» (Ленин. Т. XI, стр. 106—107).

Открыв новый, особый тип буржуазно-демократической, народной революции эпохи империализма, Ленин обосновал объективную возможность перерастания буржуазно-демократической революции, в которой гегемония принадлежит пролетариату, в революцию социалистическую.

Возможность перерастания буржуазно-демократической революции в России в социалистическую определялась уровнем развития капитализма (в России и на мировой арене), степенью обострения классовых противоречий в России, сознательностью и организованностью пролетариата, наличием у пролетариата могучего союзника в лице крестьянства, существованием самостоятельной политической партии пролетариата.

К моменту буржуазно-демократической революции в России наряду с противоречиями, оставшимися от крепостнического общества, уже до крайности обострились противоречия развившегося в недрах крепостного строя буржуазного общества. Происходили две социальных войны, разных по характеру, и по целям, и по составу участвовавших в них общественных сил. «В современной России, — писал Ленин, — не две борющиеся силы содержат революцию, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества» (Ленин. Т. VIII, стр. 255).

Совмещение этих двух социальных войн свидетельствовало о том, насколько далеко зашло обострение капиталистических противоречий в России к началу буржуазной революции.

Капитализм в России перенесался с крепостничеством, русская буржуазия зависела от царизма и жила казенными заказами, интересы русского царизма и западного империализма сливались в единый клубок, революция против царизма сближалась с революцией против буржуазии и должна была перерасти в революцию против империализма.

Ленин в книге «Две тактики» обосновал учение о перерастании революции буржуазно-демократической в социалистическую, идея которого в зародыше имелась уже в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Ленин писал о том, что рабочий класс и его партия стремятся «гораздо дальше самого далекого конца демократической рево-

люция» (Ленин. Т. VIII, стр. 116), и ставил перед партией задачу «добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет» (Ленин. Т. VII, стр. 191). Ленин писал:

«... от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути» (Ленин. Т. VIII, стр. 186).

Важнейшим условием, облегчающим переход к социалистической революции, должна была явиться возможно более полная победа демократической революции, плебейская расправа со средневековьем, крепостничеством, абсолютизмом, полная демократизация общественного и государственного строя. «Полная победа теперешней революции, — писал Ленин, — будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот... Чем полнее будет демократический переворот, тем скорее, шире, чище, решительнее развернется эта новая борьба» (Ленин. Т. VIII, стр. 118).

Ленин, считая основным лозунгом стратегии и тактики рабочего класса в буржуазно-демократической революции революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, подчеркивал ее временный и преходящий характер, указывал на прошлое и будущее этой диктатуры. «У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, — писал Ленин, — как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии... Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм» (Ленин. Т. VIII, стр. 84, 85).

Ленин учил, что пролетариат, борясь впереди и во главе всех революционных сил за демократию, не должен забывать о тающихся в недрах буржуазной демократии новых противоречиях и новой борьбе. Диктатуру пролетариата и крестьянства, т. е. победу демократической революции, Ленин квалифицировал как «организацию войны», а не как «организацию порядка».

Победа демократической революции должна была неизбежно привести к изменению в расстановке классовых сил. На первом этапе революции крестьянство было заинтересовано не в охране частной собственности, а в уничтожении помещичьей собственности. На этом этапе задача пролетариата состояла в том, чтобы исчерпать революционные способности крестьянства и использовать до дна его револю-

ционную энергию для полной ликвидации царизма. Победа демократической революции должна была с неизбежностью привести к исчерпанию классового союза пролетариата со всем крестьянством.

Единство воли пролетариата со всем крестьянством, указывал Ленин, возможно лишь в границах демократической революции, за ее пределами борьба с крестьянской буржуазией неизбежна.

«... мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, чтобы тем легче было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической. Мы не обещаем никакой гармонии, никакой уравнительности, никакой «социализации» из победы теперешнего крестьянского восстания, — напротив, мы «обещаем» новую борьбу, новое неравенство, новую революцию, к которой мы и стремимся» (Ленин. Т. VIII, стр. 187).

Ленин следующим образом характеризует расстановку классовых сил в демократической и социалистической революции:

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии» (Ленин. Т. VIII, стр. 96).

Разрабатывая учение о перерастании революции буржуазно-демократической в социалистическую, Ленин опирался на известное положение марксизма о непрерывной революции, которое Маркс формулировал в своем «Первом обращении Центрального комитета к союзу коммунистов» в марте 1850 года.

После поражения революции 1848 года Маркс ждал нового революционного подъема и считал, что в этом случае к власти придет республиканская, мелкобуржуазная демократическая партия, которая постарается быстро закончить революцию.

В «Обращении» Маркс предусматривал такую тактику пролетариата, при которой рабочий класс не оказался бы в хвосте у мелкобуржуазной партии, не оказался бы на буксире у буржуазии и добился бы иных результатов чем в революции 1848 года.

Послесловие

(1)

Еще раз о свободе декабря, еще раз
о волюнтаризме.

Камера № 2 Освобождения с 102-3 Цыган Яна
(прежние слова)
новому марксизму по вопросу, которому мы посвя-
тили 5-й и 6-й главы Программы. Не имеет никакой вы-
сокой несамостоятельности) весь этот вопрос марксизма,
на основании лишь на наивысшем уровне, какого
было реально развивавшей Освобождение в социал-
демократии и потому оно должно со всеми другими;
... вопросами ...

Часть первой страницы рукописи послесловия В. И. Ленина к брошюре «Две тактики». 1905 год. Центральный музей В. И. Ленина.

Маркс особенно настаивал на том, чтобы рабочая партия была возможно более организованной, единодушной и самостоятельной, чтобы рабочий класс проводил свою собственную, до конца самостоятельную политику. Маркс предостерегал против принижения рабочей партии до роли придатка «официальной буржуазной демократии», требовал строгого надзора пролетариата за предательской мелкобуржуазной демократией, вооружения рабочих и образования самостоятельной пролетарской гвардии и т. д.

Маркс формулировал в «Обращении» тактические задачи пролетариата в предстоящей революционной борьбе, указывал на различные цели пролетариата и мелкой буржуазии, которая в революции остановится на полпути. Целью пролетариата является не изменение частной собственности на средства производства, а ее уничтожение, не улучшение существующего общества, а создание нового, бесклассового общества.

«В то время как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию, в лучшем случае с проведением вышеуказанных требований, наши интересы и наша задача заключаются в том, чтобы революция была перманентной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не за-

воюет государственной власти и пока объединение пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что прекратится конкуренция пролетариев в этих странах, и пока, по крайней мере, самые главные производительные силы не будут концентрированы в руках пролетариев» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 483).

Таким образом, «Маркс предлагал лишь увенчать дело революции пролетарской государственной властью, сталкивая шаг за шагом с высоты власти одну фракцию буржуазии за другой, с тем чтобы, добившись власти пролетариата, разжечь потом революцию во всех странах, — в полном соответствии со всем тем, чему учил Ленин и что он проводил в жизнь в ходе нашей революции, следуя своей теории пролетарской революции в обстановке империализма» (Н. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 24, 11-е изд.).

Ленин восстановил это положение марксизма и отстоял его в борьбе против оппортунизма, в борьбе против меньшевиков и троцкистов. Ленин разоблачил попытки меньшевиков извратить это положение Маркса о непрерывной революции, в частности попытку Плеханова приписать Марксу отрицательное отношение к участию партии пролетариата в революционном правительстве.

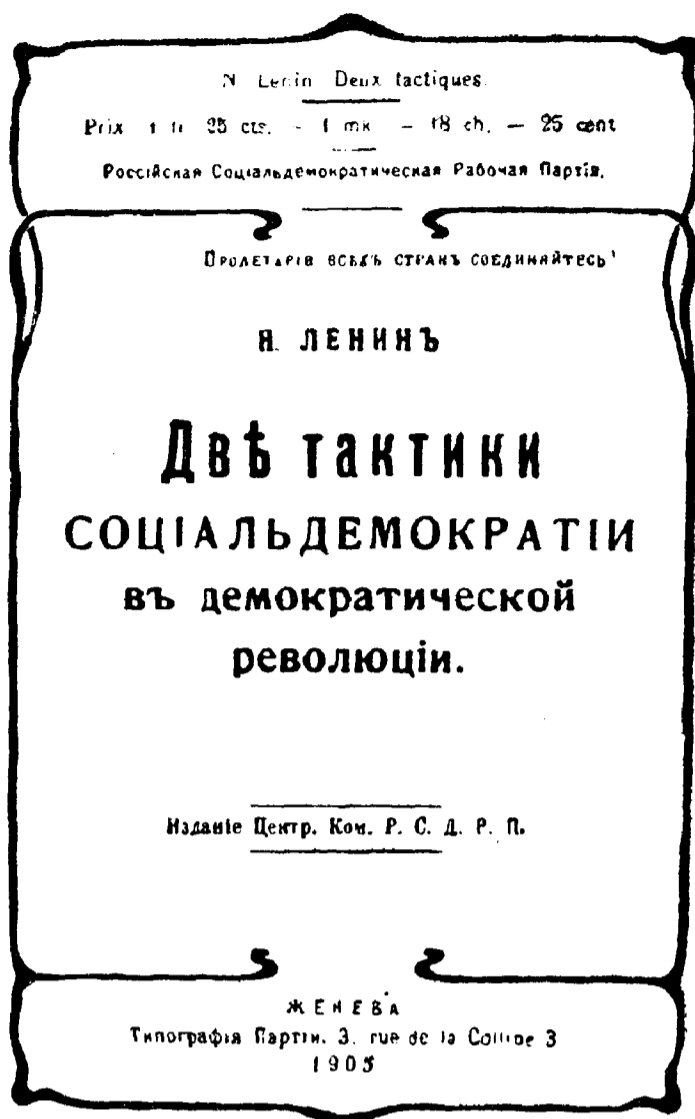
С учением Маркса о перманентной, непрерывной революции ничего общего не имеет контрреволюционная, троцкистская схема «перманентной революции». Эта схема основана на отрицании возможности победы социалистической революции и построения социализма в одной стране, на поверии в силы и способности пролетариата, на отрицании революционных возможностей крестьянства и союза пролетариата с крестьянством. Ленин и Сталин до конца разоблачили контрреволюционную, троцкистскую схему, лживо прикрывавшуюся фразами о перманентной революции. Ленин отстоял и развил идею Маркса о непрерывной революции и обогатил ее, создав свое учение о перерастании революции буржуазно-демократической в социалистическую.

«Ленин был единственным марксистом который правильно понял и развил идею перманентной революции... Ленин взял ее в чистом виде и сделал ее одной из основ своей теории революции. Следует помнить, что идея перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, данная Лениным еще в 1905 году, есть одна из форм воплощения марксовской теории перманентной революции» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 110, 11-е изд.).

Разрабатывая учение о перерастании революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую, Ленин опирался на известную мысль Маркса о необходимости сочетать пролетарскую революцию с крестьянским революционным движением. Это положение Маркс выдвинул в период реакции, установившейся после революции 1848 года. В революции 1848 года рабочий класс активно участвовал, но германская буржуазия предала революцию и полностью сожмулась с реакцией. После подавления революции перед рабочим классом с особенной остротой стали задачи организации своей самостоятельной партии и вопрос о союзниках в новой революции. В это время Маркс выдвинул тезис о сочетании пролетарской революции с крестьянским революционным движением.

Маркс формулировал это положение в письме к Энгельсу от 16 апреля 1856 года. «Все дело в Германии, — писал Маркс, — будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны. Тогда все будет прекрасно» (Варч Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 314).

Ленин дал новую установку по вопросу о соотношении между буржуазной и социалистической революциями. «...Ленин еще в 1905 году, накануне первой русской революции, — пишет товарищ Сталин, — в своей брошюре «Две тактики» рисовал

Обложка брошюры В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». 1905 год.

Центральный музей В. И. Ленина.

буржуазно-демократическую революцию и социалистический переворот как два звена одной цепи, как единую и цельную картину размаха русской революции» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 21, 11-е изд.).

Идея перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую стала одним из краеугольных камней ленинской теории революции. Ленин создал новую теорию социалистической революции. Обязательным элементом этой теории явился союз пролетариата и полупролетарских элементов города и деревни как условие победы пролетарской революции.

Западноевропейские социал-демократы утверждали, что пролетариат в социалистической революции будет выступать без союзников против всех непролетарских классов и что переход к социалистической революции созреет лишь тогда, когда пролетариат станет большинством общества.

Ленинская теория социалистической революции опрокинула тактические позиции западноевропейской социал-демократии, опровергла теорию «китайской стены» между буржуазно-демократической и социалистической революциями.

Теория социалистической революции, основы которой Ленин заложил в работе «Две тактики», сыграла огромнейшую роль в последующей борьбе и победах пролетариата. «В теории Ленина не было еще прямого вывода о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой, стране. Но в ней были заложены все или почти все основные элементы, необходимые для того, чтобы сделать рано или поздно такой вывод» («История ВКП(б)», стр. 73).

* * *

Только в период пролетарской революции, когда вопрос о свержении буржуазии стал вопросом практики, когда вопрос о резервах пролетариата сделался одним из самых животрепещущих вопросов, когда все формы борьбы и организации пролетариата полностью выявили себя,— только в этот период, как указывает товарищ Сталин, могли быть выработаны законченная стратегия и тактика борьбы пролетариата.

В решении этой задачи, в разработке тактических и политических основ марксистской пролетарской партии сыграла решающую роль книга Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Определение тактических основ марксистской пролетарской партии означало складывание большевизма как политического направления. «...большевизм вполне сложился, как направление, весной и летом 1905 года...» (Ленин. Т. XV, стр. 14).

Историческое значение труда Ленина «Две тактики» состоит, во-первых, в том, что Ленин идейно разгромил мелкобуржуазные тактические установки меньшевиков и вместе с тем тактику всего международного оппортунизма. Вопросы, теоретически разработанные Лениным в этой книге и в других работах, были коренными вопросами не только русской, но и мировой революции.

Весь международный оппортунизм ополчился против решений III съезда, против ленинского тактического плана. Каутский выступил в германской социал-демократической печати со статьей «Раскол в русской социал-демократии», перепечатанной в новой, меньшевистской «Искре». В этой статье, которую Ленин назвал «преподлой», Каутский охарактеризовал спор о временном революционном правительстве как дележ шкуры неубитого медведя. Он реко-

мендовал не распространять в Германии резолюции III съезда (они были изданы в Мюнхене на немецком языке) и писал: «Иностранцы... имеют все причины заботиться... о том, чтобы эти резолюции вместе с их предварительной историей были забыты».

Историческое значение работы Ленина «Две тактики» состоит, во-вторых, в том, что в ней Ленин сформулировал основы марксистской тактики в период буржуазной революции и перехода от революции буржуазной к революции социалистической. Она обогатила марксизм новой теорией революции.

Товарищ Сталин, характеризуя тактический план, сформулированный в книге Ленина «Две тактики», писал:

«Достоинство этого плана состояло в том, что он, прямо и решительно формулируя классовые требования пролетариата в эпоху буржуазно-демократической революции в России, облегчал переход к революции социалистической, носил в себе зародыше идеи диктатуры пролетариата... Победа этого плана положила фундамент той революционной тактике, благодаря которой потрясает ныне наша партия основы мирового империализма» (П. Сталин «О Ленине», стр. 8).

Тактика большевиков получила боевое крещение и решающую проверку в огне революции 1905 года. Как и предвидел Ленин, революция подтвердила жизнеспособность программы и тактики большевиков и благодаря этому научила рабочие массы большевизму. Как и предвидел Ленин, революция показала настоящую природу различных общественных классов, дала им настоящее политическое крещение. Классы вышли из революции с определенной политической физиономией, показав себя не только в программах и тактических лозунгах, но и в открытом политическом действии. Ход революции 1905 года подтвердил все, что писал Ленин о политической зрелости пролетариата, о подлости и предательстве либеральной буржуазии.

Книга Ленина дала пролетариату могучее тактическое оружие.

Ленинский план перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую, сформулированный в «Двух тактиках», был полностью подтвержден жизнью и осуществлен в 1917 году.

Сталинский план разгрома Деникина и его осуществление

«Каждому историческому повороту соответствует необходимый для него и приуроченный к его задачам стратегический план.

То же самое можно сказать в отношении военного дела. Стратегический план, выработанный для войны с Колчаком, не мог быть пригодным для войны с Деникиным, требовавшей нового стратегического плана, в свою очередь непригодного для войны, скажем, с поляками в 1920 году, ибо как направления основных ударов, так и схемы размещения основных боевых сил не могли не быть различными во всех этих трех случаях» (И. Сталин «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов», «Коммунистическая революция» № 7 за 1923 год, стр. 17).

1

Историческая победа Советской России над Деникиным—главным участником второго похода Антанты—была достигнута в чрезвычайно сложной и трудной международной и внутренней обстановке.

В отличие от первого похода Антанты (весна 1919 года) второй поход Антанты (осень 1919 года) представлял наибольшую опасность для Советской России. Никогда еще враги не подходили к Москве так близко, как осенью 1919 года.

Огромными усилиями Советской России и ее героической Красной Армии к лету 1919 года было отбито первое нашествие англо-франко-японо-польских интервентов и буржуазно-помещичьей контрреволюции. Попытки стран Антанты разгромить советскую власть силами собственных войск потерпели крах.

Быстрый рост революционного движения на Западе, рост сочувствия рабочих всех стран к Советской России и поражение Колчака создали для Антанты такую обстановку, в которой опасно было проводить прежнюю политику открытой интервенции. Вместо неприкрытой интервенции Антанта стала применять замаскированные формы вооруженного нападения на Советскую Россию. Она стала вовлекать в интервенцию малые государства, пытаясь воевать с Советской Россией «чужими руками».

«...империализм,—писал в 1919 году товарищ Сталин,—от политики бряцания оружием, политики открытой интервенции, вынужден перейти к политике замаскированной интервенции, к политике втягивания в борьбу с социализмом малых и больших зависимых национальностей»

(И. Сталин «Статьи и речи об Украине», стр. 80, 1936).

Английский военный министр Черчилль хвастливо заявлял в то время, что на Советскую Россию будут наступать 14 государств, что к сентябрю падет Петроград, а к декабрю — Москва.

Англо-французский капитал использовал все средства военного, экономического и политического давления, чтобы втянуть в войну с Советской Россией Эстонию, Латвию, Литву и другие малые государства. Но этот план провалился потому, что «...мы отвоевали у них (у Англии, Франции и Америки.—И. Ф.) эти малые страны, которые все против нас, в которых везде господствует не Советская, а буржуазная власть. Они осуществили по отношению к нам дружественный нейтралитет и тем самым пошли против всемирно-могущественной Антанты, ибо Антанта была хищником, который хотел их давить» (Ленин. Т. XXIV, стр. 598).

Провал планов Антанты в отношении малых стран заставил англо-французских империалистов направить все силы и средства на поддержку других участников второго похода Антанты — Деникина и прочих контрреволюционных генералов.

По плану Антанты было организовано комбинированное нападение Деникина, панской Польши и Юденича на Советскую Россию. Главную роль в этом нападении играл Деникин, которого империалисты обильно снабжали оружием, боеприпасами и обмундированием.

Летом 1919 года Деникин начал свой поход на север, на Москву.

Внутреннее положение Советской России было тяжелым. Не хватало продоволь-

ВСЕ НА БОРЬБУ С ДЕНИКИНЫМ!

(Письмо Ц. К. Р. К. П. (б) Лениным) к организациям партии.

Товарищи! В настоящее время мы находимся в состоянии войны с Деникиным. Это война не только военная, но и политическая. Деникин — враг Советской России, враг пролетарской революции. Мы должны бороться с ним всеми силами. Для этого необходимо мобилизовать все силы партии и народа. Мы должны добиться победы над Деникиным, чтобы обеспечить мир и социализм в нашей стране.

Правильная политика в отношении крестьянства, принятая VIII съездом партии, укрепила военно-политический союз рабочего класса со средним крестьянством и усилила руководящую роль партии большевиков в этом союзе. Ленинско-сталинская национальная политика обеспечила активную поддержку советской власти со стороны трудящихся всех национальностей Советской России.

«Все на борьбу с Деникиным». Письмо ЦК РКП(б) к организациям партии, написанное Лениным. 1919 год. Центральный музей РККА.

ствия. Рабочим Москвы и Петрограда выдавали по осмьюшке хлеба на два дня.

Производство крупной промышленности в 1919 году не составляло и 20% по отношению к 1913 году. Не хватало сырья, топлива. Разруха на транспорте затрудняла подвоз хлеба из отвоеванных у Колчака губерний. Но рабочий класс не унывал. Не унывала и партия большевиков. Ленин и Сталин уверенно вели рабочий класс в союзе с крестьянством к победе над внутренней контрреволюцией и внешней интервенцией.

На чем основывалась эта уверенность? Эта уверенность основывалась на том, что политика советской власти была правильной политикой, соответствовавшей кровным интересам миллионных масс трудящихся.

«...судьбы войны, — говорил товарищ Сталин, — решаются, в последнем счете, не техникой, которой обильно снабжали Колчака и Деникина враги СССР, а правильной политикой, сочувствием и поддержкой миллионных масс населения» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 177, 10-е изд.).

Миллионы рабочих и крестьян России, руководимые партией Ленина — Сталина, миллионы трудящихся всего мира сочувствовали политике советской власти и поддерживали ее.

9 июля 1919 года в № 4 «Известий ЦК РКП(б)» появилось письмо Ленина «Все на борьбу с Деникиным!» Заголовок этого письма фиксировал основную задачу советской власти в тот период, задачу, от разрешения которой зависели победа или поражение пролетарской революции (см. «Ленин и Сталин. Сборник произве-

дений к изучению истории ВКП(б)». Т. II, стр. 248 — 260).

Ставя задачу разгрома Деникина, Ленин одновременно требовал не ослаблять наступления на Колчака. Партия объявила Советскую республику единым военным лагерем и перестроила всю хозяйственную и культурно-политическую жизнь на военный лад.

Правильная политика в отношении крестьянства, принятая VIII съездом партии, укрепила военно-политический союз рабочего класса со средним крестьянством и усилила руководящую роль партии большевиков в этом союзе. Ленинско-сталинская национальная политика обеспечила активную поддержку советской власти со стороны трудящихся всех национальностей Советской России.

Партия большевиков и советское правительство подняли весь народ на разгром второго нашествия Антанты. Ленин выбросил лозунг — все для фронта, все для победы. Около 50 процентов личного состава партии и комсомола пошло на отечественную войну. ЦК партии объявил партийную неделю, которая по всей стране дала 200 тысяч новых членов партии большевиков.

Возглавляемый Лениным и Сталиным, Совет рабочей и крестьянской обороны руководил делом пополнения фронта людьми и снабжения его продовольствием, обмундированием и вооружением. С большим успехом проходили объявленные советским правительством мобилизации. На южный фронт прибывали коммунисты, комсомольцы, рабочие — члены профсоюзов.

Рабочие понимали, что для победы над врагами необходимы мощная Красная Ар-

Отряд коммунистов перед отправкой на Южный фронт. Тула. 1919 год.

Центральный музей Красной Армии.

мня и крепкий революционный тыл — опора фронта. Поэтому рабочие напрягали все силы для победы над разрухой, голодом, холодом, тифом.

Творческая энергия рабочего класса творила чудеса. Шахтеры Подмосквовного угольного бассейна увеличили в 1919 году добычу угля на 130 процентов по сравнению с 1913 годом. Военная промышленность в 1919 году произвела наибольшее количество винтовок и пулеметов по сравнению с 1920 и 1921 годами.

Ленин как председатель Совета рабоче-крестьянской обороны лично руководил вопросами производства оружия. Вот один из многих документов 1919 года, ярко иллюстрирующих стиль ленинского руководства:

«Совет рабоче-крестьянской обороны, заслушав сообщение Чрезкомиссии о доведении ежедневного выпуска винтовок Ижевских заводов до одной тысячи, постановил благодарить рабочих и служащих Ижевского завода от имени рабоче-крестьянского правительства за ценную поддержку, оказываемую ими Красной Армией.

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны Ленин» («Профсоюзы СССР в сознании Красной Армии», стр. 135. Профиздат. 1939).

В ответ на ленинскую благодарность рабочие и служащие заявили, что они приложат все силы для того, «чтобы поднять выпуск винтовок, необходимых для борьбы за дело всемирного пролетариата, за социализм, до наибольшего количества» (там же, стр. 135).

В результате напряженной работы партии и советского правительства армии

Южного фронта только за июль получили до 60 тысяч человек пополнений. В конце июля и начале августа были созданы условия, позволившие не только остановить наступление Деникина, но и перейти в решительное контрнаступление. Но предатели, пробравшиеся к руководству советскими вооруженными силами, попытались свести на-нет успехи Красной Армии на Южном фронте. По плану главкома, основной удар армий Южного фронта наносился через бездорожные донские степи в районах с казачьим населением, значительная часть которого еще находилась под влиянием белогвардейцев. Этот пораженческий план главкома привел к тому, что августовское наступление армий Южного фронта окончилось неудачей и потерей нашими войсками инициативы.

Предатель Троцкий сознательно развалил работу на Южном фронте, и наши войска терпели поражение за поражением. 16 сентября Ленин, характеризуя гнусные дела Троцкого, писал: «...я убеждаюсь, что наш РВСР работает плохо.

Успокаивать и успокаивать, это — плохая тактика...

А на деле у нас застой—почти развал» (Ленинский сборник XXIV, стр. 15).

К середине октября белые захватили всю Украину, заняли Орел, Воронеж, угрожали Туле — основному источнику снабжения нашей армии патронами, винтовками, пулеметами. В помощь Деникину Юденич повел второе наступление на Петроград. На подступах к красному Штергу шли ожесточенные бои. Тяжелое положение создалось на Западном и Восточном фронтах. Белополяки еще 8 августа заняли Минск и большую часть Белоруссии. Колчаковцы в

конец августа, собрав последние силы и использовав предательство троцкистов, перешли в контрнаступление и оттеснили наши части от Петропавловска за реку Тобол.

Стратегическая обстановка была чрезвычайно тяжелой. Наиболее опасным участком оставался Южный фронт. 27 сентября по решению ЦК партии на Южный фронт был послан боевой соратник Ленина — Иосиф Виссарионович Сталин.

2

3 октября 1919 года по войскам Южного фронта был отдан приказ о назначении И. В. Сталина членом РВС Южного фронта.

Товарищ Сталин перед своим назначением поставил перед ЦК партии три главных условия: «1) Троцкий не должен вмешиваться в дела южного фронта и не должен переходить за его разграничительные линии, 2) с южного фронта должен быть немедленно отозван целый ряд работников, которых товарищ Сталин считал непригодными восстановить положение в войсках и 3) на южный фронт должны быть немедленно командированы новые работники по выбору Сталина, которые эту задачу могли выполнить» (К. Е.

Ворошилов «Сталин и Красная Армия», стр. 23).

ЦК партии согласился полностью удовлетворить эти условия. Товарищ Сталин лично отбирал и направлял на решающие участки Южного фронта закаленных в огне гражданской войны военных работников. Вместе с товарищем Сталиным и под его руководством наводили порядок на Южном фронте также выдающиеся большевистские командиры и комиссары, как товарищи Ворошилов, Орджоникидзе, Л. М. Каганович, Буденный, Мехлис, Пархоменко, Кулик, Щаденко, Тимошенко, Городовиков и другие. Г. Е. Орджоникидзе был назначен членом Реввоенсовета 14-й армии. Ленин на одном из писем товарища Орджоникидзе сделал надпись, что, по отзывам товарища Сталина, «Серго надежнейший военный работник. Что он вернейший и делнейший революционер, я знаю его сам больше 10 лет» («Борьба классов» № 11 за 1936 год, стр. 17).

Обстановка, в которой приходилось товарищу Сталину организовывать победу на Южном фронте, с исключительной яркостью обрисована в письме Г. Е. Орджоникидзе В. И. Ленину от 15 октября 1919 года:

«...решил поделиться с Вами теми в высшей степени неважными впечатления-

Отряд ленинградских рабочих перед отправкой на Южный фронт. 1919 год.
Центральный музей Красной Армии.

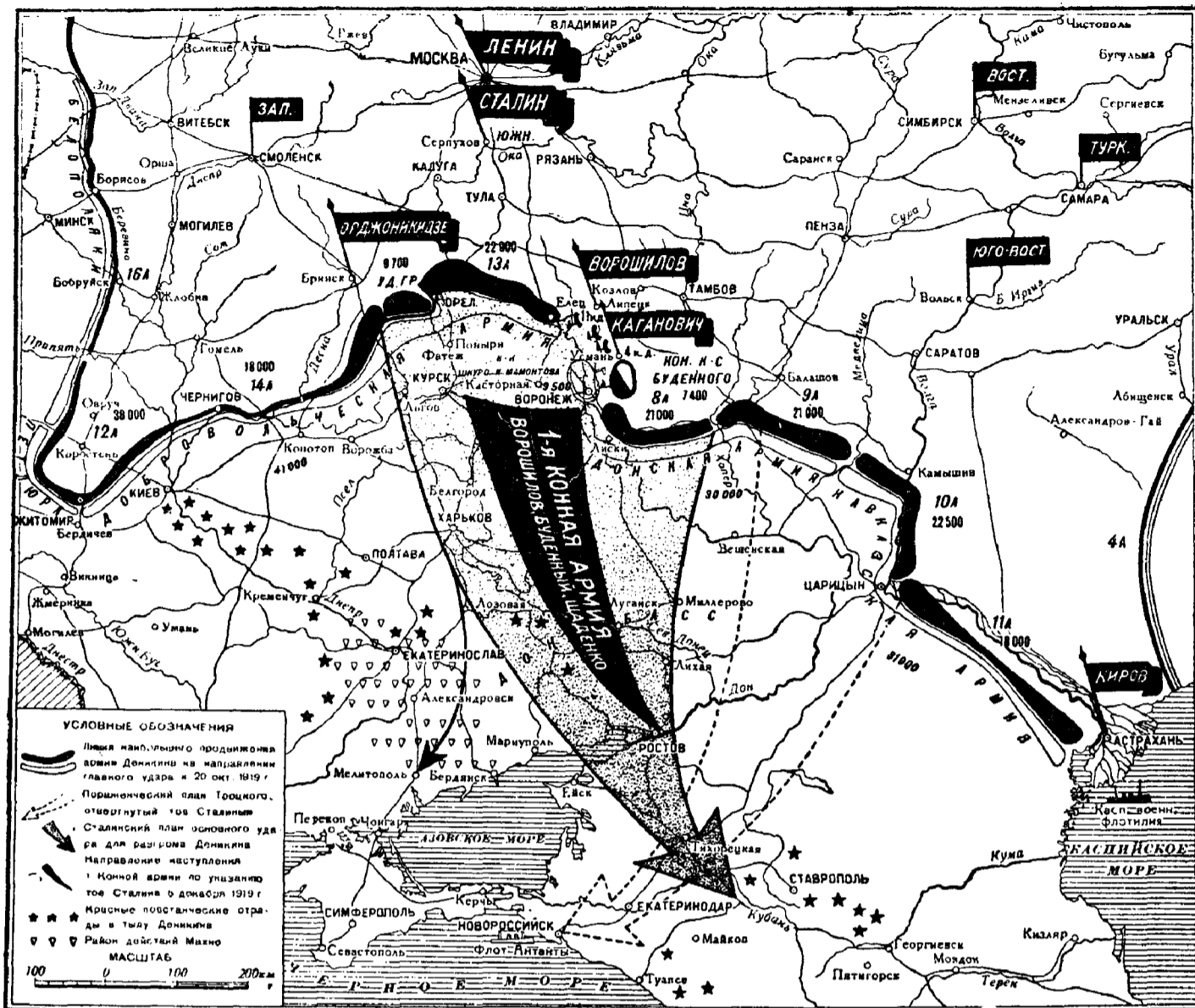

Схема сталинского плана разгрома Деникина.

Октябрь 1919—апрель 1920 года.

ми, которые я вынес из наблюдений за эти два дня в штабах здешних армий. Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством. Какое-то легкомысленное отношение к делу, абсолютное непонимание серьезности момента. В штабах никакого намека на порядок, штаб фронта—это балаган. Сталин только приступает к наведению порядка. Среди частей создали настроение, что дело советской власти проиграно... Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия Троцкого?! Как же он допустил дело до такого развала?» (Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи, стр. 74. Госполитиздат. 1939).

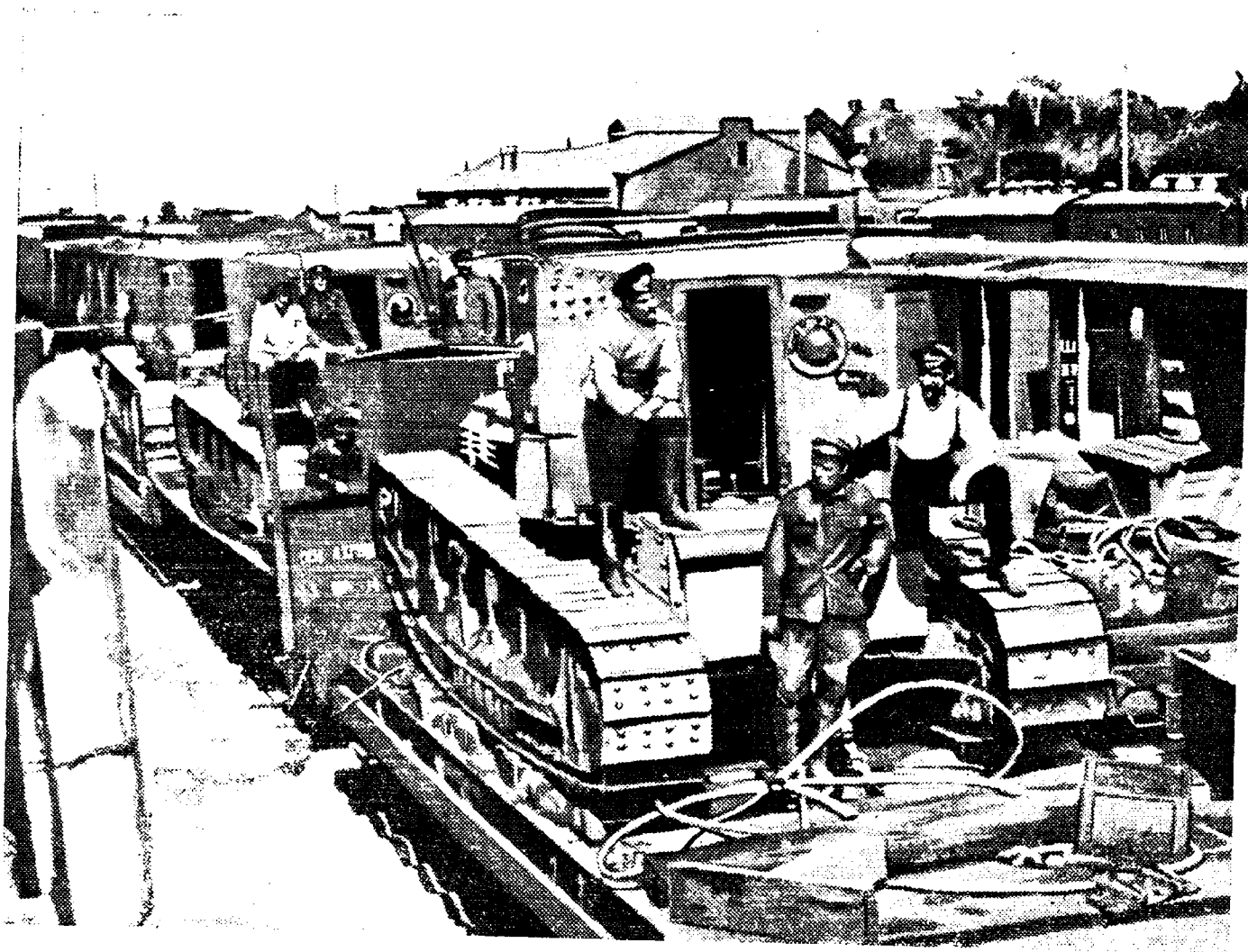
Товарищ Сталин и его боевые соратники приняли решительные меры для оздоровления войск Южного фронта. Во всех частях был укреплен политический аппарат, этот особый род оружия, которого не имела ни одна армия в мире, кроме нашей. Политический аппарат скрепил все звенья Красной Армии и весь ее личный состав цементом своего большевистского влияния. Вместе с командирами военные комиссары обеспечили высокую боеспособность частей Красной Армии в любых условиях.

Товарищ Сталин обобщил опыт работы военных комиссаров в замечательной инструкции для комиссара полка в действующих частях. В сталинской инструкции, изданной осенью 1919 года, с предельной четкостью указывалось место комиссара среди бойцов Красной Армии:

«Комиссар полка является политическим и нравственным руководителем своего полка, первым защитником его материальных и духовных интересов. Если командир полка является главою полка, то комиссар должен быть отцом и душой своего полка» (К. Ворошилов «Сталин и строительство Красной Армии». «Правда» от 21 декабря 1939 года).

Таким отцом и душой Красной Армии и был товарищ Сталин. У Сталина, лучшего комиссара Красной Армии, учились и учатся все военкомы искусству политического руководства войсками.

В сложной и трудной обстановке товарищ Сталин разрабатывал свой стратегический план разгрома Деникина, исходя не из «стратегических понятий», а из конкретного анализа соотношения классовых сил.

Отправка английских танков в армию Деникина.

Центральный музей Красной Армии.

Свой гениальный стратегический план разгрома Деникина товарищ Сталин изложил в историческом письме к В. И. Ленину.

Впервые это письмо было опубликовано в статье К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия» в 1929 году. Товарищ Сталин подверг резкой критике и отверг гибельный для революции план, разработанный командованием Южного фронта совместно с Пудой-Троцким.

Исходя из обстановки на Южном фронте и учитывая опыт гражданской войны, товарищ Сталин предложил ЦК партии свой план разгрома Деникина. Определив направление главного удара через Харьков — Донецкий бассейн на Ростов, товарищ Сталин дал глубочайшее политическое и стратегическое обоснование этого плана: «...во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот, — симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение; во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, — линию Воронеж — Ростов... В-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих Добровольческую оставляем на ведение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл; в-четвертых,

мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который (Деникин) в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет... В-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля» (К. Е. Ворошилов «Сталин и Красная Армия», стр. 25).

Правильный выбор района главного удара имел величайшее значение для успешного исхода всей войны. Диалектически применяя закон стратегии и тактики классовой борьбы к борьбе вооруженных сил социалистического государства, товарищ Сталин следующим образом сформулировал основной принцип пролетарской стратегии: «Важнейшей задачей стратегии является определение того основного направления, по которому должно пойти движение рабочего класса и на котором выгоднее всего для пролетариата нанести противнику основной удар для достижения целей поставленной программой. План стратегии — это план организации решающего удара в том направлении, в котором удар скорее всего может дать максимум результатов».

«Иначе говоря: определить направление основного удара — это значит предсказать характер операций на весь период войны, предсказать, стало-быть, на 9/10 судьбу

всей войны. В этом задача стратегии» (И. Сталин «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов». «Коммунистическая революция» № 7 за 1923 год, стр. 11).

Сталинский план разгрома Деникина исходил не из арифметических расчетов, определяющих «кратчайшие» оперативные направления, а из политических расчетов, из марксистской оценки социально-экономического положения тыла. Составляя свой стратегический план, товарищ Сталин рассчитывал на сочувствие и прямую поддержку Красной Армии со стороны рабочего класса и крестьянства Украины и Донбасса.

Развитие событий целиком и полностью оправдало оценки положения и план товарища Сталина.

Армия Деникина была ненавистна населению. Офицеры пьянствовали, развратничали, грабили мирных жителей. Даже генерал Врангель вынужден был признать, что каждая часть спешила захватить побольше. Брали все; что не могло быть использовано на месте, отправлялось в тыл для продажи. Белая армия превратилась в банду торгашей и спекулянтов. Фронт белых разваливался, в тылу вспыхивали восстания.

Буржуазия и помещики, ставленником которых был Деникин, ставили своей основной целью восстановление монархии и капиталистического строя на территории всей бывшей Российской империи. Все фабрики, заводы, землю и другие средства производства Деникин возвращал капиталистам, помещикам, кулакам и попам. Беспечно росли спекуляция и дороговизна. Например в апреле 1919 года пуд соли стоил 28 рублей, а в ноябре—580 рублей. Хлеб в ноябре 1918 года стоил 32 рубля пуд, а через год—248 рублей.

Деникин проводил старую, царскую политику угнетения всех нерусских национальностей. Его лозунг «великой, неделимой России» означал, что все народы, ранее входившие в Российскую империю, должны потерять национальную независимость и вновь стать бесправными подданными великодержавной России.

Для того чтобы держать в подчинении всех «инородцев», Деникин натравливал одну национальность на другую, организовывал кровавые погромы. Только за 1919 год банды Деникина устроили на Украине более 400 еврейских погромов.

В области внешней политики Деникин проводил линию на превращение России в колонию империалистов.

Ясно, что внутренняя и внешняя политика Деникина вызывала огромное недовольство и возмущение народных масс.

Подпольные большевистские организа-

ции, особенно в таких крупных центрах, как Харьков, Киев, Екатеринослав, Донбасс, Одесса, возглавили борьбу трупящихся против деникинского режима. Так например Одесская большевистская организация 2 ноября 1919 года созвала нелегальную конференцию, на которой присутствовало 26 делегатов, представлявших 260 членов партии. Конференция приняла резолюцию, в которой следующим образом сформулировала задачи подпольной работы:

«Задачи нашей партии должны свестись к следующему: постоянной дезорганизации тыла Деникина и этим самым облегчить положение борющихся на севере братьев. Для этого партия должна наперечь все силы, не останавливаясь ни перед чем, а также использовать все силы, активно выступающие против деникинской армии. Систематической пропагандой и агитацией в деревне завоевывать кадры полупролетарских элементов украинской деревни, сознание которых затуманено контр-революционной и провокационной агитацией со стороны врагов рабочего класса. Употребить все усилия, чтобы вызвать замешательство в рядах добровольцев, и в глубоком тылу развить партизанское движение, с целью захвата власти и установления диктатуры пролетариата» («Октябрь на Одешине», стр. 447. Одесса. 1927).

Подпольные большевистские организации развертывали свою деятельность по следующим главным направлениям: борьба за массы, руководство партизанским движением, дезорганизация тыла Деникина и борьба со шпионажем и провокацией.

В условиях пестыханного белого террора большевики-подпольщики успешно руководили стачками, преодолевая сопротивление меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов. Например большевики Таганрога вопреки меньшевикам провели на Металлургическом заводе стачку, которая продолжалась 6 дней и закончилась победой рабочих. Благодаря этой победе Металлургический завод стал рассадником большевистских настроений среди рабочих Таганрога и Ростова.

К. Е. Ворошилов, по директивам большевистской партии, организовывал борьбу красных партизан в тылу у Деникина. Тов. Ворошилов создал подпольный штаб красных партизан Лозово-Синельниковского железнодорожного узла. Этому штабу была поставлена задача—поддерживать постоянную связь с РВС 14-й армии, разрушать тылы противника, отвлекать его силы с фронта, не допускать подвоза деникинских войск и боеприпасов на фронт.

Штаб красных партизан выпускал воззвания и газету «Большевик». В начале июля 1919 года в районе действий штаба оказался весь Донбасс. Между красными

партизанами и населением был установлен самый тесный контакт. В октябре штабу красных партизан подчинялось свыше 40 отрядов (4 бригады и 2 дивизии), общая численность которых превышала 20 тысяч человек. В ноябре численность краснопартизанских отрядов, возглавляемых большей частью коммунистами, настолько увеличилась, что Лозово-Синельниковский штаб не успевал регистрировать вновь образуемые отряды, численность которых уже достигала нескольких десятков тысяч человек.

В момент перехода Красной Армии Южного фронта в наступление красным партизанским отрядам был дан следующий приказ: «Белые отступают по всему фронту. Боевая задача: не допустить организованного отступления денкинской армии, вывоза снаряжения, имущества, а также группирования сил по переброске подкреплений. Приказываю харьковско-донецким отрядам перейти в наступление на Изюм—Лиман—Славянск, южнодоонецким группам — на участки Гришино — Доля». («Историк-марксист» № 1 за 1940 год, стр. 115).

Всем нелегальным партийным организациям была дана директива — усилить работу по дезорганизации денкинского тыла. Указания большевистской партии энергично проводились в жизнь. Красные партизаны захватывали целые районы в тылу у Деникина, претраждали отступление множеству белых эшелонов, задерживали посылку на фронт орудий, снарядов, обмундирования и продовольствия.

На Северном Кавказе руководитель красных партизанских отрядов С. М. Киров систематически посылал партизанам политработников, снабжал партизанские отряды оружием и литературой.

Красные партизаны наносили денкинцам такие серьезные удары, что ставропольский военный губернатор вынужден был вступить с начальником партизанских отрядов в переговоры. Он предложил им сложить оружие, обещая за это «прощение». Красные партизаны ответили губернатору примерно так, как в свое время запорожцы отвечали турецкому султану:

«Всей белой погани. Только генеральское тупоумие способно верить в нашу слачу, мы пошли в камыши не из боязни смерти, а с клятвой бороться с ненавистной и эксплуататорской белой сволочью. Мы пошли в камыши, уверенные, что мы, трудящиеся, победим, и мы небедим, влобите себе это в идиотские генеральские головы. Мы знаем, что не вам, неам из базы буржуазии, с сумрачным сознанием, с гнилыми мозгами, не вам, потомкам пьяниц и сифилитиков, знать сложные исторические процессы

развития человеческого общества. Ваше сознание обратно пропорционально вашим чинам, лакейству и хамству.

Не вам понять, что капитализм, раздвоенный, разгромленный своей сущностью, протививший новой великие силы, умирает безвозвратно, что его сметит его утробное дитя, социализм, и никакие силы не в состоянии изменить этого хода развития человечества.

Запомните!

Для вас у нас один язык — пуля» («Борьба классов» № 6 за 1935 год, стр. 58).

3

Сталинский стратегический план разгрома Деникина, как и все гениальное, поражал своей убедительностью и простотой, ясностью перспективы и полной осуществимостью. Этот план был основан на глубокой вере в творческие силы пролетариата и крестьянства.

Основные идеи этого плана были доведены до сознания каждого бойца. Сталинский план вдохновлял и воодушевлял бойцов на величайшие подвиги, на массовый революционный героизм и отвагу.

Сталинский план разгрома Деникина был блестяще осуществлен рядом последовательных операций.

На первом этапе (с 10 октября по 18 ноября 1919 года) были разбиты лучшие пехотные и кавалерийские дивизии Деникина.

На втором этапе (с 19 ноября 1919 года по 9 января 1920 года) была создана 1-я Конная армия, которая рассекала фронт противника на две части, совместно с другими армиями фронта разгромила их порознь и освободила Ростов и Новочеркасск от денкинцев.

На третьем этапе (с 10 января по апрель 1920 года) были окончательно ликвидированы остатки денкинских войск на Северном Кавказе и Правобережной Украине.

На основе сталинского стратегического плана были по-новому расставлены и использованы боевые силы и средства.

На 10—15 октября группировка и численность армий Южного фронта представлялись в следующем виде: на центральном направлении против Добровольческой армии численностью в 29 080 штыков и сабель действовали 13-я и 14-я армии с ударной группой, приданной 14-й армии по указанию товарища Сталина, и прибывшей к 15 октября Эстонской дивизией. На 19 октября численность этих армий равнялась 60 132 штыкам и саблям. Членом Реввоенсовета 14-й армии был Г. К. Орджоникидзе.

На воронежском направлении против кавкорпусов Шкуро, Мамонтова и 3-го Донского корпуса общей численностью в 25 500 штыков и сабель действовали 8-я армия и Конный корпус товарища Буденного общей численностью на 10—15 октября в 30 626 штыков и сабель. На 19 октября общая численность их составляла 26 330 штыков и сабель.

Таким образом, на первом этапе Южный фронт имел полуторное превосходство в силах над противником, а на центральном направлении после сосредоточения ударной группы и Эстонской дивизии это превосходство возросло примерно до двух с половиной раз.

Создав решительный перевес на главном направлении, товарищ Сталин 9 октября дал директиву о переходе в решительное наступление. Товарищ Сталин категорически требовал от командармов и начальника ударной группы «при выполнении поставленных задач не продвижения линиями, а нанесения сосредоточенными силами фланговых ударов главным силам противника, действующим на важнейших направлениях, имея в виду, что успеха можно добиться только маневром» (К. Ворошилов «Сталин и строительство Красной Армии». «Правда» от 21 декабря 1939 года).

В этих указаниях товарища Сталина наглядно проявилась особенность сталинской тактики — бить противника во фланг и тыл, используя для этого крупные соединения конницы.

В начале октября штаб 14-й армии находился в селе Сергневском. Сюда приехал товарищ Сталин, здесь он разрабатывал план операций ударной группы фронта.

Под непосредственным руководством товарища Сталина части Красной Армии 10 октября перешли в генеральное наступление.

11 октября ударная группа начала наступление. На фронт выехал Г. К. Орджоникидзе. 12 октября товарищ Орджоникидзе отправился в боевую разведку и принял личное участие в разгроме Самурского офицерского полка. Передовые части ударной группы захватили много пленных и богатые военные трофеи.

Товарищ Орджоникидзе лично опрашивал пленных. По захваченным документам и показаниям пленных товарищ Орджоникидзе выяснил группировку сил противника и его планы. Все это он немедленно доложил товарищу Сталину.

Ленин и Сталин принимали все меры для обеспечения побед Красной Армии. Они не только отдавали распоряжения и приказания, но и лично следили за их исполнением.

Вот некоторые факты, характеризующие

ленинско-сталинский стиль военной работы. 15 октября Ленин отдал распоряжение о посылке на Южный фронт кавалерийских и полевых радиостанций — по 50 штук каждого типа. «Этого, — пишет Ленин, — требует Сталин, который очень жалуется на недостаток связи» (Ленинский сборник XXIV, стр. 18). Ленин лично следил за движением важнейших эшелонов.

Насколько глубоко Ленин вникал во все детали жизни фронта, показывает такой пример. Ленин узнал, что товарищу Сталину пришлось на фронте передвигаться в простых санях. Владимир Ильич 15 декабря предложил петроградским рабочим спешно изготовить двое легких и двое тяжелых автосаней системы «Кегрес» и направить их на Южный фронт.

Ленинско-сталинское оперативное руководство обеспечило победы Красной Армии.

В ночь с 19 на 20 октября части Красной Армии, руководимые тов. Орджоникидзе, вернули город Орел в семью советских городов.

Боевые действия под Орлом были оперативно связаны с операциями под Воронежем. Конный корпус генерала Шкуро был разбит 1-м Конным корпусом 19 октября. Красная конница подошла к Воронежу.

В директиве от 20 октября товарищ Сталин, отмечая блестящие действия Конного корпуса товарища Буденного, вновь напомнил основное условие победы: «Подтверждаю всем командармам: памятуя условия достижения нами успехов под Орлом и Воронежем, не разбрасывать своих сил, а бить на избранном направлении сосредоточенно, кулаком, на узком фронте, стремительно и решительно. Поддерживать все время прочную связь со своими частями и соседями» (К. Ворошилов «Сталин и строительство Красной Армии». «Правда» от 21 декабря 1939 года).

Выполняя указания товарища Сталина, Конный корпус товарища Буденного при поддержке пехоты 8-й армии 24 октября с боем занял Воронеж.

Освобождению Воронежа помогли большевики-подпольщики, организовавшие восстание в тылу у Деникина. Товарищ Сталин писал в телеграмме Ленину о победе под Воронежем: «Созданные долгими усилиями Антанта и Деникина конные корпуса Шкуро и Мамонтова как единственный оплот контрреволюции разбиты наголову в боях под Воронежем красным конным корпусом Буденного. Воронеж взят красными героями. Масса трофеев, подсчет производится, пока выяснено, что захвачены все именные броненоезда пр/ка во главе с броненоездом имени генерала Шкуро. Преследование разбитого пр/ка продолжается. Орел непобедимости созданный

15 Октября 1919 г.
№ _____

г. Склянский

Александровича
из корпуса кавалерийских
разведчиков, а также командира
передовых частей, некая группа, или
группа в отделе кавалерийской
службы на базе военного инфе-
рмерского управления. Сделайте им
любопытство, а также
передайте им от меня по 50 штук
денег и других вещей. Это мне
будет очень важно, потому что
я сейчас на кавалерийской службе
написываю им, что

Александровича
из корпуса кавалерийских
разведчиков, а также командира
передовых частей, некая группа, или
группа в отделе кавалерийской
службы на базе военного инфе-
рмерского управления. Сделайте им
любопытство, а также
передайте им от меня по 50 штук
денег и других вещей. Это мне
будет очень важно, потому что
я сейчас на кавалерийской службе
написываю им, что

Из Сов. Индустриализации

Письмо Ленина к тов. Склянскому от 15 октября 1919 года.

Центральный музей Красной Армии.

вокруг имени генералов Мамонтова и Шкуро доблестью красных героев конкорпуса Буденного низвержен в прах» («Правда» от 19 ноября 1939 года).

В ночь на 25 октября товарищ Сталин в разговоре по прямому проводу с Орджоникидзе дал важнейшие оперативно-тактические указания о развитии достигнутых успехов: «...не пускать полков ударной группы поодиночке, а бить противника единой и массивной группой в одном определенном направлении; остальные части, идущие с юга, окажут вам посильную помощь».

Директива товарища Сталина была блестяще выполнена ударной группой. В результате упорных встречных боев противник был разбит. В ночь на 27 октября город Кромы был окончательно освобожден от белых банд. Неоднократные попытки белогвардейцев вернуть Кромы потерпели крах.

30 октября товарищ Сталин выехал на фронт 13-й, 14-й и 12-й армий. 9 ноября, подводя итоги боев, товарищ Сталин отметил, что сопротивление противника сломлено на всем Южном фронте.

Деникинцы пытались задержаться в районе станции Касторной и Курска. Но в результате комбинированного удара советских кавалерийских и пехотных частей

Касторненская группа генерала Постовского и корпуса Мамонтова и Шкуро 15 ноября были разгромлены. Через два дня красные бойцы освободили Курск.

Победы под Орлом и Воронежем заложили прочный фундамент дальнейших успехов армий Южного фронта и подготовили поражение противника под Касторной и Курском.

4

После взятия станции Касторная и Курска начался второй этап реализации сталинского плана разгрома Деникина.

Этот этап характеризуется стремительным преследованием отступающего противника. В директиве от 19 ноября товарищ Сталин отмечал, что части фронта взяли Льгов, Курск, Тим. Противник спешно отходил на всех этих направлениях к югу. На фронте 8-й армии сопротивление противника было также сломлено и наши части успешно продвигались вперед.

Товарищ Сталин в развитие своего основного стратегического плана поставил Южному фронту следующую задачу: на всем фронте развить самое энергичное преследование противника, отнюдь не теряя соприкосновения с его отходящими частями и выбросив вперед всю дивизионную

конницу для нанесения ударов противнику во фланг и тыл.

Выполняя эту директиву, войска Южного фронта развили успешное наступление на всех направлениях. Наступление Южного фронта не было огульным продвижением вперед. Товарищ Сталин организовал методическое преследование противника с одновременным закреплением завоеванных позиций, с перегруппировкой своих сил, с подтягиванием своих тылов и резервов.

Исходя из опыта боевых действий под Царицыном, Воронежем и Касторной, товарищ Сталин впервые в истории военного искусства создал Конную армию.

Решение о создании 1-й Конной армии вытекало из всех предыдущих мероприятий товарища Сталина.

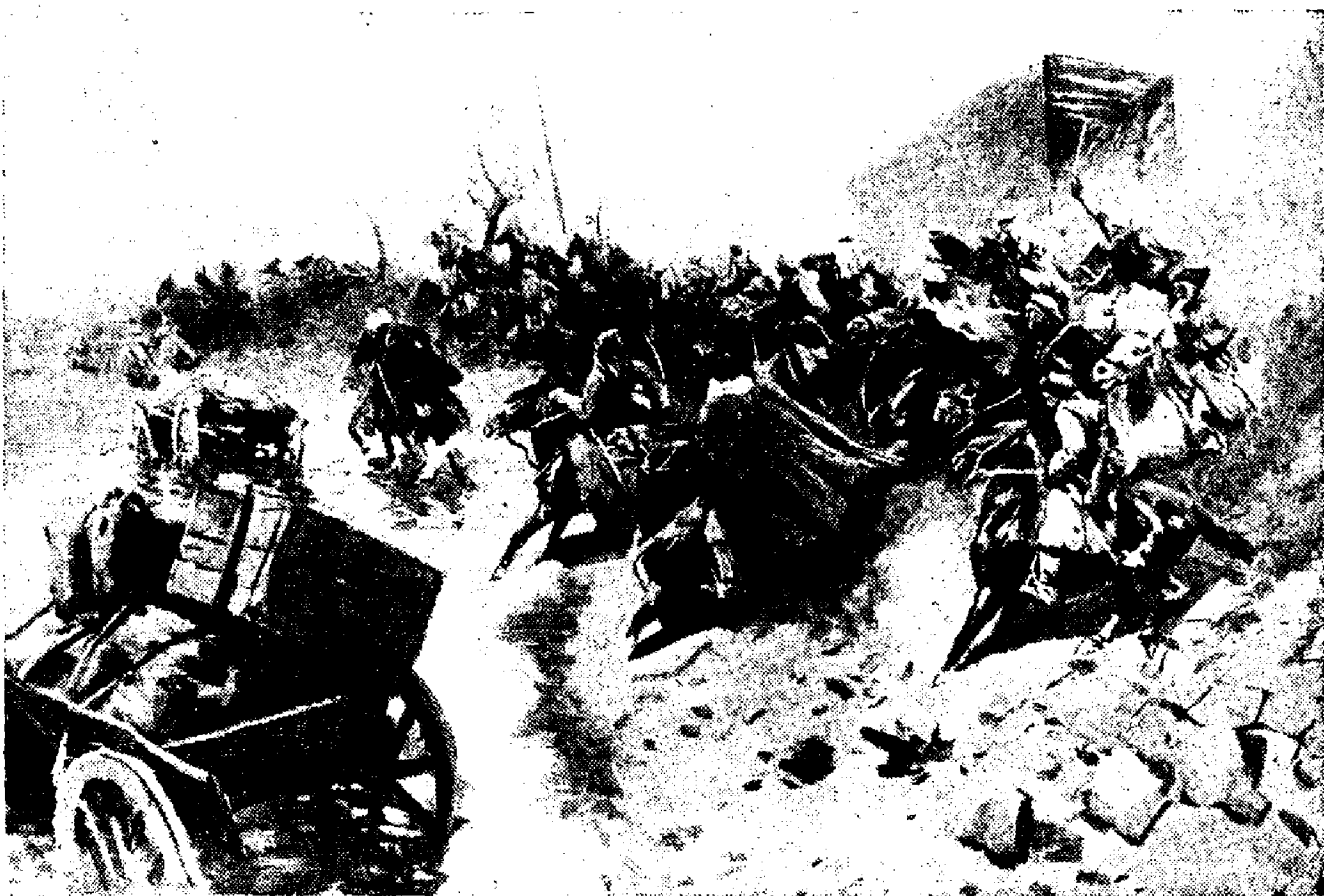
Опрокидывая догматы буржуазной военной науки о невозможности создания и использования конных армий, ломая яростное сопротивление изменника Троцкого, товарищ Сталин с полного одобрения Ленина организовал 1-ю Конную армию. 1-я Конная сыграла решающую роль в разгроме Донского. Товарищ Сталин обогатил пролетарскую стратегию и тактику ярчайшими образцами применения массивной конницы для решительных ударов по главной группировке противника на главном направлении, для раскалывания фронта противника и для сокрушительных фланговых ударов.

Партия и лично товарищ Сталин повседневно заботились об укреплении 1-й Конной коммунистами и комсомольцами. В 1-й Конной был наиболее высокий процент коммунистов по сравнению с другими армиями Советской России. Под командованием товарищей Ворошилова, Буденного и Щаденко Конная армия успешно выполняла все задачи, которые на нее возлагались.

Товарищ Сталин в телеграмме от 24 ноября дал важнейшее с точки зрения оперативного искусства указание о взаимном расположении частей и о необходимости разграничительных линий.

«...Главное, от чего должны быть отучены войска,— писал товарищ Сталин,— это от боязни открытых пространств на своих флангах. Поддерживая тесную связь с соседями, но нужно стремиться к связи локтевой, действуя возможно более сосредоточенными кулаками на важнейших операционных направлениях. Разграничительные же линии необходимы для указания частям их главного основного направления, так и для упорядочения расположения и движения тыловых учреждений...» (К. Ворошилов «Сталин и строительство Красной Армии». «Правда» от 21 декабря 1939 года).

6 декабря товарищ Сталин прибыл на фронт 1-й Конной армии. На заседании Реввоенсовета 1-й Конной армии товарищ

Первая Конная под Воронежем.

С картины художника М. Б. Грекова.

ОБСТАНОВКА ПАСЛЕДНИЕ ДНИ СЛОЖИЛАС НА ФРНТЕ ТАК
 ЧТО ПРАТИВНИКУ УДАЛОС ИСПУСТНЫМ МАНЕВРОМ РАСТОЛКАТ УДАРНУЮ ГРУППУ
 В ОТДЕЛЬНЫЕ ПАЛКИ И БИТ ИХ ПО ОДИНОЧКЕ ТОЧКА СМЫСЛ НАШЕЙ
 ПАСЛЕДНЕЙ ДИРЕКТИВЫ В ТОМ ЧДОБЫ ДАТ ВАМ ВОЗМОЖНОСТ ВКОВ
 СОБРАТ ЭТИ ПАЛКИ В ОДНУ ГРУППУ И ИСТРЕБИТ ЛУДЧИЕ ПОЛКИ ДЕННИКИНА
 ПОВТОРНУ ИСТРЕБИТ ИМО РЕЧ ИДЕТ ОБ ИСТРЕБЛЕНАИ ТОЧКА
 ВЗЯТИЕ КРЕМ ПРАТИВНИКОМ ЭПИЗОД КОТОРЫИ ВСЕГДА МОЖНО ИСПРАВИТ
 ОСНОВНОЯ НЕ ЗАДАЧА НЕ ПУСКАТ ПАЛКОВ УДАРНОЙ ГРУППЫ ПО ОДИНОЧКЕ
 А БИТ ПРАТИВНИКА ЕДИНОЙ МАССИВНОЙ ГРУППОЙ В ОДНОМ ОПРЕДЕЛЕННОМ
 НАПРАВЛЕНИИ ОСТАЛЬНЫЕ ЧАСТИ ИДУЩИЕ С ЮГА ОКАЖУТ ВАМ
 ПАСИЛЬНУЮ ПОМОЩ ТОЧКА

Телеграмма И. В. Сталина Г. К. Орджоникидзе от 25 октября 1919 года.

Центральный музей Красной Армии.

Сталин указал на ее роль в окончательном разгроме Деникина.

«Наша задача сейчас заключается в том, — говорил товарищ Сталин, — чтобы разорвать фронт противника на две части, не дать частям Деникина, расположенным на Украине, отойти на Северный Кавказ. В этом залог успеха. И эту задачу мы возлагаем на Первую Конную армию». (И. Тюленев «Первая Конная в боях за социалистическую родину», стр. 6. Воениздат. 1938).

1-я Конная армия немедленно взялась за выполнение приказа своего любимого вождя. В ближайшие же дни в районе Валуйки Конная армия в ожесточенном бою нанесла тяжелое поражение деникинцам. Продолжая преследование противника, Конная армия 9 декабря заняла город Валуйки.

Одновременно с успешным наступлением Конной армии были достигнуты значительные успехи и на других участках Южного фронта.

8-я армия 4 декабря заняла город Павловск. 14-я армия в этот же день овладела городом Ахтыркой, а 7 декабря выбила противника из Белгорода. 10 декабря наши части перерезали линию железной дороги Киев—Харьков и взяли Полтаву. В ночь с 11 на 12 декабря части героической 46-й дивизии во главе со своим боевым военкомом товарищем Мехлисом освободили Харьков от гга буржуазии и помещиков.

12-я армия разгромила белых и заняла Бердичев, а затем и Фастов. Развивая наступление по обоим берегам Днепра, части 12-й армии 15 декабря подошли к Киеву.

Белогвардейские войска под командова-

нием генерала Бредова занимали исключительно выгодные позиции на правом берегу Днепра. В ночь с 15 на 16 декабря части 44-й дивизии, организованной Н. А. Щорсом, должны были атаковать и взять Киев. Для этого надо было пройти через Днепр по тонкому, неокрепшему льду. С помощью местного населения эта задача была блестяще разрешена. В штаб 389-го Богунского полка явился старый рыбак Алексеев. Он знал все течения и все проходные места по льду. С его помощью в ночь на 16 декабря Богунский полк успешно переправился через Днепр. Внезапным ударом богунцы сбили заставы белых и заняли мосты. За богунцами переправились и остальные части дивизии. После ожесточенного восьмичасового боя 44-я дивизия с помощью других частей 12-й армии к вечеру 16 декабря очистила Киев от белогвардейских банд.

Одновременно с боями за освобождение Киева и Харькова успешно развивалось наступление других армий Южного фронта. О ходе наступления 1-й Конной армии Реввоенсовет Южного фронта по приказанию товарища Сталина сообщал Ленину следующее: «...в боях от 20 декабря на переправе через Север. Донец Конной армией Буденного разбита наголову конная группа противника в составе частей Мамонтова, Шкуро, Улагая; из сводной уланской дивизии ген. Чеснокова нами захвачено: 15 орудий¹, 80 пулеметов, свыше 1000 лошадей с седлами, обозы, 300 кавалеристов, большое количество важных докумен-

¹ По другим данным, 17 орудий.

тов. Зарублено более 1000 казаков, в том числе генерал Чесноков. Нами заняты станции: Нисведевичево и Лисичанск. Мост через Донец исправим, наши передовые части вступили непосредственно в угольный район» («Историк-марксист» № 1 за 1940 год, стр. 116).

В приказе по армиям Южного фронта от 13 декабря 1919 года предписывалось: «Ударной группе тов. Буденного в составе Конармии, IX и XII дивизий быстро выдвинуться в район Донецкого бассейна и захватить узловые станции, чтобы отрезать пути отступления Добрармии в Донскую область» (там же).

Деникинцы пытались задержаться на первой линии сопротивления — Ясиноватая—Дебальцево. В Донбассе были сосредоточены 3 конных корпуса, 5 бронепоездов и 5 пехотных дивизий.

В результате упорных боев под Лисичанском 1-я Конная армия при поддержке пехотных частей наголову разгромила деникинские части.

Как и предвидел товарищ Сталин, пролетарии и крестьяне Донбасса с величайшим энтузиазмом встречали свою освободительницу — Красную Армию.

На второй линии сопротивления — Горловка—Дебальцево — деникинцы также были разбиты. 30 декабря была освобождена Горловка, 31 — станция Иловайская.

Красная Армия, освободив Донбасс, взяла 5 тысяч пленных, до 200 орудий, 5 бронепоездов и другие трофеи.

По мере продвижения Красной Армии через Донбасс ее ряды пополнялись за счет рабочих и крестьян. Например Конная армия в конце ноября имела около 7 тысяч сабель, а в декабре—начале января она выросла до 12 тысяч сабель несмотря на потери, понесенные ею в боях.

28 декабря в «Правде» появилась статья товарища Сталина «К военному положению на Юге», в которой был дан глубочайший анализ причин побед Красной Армии на Южном фронте.

Товарищ Сталин подчеркивал, что основными причинами поражения контрреволюции и прежде всего Деникина являлись непрочность тыла контрреволюционных войск и окраинное положение контрреволюции.

Наряду с этими основными причинами поражения контрреволюции и прежде всего Деникина товарищ Сталин отметил ряд конкретных мероприятий партии и советского правительства, обеспечивших Красной Армии разгром белогвардейщины:

- «1) Улучшение дела резервов и пополнений...
- 2) Улучшение дела снабжения.
- 3) Наплыв на фронт коммунистов-рабочих...

Захват станции Касторная конницей Буденного.

О картины художника М. И. Авилова.

Первый приказ Реввоенсовета по Конной армии.

Первое заседание Реввоенсовета Конной армии происходило в вагоне в районе Старого Оскола. Здесь был составлен и подписан первый приказ Реввоенсовета по армии.

Вот текст этого приказа.

Приказом Реввоенсовета Республики в Адирополь, бывший корпус Юфронта (тогда БУДЕННОГО) преобразована в Первую Конную армию. Во главе управления армией поставлен Революционный Военный Совет в составе Командующего армией тов. БУДЕННОГО и членов Реввоенсовета тов. ВОРОШИЛОВА и ШАДЕНКО.

На Реввоенсовет Конной армии возложена чрезвычайно тяжелая и ответственная задача — сплотить части Красной Кавказской армии, сгруппированной в районе Оскола, с духом и революционной дисциплиной Красной Конной армии.

Вступая в исполнение своих обязанностей, Реввоенсовет, — возмущаясь великим историческим моментом, переживаемым Советской Республикой и Красной армией ввиду последней смертельного удара банды Деникина, призывает всех бойцов, командиров и политических комиссаров направить все силы в деле организации армии.

Необходимо, чтобы каждый революционный боец был не только бойцом, добросовестно выполняющим приказ, но также и волевым человеком, за который он берет в ответ.

Мы твердо уверены, что задача будет выполнена, и армия, сильная не только порывами, но сознанием и духом, если встретит победу, беспощадно уничтожит железными подковами и дубинками банды Деникина, выметет еще много классовых врагов в историю борьбы за работу укреплению Советской власти.

Да здравствует 1-я Конная армия!

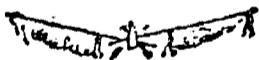
Да здравствует впереди Самодержавия!

Реввоенсовет: *Ворошилов. Буденный. Шаденко.*

Именно приказом заданной работы крестьянской армии Конная выполнила первый приказ своего Реввоенсовета.

И со дня в день 3-ей годовщины своего существования Конная армия, выдвигаясь в путь к победам, гордая своей величавой задачей, вспоминает былое время борьбы и войны и славы.

— Жив дух 1-й Конной. Крепни ее ряды. Зорни ее глаза. Острые ее Конная армия будет жить, крепнуть и побеждать во славу верховной Советской власти.

Первый приказ Реввоенсовета Конной армии. 1919 год.

Центральный музей Красной Армии.

- 4) Наладить аппараты управления...
 - 5) Умелое применение... системы фланговых ударов при наступлении.
 - 6) Методичность самого наступления» (И. Сталин «Статьи и речи об Украине», стр. 86. Партиздат ЦК КП(б)У. 1936).
- Характеризуя обстановку на Южном фронте, товарищ Сталин отмечал: «Ныне добровольческая армия беспорядочно отступает перед нашими частями, потеряв связь и управление, потеряв убитыми, ранеными и пленными не менее половины своего старого состава» (там же, стр. 87).

- 1 января 1920 года был красными взят Екатеринослав.
- 3 января 1920 года Реввоенсовет Южного фронта поставил перед войсками фронта новую задачу — в кратчайший срок выдвинуться к побережью Черного и Азовского морей, уничтожить разбитые армии Деникина и захватить Таганрог и Ростов.
- Одновременно с наступлением армий Южного фронта проходило наступление 10-й армии Юговосточного фронта и 11-й армии, возглавляемой С. М. Кировым. Совместным ударом этих армий с севера и

с юга 3 января 1920 года был освобожден Царицын. К этому же времени под руководством С. М. Кирова было ликвидировано белое астраханское казачество.

6 января 11-я кавдивизия и 9-я стрелковая дивизия при поддержке бронепоездов освободили Таганрог и вышли к берегам Азовского моря.

С выходом частей Южного фронта к берегам Азовского моря разделение армий Деникина на две части было полностью осуществлено.

На другой день после занятия Таганрога товарищ Сталин писал: «...теперь, после прорыва фронта Деникина, когда добровольческие армии отрезаны от донской и кавказской армий Деникина, когда за два дня боев на подступах Таганрога (1—2 января) наши войска отобрали у противника свыше двухсот орудий, семь бронепоездов, четыре танка и массу других трофеев, когда наши войска, освободив Таганрог, осаждают очаги контрреволюции — Новочеркасск и Ростов, — теперь можно с уверенностью сказать, что разгром деникинских армий идет на всех парах.

Еще удар, — и полная победа будет обеспечена» (там же, стр. 87—88).

Последний удар Деникину был нанесен в боях на подступах к Ростову. Первая Конная армия в тесном взаимодействии с 8-й армией разбила деникинцев, и 8 января 1920 года Ростов и Нахичевань были освобождены от белых.

Товарищ Сталин в приказе по войскам Южного фронта от 10 января 1920 года писал: «Основная задача, данная войскам Южного фронта, — разгром Добровольческой армии противника, овладение Донецким бассейном и главным очагом Южной контрреволюции — Ростовом, выполнена. Наступая зимой по глубокому снегу и в непогоду, перенося лишения, доблестные войска фронта в два с половиной месяца прошли с упорными боями от линии Орла до берегов Азовского моря свыше семисот верст. Добровольческая армия противника, подкрепленная конницей Мамонтова, Шкуро, Улагая, разбита, и остатки ее бегут по разным направлениям» («Боевой путь Красной армии», стр. 33—34. Воеиздат. 1939).

5

С освобождением Ростова и расщеплением армий Деникина на две части была блестяще выполнена основная задача плана разгрома Деникина.

Но план товарища Сталина был рассчитан не только на то, чтобы разбить врага, но и добить его. Ликвидация остатков

деникинских войск на Северном Кавказе и в южных районах Украины составляет содержание третьего этапа реализации сталинского плана.

С выходом Красной Армии на побережье Азовского моря деникинская армия окончательно распалась на три группы. Основная группа в составе Донской и Кубанской армий и остатков Добровольческого корпуса (до 46 тысяч штыков и сабель) была отброшена в пределы Северного Кавказа, группа генерала Слащева (около 5 тысяч штыков и сабель) отступала в Крым, и, наконец, третья группа — остатки Добровольческой армии (10—15 тысяч штыков и сабель) — отходила на Одессу.

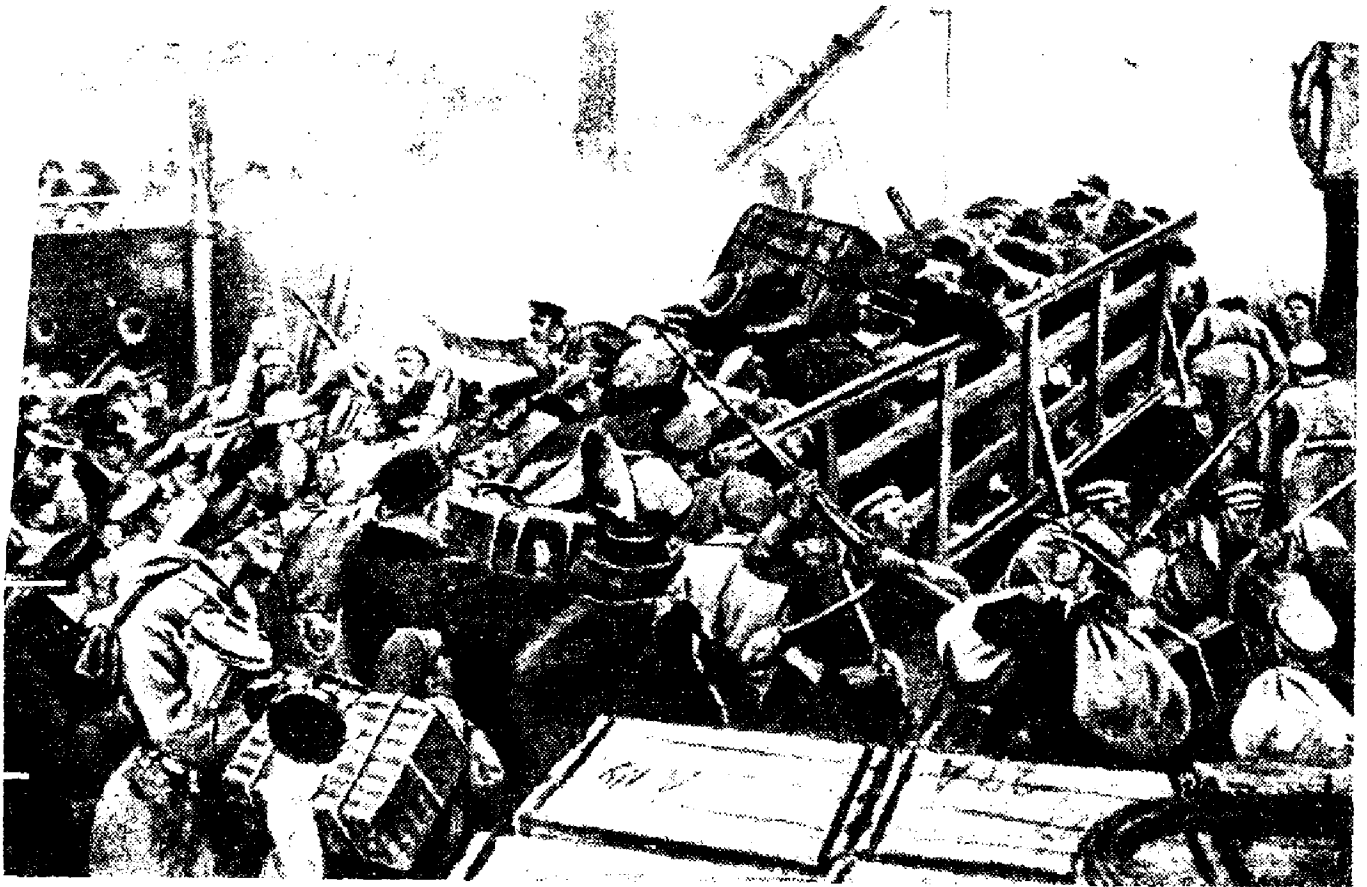
Вскоре после взятия Ростова была проведена реорганизация фронтов. Под руководством товарища Сталина армии Юго-западного фронта (12-я, 13-я и 14-я) ликвидировали остатки деникинской армии. На Правобережной Украине 2 февраля деникинцы сдали крепость Очаков, а 7 февраля героические части Красной Армии освободили Одессу. Народный герой Г. И. Котовский первый со своей кавбригадой вошел в Одессу.

После освобождения Ростова армиям Кавказского фронта было приказано преследовать деникинцев и окончательно разгромить их на Северном Кавказе. Деникинцы закрепились на линии Азов — Батайск — Ольгинская — Старочеркасская.

По приказу командующего фронтом, троцкистского ставленника Шорина, Конная армия должна была лобовой атакой взять Батайск. Товарищи Ворошилов и Буденный предложили свой план глубокого обхода укрепленных позиций противника и удара в тыл между Кавказской и Донской армиями с выходом в тыл на Тихорецкую. Командующий фронтом отверг этот план и приказал взять Батайск лобовой атакой. С 17 по 21 января Конная армия вела в труднейших условиях упорные бои под Батайском, но, понеся крупные потери, не достигла решительной победы.

Тогда товарищи Ворошилов и Буденный обратились с докладом к Ленину, Сталину и Калининну. Руководители Конной просили немедленно отменить «преступный план ликвидации Конной армии».

На следующий день, 3 февраля, товарищ Сталин в разговоре по прямому проводу с товарищами Ворошиловым и Буденным сообщил, что Шорин снимается с должности командующего фронтом, а членом РВС Кавказского фронта назначается Г. Е. Орджоникидзе. В заключение товарищ Сталин сказал: «Об одном прошу: берегите Конную армию, это неопенимое золото Республики. Пусть временно пропадают те или иные города, лишь бы сохранилась

Бегство буржуазии из Новороссийска. 1920 год.

С картины художника И. А. Владимирова.

Конная армия» (Полковник М. С. А п г а р с к и й «Второй поход Антанты и его разгром», стр. 77. М. 1939. Изд. Академии имени Фрунзе).

14 февраля войска Кавказского фронта под руководством Г. К. Орджоникидзе перешли в решительное наступление. Конная армия прорвала фронт белых и вскоре заняла станцию Торговую. В ночь на 19 февраля 1-я Конная армия опрокинула группу генерала Павлова, потерявшую 2500 человек убитыми и замерзшими. 22 февраля Конная армия во взаимодействии с пехотой окружила и уничтожила корпус генерала Крыжановского, причем было захвачено 5200 пленных, а Крыжановский и почти все офицеры его штаба убиты.

1 марта Конная армия окончательно разгромила группу войск генерала Павлова в районе Егорлыкской. Остатки денкинских войск бросились в паническое бегство: 17 марта 11-я армия освободила Екатеринодар, а 10-я армия — Пятигорск. 25 марта 1-я Конная армия заняла Майкоп, а 11-я армия — Грозный. 27 марта

был занят Новороссийск, где были взяты 22 тысячи пленных. Часть денкинцев с помощью английского флота бежала.

Другая часть белогвардейцев — остатки бывшей Кубанской армии — отступила из Майкопского района на Туапсе—Сочи. Отступая, белогвардейцы произвели массовые разрушения дорог и мостов. 2 мая эти белогвардейцы были взяты в плен на границе с Грузией.

Таким образом окончательно были ликвидированы остатки денкинских войск.

Разгром Деникина по плану и под руководством И. В. Сталина является величайшим триумфом пролетарской стратегии и тактики.

Сталинский план разгрома Деникина и его блестящее осуществление навсегда вошли в историю СССР как классические образцы революционной стратегии и тактики, на которых воины страны социализма учились, учатся и будут учиться искусству победы малой кровью и в кратчайший исторический срок.

Легенда и правда о «гулльском инциденте» 1904 года

Расстрел русской эскадры под командой адмирала Рожественского английской рыбачьей флотилии в Северном море, близ Гулля, у Доггер-банка в ночь с 21 на 22 октября 1904 года, вошедший в историю под названием «гулльского инцидента» и едва не приведший к войне между Англией и Россией, до сих пор освещался как русскими, так и иностранными историками в неверном свете.

Господствующая версия в этом вопросе сводится к тому, что русская балтийская эскадра, посланная царским правительством на Дальний Восток на помощь действовавшим против Японии силам, ошибочно приняла мирные английские рыбачьи суда за японские миноносцы, которых на самом деле у Доггер-банка не было, и в «панике» открыла огонь по рыбачьим траулерам, потопив один из них и повредив другие.

Этой точки зрения придерживаются такие видные западноевропейские и американские буржуазные историки, как Гуч, Ренувен, Дебидур и другие.

Г. Гуч в своем труде «История современной Европы» описывает «гулльский инцидент» следующим образом: «Во время прохода через Большой Бельт адмирал Рожественский получил известие от секретных осведомителей о том, что Японией отправлены в Европу минные истребители... Проходя мимо Доггерской мели, русская эскадра приняла ночью выпущенную гулльскими рыбаками, как рыболовный сигнал, зеленую ракету за неприятельский сигнал и открыла по ним огонь» (Г. Гуч «История современной Европы», стр. 206. ОГИЗ. 1925).

К сожалению, этой ошибки не избежали и наши советские историки, изучающие международные отношения в период русско-японской войны 1904—1905 годов.

Так например А. Сидоров в своей брошюре «Русско-Японская война 1904—1905 гг.» пишет: «Еще до падения Порт-Артура на выручку ему была послана в октябре 1904 г. Балтийская эскадра... Командующим эскадрой был назначен держиморда и трус адмирал Рожественский... Он прославился тем, что расстрелял английских рыбаков, приняв их за японцев, а проиграв сражение, одним из пер-

вых попал в плен японцам» (А. Сидоров «Русско-Японская война 1904—1905 гг.», стр. 31. «Московский рабочий». 1939).

В Большой советской энциклопедии «гулльский инцидент» изложен в следующем виде: «После поражения Тихоокеанского флота у Порт-Артура царское правительство послало на Дальний Восток на помощь действовавшим против Японии силам эскадру из Кронштадта под командой адмирала Рожественского. В ночь на 22 октября 1904 г., находясь у Доггер-банка, эскадра встретила рыбачью флотилию и несколько в стороне военное судно, оказавшееся крейсером «Авророй», входившим в эскадру Рожественского. Приняв рыбачью флотилию за японские миноносцы (о присутствии которых в Северных водах ходили слухи), эскадра открыла по ней огонь... Как среди английских рыбаков, так и на «Авроре» оказались убитые и раненые. Это неслучайное нападение вызвало бурное возмущение в Англии и чуть не привело к войне. После длительных дипломатических переговоров «гулльский инцидент» был передан на разрешение международного третейского суда в составе представителей Франции, Соединенных Штатов и Австрии (1905 г.). Версия о японских миноносцах судом была отвергнута, расстрел флотилии был признан безосновательным, и России пришлось уплатить возмещение пострадавшим англичанам в 65 тыс. фунтов стерлингов» (БСЭ Т. XIX, стр. 787—788).

Эта версия нашла широкое распространение не только среди историков, но также и среди некоторых писателей. Даже такому талантливому писателю, как Повиков-Прибой, принимавшему непосредственное участие в походе эскадры Рожественского в качестве матроса на броненосце «Орел», в своем произведении «Цусима», которое, несомненно, отличается точностью и полнотой передачи исторических событий, не удалось избежать ошибки при освещении «гулльского инцидента».

Рассказывая об этом инциденте, Повиков-Прибой пишет следующее: «Несомненно было, что мы, идя по Доггерской банке, врезались в рыбачью флотилию. Но наше высшее командование приняло эти

жалкие однотрубные парходики с номерами на боку, за неприятельские миноносцы. Флагманский корабль первый открыл по ним стрельбу, заразив своим страхом остальные броненосцы» (А. С. Н о в и к о в-П р и б о й «Цусима», стр. 77. Госполитиздат. 1937.)

Однако эта общепринятая версия о «гулльском инциденте» не соответствует исторической действительности.

Изучение и сопоставление иностранных публикаций «British Documents on the Origins of the War 1898—1914», London, «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», «Documents Diplomatiques Français 1871—1914», а также архивных документов бывшего министерства иностранных дел царской России, военно-исторического архива и других дают авторам настоящей статьи достаточное основание утверждать, что «гулльский инцидент» был спровоцирован Англией, которая в ночь на 22 октября 1904 года у Доггер-Банка (Dogger-Bank) под прикрытием рыбачьей флотилии пыталась произвести налет на проходившую мимо эскадру Рождественского при помощи миноносцев, запроданных ею ранее Японии. Цель этой англо-японской провокации могла быть одна: внести замешательство в русскую эскадру, преградить ей путь и не дать возможности Рождественскому прийти на выручку русскому Тихоокеанскому флоту.

* * *

Основной ошибкой историков, изучавших «гулльский инцидент», является то, что они рассматривали его как случайный эпизод, изолированно и в отрыве от общей международной обстановки, без надлежащего учета англо-русских и русско-японских противоречий, а также без соответствующего научного анализа подлинных документов.

Поэтому, прежде чем приступить непосредственно к освещению «гулльского инцидента», необходимо, хотя бы в самых кратких чертах, охарактеризовать ту международную обстановку, в которой он произошел.

Возникновение русско-японской войны 1904—1905 годов было вызвано не только русско-японскими противоречиями на Дальнем Востоке, но также и крайне обострившимися англо-русскими противоречиями на Ближнем Востоке, в Средней Азии, в Тихоокеанском бассейне.

Усиленное проникновение царской России в Иран, Афганистан, Тибет, Монголию, Корею, Манчжурию и Китай в 1880 и 1890 годах, захват Порт-Артура в 1898 году вызвали серьезные опасения Англии.

В 1898 году английское правительство, обеспокоенное усилением царской России

на Дальнем Востоке и в Средней Азии, делает попытку заручиться поддержкой Германии для борьбы против России. С этой целью английский министр колоний Джозеф Чемберлен предложил Германии заключить союз, который отводил ей роль английского солдата на континенте Европы против России. К этому союзу предполагалось также привлечь Японию и Америку. Однако Германия отказалась таскать кантаны из огня для английских империалистов.

Даже колониальные компенсации, предложенные Англией Германии в Северной Африке, показались германским империалистам, претендовавшим на мировую гегемонию, слишком малой ценой, для того чтобы ввязаться в союз с Англией, который был похож на союз всадника с лошастью, где роль всадника принадлежала бы Джону Булю. Естественно поэтому, что Германия сразу же, раскусив истинный смысл английских предложений, отказалась связать себя союзом с Лондоном.

В феврале 1901 года статс-секретарь германского министерства иностранных дел барон фон Рихтгофен писал в своей докладной записке канцлеру Булову: «Заключение с Англией оборонительного соглашения, похожего на договор Тройственного союза, явилось бы в руках ловкого и неразборчивого в средствах английского государственного деятеля очень сильным, но для нас очень опасным орудием... Вель острее такого союза, как бы его ни завуалировали, всегда будет обращено против России, а конфликт с Россией в основном ляжет всегда на наши плечи, а не на английские» (Булов в «Воспоминания», стр. 208—211).

Англо-германские переговоры, окончившиеся в 1901 году неудачей в силу существовавших противоречий между обеими державами, были отмечены В. И. Лениным в его «Тетраях по империализму» в известной таблице «Главнейшие кризисы в международной политике великих держав после 1870—1871 гг.».

В. И. Ленин отмечает: «1898: Англия ведет переговоры с Германией о союзе против России. (Не сторговались!)».

Одновременно с переговорами с Германией Англия, используя противоречия между Россией и Японией на Дальнем Востоке, обострившиеся после японо-китайской войны 1894—1895 годов и боксерского восстания 1900—1901 годов, стремится привлечь Японию на свою сторону и заручиться ее поддержкой для борьбы с Россией. В настоящее время, на основании документов, извлеченных из секретных архивов царского правительства, можно считать твердо установленным, что вопрос об

англо-японском союзе, направленном против России, стал предметом обсуждения английского правительства с момента захвата Россией Порт-Артура, т. е. с 1898 года.

В этот период по инициативе Джозефа Чемберлена были начаты переговоры с японским посланником в Лондоне—Като—о заключении англо-японско-германского Тройственного союза, который должен был стать преградой для дальнейшего проникновения России в Восточную Азию.

После того как попытки англо-германского сближения не увенчались успехом, английское правительство в 1901—1902 годах форсирует переговоры с Японией и предпринимает все меры к тому, чтобы обострить отношения между Россией и Японией и использовать последнюю для ослабления царской России как морской и колониальной державы.

Особого внимания в этом свете заслуживает следующий факт, подтверждаемый документами, хранящимися в архиве бывшего министерства иностранных дел: осенью 1901 года видный японский государственный деятель князь Ито по поручению японского правительства был послан в Петербург с чрезвычайной миссией: договориться с Россией о разграничении сфер влияния на Дальнем Востоке.

Князь Ито перед своим отъездом «имел совещание с обоими Генро Ионуэ и Яматай и премьером Кацурой, каким образом избежать столкновения с Россией по вопросам Манчжурии и Кореи, причем решено было заключить с Россией особое политическое соглашение. У всех тогда мало было уверенности в возможности заключения союза с Англией. Соглашение с Россией, по проекту, должно было признать свободу действий Японии в Корею, а России—в Манчжурии...» (Архив Внешней политики, д. Берлинского посольства, № 53).

Это известие не на шутку встревожило английское правительство, которое решило всеми силами воспрепятствовать русско-японскому сближению.

В июле 1901 года английский министр иностранных дел лорд Ленлоун в беседе с японским посланником в Лондоне графом Хаяси заявил, что «пора приступить к переговорам по делу заключения долговечного союза между Японией и Англией и что он желал бы знать, какие условия будут выставлены Японией и будет ли она настаивать на своих интересах в Манчжурии» (там же).

На это граф Хаяси ответил: «Ввиду опасения, что Россия, заняв Манчжурию, постарается присоединить Корею, Япония не намерена допускать Россию в Манчжурию и желает, чтобы в случае возникновения войны между нею и Россией, последней

не было бы оказано поддержки со стороны других держав» (там же).

Английский министр иностранных дел, одоблив позицию Японии, сказал: «Англия тоже не желает, чтобы Россия овладела Кореей... Англия вполне солидарна с Японией. Теперь настало время сговориться Японии с Англией и выработать условия взаимной помощи» (там же).

6 ноября 1901 года лорд Ленлоун прислал Хаяси первый проект англо-японского союзного договора, а через некоторое время при встрече с японским посланником просил его «поторопить японское правительство ответом», причем заявил, что «английское правительство останется весьма недовольным, если Япония заключит какое-либо соглашение с Россией» (там же).

Хаяси ответил, что японским правительством «производится исследование по этому вопросу и что поездка Ито в Петербург не имеет особого значения, а что в Лондон он не заехал потому, что на него дурно влияет сырой климат» (там же).

В 1902 году переговоры между Англией и Японией закончились подписанием союзного договора, который своим острием был направлен против царской России, являвшейся вековой соперницей Англии в Азии, на Ближнем и на Дальнем Востоке.

В. И. Ленин писал: «С 1878 года, когда русские войска подходили к Константинополю и английский флот появился перед Дарданеллами с угрозой расстрелять русских, как только они покажутся в «Цареграде»—до 1885 г., когда Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск в глубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии)—и до 1902 года, когда Англия заключила союз с Японией, подготавливая войну ее против России—за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила покорить господство Англии над рядом чужих народов» (Ленин. Т. XIX, стр. 281—282).

Англо-японский союз вдохновил и подтолкнул японских империалистов на борьбу с царской Россией, ослабления которой всемерно добивалась Англия.

Займы Японии на лондонской бирже составили в период 1899—1900 годов около 200 миллионов иен. При стоимости русско-японской войны Японии около 2 миллиардов иен, займы на лондонской и нью-йоркской биржах составили около одного миллиарда иен. Эта финансовая помощь облегчала Японии подготовку войны с Россией и в первую очередь создание мощного военно-морского флота.

На протяжении 1898—1904 годов Англия неустанно провоцировала Японию

против России, стремилась вызвать вооруженный конфликт между обеими державами.

Заручившись поддержкой Японии для борьбы против России, Англии удалось создать ударный кулак для разгрома военно-морского могущества России на Дальнем Востоке.

Обещая вооруженную поддержку Японии, Англия, по словам французского посла в Лондоне маркиза де Ноэля, «осуществила хорошо задуманный план. Доведенная войной в Трансваале до состояния беспомощности на Дальнем Востоке, ей ловко удалось создать в этой области стража, сухопутные и морские силы которого достаточно серьезны, чтобы держать под страхом в случае необходимости попытки экспансии России. Великобритания умеет заставлять другие державы таскать для нее каштаны из огня и в сущности такую же роль выполняет сейчас Япония» («Documents Diplomatiques Français 1871—1914». Т. II, р. 2, № 92).

Эти империалистические замыслы по отношению к России определяли английскую стратегию на всем протяжении русско-японской войны. Провокация и шантаж, снабжение Японии военными материалами и боевыми припасами, постоянный инструктаж японской армии и военно-морского флота, вплоть до непосредственного руководства английских офицеров боевыми операциями Японии против России—все эти и многие другие средства были успешны Англией в ход с первых же дней русско-японской войны.

Вот несколько эпизодов, свидетельствующих об этом.

При первой атаке японцами Порт-Артура японские миноносцы заняли в английскую военно-морскую базу в Вей-хай-вей, где получили соответствующие инструкции и планы от английского командования. Во время боевых действий японского флота против Порт-Артура английский капитан Muebrigde лично руководил первой бомбардировкой, находясь на японском броненосце (ЦВИА, ф. ВУА, л. № 27882).

Военная помощь Японии со стороны Англии доходила даже до того, что английские механики вылавливали на своих судах установленные Россией мины у Порт-Артура (ЦВИА, ф. ВУА, л. № 27883).

Следует отметить, что японские военные корабли в своих действиях широко прибегали к пользованию английским флагом. Так, еще в мае 1904 года японские быстроходные коммерческие пароходы, оборудованные английским беспроволочным телеграфом, постоянно курсировали под английским флагом около русских дальневосточных портов по пути следования русского

флота, производя разведку местности и собирая ценные сведения о русском флоте (ЦВИА, ф. ВУА, л. № 27506).

В октябре 1904 года царское правительство выслало на выручку к Порт-Артуру балтийскую эскадру во главе с адмиралом Рожественским. В состав эскадры входили: эскадренные броненосцы «Князь Суворов», «Император Александр III», «Боролино», «Орел», «Ослябя», «Сивой великий», «Паварин», «Император Николай I», «Адмирал Нахимов»; крейсера 1-го ранга «Олег», «Аврора», «Дмитрий Донской», «Светлана», «Владимир Мономах»; крейсера 2-го ранга «Алмаз», «Изумруд», «Жемчуг»; эскадренные миноносцы «Бедовый», «Безупречный», «Блестящий», «Бодрый», «Буйный», «Быстрый», «Бравый», «Громкий» и «Грозный». Посылка балтийской эскадры была последней ставкой, при помощи которой царское правительство надеялось нанести удар японскому флоту или, по меньшей мере, улучшить условия будущего мира. «Полный военный крах царской России,—писал В. И. Ленин,—стал очевиден уже тогда, но балтийская эскадра внушала еще русским патриотам тень надежды. Все понимали, что окончательный исход войны зависит от победы той или другой стороны на море. Самодержавие видело, что несчастный исход войны равносильен победе «внутреннего врага», т. е. победе революции. Поэтому на карту было поставлено все. Сотни миллионов рублей были затрачены на спешную отправку балтийской эскадры. С бору да с сосенки собран экипаж, наскоро закончены последние приготовления военных судов к плаванию, увеличено число этих судов посредством добавления к новым и сильным броненосцам «старых сундуков»... По самым скромным расчетам, эта армада стоила до 300 миллионов рублей, да посылка ее обошлась в 100 миллионов рублей,—итого 400 миллионов рублей выброшено на эту последнюю военную ставку самодержавия» (Ленин, Т. VII, стр. 335).

Известие об отправке балтийской эскадры на Дальний Восток вызвало резкое недовольство Англии. Английское правительство, опасавшееся возможного военного поражения Японии и усиления царской России, приняло меры к тому, чтобы всеми возможными средствами преградить путь русской эскадре или, по крайней мере, затруднить ее своевременное прибытие к месту назначения.

Следует отметить, что еще в январе 1904 года, т. е. за месяц до того, как японские миноносцы торпедировали русскую эскадру на портартурском рейде, японский посол в Лондоне барон Гялпи просил у лорда Леллоуна «добрых услуг»

(good offices) — не допускать прохода русской эскадры через Дарданеллы на помощь дальневосточной эскадре. Лендлоун дал требуемое обещание, подтвержденное затем английским правительством («British Documents on the Origins of the War 1898 — 1914». Vol. II, № 274, 285; Vol. IV, №№ 40, 42).

Во время русско-японской войны английское правительство неоднократно оповещало Японию и Турцию, что проход русского флота через Дарданеллы не будет допущен Англией. Но и после того как Турция под нажимом Англии отказалась пропустить русские суда через проливы и эскадра Рождественского была вынуждена пуститься в длинный и трудный путь вокруг Африки, Англия продолжала чинить ей препятствия.

Этой цели Англии помог так называемый «гульскый инцидент», в котором, как мы считаем установленным, участвовали японские миноносцы, пытавшиеся под прикрытием английской рыбачьей флотилии торпедировать корабли балтийской эскадры. Впоследствии английское правительство свалило всю вину на эскадру Рождественского, который якобы принял рыбачьи суда за миноносцы, и, пригрозив России войной, пыталось не допустить русский флот на Дальний Восток.

В этом свете заслуживают внимания следующие весьма важные факты.

Еще задолго до отправки балтийской эскадры на Дальний Восток английское правительство усиленно снабжало Японию военными судами. Так, в январе 1904 года Англия тайно закупила у Аргентины 2 броненосных крейсера и передала их Японии с английскими офицерами и матросами. Этот вопрос был предметом специального представления российского министра иностранных дел графа Ламздорфа английскому послу в Петербурге.

«Граф Ламздорф выразил английскому послу свое большое удивление новостью, полученной от генерального консульства России в Генуе, что 2 японских крейсера должны покинуть этот порт под английским флагом и с английскими офицерами и экипажем. Английский посол вначале отрицал формально этот факт, затем он заявил, что не осведомлен о том, что японцы воспользовались английским флагом; что же касается офицеров и экипажа, британскому правительству было невозможно запретить резервистам наниматься добровольцами за границу...» (Из секретного донесения французского посла в Петербурге Бомпара, мин. иностр. дел Делькассе 13 янв. 1904 года).

Одновременно с закупкой Англией 2 военных судов для Японии в Аргентине в чилийский парламент в январе 1904 года

был внесен билль, уполномочивающий адмиралтейство проехать Японии 2 броненосных крейсера, 7 миноносцев, 2 миноносца, 2 транспорта и несколько бронированных башен с пушками для укрепления Кореи. Эти закупки Японии финансируются Англией.

Независимо до отправки эскадры Рождественского русское адмиралтейство узнало из достоверных источников, что 6 английских вестрибителей средиземноморской эскадры, назначенные для укрепления английских сил в Китайском море, получили приказ немедленно отправиться в Красное море и ждать там два военных корабля для конвоирования их до Японии.

Весной 1904 года российский военный агент в Китае Десино сообщал в Главный штаб:

«Чтобы препятствовать приходу сюда из России нашего флота, решено отправлять на предполагаемый путь партиями морских офицеров и фраговать яхты для крейсирования, в особенности в Красном море. Достоверно, что 8 морских японских офицеров уже прибыли в Шанхай, при них английский механик Гарви... Многие из прибывших в Японию английских и американских пароходов куплены японцами, и покупка продолжается» (ИВИА, ф. ВУА, л. № 27882).

Еще в августе 1904 года царское правительство получило предупреждение относительно возможности японских покушений, которые могут быть произведены на эскадру в Северном море.

13 октября 1904 года германский посол в Лондоне Меттерних телеграфировал в министерство иностранных дел:

«Из достоверных источников мне было сообщено, что в случае выхода русского Балтийского флота в Зунде или Каттегат будут поставлены японскими агентами мины. Предоставляю на ваше усмотрение, следует ли передать это предупреждение российскому правительству» («Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914». В. XIX. № 6100, S. 281).

Однако германское правительство не сочло нужным сообщить об этом России и вместо этого передало сведения Меттерниха британскому послу в Берлине.

Наконец, накануне самого «гульского инцидента» 20 японских офицеров прибыли в Гуль и вели там какие-то тайные приготовления. Из всего этого следует, что появление японских миноносцев в Доггер-Банке вытекало из всех предшествовавших военных приготовлений Англии и Японии и их стремления во что бы то ни стало преградить путь эскадре Рождественского. Об этом свидетельствуют документы бывшего министра иностранных дел Ламздорфа за 1904 год, в которых мы находим

целый ряд указаний о том, что Япония при помощи Англии планомерно подготавливала нападение на русскую эскадру Рождественского в Северном море. Накануне «гулльского инцидента» Ламздорф неоднократно указывал российскому посланнику в Стокгольме Бюцову на необходимость тщательной проверки сведений об усиленных поисках японских офицеров в Северном море и возможность внезапной атаки на отходящую на Дальний Восток балтийскую эскадру. Однако бездеятельный Бюцов не проявил достаточной активности в этом направлении.

Таким образом, мы видим, что сведения, которыми располагало царское правительство, давали полное основание ожидать японской диверсии в Северном море. Не случайно в ночь с 21 октября на 22 октября 1904 года, когда балтийская эскадра подошла к Доггер-Банку, два неизвестных миноносца, очутившиеся среди английской рыбацкой флотилии, попытались атаковать русскую эскадру. Однако вражеские миноносцы были вовремя обнаружены балтийской эскадрой, которая немедленно перестроилась в боевой порядок и отразила нападение японских миноносцев.

Адмирал Рождественский в своих донесениях от 26—28 октября 1904 года, описывая подробности происшедшего инцидента в Доггер-Банке, сообщал: «Русская эскадра, заметив два японских миноносца, приближающихся к ней со всей скоростью, открыла по ним огонь, потопив один, другой удался. Несколько снарядов попало в рыбацьи суда...» Адмирал выражал сожаление, что «рыбаки сделались жертвой огня его кораблей», но он заявил, что «два миноносца атаковали первое судно дивизии...»

Потерпев неудачу в осуществлении своих провокационных планов, англо-японские империалисты предприняли все меры к тому, чтобы свалить всю ответственность за происшедший инцидент на балтийскую эскадру и воспользоваться этим как предлогом для задержки ее в пути.

В ходе расследования инцидента на эскадре все утверждали, что своими глазами видели миноносцы, а главное, описывали их внешний вид (число труб, мачт, окраску, настрейки и т. п.) совершенно одинаково. И это не на одном корабле, где можно было бы заподозрить в стоворе, или «взаимном гипнозе», или даже «опьянении», а на пяти кораблях, в тот момент не имевших между собой никакого общения.

Два дня спустя после «гулльского инцидента» английский министр иностранных дел лорд Ланеловун вызвал к себе русского поверенного в делах в Лондоне

Сазонова и, потребовав от него объяснений, между прочим спросил: «Есть ли хоть малейшее доказательство того, что японцы действительно делали приготовления в нашей стране или где-нибудь в другом месте для подобных покушений и что если бы эти суда действительно были японскими миноносцами, несли ли бы они отличительные огни, которые, как мы знаем, горели на траулерах в то время, как они подверглись обстрелу» («British Documents». Vol. IV. № 8).

На этот более чем «наивный» вопрос английского министра, имевший, очевидно, своей целью кое-что разузнать у Сазонова, последний недвусмысленно ответил: «Русское правительство имело много сообщений о том, что японские агенты посещают Англию с целью подготовки покушений на Балтийский флот... и если японские миноносцы, действительно произвели такое нападение, они были бы замаскированы под мирные рыбацьи шхуны» (там же).

Присутствовавший при этом разговоре российский военно-морской агент капитан Бострем не без основания заметил министру: «Вряд ли возможно, чтобы русские офицеры ошиблись. Паровые траулеры — тихоходные суда, внешний вид которых не оставляет места для сомнений в их назначении. Наоборот, виденные миноносцы шли с очень большой скоростью» («British Documents». Vol. IV. № 16).

Английский министр пришел в такое замешательство от этого, весьма справедливого указания, что в смущении не нашел ничего иного, как заявить: «Я не имею специальных знаний в этой области, но мне хорошо известно, что к траулерным флотилиям прикрепляется некоторое количество быстроходных пароходов, которые курсируют между флотилией и нашими портами, отвозя от первой во вторые ежедневный улов. Мне кажется по меньшей мере возможным, что эти пароходы были приняты находящимися в панике офицерами за миноносцы» («British Documents». Vol. IV, № 16).

Но эти аргументы звучали столь неубедительно, что в их действительность вряд ли верил сам английский министр. Но особенного внимания в связи с анализом действительных виновников «гулльского инцидента» заслуживает следующее, чрезвычайно важное обстоятельство.

На другой же день после «гулльского инцидента» в английской прессе, не называвшей эскадру Рождественского иначе, как «эскадрой бешеной собаки», которую необходимо либо вернуть назад либо уничтожить, было опубликовано следующее, весьма любопытное сообщение: «Один из русских миноносцев до утра оставался на месте происшествия и не оказал никакой

помощи рыбакам, спасавшим своих товарищей». Факт этот раздувался разгоряченными лондонскими газетами на все лады. Говорилось, что даже варвары щадили случайные жертвы войны и не отказывали им в сострадании, а поэтому эту пощечину, нанесенную Англии, можно смыть только кровью, если со стороны русского правительства не будет дано самого полного удовлетворения. Таким удовлетворением признавалось только возвращение эскадры Рождественского и предание суду ее начальника, командиров, а также всех, кто окажется причастным к делу.

Весьма знаменательное сообщение английской прессы о том, что якобы русский миноносец оставался до утра на месте происшествия и не оказал никакой помощи рыбакам, было почерпнуто не из частных сведений, а представляло собой официальное правительственное коммюнике. Так, 24 октября 1904 года лорд Лендону официально заявил: «После прекращения огня русская эскадра продолжала свой путь без малейшей попытки спасти пострадавших или убедиться, какой был нанесен ущерб. Одно небольшое судно оставалось на месте происшествия приблизительно около шести часов, а затем ушло за эскадрой, также не сделав попытки оказать помощь... Невозможно превзойти возмущения, которое этим вызвано. Оно еще увеличивается жестокосердием русского командующего, который безусловно знал, перед тем как продолжать свой путь, что его эскадра обстреляла и нанесла серьезный урон невинным и беззащитным людям» («British Documents». Vol. IV. № 6).

Не увязав концы с концами, английское правительство не рассчитало, что ни один русский миноносец не мог оставаться на месте происшествия по той простой причине, что — как это можно считать достоверно установленным на основании документов — в балтийской эскадре в момент инцидента не было ни одного миноносца; все русские миноносцы были впереди эскадры более чем на 200 миль, а поэтому пресловутый миноносец, оставшийся на месте происшествия до утра, и являлся, очевидно, одним из тех японских миноносцев, который атаковал эскадру и, по свидетельству офицеров и матросов, был сильно подбит и, повидному, испытывал нанесенные ему повреждения или поджидал помощи со стороны. Естественно поэтому, что командующий эскадрой в своем донесении от 28 октября 1904 года резко протестовал против «обвинения, брошенного одному из его миноносцев, который будто бы оставался всю ночь на месте происшествия, не оказав помощи жертвам», и заявил, что «русская дивизия не имела миноносцев» и «весьный ко-

рабль, присутствие которого было замечено в течение всей ночи, был поврежденным японским миноносцем».

Заслуживают особого внимания показания английского капитана Лукаса, сделанные им после «гулльского инцидента» в русской миссии в Брюсселе. Этот капитан, плававший в течение 25 лет в Северном море, утверждал, что он лично еще за пять дней до «гулльского инцидента», по пути из Антверпена в Англию, находясь в английском пароходе «Titania», в 6½ часов утра в 25 милях от пловучего маяка «Newagr», видел два судна странного типа с одной большой мачтой впереди и маленькой — сзади. «Это, — заявил Лукас, — не были рыбацкие суда, а настоящие миноносцы, без обозначения национальности... Миноносцы держали курс «S. E.» (Юго-Восток) и очень быстро скрылись из виду». Более того: в подтверждение своих показаний капитан Лукас представил русской миссии сделанную им зарисовку профиля виденных им миноносцев, которые по внешнему виду были похожи на рыбацкие траулера (Архив Внешней политики, яп. ст., д. № 302).

Эти сведения капитана Лукаса подтверждаются показаниями норвежского лейтенанта Христиансена, который прибыл в русскую миссию в Христиании в октябре 1904 года и заявил, что он «ночью во время плавания в Северном море между Логгер-Банком и западным берегом Дании, 19 и 20 минувшего октября видел два подозрительных судна... представлявших наружный вид миноносцев» (там же).

Не менее важно также и показание шведского механика Лешстрема (Lofstrom), который сообщил следующее: «За двое суток до происшествия он был нанят в Whitley Bay, близ Ньюкаста, неизвестным ему японцем отнести какой-то чемодан в пустынное место на берег моря, где японец сел в ожидавшую его шлюпку и переехал на стоявший вблизи двухтрубный миноносец, тотчас же ушедший в море» (там же, д. 2-го департамента МИД, № 282).

Одновременно два английских матроса, Вильям Беннет и Джордж Уолш, заявили о том, что накануне происшествия к ним обратился неизвестный японец, который пытался их склонить за крупную сумму денег к участию в каком-то опасном предприятии в Северном море, близ Гулля, для чего матросы должны были переодеться рыбаками. Это заявление, проникшее в печать, произвело такой переполох в Лондоне, что английская официозная пресса, боясь разоблачений, обвинила матросов в подкупе их русскими агентами. Однако оба матроса энергично отстаивали свое полное бескорыстие и согласились подтвердить свои показания под присягой.

Заслуживают внимания и другие факты. В ночь происшествия в Доггер-Банке стояло специальное госпитальное судно «Alpha», на котором, по заявлению доктора Кольмера, находился подозрительный японец, который исчез тотчас же после происшествия, забыв в ящиках некоторые свои вещи и бумаги.

Прибывший 28 октября в Гулль в числе других пострадавший рыбак с погибшей паровой рыбацкой лодки «Grape» подтвердил присутствие перед носовой частью их лодки одного военного судна, а за кормовой частью—другого, которые перестреливались так, что их лодка находилась между двух огней.

Таким образом, факт присутствия миноносца можно считать установленным, однако это был не русский, а японский миноносец. Даже во французской публикации «Documents Diplomatiques Français» мы находим указание на то, что «английские рыбаки были возмущены присутствием иностранного судна» («Documents Diplomatiques Français», p. 11. T. V, № 396).

Весьма знаменательно, что как только строго мотивированное опровержение командования эскадрой появилось в одной из газет, вся английская пресса забила отбой и больше не возвращалась к выдвинутому ею первоначальному сообщению. Более того: спустя некоторое время на заседании следственной комиссии в Париже английские делегаты заявили, что «рыбаки, несомненно, ошиблись», ибо никакого миноносца не было, а просто утром через это место проходил русский пароход «Камчатка», и они приняли его за миноносец.

Но этот новый аргумент был столь неуклюже состряпан, что с головой выдавал истинных организаторов гулльской провокации, т. е. самих англичан. В самом деле, можно допустить, что «Камчатка» действительно утром 22 октября 1904 года проходила через место происшествия, но ведь речь шла о миноносце, который «оставался на месте всю ночь до утра». И, наконец, можно ли допустить, чтобы при дневном освещении опытные, старые английские морские волки могли принять такой безобразнейший высокооборотный коммерческий пароход, каким была «Камчатка», за вражеский миноносец?

В заключение небезынтересно привести следующий факт, еще лишний раз подтверждающий наличие японских миноносцев в Северном море в октябре 1904 года.

Один из участников похода эскадры Рождественского, капитан В. Семенов, в своей трилогии «Расплата», представляющей собой дневник событий русско-японской

войны 1904—1905 годов, рассказывает о следующем, весьма любопытном эпизоде:

«...Лежа на койке японского госпиталя в Сасебо, я узнал от товарищей, тоже раненых, но уже поправлявшихся и свободно гулявших по госпиталю, что в соседнем барачке лечится от острого ревматизма японский лейтенант, бывший командир миноносца. В это время в Портсмуте (в Америке) уже начались переговоры, конечным результатом которых должно было явиться заключение мира на тех или иных условиях. Это всем было ясно, а потому наш сосед, вероятно, не находил нужным особенно секретничать относительно прошлого. Он открыто заявлял, что нажил свою болезнь за время тяжелого похода из Европы в Японию.

— Ваша, европейская осень—это хуже нашей зимы! — говорил он.

— Осень? — спрашивали его. — Какой же месяц?

— Октябрь. Мы, наш отряд, тронулись в поход в конце этого месяца.

— В октябре? Одновременно со второй эскадрой? Как же мы ничего о вас не знали? Под каким флагом вы были? Когда прошли Суэцкий канал?

— Слишком много вопросов!.. — смеялся японец. — Под каким флагом? Конечно, не под японским! Почему вы не знали? Об этом надо спросить вас... Когда прошли Суэцкий канал? Следом за отрядом адмирала Фалькерзама!

— Но тогда... не вы ли фигурировали в знаменитом «Гулльском инциденте»?..

— Ха-ха-ха! Это уж совсем нескромный вопрос!

Больше от него не могли добиться никаких объяснений, но, мне кажется, что и этого было достаточно. Тем более, что в европейских газетах около того времени (октябрь—ноябрь 1904 г.) прорывались временами какие-то смутные сообщения о каких-то миноносцах, которые (в числе четырех, построенных в Европе) идут на Восток для усиления азиатской эскадры...» (В. Семенов «Расплата». Трилогия. Т. I, стр. 267—268. 6-е издание).

Эти факты, записанные Семеновым, заслуживают особого внимания. Попутно небезынтересно отметить, что дневник Семенова был вскоре же переведен на все европейские языки и им пользовались как авторитетным справочником в английском морском министерстве.

Таким образом, совершенно очевидно, что нашумевший «гулльский инцидент» являлся тонко задуманной англо-японской провокацией, цель которой состояла в том, чтобы не допустить русской эскадры на Дальний Восток и тем самым добиться разгрома военно-морских сил России, а

также вызвать возбуждение мирового общественного мнения против России.

В этой связи заслуживают особенного внимания пометки Вильгельма на секретных донесениях германских дипломатических и военных представителей за границей.

Германский кайзер, несомненно, о многом догадывался, но еще больше знал из весьма конфиденциальных и достоверных источников. Так, на телеграмме германского военного атташе в Лондоне майора фон-дер Шюленбурга от 27 октября 1904 года, в которой сообщается, что «если в течение 24 часов не будут приняты все английские требования, то британский флот задержит дальневосточную эскадру и в случае неповиновения применит принуждение», Вильгельм II сделал следующую, весьма интересную пометку: «Ясное доказательство, что японцы раз'яснили англичанам, что они их считают ответственными за то, чтобы не допустить русский флот на Дальний Восток. Вследствие этого была выдвинута Гульская рыбачья флотилия и поставлены условия — если возможно неприемлемые, чтобы иметь основания возможно дольше задержать русских» («Die Grosse Politik». В. XIX. № 6106).

В другом из донесений германского посла в Лондоне Меттерниха указывалось: «Русские в неожиданно проявившемся паническом страхе приняли рыбачьи лодки за японские миноносцы», — Вильгельм заметил о Рождественском: «Он безусловно имел перед собой миноносцы под чужим флагом. По всей вероятности, оставшиеся из проданных англичанами японцам» («Die Grosse Politik». В. XIX. № 6101). А в беседе с российским полковником Шебеко, состоявшим при Вильгельме II, 15 ноября 1904 года кайзер сказал: «Адмирал Рождественский иначе не мог и не должен был поступить; виденные с его судов миноносцы должны, безусловно, быть английского происхождения... очень вероятно, что это те же суда, которые несколько времени тому назад были предлагаемы русскому правительству, отказавшемуся от приобретения вследствие недостаточной их величины. Вель они затем бесследно исчезли. Может быть, даже они японцами и не были куплены, а только взяты для пробного плавания и для наведения русского огня на английских рыбаков» (Красный архив, т. II. 1925, стр 59—60).

Даже французский поверенный в делах в Петербурге, Бутирон, которого никак нельзя заподозрить в сочувствии к русской балтийской эскадре, отнесся весьма скептически к официальной английской версии о «гульском инциденте» и назвал его «необъясненным и навсегда необъяснимым»

(«Documents Diplomatiques Français. p. 2. T. V. № 442).

Тщательно скрывая факт присутствия японских миноносцев в Северном море, английское правительство, лицемерно объясняя причину бомбардировки в Доггер-Банке варварством русских офицеров, выдавало себя за поборника «гуманности и международного права» и во имя этого требовало немедленной задержки балтийской эскадры: «Вследствие грубого насилия, совершенного в Северном море, правительство его величества сообщило российскому правительству, что оно ожидает полных извинений, полного возмещения, наказания виновных офицеров и гарантии против повторения подобных проступков. Вследствие этого... будет явно необходимым задержать Балтийскую эскадру в Виго или вблизи его на достаточное время, чтобы получить все сведения и удостовериться, на ком лежит ответственность. Мы надеемся, что российское правительство сделает это без колебаний, потому что мы не можем допустить, чтобы Балтийский флот вышел из пределов досягаемости без того, чтобы была сделана попытка выполнить наши требования. Это не такой случай, чтобы можно было терпеть дипломатические проволочки» («British Documents». Vol. IV. № 19).

Эти требования, предъявленные в ультимативной форме, были подкреплены Англией угрозой войны. Был отдан приказ по адмиралтейству послать все бронированные крейсера и эскадренные миноносцы английской средиземноморской эскадры в Гибралтар навстречу русской эскадре и в случае сопротивления преградить ей путь вооруженной силой.

В телеграмме английского адмиралтейства от 27 октября 1904 года командиру ламавшской эскадры в Гибралтаре были даны следующие инструкции:

«Может стать необходимым, чтобы вы задержали Балтийскую эскадру убеждением, если это окажется возможным, силой — если это станет необходимым. Для того чтобы ваши силы были таковы, чтобы не было бесчестьем для русских уступить им, мы посылаем вам шесть линейных кораблей, четыре бронированных крейсера и все находящиеся в нашем распоряжении миноносцы из Средиземного моря...» (там же).

В ответ на этот приказ командующий ламавшской эскадрой лорд Чарльз Бересфорд срочно запросил адмиралтейство: «Потопить их или привести в Портсмут?» («Die Grosse Politik». В. XIX. № 6117).

Отношения между Россией и Англией в эти дни были настолько напряженными, что война ожидалась с минуты на минуту.

Интересно указать, что, требуя задержки российской эскадры в Виго и наказания

виновных, английское правительство первоначально пыталось обезглавить балтийскую эскадру и снять с нее весь высший командный состав.

России было предъявлено следующее, поистине наглое и циничное требование. «Хотя правительство его величества, — заявил 31 октября 1904 года Лендсун, — не может принять на себя какую-нибудь ответственность в смысле выбора офицеров, которые могут быть выделены, мы уверены, что российское правительство поймет наше желание иметь сведения о ранге и положении этих офицеров. Если обстрел рыбацких шхун произошел вследствие общих инструкций, разрешающих такие действия, то нам кажется, что список должен включать лиц, ответственных за издание этих инструкций. Если же, с другой стороны, будет утверждаться, что инструкции были извращены или не выполнены, тогда список должен включать лиц, виновных в таком извращении или неповиновении. Этот вопрос очень важен, ибо, по слухам, адмирал якобы сказал, что в данных условиях никакое военное судно не могло действовать иначе. Нам, безусловно, будут спрашивать, какие лица задержаны в Вито, и, я надеюсь, что эти сведения будут нам сообщены. Мы, конечно, не будем удовлетворены двумя—тремя офицерами малого чина...» («British Documents». Vol. IV. № 25).

В течение всего времени пребывания эскадры Рождественского в Вито русские суда находились на положении арестованных. Британские крейсера неотступно следовали за ними в полной боевой готовности. Даже после того как первый отряд русских броненосцев снялся с якоря, чтобы покинуть Вито, вслед за ним пошли четыре английских крейсера, которые до этого скрывались в соседней бухте и нарочно поджидали русские суда. Ночью, чтобы определить курс русских броненосцев, английские крейсера следовали за отрядом, проходили под носом «Суворова», шли в створе южной стороны русских судов и потом обходили их на флангах. Через сутки число английских крейсеров увеличилось до десяти. Действия их стали еще более вызывающими. Ночью они приближались к русским судам до 2—3 кабельтовых, а днем держались не далее 2 миль. Они выстраивались то с одной, то с другой стороны русского отряда, то шли фронтом впереди него, то заходили назад. Иногда они охватывали русские броненосцы полукругом и конвоировали их как арестантов.

Естественно поэтому, что такая «нейтральная» позиция Англии в русско-японской войне не могла не вызвать в Токио восхищения.

* * *

Особого внимания в свете отмеченных фактов, а также уяснения причин последующего отступления царского правительства заслуживает позиция Франции, которая в самый критический момент не только не оказала поддержки России как своему союзнику, а, напротив, всячески препятствовала походу балтийской эскадры, отказывая в снабжении ее углем и продовольствием.

Заключение Францией соглашения с соперницей России — Англией — во время русско-японской войны в апреле 1904 года не могло не привести к изменению отношений Франции к своей союзнице и к значительному охлаждению франко-русской дружбы. В этих условиях Россия совершенно не могла иметь уверенности в том, что она может опереться на своего французского союзника.

Иллюстрацией к этому могут служить следующие факты.

В сентябре 1904 года в Сайгоне (французском Индокитае) было разоружено русское судно «Диана», экипаж которого французы отказались отпустить, ссылаясь на невозможность отступить от нейтралитета (!).

Французы отказались даже протестовать против занятия японцами русского консульства в Инкоу, не говоря уже о том, что они отказывали России во всякой помощи при покупке военных судов.

Небезынтересно указать, что спустя три дня после «гулльского инцидента» французская газета «Matin», резко выступая против России, писала: «она хорошо начинает, Балтийская эскадра! Удивительная эскадра, которая, не дожидаясь сигнала, обстреливает чужие рыбацкие суда. Нервность русских офицеров является опасностью для нейтральных... Можно только питать самые серьезные опасения насчет будущего такого союза».

Английский министр иностранных дел Лендсун заявил в разгар «гулльского инцидента», имея, повидимому, на то основания, что «он не думает, что если произойдет столкновение, Франция встанет на сторону России против нас» («British Documents». Vol. IV. № 21).

* * *

Международная следственная комиссия, заседавшая в Париже в январе 1905 года, признала виновность эскадры Рождественского за обстрел «мирной рыбацкой флотилии» и присудила уплатить пострадавшим английским рыбакам 65 тысяч фунтов стерлингов.

Необходимо указать, что английское правительство, фабрикуя материалы к заседанию международной следственной ко-

Миссии, искусно подтасовывало факты, для того чтобы спрятать концы в воду и взвалить всю вину на царскую Россию. Боясь разоблачений гулььской провокации перед мировым общественным мнением, Англия предпринимала все меры к тому, чтобы путем шантажа, угроз и подкупа рыбаков, являвшихся свидетелями инцидента в Доггер-Банке, заставить их дать ложные показания. Паряду с этим английское правительство даже прибегало к выставлению в качестве свидетелей лиц, которые не были очевидцами происшествия в Доггер-Банке.

Российский делегат на международной следственной комиссии Неклюдов в своем донесении от 19 января 1905 года сообщал: «Выяснилось... как допрошенным в Гулле рыбакам заранее втолковывались произвольные объяснения того, что было ими действительно видно, и как в уста их влагались, так сказать, желательные ответы... Напротив того, произведенный... допрос английского рыбака Костелло, не представленного в числе свидетелей английской стороны и вызванного уже впоследствии по нашему настоянию, произвел несомненное впечатление не только на публику, но и на самих комиссаров. Нашими (т. е. русскими делегатами) вопросами и сопоставлением ответов этого свидетеля с показаниями, данными им в гулььской следственной комиссии (Inquiry of the Board of Trade), выяснилось, насколько эта «inquiry» ведена была искусственным образом».

Работы международной следственной комиссии еще лишний раз подтвердили провокационную роль Англии в «гулььском инциденте». Неклюдов с первого же заседания международной следственной комиссии 7(20) января 1905 года сообщал в российское министерство иностранных дел: «Сегодня на первом открытом заседании следственной комиссии прочтены были английскими и нашими агентами изложения фактов гулььского происшествия. Английское изложение... представляется довольно запутанным. Оно основано только на показаниях рыбаков. Наше изложение, главным образом основанное на донесении адмиралов и офицеров и представляющее ясное целое, произвело... благоприятное впечатление».

При выборе свидетелей русские делегаты, — писал Неклюдов 13(26) января, — руководствовались соображениями... которые заключаются в следующем: не желая вводить в работы комиссии нового повода к распри и к возбуждению общественного мнения Англии, мы не должны непременно доказывать, что миноносцы, производившие нападение на нашу эскадру, были куплены или снаряжены в Англии, или же что английские моряки вербовались на эти суда; мы можем ограничиться настоячи-

вым утверждением лишь того факта, что нападение действительно было; а для подобного утверждения вполне достаточными являются подобные, ясные и твердые показания наших трех морских офицеров; в дополнении к этим показаниям весьма ценно свидетельство лодчмана Христиансена, видевшего накануне происшествия вблизи от Доггер-Банка два неизвестной национальности миноносца, совершенно соответствующих по внешнему виду тем, которые произвели нападение на нашу эскадру; само собой разумеется, что, высказывая столь умеренный образ действий, мы вправе ожидать и с английской стороны умеренного и беспристрастного отношения к делу; в противном случае, т. е., если бы англичане стали стремиться во что бы то ни стало доказывать, что никаких неприятельских судов вблизи места происшествия быть не могло, и что наша эскадра ошиблась самым грубым образом, приняв именно рыбацкие пароходы за японских миноносцев, то мы можем выдвинуть новый ряд свидетелей, показания коих указывают... на тайное снаряжение в Англии судов с неприязненной против русской эскадры целью и на вербовку английских матросов для этого предприятия» (Архив Внешней политики. Яп. отд., д. № 307. К. 12).

Однако английские делегаты не только не проявили «беспристрастного» отношения, как этого ожидали русские делегаты, но несмотря на сделанные Россией уступки в ходе следствия потребовали, чтобы Россия признала отсутствие каких бы то ни было миноносцев в Доггер-Банке. Под сильным нажимом Англии Россия, уже ослабевшая в войне с Японией и поклянувшаяся своей союзницей — Францией, — опасаясь вооруженного столкновения с Англией, вынуждена была отступить.

Это подтверждается сообщением русского посла в Париже Нелидова от 22 января 1905 года, в котором он указывал, что отказ российских делегатов от вызова новых свидетелей на комиссию был принят в связи с создавшейся для России крайне неблагоприятной международной обстановкой и был продиктован опасностью возможной войны с Англией. «А между тем, — писал Нелидов, — показания этих свидетелей касались, главным образом, пребывания японцев в Англии, найма рыбаков и рыбацких судов и вообще сводились к тому, чтобы установить участие англичан в гулььском происшествии и, следовательно, возложить вину на них. Как бы ни было для нас полезно и приятно мочь доказать все это неоспоримым образом, более чем сомнительно, чтобы подобное предприятие могло увенчаться успехом. Англичане всегда имели бы возможность добыть и представить такие удостоверения, которые бы значительно ослабили и, вероятно, совер-

шенно уничтожили цену показаний выставленных нами свидетелей. С другой стороны, обвинение Англии в нарушении нейтралитета снова вызвало бы там такой взрыв негодования и враждебных против нас чувств, что труды конференции вместо успокоения умов и умиротворения повели бы к еще большему и опасному обострению взаимных отношений» (там же).

Известный специалист по вопросам международного права, профессор Таубе, состоявший юрисконсультом российской делегации на международной следственной комиссии в Париже, в своем письме на имя русского министра иностранных дел Ламздорфа от 9 февраля 1905 г. (н. с.) указывал на необходимость принять во внимание, что «показания рыбаков должны были даваться уже в третий раз после двух допросов перед английскими властями в Гулле и что английское правительство имело полную возможность послать в качестве свидетелей в Париж только вполне надежных для преследуемой ими цели рыбаков, которые прекрасно разучили и запомнили заданный им урок» (там же). Однако несмотря на все это свидетели, выставленные англичанами, давали крайне сбивчивые и противоречивые показания, наводящие снова и снова на мысль об англо-японской провокации «гулльского инцидента». Так, англичане Уолли и Беннет показали, что в ночь происшествия неизвестный японец нанимал их в Гулле для какого-то опасного предприятия, в котором они, однако, не могли принять участия в силу сложившихся обстоятельств. Другой моряк, Кертлей, заявил во время допроса, что видел японцев, расхаживавших в Гулле в ночь происшествия и садившихся на траулер «Мино», находившийся в числе судов рыбацкой флотилии.

В результате под перекрестным допросом русских делегатов целый ряд английских рыбаков вынужден был признать на комиссии, что в ночь происшествия невозможно было рассмотреть присутствие миноносца без огней на расстоянии более чем $1\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{4}$ мили. В противоположность выводам английских адвокатов они заявили, что не могут быть уверены в отсутствии судна, которое могло присоединиться к рыбацкой флотилии в момент прохода балтийской эскадры.

На основании всех этих данных профессор Таубе пришел к выводу о том, что «гулльский инцидент» был спровоцирован японскими миноносцами. «Эскадра адмира-

ла Рождественского,— писал Таубе 29 октября 1904 г.,—атакованная двумя неприятельскими миноносцами, имела не только право, но и обязанность открыть огонь, под который английские рыбацкие суда попали лишь благодаря случайности и вероломному образу действий японцев» (там же).

Но международная следственная комиссия меньше всего занималась действительным следствием, а более всего задавалась целью во чтобы то ни стало взвалить вину на Россию. В ноябре 1904 года, т. е. спустя месяц после «гулльского инцидента», на юговосточном берегу Немецкого моря рыбаками была выловлена самодвижущаяся мина «Шварцкопфа», сильно избитая в прибрежных бурунах. Фотографии этой мины печатались в европейских иллюстрированных журналах и перепечатывались в русском журнале «Хроника войны», издававшемся как приложение к газете «Русь».

Известно, что каждая самодвижущаяся мина в каждой отдельной части ее имеет марку завода, на котором она построена, и порядковый номер. Достаточно иметь в руках обломок такой мины, чтобы по марке и номеру определить с полной достоверностью, кому и как она была продана или доставлена. Однако следственная комиссия почему-то не сочла нужным обратить внимание ни на эту находку, которая могла пролить свет на многие факты, ни на показания русских моряков, английских рыбаков, ни на показания Христиансена, указывавших на присутствие миноносца, ни на другие чрезвычайно важные обстоятельства.

«Вина» России была «установлена», а это и было нужно следственной комиссии, первую скрипку в которой играла Англия.

«Гулльский инцидент» 1904 года, явившийся одним из этапов резкого обострения противоречий между Англией и Россией, лишним раз продемонстрировал, к каким приемам прибегает английская дипломатия для того, чтобы очернить своего противника и исказить историческую правду.

Приводимые нами примеры далеко не исчерпывают всех фактов, имеющих в архивных материалах и опровергающих существующую версию о «гулльском инциденте».

Но и этих фактов совершенно достаточно, чтобы рассеять легенду, созданную вокруг пресловутого «гулльского инцидента», и показать действительных его виновников.

Английский империализм в Южной Африке

(Зулусская война 1879—1880 гг.)

1

Зулусской войне предшествовал длинный ряд английских захватов в Южной Африке. Первыми европейскими колонизаторами этой страны были голландцы и французские гугеноты, прозванные бурами (от слова «Воег» — «крестьянин»). В период революционных и наполеоновских войн англичане воспользовались затруднениями во Франции и заняли южную оконечность Африки (Капская колония), а в 1815 г. добились от Венского конгресса признания своих прав на эту территорию.

Английская администрация, смотревшая на Капскую колонию лишь как на станцию морского пути в Индию, не уделяла никакого внимания экономическому развитию вновь приобретенного края и даже не стремилась его расширить.

Между тем экстенсивное скотоводческое хозяйство колонистов-буров все время требовало новых пастбищ. Эти пастбища буры с оружием в руках отнимали у коренного негрятинского населения.

Не получив в этой борьбе поддержки от англичан, для которых она не представляла никаких выгод, буры в 1835—1837 гг. двинулись из Капской колонии на север и восток и основали две самостоятельные республики — Трансвааль и Оранжевое свободное государство.

Третье государственное образование буров — Наталь, — имевшее благодаря своему прибрежному положению важное стратегическое значение, было в 1845 г. аннексировано англичанами (эта аннексия была также вызвана открытием в Натале залежей каменного угля).

За период с 1815 до 1868 г. к английским владениям в Южной Африке были присоединены Наталь, Британская Кафрария (страна между Капской колонией и Наталем) и Базутоленд (область племени Базуто).

Попытка британского верховного комиссара Южной Африки сэра Гарри Смита проделать такую же операцию над Трансваалем и Оранжевой республикой была дезавуирована лондонским кабинетом.

Политика «невмешательства» в южноафриканские дела, проводившаяся Лондоном, прежде всего вытекала из монополь-

ного положения Англии как «мастерской мира», изделия которой имели свободный доступ на все рынки.

«В эпоху наибольшего процветания свободной конкуренции в Англии, в 1840—1860-х годах, руководящие буржуазные политики ее были против колониальной политики, считали освобождение колоний, полное отделение их от Англии неизбежным и полезным делом... в 1852-м г. такой склонный вообще говоря к империализму государственный деятель Англии, как Дизраэли, говорил: «Колонии, это — мельничные жернова на нашей шее» (Ленин. Т. XIX, стр. 133).

Но стоило британскому капиталу потерять свое привилегированное положение в результате индустриализации других стран, как те же политики начали проводить захватнические войны во всех углах земного шара.

Переход Англии на рельсы империализма вызвал значительное усиление интереса к захватам в Южной Африке. Интерес этот подогревался открытием алмазных россыпей близ Кимберли, на территории племени Гриква (1867 г.). В 1871 г. англичане заняли эту территорию, вопреки протестам претендовавшей на нее Оранжевой республики.

Но это были лишь первые и сравнительно робкие шаги. Свое законченное выражение новая империалистическая политика получила с приходом к власти консервативного правительства Дизраэли (1874 г.).

К этому времени Дизраэли стал глашатаем так называемого «джингоизма», т. е. политики безудержных захватов, прикрывавшихся не менее безудержной социальной демагогией. Усиление кризиса, начавшегося во второй половине 70-х гг. (в 1879 г. английский экспорт упал на 25% по сравнению с 1872 г.), придало политике Дизраэли еще более агрессивный характер.

С помощью ловкой финансовой операции Дизраэли захватил контроль над Суэцким каналом, построенным французскими инженерами на французские деньги, а затем прогнал египетского хедива, выступавшего против засилья английского империализма в Египте. В русско-турецкой войне 1876—

1878 г. он поддерживал Турцию против России и балканских народностей, что не помешало ему ограбить ту же Турцию, забрав у нее остров Кипр.

В 1876 г. Дизраэли короновал королеву Викторию императрицей Индии, за что получил титул лорда Блкенфильда. Стремясь к расширению границ новоявленной империи, он затеял бесславную войну с Афганистаном, которая после первоначальных успехов закончилась фактическим поражением англичан.

Что касается Южной Африки, то Дизраэли и его министр колоний лорд Карнарвон решили исправить здесь «ошибки» прежних министров и объединить английские колонии и бурские республики в одну конфедерацию под верховенством британской короны.

С этой целью в Южную Африку был послан специальный уполномоченный британского правительства — сэр Бартль Фрер, назначенный верховным комиссаром Южной Африки и губернатором Капской колонии.

Главным препятствием к осуществлению плана Дизраэли была, разумеется, самостоятельность бурских республик. Особенно серьезные опасения внушал Трансвааль, президент которого Бургер пытался завязать сношения с Германией, где в это время впервые появились планы создания колониальной империи в Африке.

Английское правительство отправило для «расследования положения дел» своего комиссара — сэра Теофила Чепстона, типичного колониального авантюриста. Не полагаясь, видимо, на ораторские способности сэра Теофила, Бартль Фрер двинул на границу с Трансваалем пехотный полк. Следует отметить, что все эти мероприятия проводились неофициально, якобы без ведома Лондона, по инициативе колониальной администрации.

9 апреля 1877 г. Чепстон уведомил трансваальские власти о «распространении на Трансвааль власти и управления ее величества». Этот захватнический акт, нагло нарушивший неоднократные договоры англичан с бурами, пытались оправдать в глазах общественного мнения... жестоким обращением буров с негритянским населением.

Особенно много крокодиловых слез пролили англичане по поводу участи негритянского племени Бапеди, на которое напали буры. Британское правительство даже выпустило целую Синюю книгу, посвященную описанию бурских зверств.

Бурские колонисты-кулаки действительно творили возмутительные зверства над беззащитным туземным населением, но англичане не имели никаких оснований кичиться перед бурами своей «гуманностью»,

В 1873 г. натаальские власти организовали военную экспедицию против одного мирного негритянского племени. Во время этой «войны» один английский офицер прославился тем, что объявил своим солдатам: «Я не хочу видеть никаких пленных». «Экспедиция, — пишет Фрэнсис Галенсо (дочь епископа натаальского), — закончилась серией более или менее удачных попыток, имевших целью выгнать несчастных туземцев из их убежищ и взять их в плен».

Пленные негры (главным образом женщины и дети) «главались «в плен», то есть фактически в рабство, белым колонистам.

В 1874 г. такая же участь постигла не менее мирное племя Путии, земли и скот которого были отобраны натаальскими властями.

В результате «войны» с прибрежными племенами Галека и Гайка «несколько тысяч пленных были привезены в Капиталт и другие места, где находились на положении каторжников» (Hansard's «Parliamentary Debates». CCXLV, 1965).

Буры на первых порах ограничились словесным протестом против английской аннексии. Они надеялись с помощью британского империализма разгромить армию пограничного с Трансваалем и Наталем Зулуленда (Земля зулусов) — единственную организованную военную силу, которой располагало коренное население Южной Африки.

Страна зулусов лежит между Наталем, Трансваалем и португальскими владениями в Южной Африке. Прибрежная часть ее представляет собой низменность с тропическим климатом, но по мере удаления от моря местность повышается и климат становится более умеренным. Природные условия большей части Зулуленда благоприятны для скотоводства, которое и является главным занятием зулусов.

Зулусы являются одним из племен группы банту. В XIX в. это был, скорее, конгломерат племен, образовавшийся в результате поглощения множества племен завоевателями — зулусами.

Начало военному могуществу зулусов было положено талантливым полководцем Чакой. Чака, живший в начале XIX в., разделил молодых людей своего племени на полки, в которых соблюдалась строжайшая дисциплина. В бою он выстраивал свои войска в виде полумесяца, охватывавшего противника с флангов. Эти войска были страшны не только своей дисциплиной и тактикой, но и вооружением. Чака дополнил дротик, метавшийся издали, оружием ближнего боя — ассегаем (короткое охотничье копье), которое он усовершенствовал таким образом, что оно могло и колоть и резать.

Зулусский крааль на реке Тугеле.

О английской гравюры XIX века.

«Черный Наполеон», как называли Чаку, запрещал вступать в брак воинам, не убившим ни одного врага, а ветеранам разрешал брать столько жен, сколько они убили врагов. При завоевании новых племен молодые люди вливались в его армию, а женщины и дети становились военной добычей.

Воины Чаки жили в укрепленных лагерях — краалях, — а женщины и рабы готовили для них провиант.

Созданная Чакой организация зулусского общества характерна для периода разложения родового строя, когда, по словам Энгельса, «весь родовой строй превращается в свою противоположность».

«...война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность у народов, которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд. Война... становится постоянным промыслом» (Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 216, 217. Партиздат. 1937).

Военная сила, созданная Чакой, на многие десятилетия отодвинула момент окончательного порабощения и ограбления зулусов европейскими колонизаторами и наложила свой отпечаток на весь облик зулусов.

Вот как характеризует зулусов Э. Реклю: «Сыны отборных людей, они (зулусы) вообще красивы, высоки, стройны и сильны, ловки во всех физических упражнениях и держатся с достоинством; в них столько природной грации, что к ним идет всякий костюм» (Э. Реклю «Земля и люди», Т. XIII, стр. 540).

Культура зулусов также стояла на довольно высоком уровне: «Их кузнецы уже издавна выковывали железо, более твердое, чем металл, привозимый англичанами, а их ювелиры умели отливать поделки из меди» (там же).

Не мудрено, что немногочисленным колонистам-бурам было нелегко подчинить себе этот воинственный народ. Правда, в 1838 г., воспользовавшись междоусобицей среди зулусов, трансваальцам удалось нанести им большое поражение, но эта победа не привела к захвату Зулулэнда.

В 1861 г. во главе зулусов стал Сетевайо, которому удалось прекратить внутренние распри и воссоздать сильную армию, насчитывавшую до 40 тысяч человек (население Зулулэнда достигало тогда 300 тысяч).

Несмотря на строжайшие запреты колониальных властей жадные торговцы — англичане и буры — снабжали эту армию огнестрельным оружием, а на алмазных россыпях Кимберли даже вошло в обычай платить туземцам-отходникам не деньгами, а ружьями и боеприпасами. По некоторым

Король зулусов Сетевайо
С английской гравюры XIX века.

сведениям, зулусы приобрели таким образом до 8 тысяч ружей. Все это превращало армию Сетевайо в достаточно грозную силу.

Однако вождь ее правильно оценивал реальное соотношение сил и тщательно избегал конфликтов с бурами, а в особенности с англичанами. С последними Сетевайо всячески стремился поддерживать дружественные отношения; когда в 1873 г. умер его отец — престарелый король зулусов Папд, — он пригласил на свою коронацию пресловутого сэра Чепстона, руководителя туземного департамента натальского правительства (Натали в качестве самоуправляющейся колонии имел свое правительство).

Отчет Чепстона об его путешествии к Сетевайо рисует нам этого вождя в достаточно благоприятном свете.

«Сетевайо, — пишет он, — является человеком больших способностей; у него сильный характер, и держится он с большим достоинством; во всех своих разговорах со мной он был необычайно искренен и прямолинеен». (Цит. по Colenso and Durnford «History of the Zulu war». London. 1880.)

Приехав к зулусскому королю под видом друга, Чепстон пытался навязать Сетевайо договор о протекторате.

Зулусский король никаких документов не подписал. Но это нисколько не смутило Чепстона и не помешало ему впоследствии обвинять Сетевайо в нарушении «торжественного обещания», якобы данного им при коронации.

Впрочем, до поры до времени Чепстон прибегал к этим обвинениям: он нуждался в зулусах для того, чтобы склонить трансваальских буров к подчинению Англии. По утверждению члена исполнительного совета Трансвааля Преториуса, сэр Чепстон, принуждая буров подчиниться, угрожал напустить на них зулусов.

Сетевайо приветствовал присоединение Трансвааля к английским владениям, рассчитывая, что его белые «друзья» положат конец постоянным набегам буров на его владения.

Однако ему пришлось горько разочароваться в своих надеждах. Едва обосновавшись в Претории (столица Трансвааля), англичане решили показать, что они умеют справляться с непокорными чернокожими не хуже чем новые подданные британской короны.

Первый, кто почувствовал на себе результаты англо-бурского сближения, был вождь упомянутого выше негритянского племени Башеди—Сикукунни, которому англичане обещали защиту от буров.

Как только был присоединен Трансвааль, Чепстон послал Сикукунни ультиматум с требованием немедленно внести огромную контрибуцию.

Этот ультиматум привел к новой войне, в которой англичане соревновались с бурами в жестокостях.

2

За Сикукунни наступил черед Сетевайо. Британский верховный комиссар сэр Бартль Фрер начал активно готовиться к войне с зулусами. Он вызвал из Англии подкрепления (чего не делалось уже много лет), разработал совместно с генералом Тезигером (впоследствии лорд Чельмсфорд) план завоевания Зулуленда и послал несколько военных судов для выяснения возможностей высадки десанта на побережье этой страны.

Предлогом к войне должен был явиться давний спор о пограничной территории между трансваальцами и зулусами. В Трансваале был пущен слух о готовящемся вторжении зулусов, буры вооружились и укрылись в укрепленных лагерях.

Но Сетевайо не дал себя спровоцировать. Он обратился к губернатору Наталя—Бульверу с посланием, в котором «клялся в присутствии Охама, Мнямана, Унивайо и всех своих других вождей, что он не имеет ни намерения, ни желания ссорить-

ея с англичанами» («Parliamentary papers», с. 2368, р. 16). В доказательство искренности своих намерений король зулусов просил Бульвера назначить комиссию для разрешения пограничного спора.

Расследовав инцидент на месте, английская комиссия не смогла вынести желательного Фреру решения, так как права зулусов на незаконно захваченную бурами область были слишком очевидны.

Комиссия постановила разделить спорную территорию на две части, из которых одна должна была отойти к Трансваалю, а вторая — к Зулулэнду.

Сэр Бартль Фрер, который заранее объявил Сетевайю «безответственным, кровавым и вероломным деспотом», остался очень недоволен этим компромиссным решением, открывавшим путь к мирному соглашению с зулусами.

Однако с характерным для него лицемерием он ратифицировал решение комиссии. Оставалось только известить о нем Сетевайю.

11 декабря 1878 г. четверо назначенных для этой цели джентльменов встретились у пограничной реки Тугелы с посланцами зулусского короля и передали им это решение... в интерпретации сэра Бартля.

Из послания британского верховного комиссара удивленные зулусы узнали, что, хотя комиссия признала их притязания на пограничную территорию справедливыми, буры сохраняют «право частной собственности» на захваченную ими землю; о правах зулусов, проживавших на территории,

закрепленной за Трансваалем, послание вообще умалчивало.

Сэр Бартль не был уверен, что содержание и нарочито оскорбительный для зулусов тон этого послания заставят Сетевайю решиться на войну. Поэтому в тот же день посланцам зулусского короля был вручен ультиматум с требованием немедленного роспуска зулусской армии, полной свободы для миссионеров и допущения в Зулулэнд британского резидента, без согласия которого не должен был впредь выноситься ни один приговор.

Наряду с этими пунктами, предусматривавшими фактическую ликвидацию независимости Зулулэнда, англичане выставили также ряд требований, удовлетворение которых было бы равносильно признанию всех клеветнических обвинений, когда-либо выдвигавшихся против Сетевайю и зулусов. В частности зулусы должны были уплатить сто голов скота за «оскорбления», нанесенные двум английским геодезистам, которые явились в Зулулэнд без разрешения.

В числе требований был пункт, рассчитанный на возбуждение сочувствия всех ханжей Британских островов: этот пункт предлагал Сетевайю немедленно разрешить въезд в Зулулэнд всем европейским миссионерам, изгнанным из страны.

О том, что представляли собой эти проповедники «слова божьего», говорит следующая выдержка из письма сына епископа натальского:

Смотр зулусских воинов перед боем.

С английской гравюры XIX века.

«Миссионеры, главным занятием которых была торговля, занимаются продажей боеприпасов. За последнее время они потеряли большинство обращенных ими туземцев, которые занялись торговлей на собственный риск. Без них миссионеры не могут вести свои дела, а поэтому они все покинули страну» («Parliamentary papers», с. 2144, pp. 215—216).

Что же касается «черных христиан», то советники Сетевайо — Мнямана и Вумандаба — характеризовали их следующим образом: «Если зулус сделает что-нибудь дурное, он идет в миссию и говорит, что хочет стать христианином» (там же). Английским властям эти обстоятельства были, конечно, отлично известны, тем не менее они прибегли для оправдания кровопролитной войны к этим вымыслам о притеснениях белых жуликов в рясах и их черных учеников.

Хотя ультиматум был явно неприемлем для зулусов, англичане все же опасались уступчивости Сетевайо, который всячески стремился избежать конфликта. Поэтому они пустились еще на одну провокацию: единственным представителем Зулулэнда, который умел читать и мог понять содержание ультиматума, был много лет живший в этой стране торговец оружием Джон Дэни. Но Дэни, будучи английским агентом, не пожелал лично сообщить Сетевайо требования англичан, а послал к нему гонца, который ничего не смог толком объяснить. Не удивительно, что Сетевайо ответил на ультиматум просьбой разрешить ему посоветоваться с вождями племен.

Но эта просьба, свидетельствующая о миролюбии Сетевайо, была отвергнута колонизаторами.

В Лондоне товарищ министра колоний Ликс-Бич еще 16 декабря 1878 г. уверял парламент, что, по его мнению, «будет достигнуто мирное разрешение вопроса...» Hansard's «Parliamentary Debates», CCXLIII, 858).

Но в Южной Африке можно было разговаривать откровеннее, и сэр Бартль Фрер еще в апреле 1878 г. сообщил капитану английского военного судна «Аргус», что «на границе между Наталем и Трансваалем в скором времени ожидаются серьезные осложнения с зулусским племенем кафров, которые вызовут необходимость в активных операциях».

В августе в Наталь прибыл лорд Чельмсфорд, и подготовка к этим «активным операциям» развернулась полным ходом.

К моменту вручения ультиматума к границам Зулулэнда было стянуто 6 батальонов пехоты, артиллерия и вспомогательные войска, состоявшие из головорезов-добровольцев (буров и натальских негров).

В условиях колониальной войны эти силы представлялись довольно внушительными, но руководители их отличались характерной для английских военных самоуверенностью и тупоумием. Лорд Чельмсфорд и его штаб расплыли свои силы, разделив их на 4 колонны, которые должны были одновременно вторгнуться в Зулулэнд из Наталя, Трансваала и со стороны побережья. Бездорожье и отсутствие связи заставили эти колонны действовать совершенно независимо друг от друга, а одна из них предпочла вообще воздержаться от каких-либо действий.

Зулусы могли противопоставить этим силам около 25 тысяч воинов.

11 января 1879 г. истек срок предъявленного зулусам ультиматума и английские войска под начальством Чельмсфорда перешли пограничную реку Тутелу. Другая колонна повела наступление со стороны моря.

Первая неделя войны прошла почти без всяких инцидентов, если не считать захвата нескольких сот голов принадлежавшего зулусам скота. Англичане двигались очень медленно, увязая в болотах (война началась в сезон дождей) и застревая в зарослях; отойдя на несколько миль от своей базы у Брода Рорка, лорд Чельмсфорд встал лагерем на холме Изаидлвана.

Позиция эта была выбрана исключительно неудачно: холм Изаидлвана отделяла от Наталя другая цепь холмов; благодаря этому зулусы незаметно смогли отрезать Чельмсфорда от его базы в Натале и даже зайти ему в тыл. К тому же Чельмсфорд не принял даже такой элементарной меры предосторожности, как устройство ограды из сцепленных фуртонов, к чему всегда прибегали буры в своих войнах с зулусами.

Английская разведка работала в эту войну из рук вон плохо. Отчасти это объясняется тем, что предатель Дэни с самого начала войны перебежал к англичанам и кроме него никто не сообщал врагу о передвижении зулусской армии.

22 января Чельмсфорд, не подозревавший о том, что главные силы зулусов находятся на расстоянии выстрела от его лагеря, предпринял рекогносцировку, взяв с собой батальон пехоты, батарею артиллерии и часть кавалерии.

Между тем английский отряд, оставшийся в открытом, неукрепленном лагере, подвергся нападению зулусов. Одна часть их атаковала англичан в лоб, а другая — обошла их и напала с тыла.

Превосходство в численности и неожиданность нападения, разумеется, давали зулусам известный перевес. Но застать англичан совершенно врасплох им не уда-

Битва при Исандлване 22 января 1879 года.

С английской гравюры XIX века.

лось: защитники лагеря открыли по ним губительный огонь из орудий и скорострельных ружей. Зулусы могли противопоставить этому усовершенствованному оружию только дротики и копыя, так как даже те из них, кто имел ружья, не умели ими по-настоящему пользоваться. Но это не остановило храбрецов, сражавшихся за независимость родины.

«Зулусы подвигались, как прилив, не останавливаясь ни на минуту, молча, до тех пор, пока не окружили наших со всех сторон. Тогда они испустили громкий крик и бросились на лагерь; через 5 минут не осталось в живых ни одного человека» («Edinburgh Review», Apr. 1879, p. 364).

Лишь немногим англичанам удалось переплыть бурную Тугелу и спастись в Натале. Экспедиционная армия потеряла 806 европейцев и 471 туземца. Зулусов было убито до 3 тысяч человек.

«Кафры — зулусы, — писал Энгельс, — ...у которых родовые учреждения еще не исчезли, — сделали то, чего не может выполнить ни одно европейское войско. Вооруженные только копьями и дротиками, не имея огнестрельного оружия, они под градом пуль скорострельных ружей английской пехоты, — по общему признанию, первой в мире в сомкнутом строю, — довели дело до штыкового боя, не раз расстраивали ее ряды и даже опрокидывали, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении...» (Ф. Энгельс «Пропехождение семьи, частной собственности и го-

сударства», стр. 127—128. Партиздат. 1937).

Английские солдаты в этот роковой день также проявили немалое мужество; зато их незадачливый руководитель — Чельмсфорд — оказался столь же трусливым, сколь и самонадеянным. Осажденным в лагере удалось своевременно дать ему знать о нападении зулусов, но Чельмсфорд запретил своим офицерам отправиться на помощь товарищам.

Командующий английскими силами прибыл в лагерь лишь тогда, когда там не осталось ни одного живого англичанина, а затем вместе со своим штабом вернулся в Наталь. После этого Чельмсфорд и Фрер поспешили свалить вину за поражение на полковника Дэрнфорда, который погиб в сражении.

Поражение при Исандлване вызвало страшную панику в Натале: с минуты на минуту ждали вторжения зулусов. В этот тревожный час колониальная администрация показала свое истинное лицо.

Прибыв в Питер-Маринбург (столица Натала), расположенный в 60 милях от зулусской границы, Чельмсфорд не только не успокоил напуганных жителей, но и всячески способствовал усилению паники, превратив город в вооруженный лагерь. Не надеясь, видимо, на принятые им меры, он велел держать свою лошадь день и ночь оседланной.

Постели губернатора и руководящих чиновников, а также официальные архивы были однажды ночью перенесены в наи-

более безопасное убежище, каковым оказалась... местная тюрьма. «Чувство страха достигло той интенсивности, когда его почти можно было назвать маниакальным», — писал английский публицист Стэтхэм (Statham «South Africa as it is», p. 68).

Трусливые вояки вымещали свой гнев на беззащитных пленных. Всем зулусам, взятым в плен, во время нападения на пост у Брода Рорка, было объявлено, что они свободны, но стояло «освобожденным» неграм сделать несколько шагов в сторону, как их расстреливали.

3

В Англии известие о поражении получилось со значительным опозданием: в те времена еще не было телеграфного сообщения с Южной Африкой. Как и следовало ожидать, известие вызвало бурю возмущения в стране и парламенте.

Однако либеральная оппозиция выступила не против Дизраэли, а лишь против Фрера, потребовав удаления его с поста верховного комиссара на том основании, что он-де превысил свои полномочия. Правительству удалось без особого труда провалить внесенную либералами резолюцию; поражение под Изандлваной привело лишь к отставке министра колоний лорда Карнарвона, а Фрер получил выговор от правительства.

Этот выговор не произвел особого впечатления на верховного комиссара Южной Африки, тесно связанного с придворными кругами. Вслед за выговором он получил от правительства предложение «направить военные операции к скорейшей ликвидации зулусского вопроса в соответствии с требованиями безопасности наших колоний и чести нашего оружия» («Parliamentary papers», с. 2316, p. 16).

Для продолжения колониальной войны в Южную Африку было послано 9 тысяч человек пехоты, 1800 человек кавалерии и 14 орудий.

Парламент вотирует расходы, связанные с зулусской войной, в 1,5 миллиона фунтов стерлингов (впоследствии было добавлено еще 3 миллиона).

Между тем Сетевайо, только что одержавший неслыханную в истории Африки победу над белыми, и не думал о вторжении в Наталь.

«Военные действия прекратились, потому что Сетевайо не переходил границы. Он отдал своим вождям приказ не переправляться через Тугелу и лишь защищать свою страну. Он все еще полагается на справедливость англичан», — заявил на заседании палаты лордов лорд Стэнли.

Все еще надеясь на мирное разрешение

конфликта, Сетевайо неоднократно посылал к англичанам своих гонимых, предлагая начать переговоры о мире. Он подчеркивал, что никогда не отвергал английского ультиматума, просил указать, чем и когда нарушил свои обещания, сообщал даже о мерах, принятых им для охраны покинутых англичанами миссий.

Но гонимые немолленно арестовывались как... шпионы, и на мирные предложения Сетевайо не было дано никакого ответа.

Военные операции возобновились. 12 марта зулусы под командованием Умбеллини нанесли врасплох на английский обоз близ траансваальско-зулусской границы и захватили его, уничтожив охрану. Еще более серьезные потери понесли англичане 28 марта в стычке у горы Хлобэн, в северном Зулулэнде. Колонна английских войск, которой командовал сэр Эвелин Вуд, потеряла свыше ста человек, а вспомогательный туземный отряд разбежался.

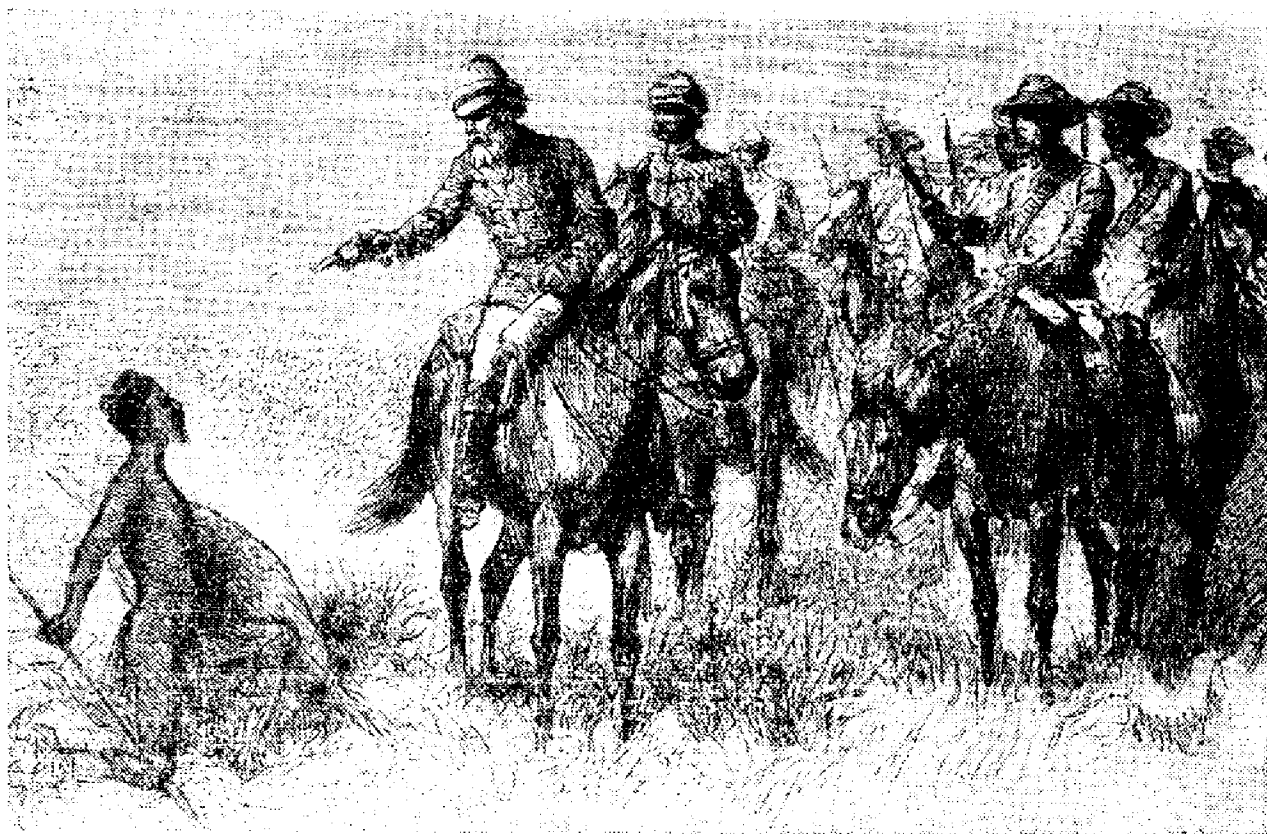
Зато на следующий день Вуду удалось нанести сильное поражение зулусской армии: зулусы потеряли свыше тысячи человек, а англичане — только 18.

Ободренный этим успехом, Чельмсфорд вновь вторгся в Зулулэнд с 6-тысячной армией. Изандлвана сделала его очень осторожным, и он ставил себе весьма ограниченную задачу — освободить отряд полковника Пирсона, осажденный зулусами в укрепленном лагере Эпоу. Выполнив эту задачу, он поспешил ретироваться в Наталь; Зулулэнд был совершенно эвакуирован англичанами.

Но захватчики не отказались от своего плана покорения свободолюбивой страны. В середине апреля, когда все посланные из Англии подкрепления прибыли в Южную Африку, Чельмсфорд во главе 20-тысячной армии возобновил наступление. На этот раз он действовал чрезвычайно медленно; войска, опять разбитые на две колонны, долго топтались в пограничном районе. На северной границе Зулулэнда были собраны сотни фургонов, предназначенных для перевозки продовольствия и боеприпасов, и зулусам было бы легко уничтожить этот громоздкий обоз.

Однако Сетевайо возлагал все свои надежды на решительное столкновение с англичанами. Он, видимо, не сделал ничего для развертывания партизанской войны, которая могла значительно отдалить победу англичан. Возможно, что он опасался усиления влияния отдельных вождей в результате такой войны.

Между тем не только условия местности, но и тактика завоевателей, представлявшая собой, по словам Стэтхэма, «странную смесь робости и безрассудства», от-

Англичане расстреливают раненого зулуса.

С английской гравюры XIX века.

крывала широчайшие возможности для применения партизанских методов борьбы. Англичане то запирались в укрепленных лагерях, где известие о приближении зулусов нередко вызывало панику, то рассылали в разных направлениях небольшие отряды, забыв о всякой осторожности.

Жертвой такой неосторожности оказался, в частности, единственный сын Наполеона III, который «надеялся, что его военные подвиги против зулусов доставят ему впоследствии господство над французами» (Э. Роклю, цит. соч., стр. 558). Разведывательный отряд, в который входил молодой Бонапарт, отделился от главных сил и был уничтожен зулусами.

Но это были единичные случаи; как правило, зулусы почти не тревожили английских отрядов.

Тем временем английское правительство, недовольное бездействием Чельмфорда, решило заменить его лордом Уольсли. Узнав об этом решении, Чельмфорд набрался храбрости и двинулся в глубь страны, не встречая на пути никакого сопротивления. 4 июля 5-тысячная колонна Чельмфорда достигла королевского лагеря (лагеря) Улунди, расположенного в 3 милях от реки Белая Умфолози.

Здесь разыгралось решительное сражение, к которому стремились обе стороны. Зулусы, для которых Улунди был священным местом (он считался колыбелью зулусского народа), со смелостью отчаяния атаковали англичан, выстроившихся в каре на совершенно открытом месте. В

этих условиях им не удалось довести дело до рукопашного боя: английская артиллерия и ружейные залпы не позволили им подойти к англичанам ближе чем на 30 метров.

Через 20 минут после начала сражения ряды зулусов расстроились и они обратились в бегство. Многие зулусские воины, будучи настигнуты английскими кавалеристами, поворачивались и подставляли свою грудь под шашки победителей, чтобы встретить смерть лицом к лицу с врагом. Героизм зулусов должны были признать даже их злейшие враги.

Но это не помешало колонизаторам жестоко расправиться с ранеными и пленными.

В заседании Палаты общин были оглашены два письма победителей: капитана д'Арси и лейтенанта Шермбрукера.

«Мы убили их около 2300, а когда они стали отступать, все кавалеристы, находившиеся в лагере, преследовали их на протяжении 8 миль и повсюду рубили этих зверей. Я сказал своим солдатам: «Пощады не давать». И они слушали и убивали повсюду», — пишет д'Арси.

«Они (убегавшие зулусы) выбились из сил и расстреливать их было слишком долго. Поэтому мы взяли копья у мертвых и стали гоняться за живыми, убивая их направо и налево. Пощады не давали», — рассказывает Шермбрукер.

Большая пресса Англии предпочитала превозносить «подвиги» британского воин-

Издевательства англичан над пленными зулусами.

С английской гравюры XIX века.

ства и замалчивать позорные злодеяния английских захватчиков.

В то же время политический обозреватель «Русского вестника» писал по поводу этой свистопляски:

«Приходится заключить о крайней неизбежности британцев победами на поле сражения; такое ликование идет в английской печати, такое торжество, что даже со стороны конфузно».

Битва при Улудди и последовавшее разрушение королевского краала положили конец организованному сопротивлению зулусов.

Организационно-техническое превосходство англичан, отсутствие единства между негритянскими племенами Южной Африки (часть их даже помогала англичанам), недостаток решимости у Сетевайо и племенной верхушки, не терявшей до последней минуты веры в «справедливость» англичан, избранная зулусами неправильная тактика массового боя с несравненно лучше вооруженным противником — все это дало англичанам победу несмотря на вопиющую бездарность их военного руководства.

Вслед за этой победой колониальная война вступила в свою самую гнусную стадию — стадию «усмирения» безоружного населения.

На этом поприще колонизаторы проявили несравненно большую активность чем на поле брани.

«Умбелини и его люди были затнаны в их горные твердыни, где они подверглись разрушительному действию динамита; при этом никто не старался подсчитать число жертв среди воинов и гражданского населения», — пишет Стэтхэм.

Сменивший Чельмфорда Уольсли организовал «розыски» Сетевайо, сводившиеся

фактически к расправе над женщинами, детьми и стариками.

Отряды англичан рыскали по всей стране и подвергали население «допросу»; большинство зулусов, разумеется, не имело понятия о местонахождении короля, а те, кто знали, отказывались давать нужные англичанам сведения. В отместку за это разъяренные колонизаторы сжигали хижины, уводили в плен старейшин и их жен, конфисковывали весь скот, обрекая туземцев-скотоводов на голодную смерть.

Один из офицеров, проводивший в жизнь такого рода мероприятия, воскликнул с возмущением: «Не знаю, насколько необходимо поймать Сетевайо, но нужно это или ненужно — то, что мы сейчас делаем, — преступление» (Colenso and Durnford, op. cit., p. 467).

В конце концов Сетевайо был разыскан и арестован в уединенном краале, где он скрывался с несколькими приближенными, и доставлен в Капштадт.

Однако Уольсли не решился сразу же присоединить Зулунд к английским владениям. Был выработан план «урегулирования» зулусского вопроса, который, по признанию «Кембриджской истории Британской империи», можно было охарактеризовать словами «разделяй и властвуй».

Зулунд был разделен между 13 вождями, среди которых находился и предатель Джон Дэнн, вознагражденный таким образом за свою гнусную измену.

К вождям были приставлены британские резиденты, в руках которых вожди являлись не более как пешками. Впрочем, резиденты не мешали этим пешкам затевать междоусобные войны, которые обескровливали Зулунд и подготавливали его окончательную аннексию англичанами.

Интересы владельцев Кимберлийских копей и трансваальских буров были ограждены специальным пунктом «соглашения», которое Уольсли попросту прочитал назначенным им вождям. Этот пункт обязывал новых правителей Зулунда «не препятствовать мужчинам, проживающим на их территории, наниматься на работу в Трансвааль и Наталь».

4

Зулусская война была окончена, но она нанесла непоправимый удар британскому престижу в Южной Африке.

Убедившись на практике в том, что против этого оружия действительны даже копьё и дротик, буры уже в 1880 г. подняли восстание и изгнали англичан из своей страны. Трансвааль был снова завоеван лишь два десятилетия спустя.

В самой Англии зулусская война наряду с другими авантюрами правительства Дизраэли привела к поражению консерваторов на выборах 1880 г. и приходу к власти либерального правительства Гладстона.

«Английские рабочие в силу целого ряда особых исторических причин оказались в последней трети XIX века зависимыми от либералов... Они оказались не во главе народов и классов, борющихся за свободу, а в хвосте презренных лакеев денежного мешка, господ английских либералов», — писал В. И. Ленин (т. XVII, стр. 245).

Либералы же, по существу, такие же

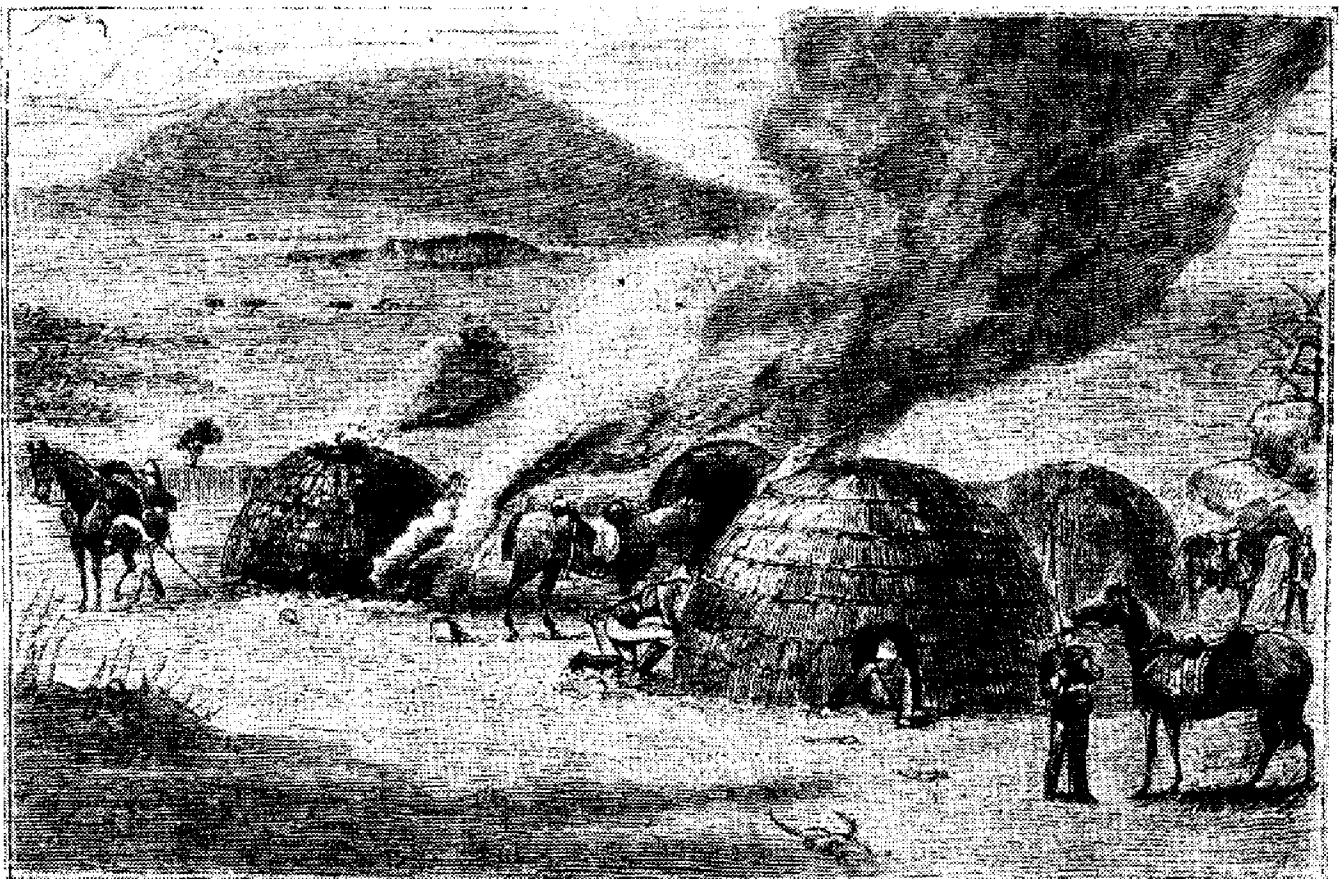
империалисты, как консерваторы, первоначально относившиеся к африканской войне довольно спокойно, сетуя лишь на излишнюю расточительность колониальной военщины.

В стенах парламента все же нашлись люди, сумевшие по заслугам оценить «цивилизаторскую» деятельность английского империализма. Это были представители старейшей английской колонии — Ирландии.

При обсуждении вопроса об ассигновании дополнительных сумм на войну с зулусами вождь ирландских националистов Парнелл выступил с решительным протестом против этой «несправедливой и подлой войны».

«Правительство ее величества спровоцировало эту войну, чтобы аннексировать часть территории зулусов, — заявил он. — Разумеется, губернатор колонии был точно проинструктирован насчет того, как затеять эту маленькую войну. Эти действия правительства являются позором для человечества...»

Эти огромные приготовления и посылка тысяч людей не означают ничего другого, кроме заранее обдуманного намерения аннексировать страну, как это было сделано с Трансваалем... Эти бедные люди (зулусы) проявили истинные героические качества, ибо они пытались защитить свою страну от нападений иностранцев и чу-

Англичане сжигают селение зулусов.

С английской гравюры XIX века.

жаков» (Hansard's «Parliamentary Debates», CCXLVI).

Одержав внушительную победу на выборах и став премьером, Гладстон продолжал империалистическую политику Дизраэли, прикрывая ее благочестивыми фразами.

По отношению к зулусам гладстоновская администрация вела не менее лицемерную политику чем по отношению к бурам. Под предлогом прекращения междоусобиц она предприняла реставрацию власти Сетевайо, который, находясь в заключении, смирился и сделался послушным орудием в руках англичан. Однако, чтобы Сетевайо не смог восстановить своего бывшего могущества, англичане отдали ему только часть территории Зулунда, а остальную предоставили другому вождю — Узибепу; наконец, на границе между Зулундом и Наталем был устроен специальный резерват (заповедник) для зулусов, не желавших подчиниться Сетевайо. Таким образом, были созданы все условия для того, чтобы зулусы продолжали взаимно ослаблять себя непрерывными междоусобицами.

Между Сетевайо и Узибепу не замедлила разгореться война, в которой первый был разбит наголову и бежал в резерват, где вскоре и умер.

После этого в дело вмешались буры, которые поддержали против Узибепу сына Сетевайо — Динизулу. Результатом этой поддержки явилось создание на территории Зулунда эфемерной «Новой республики», управляющейся трансваальскими бурами.

Гладстон и тут не упустил своей выгоды. Он санкционировал присоединение «Новой республики» к Трансваалу, но значительно урезал ее территорию. В то же время стратегически важный район бухты св. Лючия, на которую, помимо Трансваала, претендовала и Германия, был присоединен к британским владениям.

Зулусы, обессиленные многолетней войной, не смогли оказать никакого сопротивления этим захватам.

Аннексия части Зулунда, оставшейся за туземными вождями, была завершена в 1887 г., уже при консервативном правительстве, сменившем кабинет Гладстона.

После англо-бурской войны англичане присоединили к Наталю захваченную бу-

рами часть Зулунда, и, таким образом, вся эта страна оказалась под непосредственным управлением английской администрации.

* * *

Со времени зулусской войны прошло 60 лет; потомки воинов Чаки и Сетевайо заперты подобно диким зверям в тесных заповедниках (на весь Зулунд таких заповедников 21). Вне заповедников ни один негр не имеет права владеть землей или хотя бы арендовать ее. Зулусы вынуждены оставлять родные места и наниматься на работу к колонистам, в шахты и копи Наталя и Трансваала. Закон зорко следит за тем, чтобы черному не предоставлялась квалифицированная работа. Положение черного батрака и рабочего даже формально почти не отличается от положения раба. Он не имеет права работать без контракта, а «нарушение» контракта считается уголовным преступлением, наказываемым тюрьмой и поркой.

Горняки-туземцы живут в специальных поселках, режим которых напоминает режим концлагеря; в городах туземные рабочие не имеют права селиться за пределами отведенных для них трущоб.

Тонко продуманная система полицейского надзора лишает туземцев возможности даже мечтать об улучшении условий труда или перемене места работы: туземный рабочий должен иметь не менее четырех различных документов, заверенных хозяином; в противном случае он подвергается аресту за «бродяжничество».

Сейчас, когда аяглофильская часть южноафриканской буржуазии и помещиков втянула свою страну в империалистическую бойню на стороне Англии, реакция повела новое наступление на права и жизненный уровень черных и белых труженников, стремясь переложить на их плечи все тяготы войны.

Но традиции героев зулусской войны живут в среде черного пролетариата. «Черные спали долго, может быть, слишком долго. Но берегитесь! Когда просыпаются те, кто спал долго и крепко, — они не скоро засыпают вновь», — сказал на брюссельском конгрессе колониальных народов один из представителей трудовой Африки.

Французская дипломатия в первые годы первой мировой империалистической войны

1

Со времени поражения Франции в войне 1870—1871 годов французская буржуазия никогда не мирилась с потерей промышленных областей — Эльзаса и Лотарингии.

Едва закончилась колониальная горячка 80-х и 90-х годов и раздел земного шара между империалистами, как снова помыслы французской дипломатии обратились на европейский континент.

Франко-русский союз, оформленный в 1891—1893 годах, англо-французское соглашение 1904 года, наконец Тройственное соглашение (Антанта) 1907 года — этапы на пути активной французской политики окружения Германии.

Французская дипломатия упорно уклонялась от всякого серьезного политического соглашения с Германией. Еще в 1898 году, в период Фашоды¹, Теофиль Делькассе, один из будущих творцов Антанты, вступив в министерство иностранных дел, нашел в сейфе министерства записку разговора своего предшественника, Габриэля Ганото, с немецким послом Мюнстером, в котором последний делал дружественные предложения. Новый министр не колеблясь оставил эти предложения без ответа.

Антанта была не только оборонительным союзом, но и наступательным. В основу англо-французского соглашения, как известно, был положен захват Марокко, а англо-русского соглашения — раздел Персии.

Жорж Клемансо, тогдашний председатель совета министров, уже через год после образования Антанты, 28 июля 1908 года, прямо заявил будущему французскому послу в Петербурге Жоржу Луи:

«Я думаю о войне и нахожу, что она неизбежна. Я об этом даже писал, хотя, может быть, это и не было нужно, но думаю

я о ней всегда... нам надо держаться наготове, и при потертке, которую мы получим со стороны Англии и России... и, может быть, также при поддержке Италии, где общественное мнение может обязать правительство объявить себя на нашей стороне, мы можем победить. Во всех случаях это будет война за существование. Если мы будем побеждены, нас раздавят» (см. Жорж Луи «Записки посла», стр. 15).

Следующими вехами на пути подготовки войны были январь 1912 года и январь 1913 года. Сенатор Пуанкаре, один из наиболее упорных ревизионистов, был призван к власти сперва в качестве главы правительства, а затем и президента республики. С его приходом французская дипломатия значительно активизировала подготовку войны.

Новый президент всегда считал, как и Клемансо, что война с Германией неизбежна. Для этого он поспешил заменить в 1913 году посла в Петербурге Жоржа Луи бывшим министром Делькассе, тем самым Делькассе, который в первые же дни войны с гордостью заявлял: «Это моя политика торжествует сегодня. Сколько раз меня обвиняли в окружении Германии! Это я подписал соглашение с Англией, соглашение с Италией, первое соглашение с Испанией. Это я самым действительным образом культивировал союз с Россией» (Р. Пуанкаре «На службе Франции», т. I, стр. 99).

Личные визиты Пуанкаре Николаю II и английскому королю Георгу укрепили Антанту и помогли выработке единого плана войны. Незарем газета «Таймс» после поездки Пуанкаре в Лондон писала о значении этого посещения, как «о самом важном по своим последствиям из всех официальных визитов, бывших в последнее время» (Тарле «Европа в эпоху империализма», стр. 232).

В июльские дни 1914 года французское правительство в особенности всячески поощряло агрессивные намерения царской России. Поль Дешанель, председатель палаты депутатов, говорил: «Большая часть тех, кто были в июле министрами, открыто называют Пуанкаре виновником войны. Во время смуты он сказал мне (то есть Дешанелю.— Я. Г.): «Мне будет очень трудно

¹ Фашода — селение на Верхнем Ниле (Англо-Египетский Судан), по имени которого получил название инцидент между Англией и Францией. В 1898 году Фашода была занята французским отрядом, что привело к серьезному конфликту между Англией и Францией. Под нажимом Англии Франция пошла на уступки и очистила занятую ею территорию.

убедить русских». Он хотел сказать: «...убедить их, что нужно выступить» (см. Ж о р ж Л у и «Записки посла», стр. 57).

С момента объявления войны главной целью французской дипломатии было обеспечение победы. О мире между воюющими буржуазными правительствами без победы, без разгрома врага, о мире без аннексий и контрибуций не могло быть и речи.

«Нестерпимо слушать сладенького Каутского и Б°, толкующих о демократическом мире так, как будто его могли заключить теперешние и вообще буржуазные правительства. Ибо на деле эти правительства опутаны сетью тайных договоров между собой, со своими союзниками и против своих союзников» (Л е н и н. Соч. Т. XIX, стр. 282).

В годы первой мировой империалистической войны усилия французской дипломатии сводились в основном к вербовке новых союзников в борьбе с врагом, к втягиванию в войну нейтральных стран и к обеспечению условий будущего грабительского мира, наиболее выгодного французскому империализму.

2

В архиве французского морского министерства среди прочих документов, «не подлежащих оглашению», имеется следующая телеграмма, составленная 3 августа 1914 года: «Тулон, Морское министерство. Атакуйте каждый немецкий военный корабль. Подтвердите получение. Начальник морского генерального штаба, вице-адмирал Ж. Пиве».

На этой телеграмме имеется надпись карандашом: «Не была отправлена. Смотри письмо президента республики». Текст письма президента гласит: «Дорогой министр. Я считаю, что по вопросу о Средиземном море вам надо выждать завтрашнего заседания совета министров. Преданный вам Р. Пуанкаре».

Когда впоследствии, через 1½ года, морская комиссия сената потребовала от морского министра адмирала Лаказа выдать ей эти документы, она получила категорический отказ. В своем объяснении совету министров президент Пуанкаре заявил, что если бы «я не принял этой меры предосторожности, меня могли бы обвинить в том, что я толкал к войне» (??). И он записал в своем дневнике: «Все министры согласились со мною» (П у а н к а р е. Цит. соч. Т. II, стр. 271).

Возможно даже, что совет министров нашел доводы уважаемого президента достаточно вескими, но при ближайшем рассмотрении вопроса миролюбие Пуанкаре оказалось больше, чем сомнительным.

На письме Пуанкаре министру сделана надпись: «Получено 3 августа 12 ч. 50 м. ночи в ответ на письмо министра от 3 августа в 12 ч. 15 м. ночи, в котором министр запрашивал, должен ли он отдать флоту приказ искать крейсера «Гебен» и «Бреслау» и атаковать их» (там же, стр. 274). А ноту с объявлением войны германский посол Шен вручил французскому правительству 3 августа в 7 часов 30 минут. Таким образом, записку в морское министерство с предложением воздержаться от потопления «Гебена» и «Бреслау» Пуанкаре написал через 5 часов после начала войны. Вышло понятно, что тогда речь уже шла не о «развязывании войны», которая уже развязалась. Дело заключалось в другом.

Турция всегда служила для французского империализма рынком вывоза капитала. Французские инвестиции в Турцию до войны достигали 3 миллиардов франков. В Восточной Анатолии французские компании имели концессии на постройку железных дорог. Под французским контролем в значительной степени находились турецкие финансы. Вот почему французских дипломатов так усиленно беспокоили агрессивные планы царской России относительно Турции. Палеолог — французский посол в Петрограде — в начале войны (17 августа 1914 года) добивался от русского министра иностранных дел Сазонова известных заверений по поводу Турции. «Вам небезызвестно, — говорил он министру, — что территориальная неприкосновенность и политическая независимость Турции остаются одним из руководящих принципов французской дипломатии» (П у а н к а р е. Цит. соч. Т. I, стр. 64).

Однако французская дипломатия не делала никаких усилий для того, чтобы привлечь Турцию к Тройственному согласию. Один из турецких деятелей, Джавид Бей, говорил французскому послу в Турции, что «противники французской ориентации в турецком правительстве являются с великолепными обещаниями со стороны Германии и упрекают его, Джавида, равно как Джемал-пашу и великого визиря, в том, что они находятся в оппозиции им, но никогда ничего не предлагают от имени держав Тройственного согласия. Джавид Бей желал бы получить полномочие ответить им в своей очередь каким-нибудь положительным обещанием, например относительно отмены капитуляций» (там же, стр. 78).

Но Франция совсем не собиралась отказываться от капитуляций и других льгот, которыми она располагала в султанской Турции. Дело в том, что более тесное сближение с Турцией могло привести к тому, что балканские страны бросились бы в объятия противника; кроме того это поста-

было бы под угрозой военную помощь России, относительно которой нельзя было быть уверенным, станет ли она активно воевать, если ей не будет гарантирована нейтрализация проливов. Поэтому Бомпар, французский посол в Константинополе, в своих беседах с Джавидом отделивался туманными и расплывчатыми обещаниями. Делькассе в Париже, будучи уже министром иностранных дел, прямо говорил Извольскому, что он против привлечения Турции в коалицию. Больше того, он предлагал образовать на Балканах антитурецкий блок нейтральных стран (см. «Международные отношения» (в дальнейшем «М. О.»). Т. VI. Ч. 1-я, стр. 116—117).

Предшественник Делькассе на Каб'Орсеи (т. е. французское министерство иностранных дел) Думерг усиленно предлагал России гарантировать целостность турецких владений и в то же время давал понять Извольскому, что «это не помешало бы нам (то есть России.— Я. Г.) при ликвидации войны разрешить согласно нашим видам вопрос о Проливах» («М. О.» Т. VI. Ч. 1-я, стр. 57).

Французская дипломатия стремилась сохранить в Турции свои привилегии и капиталы и в то же время старалась поддерживать военный пыл России тайными обещаниями за счет Турции, а также привлекала на свою сторону балканские страны.

Для того чтобы Россия в случае начала военных операций на юге не могла собственными силами занять Константинополь и проливы, французское правительство, так же как и английское, отдало распоряжение не препятствовать крейсерам германского флота «Гебену» и «Бреслау» пройти в восточную часть Средиземного моря, к берегам Турции. Как и предполагал Пуанкаре, оба крейсера вошли в Дарданеллы и были «куплены» Турцией у Германии. «Дело... сделано», — удовлетворенно заметил французский президент (Пуанкаре. Цит. соч. Т. I, стр. 46).

Теперь уже французская дипломатия считала более полезным иметь Турцию не союзником, а противником. «Было бы выгоднее втянуть Турцию в число наших противников, дабы таким образом покончить с ней», — откровенно заявлял видный чиновник министерства иностранных дел Понсе («М. О.», Т. VI, № 259).

Поэтому 30 октября, после нападения германо-турецких кораблей на русские порты и корабли в Черном море, Бомпар вместе с русским и английским послами поспешил потребовать пасапорта.

3

В первые 7 месяцев войны торг союзников с Италией и между собой по поводу

Италии то разгорается, то затихает, в зависимости от хода военных действий. Не только чрезмерные амбиции итальянской буржуазии, но и разногласия среди союзников препятствовали переходу Италии на сторону Антанты. Позицию Италии с наибольшей прямотой охарактеризовал итальянский посланник в Бухаресте Фашиноти.

«...чем дольше тянется война,—говорил он своему русскому коллеге Трубецкому,— тем слабее в качественном и количественном отношении становятся армии противников. Следовательно, голос Италии и Румынии приобретает тем более значения, чем позднее они положат свои силы на чашу весов» («М. О.», Т. VI. Ч. 2-я, стр. 197).

4 августа 1914 года, в день объявления Англией ультиматума Германии, Пуанкаре сделал следующую запись в своем дневнике: «Думерг и Вивьани сообщили мне сегодня одно довольно неудачное русское предложение: обещать уже теперь Италии Трентино и Валлоню, если она примет участие в войне против Австрии» (Пуанкаре. Цит. соч. Т. I, стр. 10).

Франция несклонна была уступать своей «латинской сестре» в начале войны даже Трентино. Позднее, когда все яснее стала вырисовываться сила германской армии, оккупировавшей Бельгию, и слабые результаты многочисленных обещаний Англии о присылке войск, точка зрения французского правительства начинает меняться. Ведь Италия, в отличие от Британии, могла выставить 1200 тысяч человек. Поэтому уже 12 августа 1914 года, сообщая итальянскому послу Титтони об объявлении союзниками войны Австрии, Пуанкаре добавил:

«Возможно, стало быть, что это (т. е. война.— Я. Г.) положит конец искусственному дуализму Австро-Венгерской империи. У Италии свои национальные устремления. Настоящий момент имеет для нее решающее значение» (там же, стр. 45). Его намеки становятся еще более конкретными, когда он начинает заверять собеседника, что французский флот будет бомбардировать Триест и Полу только в самом крайнем случае (там же).

Особенно большое значение французские империалисты придавали выступлению Италии на стороне Антанты в первые месяцы 1915 года, когда русская армия, не имея снарядов, отступала под ураганным огнем немецкой артиллерии, а все попытки генерала Жоффра прорвать фронт в Северной Франции оканчивались неудачей. Французской дипломатии было также известно, что выступление Италии на стороне союзников благотворно подействует на колеблющуюся Румынию. Пуан-

каре не раз передавали слова румынских деятелей, что «если Италия выступит, Румыния несомненно тоже выступит» (Пуанкаре. Цит. соч. Т. I, стр. 154). Еще 3 октября 1914 года на Ка д'Орсей узнали «из секретного и надежного источника», что между Румынией и Италией заключено соглашение и что ни одна из них не выйдет из нейтралитета без согласия другой.

Французские дипломаты никогда не сомневались в том, что на будущей мирной конференции руководящая роль будет принадлежать не Италии, а Франции. И потому они не остановились перед обещаниями удовлетворения в будущем далеко идущих требований Италии.

Еще 21 сентября 1914 года французская адриатическая эскадра высадила в Антивари две батареи, чтобы держать под обстрелом бухту Каттаро. Этим мероприятием французы как бы приглашали итальянский флот присоединиться к совместному выступлению. По этому поводу Пуанкаре писал, что действия эскадры «не могут ей (то есть Италии.—Я. Г.) не понравиться» (там же, стр. 172). 9 марта 1915 года совет министров принял решение послать отряд Риччиоти Гарибальди, сражавшийся во французской армии, в Трентино для партизанской войны в тылу у австрийцев. Эта авантюра, как были убеждены все гарибальдийцы и некоторые министры, должна была заставить Италию вступить в войну.

Чтобы добиться быстрого принятия итальянских требований, Палеолог оказывал постоянное давление на царское правительство. Побережье Адриатики с Далмацией было еще раньше обещано Сербии. Сазонов долго не соглашался на изменение этого решения, тем более что помощь Италии была для России сомнительной, в то время как небольшая сербская армия с величайшим мужеством и храбростью отражала натиск австрийцев, облегчая тем самым положение русских на югозападном фронте. Сазонов полагал, что обещания, которые давались Италии за счет интересов Сербии, отрицательно повлияют на стойкость сербского правительства и сербской армии.

Только неоднократные заявления Палеолога и телеграммы Извольского, в которых последний сообщал, что во Франции придают огромное моральное и военное значение вступлению в войну Италии, и просил не сопротивляться итальянским требованиям, вынудили русское правительство принять итальянские требования.

В связи с неуступчивостью России Пуанкаре пришлось даже послать Николаю II 19 апреля 1915 года довольно резкую телеграмму, в которой говорится:

«Мой дорогой и высокий друг! Позвольте мне сказать вашему величеству, как опасна, на мой взгляд, задержка принятия союзниками итальянского меморандума. Генерал Жоффр, как и его высочество великий князь Николай Николаевич, желает, чтобы выступление Италии последовало как можно скорее, но единственный способ ускорить его — это немедленно подписать соглашение. Пока оно не подписано, можно опасаться, что переговоры внезапно будут сорваны непредвиденными обстоятельствами... Ваше величество, обладая столь высоким и провиденциальным пониманием интересов союзных стран, несомненно, не преминет предотвратить разрыв, который мог бы повести к самым серьезным последствиям» (там же, стр. 382—383).

Через неделю после отправки этого письма, 26 апреля 1915 года, в Лондоне было, наконец, подписано соглашение с Италией, а через месяц Италия объявила войну Австрии.

Но и после этого акта дипломатия Италии пыталась лавировать и в течение 15 месяцев, несмотря на все настояния французов, не вручала паспорта германскому послу.

Выступление Италии усилило рознь в стане союзников. Сербия с тех пор не оставляла беспокойство. Она не знала, что именно было обещано Италии, но не без оснований полагала, что эти обещания были сделаны за ее счет. Русский паризм не мог примириться с внедрением Италии на Балканах. Греция, которая сама мечтала на Албанию, стала относиться к союзникам с большей подозрительностью. «Чем больше расширяется коалиция союзников, тем труднее... руководить ею», — писал с горечью французский президент (там же, стр. 431).

4

Англо-французские империалисты придавали особое значение вовлечению в войну на стороне Антанты балканских государств: Болгарии, Греции и Румынии. — ибо этим достигалось разделение сил противника, прекращался интенсивный обмен немецких вооружений и инструкторов на турецкое сырье и продовольствие. В целях осуществления этих планов и была предпринята дарданелльская экспедиция.

Значение дарданелльской операции и занятия Константинополя, предложенных Черчиллем, морским министром Англии, вполне полно и достаточно точно определил другой англичанин, посол в Париже лорд Френсис Берти. «Если это случится, — писал он, — то произойдут большие изменения. Болгария, Греция и Румыния, как голодные волки, бросятся на умирающего турка, чтобы отхватить себе кло-

чок, а турки повернут фронт и предадут своих друзей—гушюв. Я надеюсь, что общественное мнение в Англии и за границей «заставит державы отвергнуть в принципе русскую точку зрения о правах москвичей в отношении Константинополя и проливов» (Берт и «За кулисами Антанты», запись от 22 февраля 1915 года).

Дарданелльская кампания выявила англо-французские противоречия.

Англия взятием Дарданелл надеялась отрезать Египет от немцев, а также захватить такие территории в Малой Азии или Сирии, которые могли бы послужить веским аргументом во время будущих мирных переговоров. Вначале англичане пытались устранить Францию от участия в дарданелльской экспедиции, несмотря на то что по морской конвенции, заключенной между союзниками, командование объединенной эскадрой в Средиземном море должно было принадлежать Франции. Лишь после соответствующего протеста и поездки в Лондон морского министра Франции Оганьера в последних числах января 1915 года были выработаны условия, по которым командование флотом у берегов Сирии возлагалось на французов. Черчилль обязался после долгих споров не высаживать отдельно от Франции войска в Александrette, в которой Франция была особенно заинтересована.

Дарданелльская экспедиция должна была начаться 15 февраля. Неудача экспедиции прозвизала сильно подорвать влияние союзников не только на Балканах, но также в Египте, Марокко и Индии, где мусульмане составляли большую часть населения. Поэтому было решено держать экспедицию в строгой тайне, а в случае провала заявить, что союзный флот вовсе не имел намерения брать проливы, а получил задание лишь бомбардировать форты.

Как известно, произведенная 18 марта попытка прорыва через проливы окончилась неудачно, причем англо-французский флот понес большие потери. Высадка десанта на Галлипольском полуострове также ничего, кроме жертв, не принесла. Однако до конца года, до снятия последнего отряда десанта, союзная дипломатия продолжала возлагать на нее надежды. Французский посол в Лондоне Поль Камбоя, с мнением которого считался в Елисейском дворце, писал в Париж:

«Я не перестану утверждать, что Болгария выступит только в том случае, когда мы перейдем через Дарданеллы. Навпо думать, что можно увлечь ее обязательствами, осуществления которых ей придется ждать в дальнейшем» (см. Пуанкаре. Цит. соч. Т. I, стр. 438).

Неудачные действия в Дарданеллах усиливали колебания и в правительствах других нейтральных балканских государств. Союзники теряли надежды на скорое вступление их в войну. «Ни Румыния, ни Греция, — запевывает лорд Берт 1 июня 1915 года. — как видно, не намерены выступить сейчас; мы не одержали еще достаточно успеха у Дарданелл, чтобы подбодрить их, а отступления и поражения русских было достаточно, чтобы их обескуражить» (Берт и «За кулисами Антанты», запись от 1 июня 1915 года).

Чем яснее становилось, что дарданелльская кампания обречена на поражение, тем больше выступали наружу англо-французские противоречия. Китченер, английский военный министр, махнув рукой на Балканы, предложил направить британский экспедиционный корпус в Александрию и Порт-Саид. Он потребовал, чтобы туда же отправилось и французское войско. По плану французского империализма вовсе не входило защищать английский Египет. Францию продолжали больше всего интересовать и тревожить Балканы. Болгария, которой Антанта фактически ничего не могла предложить, кроме турецкой территории по линии Энос—Мица, выступила на стороне Германии. Началось большое наступление австро-германских войск на Сербию. В интересах Франции надо было сохранить балканский фронт и тем самым оттягивать войска противников от западного фронта. Так родилась идея нового «восточного фронта», непосредственно на Балканском полуострове.

Китченер скептически относился к этой французской идее. Во время поездки в Мудрос у него появился новый проект нападения на Турцию. Он предложил захватить порт Александретту, недалеко от которой проходит Багдадская железная дорога. По—англичане в Сирии! Есть от чего волноваться французскому президенту. Вель этот же проект давно выработывался французским генштабом и был положен под сукно из-за молчаливого противодействия Делькассе. «А теперь англичане опережают нас, — замечает Пуанкаре, — и, опасаясь осложнений в Египте и Индии, возьмут себе залог за наш счет» (Пуанкаре. Цит. соч. Т. II, стр. 139).

Ввиду твердого противодействия Франции план захвата Александретты был отставлен.

5

В 1915 году на западном фронте ничто не предвещало обещанной скорой победы Франции. Оптимистическим уверениям главнокомандующего о возможности прорыва фронта верили все меньше. Ударом на Бал-

канах можно было поднять общественное мнение, перейти от позиционной войны к маневренной и, наконец, с помощью военного нажима и интервенции принудить воевать нейтральные страны.

«Свой взгляд, — записывает Берти, — Бриан (вице-председатель кабинета. — Я. Г.) изложил следующим образом: чтобы улучшить положение в Бельгии и на севере Франции, следует распространить кампанию на Балканы. Экспедиция британских и французских войск в Салоники с участием греческой армии и при давлении со стороны России, несомненно, втянула бы в войну Румынию и определила бы позицию Болгарии, у которой, может быть, есть обязательство по отношению к Австрии и Германии... Если бы русские войска высадились в Варне или вступили бы в Румынию, то королю и правительству Болгарии пришлось бы выбирать между совместными действиями с Антантой и падением» (Берти «За кулисами Антанты», запись от 4 февраля 1915 года).

Союзническая дипломатия для достижения своих целей не стеснялась в средствах, не останавливаясь даже перед свержением правительств нейтральных государств.

В другом месте тот же Берти откровенно писал, что экспедиция должна быть создана «с целью «компрометировать Грецию и убедить Румынию помочь Сербии» (там же, запись от 3 февраля 1915 года).

По поводу балканской экспедиции были разногласия не только у Парижа с Лондоном, но и внутри совета министров и комитета национальной обороны в самой Франции. Генерал Жоффр и Делькассе, сторонники развития решающих военных действий на территории Франции, были против экспедиции. Это противодействие послужило одной из причин ухода Делькассе и последующей отставки кабинета Виивиани. На его место 30 октября 1915 года пришло «большое министерство» Аристеда Бриана в составе 24 министров.

Жоффр после своего назначения генералиссимусом всех французских армий дал свое согласие на салоницкую экспедицию. Объектом деятельности была избрана Греция, что вытекало как из военно-стратегических, так и из дипломатических планов союзников. Однако Греция не хотела выходить из своего нейтралитета. И это вызвало нажим на Грецию со стороны Англии и Франции.

«Демократические», «цивилизованные» державы применили при этом такие методы, как обещание компенсаций, подкуп, шантаж, провокационные нападения и т. д. Интервенция и свержение короля Константина, противника вступления Греции в войну, были последними средствами «убеж-

дения», пущенными в ход англо-французской дипломатией.

Еще в начале марта 1915 года Антанта, казалось, могла торжествовать: 7 марта греческий посланник в Нише (Сербия) по поручению Венизелоса, председателя совета министров Греции, сообщил Пашичу, что правительство Греции приняло решение выйти из нейтралитета и предоставить в распоряжение союзников свой флот и сухопутную дивизию. Но вдруг в 11 часов вечера из Афин получилось известие об отставке англо-французского ставленника, Венизелоса. Король Константин осудил политику вмешательства в войну.

31 августа 1915 года совет министров Франции принял решение потребовать от Греции пропуска войск для оккупации Македонии. 3 октября Франция приняла предложение лорда Берти о гарантии в случае вступления Греции в войну территории ее владений и передачи ей после войны Смирны с хинтерландом. Бывший греческий премьер Венизелос находился в тесном контакте с французским посланником Гильеменом. По настоянию их обоих французское правительство 17 октября 1915 года приняло решение отдать Греции болгарское побережье Эгейского моря. Англия согласилась уступить Греции остров Кипр при условии, если Греция откроет военные действия против вступившей в войну Болгарии.

В октябре 1915 года в Салониках был высажен экспедиционный корпус союзников. Началась оккупация города и железной дороги на Ниш. Беспочвенность союзников глубоко возмутила даже такого преданного сторонника Антанты, как Венизелос. «Союзники, — воскликнул он, — поступают с Грецией, как с завоеванной страной!» (см. Пуанкаре. Цит. соч. Т. II, стр. 86).

Франция потребовала от России присылки войск для «охраны дороги Салоники — Ниш» и для давления на Румынию. По Сазонов заявил Палеологу, что Россия «после страшных потерь, понесенных ею за последние 5 месяцев», не в состоянии послать солдат. «Есть предел человеческим силам. Наши войска измучены, наши контингенты из рук воп плохи. Не требуйте от нас новых усилий» (там же, стр. 87).

Несмотря на эти действительные затруднения России французское правительство настаивало на присылке пушечного мяса. Пуанкаре собственноручно составил грозную инструкцию французскому послу в Петрограде: «Ипотека на Константинополь, которой добились Россия, вот уже несколько месяцев играет роковую роль в балканском вопросе. Несомненно, она не осталась без влияния на нерешительность Румынии, на враждебность короля Фердинан-

да, на успех Германии у короля Константина. Когда Англия предприняла дарданелльскую экспедицию, Франция прижнула к ней только в надежде завоевать Константинополь для своей союзницы (?— Я. Г.)... Сегодня.., императорское правительство взваливает на Францию и Англию все бремя помощи Сербии. А между тем, согласно всем сведениям, получаемым нами из Софии, значительная часть болгарской армии заявляет, что не будет сражаться против России. Стало быть, присутствие русских войск в Македонии и морская демонстрация перед Бургасом и Варной имели бы величайшее значение... Благоволило передать в дружественном и твердом тоне эти серьезные соображения императорскому правительству» (Пуанкаре. Цит. соч. Т. II, стр. 93).

Но даже это послание не смогло заставить Россию отправить на Балканы войска. Лишь осенью 1916 года в Салоники был отправлен первый контингент русских войск.

Салоникская экспедиция первоначально не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Она не сумела оказать никакой военной помощи Сербии, не сумела даже соединиться с остатками сербской армии, которая вынуждена была искать убежища на Адриатическом побережье Албании. «Сербия,— пишет Ллойд-Джордж,— была покинута союзниками, вопреки торжественному обещанию своевременной поддержки. Греки, понятно, опасались, что их оставят на произвол судьбы. События войны на восточном фронте, естественно, произвели впечатление на все юговосточные государства в гораздо большей степени, чем захват нескольких километров во Франции» (Ллойд-Джордж «Военные мемуары». Т. I—II, стр. 348).

В дальнейшем французские империалисты с помощью своих английских союзников прибегали ко все более грубым, но зато и более действенным средствам для вовлечения в войну нейтральных балканских государств.

Гильмен, как неоднократно доносил русский представитель Демидов, держал себя в Афинах вызывающе и сознательно шел на провокационные действия. В Париже стали готовиться к решительным действиям — к уничтожению греческого флота и бомбардировке греческих городов. 11 ноября 1915 года Пуанкаре записывает: «Правительство решило отправить морские силы и потребовать, чтобы Лондон сделал то же самое. Кроме того мы предложили Англии приостановить все платежи по судам для Греции, все льготы по снабжению и все поставки для Греции впредь до выяснения положения» (Пуанкаре. Цит.

соч. Т. II, стр. 137). Военная комиссия парламента также настаивала на применении решительных мер против Греции: «...только мощная демонстрация нашей военной силы может предупредить большую опасность на Балканах» (там же, стр. 138).

28 ноября, ночью, на рейде в Милоесе появилась эскадра из французских, английских, русских и итальянских кораблей. На вопрос испуганного греческого премьера Скулудиса Гильмен откровенно ответил: «Пришла пора, когда греческое правительство должно отказаться от двусмысленной позиции».

Но Греция продолжала всеми силами сохранять нейтралитет.

Через несколько дней Гильмен со своими коллегами снова нанес визит Скулудису и вручил ему очередной меморандум, в котором греческому правительству предлагалось увести свои войска из города Салоники и его окрестностей. Он требовал разрешения на поиски и уничтожение неприятельских подводных лодок и на осмотр кораблей в греческих территориальных водах. Греция уступила силе и согласилась на эти требования, что фактически означало ликвидацию нейтралитета.

Однако союзникам этого было мало. 30 декабря французский генерал Сарраиль, командующий экспедиционными силами, после отказа Скулудиса удалить из Салоники консулов враждебных Франции государств арестовал их и отправил в Марсель. Это было вопиющим нарушением международного права и провокационным вызовом Германии на объявление войны Греции.

12 января 1916 года французы оккупировали, не считаясь с греческим протестом, остров Корфу, который стал базой новой сербской армии.

Когда весной 1916 года оборона Вердена настоятельно диктовала необходимость активизации остальных фронтов, французское правительство еще больше усилило нажим на Грецию и Румынию. Воспользовавшись просьбой Греции о займе, Бриан в начале марта потребовал пропуска сербских войск через греческую территорию в Салоники. Когда Греция отказалась дать свое согласие, французский кабинет был чрезвычайно возмущен этой «изменой» и решил принять принудительные меры — блокаду и прямую аннексию. Французское правительство заявило Греции: «Вы нарушаете свои обязательства благожелательного нейтралитета; мы в таком случае отказываемся от наших обязательств в отношении возвращения оккупированной территории» (там же, стр. 350).

Французская дипломатия взяла курс на свержение короля Константина. «Между Пуанкаре и Брианом,— записывает Бер-

ти,— были разногласия по вопросу о том, как поступить с королем Константином. Пуанкаре — сторонник железного кулака, Бриан надеется на ораторское искусство».

Для пропаганды и подготовки переворота Венизелос получил через английского капиталиста—грека по национальности—Базиля Захарова несколько миллионов франков.

1 сентября 1916 года французское правительство обсуждало вопрос о создании «революционного комитета», то есть интервенционного правительства Венизелоса, в Салониках. Но Бриан и министр финансов Рибо были тогда против этого плана, так как не были уверены в поддержке Англии, опасавшейся, как бы действия против короля не привели к установлению республики в Греции. «Грей встревожен возможностью революции в Афинах и надежды короля,— отмечает Берти 2 сентября 1916 года.— Если он падет, то здесь «никогда не захотят установить в Греции республику?»

9 сентября в Париже была получена телеграмма о нападении на французскую миссию в Афинах. Мало кто сомневался в том, что это была очередная провокация французского посланника. Даже французский премьер и министр иностранных дел Бриан в совете министров «высказывает подозрение, что они (инциденты.—Я. Г.), возможно, подстрочены Гильменом и военным и морским атташе» (Пуанкаре. Цит. соч. Т. II, стр. 401). Однако инциденты послужили хорошим поводом, и французский адмирал с молчаливого одобрения правительства высадил десант для «охраны французской миссии в Афинах».

Только разногласия среди союзников—опасения Англии и прямое противодействие русского царя — дали королю Константину возможность еще несколько месяцев продержаться на престоле.

В июне 1917 года Франция силой заставила короля Константина отречься от престола. У власти был снова поставлен Венизелос, который 2 июля 1917 года порвал дипломатические отношения с Германией. Англо-французские империалисты добились своего: Греция вступила в войну на стороне Антанты.

6

Истинные цели войны значительно отличались от официальных версий, во имя которых французская буржуазия, так же как и буржуазия ее союзников и противников, посылала на убой миллионы трудящихся. За широковетательными объявлениями о сокрушении германского милитаризма, упрямлении вильгельмовского режима, о защите цивилизации и демократии, о создании Лиги наций и пр. и пр. скрывались действительные цели войны: отторжение территорий, расчленение необъединенных стран, требования контрибуций.

Одновременно с первыми выстрелами союзники начинают создавать планы империалистической перекройки карты мира. Уже на второй день войны, 4 августа, в своем послании палатам и населению французский президент писал: «В течение более сорока лет французы, в своей искренней любви к миру, затаили в глубине своих сердец свое желание получить законное возмещение» (Пуанкаре. Цит. соч. Т. I, стр. 491). В более интимных разговорах Пуанкаре не замедлил расшифровать, что это за «возмещение». 5 августа он записал о своей беседе с Клемансо: «Был момент — он (Клемансо.—Я. Г.) произнес слово «Эльзас», и в памяти его встали картины 1870 года,— когда от волнения он прослезился. Я сам почувствовал у себя на глазах слезы» (там же, стр. 13).

Стариковские слезы, как выясняется из дальнейших событий, относились не к Эльзасу 1870 года, а к Эльзасу и Лотарингии, завоеванным Францией в 90-х годах XVIII века, куда входила вся Саарская область с угольным бассейном.

Тотчас после первого германского поражения 5—9 сентября начинается интенсивная деятельность дипломатических канцелярий. «Победа на Марне,— замечает Берти,— оживила дух французов, и они уже готовы делить шкуру неубитого медведя».

Начались деятельные переговоры о переделе мира.

В своем «приблизительном наброске» Грей выставил следующие требования: 1) приобретение германских колоний; 2) нейтрализация Кильского канала; 3) слача и потопление германского военного флота; 4) разрешение вопроса о Шельде; 5) передача Бельгии Люксембурга (немецкого); 6) компенсация Голландии за счет Германии; 7) военные контрибуции; 8) сведения на-нет доминирующего положения Пруссии (см. «М.О.», Т. VI, Ч. 2-я, стр. 329).

Извольский прислал Сазонову следующие дополнительные условия, выдвинутые Францией (13 октября 1914 года): 1) исправление африканских границ; 2) сокрушение Пруссии; 3) отделение Ганновера; 4) передача Шлезвига Дании; 5) сохранение Австро-Венгрии.

Особенно активизировались переговоры вокруг дележа будущих завоеваний после вступления в войну Турции. Англия, терявшая в войне меньше чем другие союз-

ники, как всегда, пыталась больше всех получить. Уже 30 октября 1914 года, в день потопления русской капонерки, английский посол записал в своем интимном дневнике: «Если дело дойдет до войны с турками, то мы должны выступить за создание арабского халифата».

Франция, в свою очередь, предприняла решительные шаги, чтобы определить свою долю добычи. Делькассе посетил Берти, с которым имел откровенный разговор. Вот как сам Берти рассказывает о нем: «Я давно подозревал поползновение Франции на Рейн, как границу с Германией, а также вожделение ее на части Сирии. Все это было подтверждено Делькассе в академической беседе сегодня вечером. Франция займет Майнц, Кобленц, Кельн, Бельгия — Аахен... Он высказал предположение, что мы, как всегда, захотим все взять себе, и спросил, что я готов предоставить Франции. Я ответил — Эльзас-Лотарингию и все, что не понадобится нам самим!» (Берти «За кулисами Антанты», записки от 24 февраля 1915 года).

Этот не лишенный остроумия ответ английского посла не мог, конечно, удовлетворить французское правительство. Берти фактически ничего, кроме Эльзаса и Лотарингии, не обещал Франции.

О том, каковы были планы Франции на Востоке, мы узнаем из письма Пуанкаре к Палеологу, написанного в разгар переговоров о будущей судьбе Константинополя.

Президент писал 9 марта 1915 года по поводу передачи Константинополя:

«Первой, безусловно необходимой предосторожностью я считаю: не обсуждать публично будущей судьбы Константинополя и оставлять Румынию, Италию и все другие нейтральные государства в нерешении относительно желаний России, ибо открыть им эти желания значило бы отпугивать их от поддержки, которую Сазонов, на мой взгляд, надеется купить слишком дешево... Отдача России Константинополя, Франции, проливов и берегов Мраморного моря означает раздел Османской империи. Мы не имеем никаких разумных оснований желать этого раздела. Если он неизбежен, мы не желаем, чтобы он произошел за наш счет. Поэтому надо будет, с одной стороны, найти такую комбинацию, которая позволит нам успокоить наших мусульманских подданных в Алжире и Тунисе относительно дальнейшей независимости повелителя правоверных, и, с другой стороны, помимо сохранения наших институтов на Ближнем Востоке и соблюдения наших экономических интересов в Малой Азии, добиться признания наших прав на Сирию, Александретту и вилайет Адану» (Пуанкаре. Цит. соч. Т. I, стр. 343, 344).

Англо-французские империалисты были уверены, что в ходе военных действий Константинополь попадет им в руки и тогда они сумеют заставить истощенную войной Россию отказаться от своих поползновений. «Считают целесообразным (во Франции.—Я. Г.),—откровенно записывал Берти,—чтобы Англия и Франция завлали Константинополь раньше России, дабы москвит не имел возможности совершенно самостоятельно решать вопрос о будущем этого города и проливов» (Берти, записки от 26 февраля 1915 года).

Английская дипломатия после свержения египетского халифа и объявления протектората над Египтом (18 декабря 1914 года) начала предпринимать энергичные шаги по созданию арабского халифата под английским покровительством. С шерифом Мекки были завязаны переговоры «довольно странные» и «не совсем своевременные», как замечает Пуанкаре (Пуанкаре. Цит. соч. Т. II, стр. 116—118). Ему был обещан халифат, взамен чего шериф Гуссейн должен был помочь англичанам против Турции.

Эти интриги английской дипломатии в арабских странах не могли не вызвать подозрения Франции. Для того чтобы успокоить свою союзницу, Англия предложила 27 октября 1915 года обсудить совместно план окончательного раздела Азиатской Турции и попутно добиться согласия на создание арабской империи.

Для переговоров в Лондон был послан генеральный консул в Бейруте Жорж Нико. Английское правительство не возражало против признания французской власти в Александретте, Адане и Киликии. За это Никольсон, помощник Грея, потребовал установления в Сирии и Ливане верховной власти меккского султана. Кроме того англичане настаивали на постройке железной дороги из Хайфы, что означало конкуренцию с Александреттской железной дорогой. Английские предложения не могли быть по душе французскому правительству. В январе 1916 года Франции удалось вырвать согласие Англии на расширение французского влияния на Ливан с Триполи и Бейрутом и на хинтерланд до Моссула. Взамен этого Англия потребовала Палестину. Бриан не соглашался. Он добивался по меньшей мере раздела Палестины между Англией и Францией, а также концессиума (совместного управления) Хайфской железной дорогой. Обращая внимание на английские предложения, Пуанкаре предостерегал правительство от коварства и хитрости, столь свойственных английской дипломатии. Англия предоставляла Франции как раз те области, которые, согласно франко-германскому соглашению от 15 февраля 1914 го-

да и англо-германскому соглашению от 15 июня 1914 года о Багдадской железной дороге, признавались германской сферой влияния. В то же время для себя Англия требовала территорий в той зоне, где Германия и Турция еще до войны признали ее права.

«Следовательно,—заявляет Пуанкаре,—если будет заключен мир, не дающий нам удовлетворения по всем пунктам, Германия потребует для себя то, что было уступлено нам, Англия же сможет сохранить за собой то, что мы признали за ней» (Пуанкаре. Цит. соч. Т. II, стр. 217).

Кабинет министров решил, что распределение будущих приобретений должно быть поставлено в зависимость от получения Францией полной доли турецкой добычи.

Что касается Моссула, то Англия добивалась оставления его за собой, и только с помощью России Франции удалось его отстоять.

В феврале 1916 года Пико совместно с Сайксом, бывшим английским военным агентом в Константинополе, составили проект договора о разделе Турции. 9 марта Сайкс и Пико лично представили его в российское министерство иностранных дел. По этому проекту Азиатская Турция делилась на пять зон влияния. В статье 1-й было сказано, что Франция и Англия «готовы признать и взять под свое покровительство независимое арабское государство». Но для этого «в зоне «А» Франция и в зоне «В» Великобритания будут иметь право приоритета в предприятиях и местных займах, право назначать советников и чиновников». Из приложенной к проекту договора карте явствовало, что линия раздела сфер влияния начинается от Средиземного моря и идет по границе Палестины и Сирии, а затем—на северо-восток, вплоть до персидской границы. Английская зона лежала южнее этой линии, а французская—севернее.

В статье 2-й говорилось, что в Киликии, Сирии и во всей полосе от Александретского залива до Урмийского озера в Персии Франция, а в Месопотамии Англия устанавливают «такое управление или такой контроль, который они пожелают».

Палестина должна была находиться под международным управлением (статья 3-я). Ее порты Хайфа и Акра предоставлялись Англии (статья 4-я). Александретта становилась свободным портом для Англии, а Хайфа—для Франции (статья 5-я). Остальные пункты проекта договора устанавливали экономические привилегии для обоих государств и оговаривали недопущение в арабскую империю третьих стран.

Территория к северу от французской зоны предоставлялась России (см. «М. О.». Т. X, стр. 332).

Но Сазонов остался недоволен тем, что французские владения будут внедряться клином в русско-персидскую границу. Англичане тоже не были, очевидно, вполне довольны столь близким соприкосновением французов с Персией. Об этом наглядно свидетельствует разговор, зафиксированный в записи русского министерства иностранных дел за 10 марта. «Во время своего обычного посещения французский посол заявил, что между французским и английским правительствами уже состоялось окончательное соглашение и что поэтому он (проект) должен рассматриваться как дело решенное. Великобританский посол поспешил заявить, что полученные им от своего правительства указания вовсе не придадут означенному проекту такого характера, а, наоборот, предписывают ему (послу) лишь представить выработанные предположения на одобрение русского правительства, нисколько не вменяя в обязанность настаивать на принятии их целиком» («М. О.». Т. X, стр. 372).

Сайкс выступил посредником в переговорах между Францией и Россией. В ответ на русское беспокойство по поводу слишком большого проникновения европейской державы в Малую Азию Сайкс успокоил Сазонова тем, что французы «обычно чересчур эксплуатируют местное население и не умеют возбуждать его симпатии к себе, как к нации» (там же, стр. 380).

После многочисленных препирательств этот договор о разделе Турции был принят 26 апреля—30 мая 1916 года. Правда, Англия и в дальнейшем никогда не отказывалась от более широких притязаний в Палестине. Палестина являлась поступом как к Суэцу, так и к Египту. Когда в апреле 1917 года Берти заявил Ллойд-Джорджу, что французы будут недовольны назревающим протекторатом над Палестиной, премьер прямо заявил: «Французам придется примириться с нашим протекторатом: мы явимся в Палестину как завоеватели и останемся там, так как не исповедуем никакой особой веры и являемся единственной державой, способной управлять маометанами, евреями, римскими католиками и вообще людьми, каких угодно религий». «В таком случае,—сказал Берти,—вы предлагаете, чтобы мы стали на место, которое занимали турки...?» «Да,—сказал Ллойд-Джордж» (Берти, запись от 20 апреля 1917 года).

Если Англия надеялась одурачить свою союзницу и захватить Палестину, то и Франция не оставалась в долгу. Составив план раздела Османской империи, французские империалистические круги, воз-

главляемые Пуанкаре, Думергом и другими, не оставляли идеи о расчленении Германии, о перенесении своей границы на Рейн и о захвате крупнейших немецких городов и богатейших территорий.

В этом пункте империалистические чаяния политиков третьей республики наталкивались на сильное противодействие британской дипломатии. Препятствия, чинимые Лондоном, объяснялись отнюдь не гуманными соображениями. Английская политика, как об этом свидетельствует вся ее история, никогда не была склонна к подобным сентиментальностям. Она всегда оставалась на твердой, реальной почве наживы и выгоды. Одной из основных целей войны было для Англии сведение на-нет экономической и политической роли Германии не только в Азии и Африке, но и в Европе. Это позволило бы Великобритании играть первую скрипку в оркестре держав послевоенной Европы. Она отнюдь не намерена была уступать дирижерского пульты какой-либо другой стране. Занятие же Францией богатейших рейнских провинций, безусловно, означало закрепление за ней доминирующего положения на континенте и оттеснение британского флага на второстепенные позиции.

Вот почему Франция пришлось искать поддержки против Лондона в Петрограде, играя на агрессивных планах царской России и на англо-русских противоречиях на Ближнем Востоке. Однако к 1917 году из России стали приходиться все более тревожные для империалистов вести. Назревала революция, которая грозила смести самодержавие. В начале 1917 года в Петроград был послан в качестве чрезвычайного посла министр колоний, бывший премьер и будущий президент, Гастон Думерг. Его миссия была тем более шекотливой, что он должен был добиться заключения договора о передаче Франции рейнских провинций втайне от английского и итальянского министров, вместе с которыми он прибыл в Россию.

14 февраля 1917 года, то есть за несколько дней до своего крушения, царское правительство подписало выработанное Думергом окончательное соглашение, в котором, кроме пунктов, относящихся к Эльзасу и Лотарингии и пунктов, где предусматривалась французская поддержка русских территориальных притязаний, были следующие две статьи:

«3. Другие территории на левом берегу Рейна, входящие в настоящее время в со-

став Германии, будут полностью отделены от нее и полностью освобождены от ее политического и экономического господства.

4. Те из этих территорий, которые не будут включены в территорию Франции, составят автономное и нейтрализованное буферное государство и будут оккупированы французскими войсками до тех пор, пока не будут осуществлены требуемые союзниками гарантии...» («Революционное движение во французской армии в 1917 году», стр. 195).

Дальнейшее развитие событий после окончания войны повлекло за собой некоторые изменения в соглашениях союзников в ущерб Франции, но это произошло уже помимо воли французской дипломатии.

* * *

Франция имела согласованные со всеми своими союзниками, а с некоторыми из них вполне точные и подробные империалистические, грабительские планы, направленные к отторжению территорий у Германии, Австрии и Турции и даже к полному их расчленению.

Содержание этих договоров и было истинной целью французской буржуазии в первой мировой империалистической войне 1914—1918 годов, целью, которая тщательно скрывалась от французского народа и за которую он заплатил смертью 1500 тысяч лучших своих сынов, 3 миллионами раненых и 70 миллиардами золотых франков.

Приемы англо-французской дипломатии времен первой мировой империалистической войны очень мало изменились. Сейчас, когда англо-французские империалисты разожгли в Европе пожар второй империалистической войны, за высокопарными декларациями о спасении демократии и цивилизации, за кликушескими воплями буржуазных писак о великой миссии Франции и Англии, о «демократическом» союзе европейских стран и пр. и пр. империалистические правительства Франции и Англии снова тщательно скрывают от своих народов истинные цели войны, и лишь в тиши министерских кабинетов и посольских особняков снова под покровом непроницаемой тайны идет оживленная торговля за счет нейтральных стран, вербуются новые союзники, вырабатываются грабительские планы дележа еще не завоеванных территорий, снова и снова перекраивается карта Европы и всего мира.

КАРЕЛИЯ ДО XVIII ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Краткий исторический очерк

По мирному договору, заключенному между СССР и Финляндией, к Советскому Союзу отошли новые территории, в том числе весь Карельский перешеек с городом Выборгом и Выборгским заливом с островами, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кекегольмом, Сортавала, Суоярви, территория восточнее Меркярви с городом Куолаярви. Таким образом, в результате побед Красной Армии к СССР присоединены территории, еще недавно бывшие мощным плацдармом международных империалистов для нападения на нашу страну. Почти все эти места примыкают к бывшей Карельской Автономной Советской Социалистической Республике. Учитывая справедливые пожелания карельских трудящихся, Верховный Совет СССР решил передать в состав КАССР территории, отошедшие от Финляндии, и в то же время постановил преобразовать КАССР в Союзную Карело-Финскую Республику. «Районы, отходящие к Карелии, являются не только карельскими, но отчасти и чисто финскими районами. Финский и карельский народы связаны между собою кровными расово-национальными узами. Преобразование Карельской Автономной Республики в Союзную Карело-Финскую Республику будет способствовать дальнейшему хозяйственному и культурному развитию этих двух родственных народов и укреплению их братского сотрудничества. Оно положит конец культивировавшейся на протяжении многих лет вражде финского и карельского народов и розни между обоими народами» (А. А. Жданов).

Естественно, что широкие массы советских читателей горячо интересуются историей народа, населяющего новую союзную республику, историей Карелии. Создать книги по истории Карело-Финской ССР — почетная и ответственная задача советских историков. Наш краткий очерк является только наброском некоторых глав карельской истории.

1

Могучие хвойные леса, бесчисленные озера, скалы, валуны, бурные реки, водовороты, водопады, непроходимые болота —

суровая северная страна Карелия. Карельская легенда так описывает сотворение земли:

«Вначале в мире ничего не было. Вода вечно волновалась и шумела. Этот шум несся к небу и беспокоил бога. Наконец разгневанный бог крикнул на волны, и они окаменели, превратились в горы, а отдельные брызги — в камни, рассеянные повсюду. Места между окаменелыми волнами наполнились водой, и так образовались моря, озера, реки» (М. Пришвин «В краю пенугатых птиц»).

Художественное творчество предвосхитило выводы науки. Здесь была раньше только вода. Ледовитый океан соединялся в этом месте с Балтикой. Отдельные мели стали вершинами горных хребтов, плывучие льдины Скандинавского ледника задерживались на мелях, таяли, оставляя множество камней, принесенных с гор. Подземные силы выдвигали новые мели, и так образовались горные кряжи, на которых выросли хвойные леса, а низменности остались заполненными водой.

Древние следы существования человека в Карелии археологи датируют третьим тысячелетием до нашей эры. Письменные источники свидетельствуют о прошлом Карелии на протяжении последнего тысячелетия. О более давнем существовании человека на территории Карелии можно судить по данным материальной культуры, по ценным памятникам далекого прошлого: неолитическим стоянкам, петроглифам (изображениям, высеченным на скалах) и т. п. Эти памятники дают представление о родовом обществе в Карелии, когда люди, беззащитные перед лицом суровой природы, вынуждены работать сообща, чтобы собрать плоды с дикорастущих деревьев, наловить рыбу, построить жилище, «если они не хотят стать жертвой голодной смерти хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства... Здесь нет эксплуатации, нет классов» (И. Сталин).

Карельские петроглифы, успешное исследование которых провел А. М. Линевский (см. ежегодник «Карелия» за 1928 год), были выбиты на скалах 3—2 тысячи

лет пазал. Они изображают животных, людей, злых и добрых духов, орудия охоты и т. д. Человек эпохи неолита придавал этим высеченным на камне рисункам магическое значение. Он считал, что достаточно произнести заклинания или произвести определенные действия над изображением, чтобы повлиять на его оригинал.

Древний обитатель Карелии был анимистом. Зависая от случайностей первобытной охоты и рыболовства, он верил в милость и недружелюбие тех или иных духов, представлял их по образу и подобию своему и всячески стремился на них воздействовать.

А. М. Ливневский сделал весьма удачные выводы в связи с изображенными на карельских скалах канканами, свидетельствующими об относительно высоком уровне развития общества того времени. Охотник, владевший множеством ловушек, естественно, был более обеспечен нежели примитивный охотник, тративший все свое время на добывание скудной пищи. Владелец канканов мог создавать запасы, вел обеспеченное существование, и это, несомненно, способствовало созданию новых материальных условий в жизни общества.

Рисунки на скалах свидетельствуют также о том, что на стадии родового строя происходили вооруженные столкновения с соседними племенами. Эти столкновения между племенами, находившимися на стадии родового общества, были вполне закономерны, и они объясняются тем, что «Все, что было вне племени, было вне закона. При отсутствии определенного мирного договора, царил война между племенами, и эта война велась с жестокостью, которая отличает человека от остальных животных...» (Ф. Энгельс).

В конце первого тысячелетия нашей эры карелы находились еще на стадии родового строя.

Финские историки так представляют себе жизнь карельского общества того времени. Группа карельских семейств, связанных друг с другом брачными отношениями, составляла кихлакунду (kihlakunta). Из территорий кихлакунд составлялись территории племен — маакунды (maakunta) во главе с племенными вождями (kupingas). Пользуясь значительным влиянием, kupingas не обладал полнотой власти. Высшую власть осуществляли народные собрания (каряят), которые решали важнейшие вопросы жизни племени.

Деление на кихлакунды и маакунды, несмотря на постепенное усиление власти племенных вождей, сохранилось вплоть до того времени, когда новгородские колонизаторы ввели новое деление, соответствовавшее новгородским порядкам.

Карело-финский эпос Калевала, являясь наряду со скупыми сообщениями русских

летописей и скандинавских хроник одним из ценнейших источников по истории финских племен, дает чрезвычайно яркий материал для понимания как этой, так и последующей формации карельского общества. По древним рунам Калевалы можно представить существование матриархального рода, переход к патриархату, а также типичные для родового строя и периода патриархального рабства верования.

Из многих драгоценных строк Калевалы мы приведем всего несколько. Они относятся к периоду разложения родового общества.

В Калевале показано возникновение вражды между родоначальниками Калерво и Унтамо, кровавой вражды между двумя родами, и, наконец, их истребление:

«
Свой овес Калерво сест
За жилищем у Унтамо.
Вот овца Унтамо дерзко
Тот овес Калерво съела,
Но свирепый пес Калерво
Разорвал овцу Унтамо.
Унтамойнен угрожает
Своему Калерво брату,
Что убьет весь род Калерво,
Всех, от мала до велика...
И пошел он, чтоб сражаться,
Против собственного брата...
Всех убил у Калерво,
Все его большое племя...»

(Руна XXXI).

И только одному мужчине из враждебного рода, младенцу Куллерво, даровал Унтамо жизнь, чтобы сделать его своим рабом. Когда раб Куллерво стал взрослым, его прогнали кователю Ильмаринену. При помощи колдовства Куллерво напустил на издевавшуюся над ним хозяйку диких зверей, и они разорвали ее на части. Куллерво ушел от Ильмаринена искать род Унтамо, чтобы отомстить ему за разорение и истребление своего рода. И Куллерво находит своего врага,

«Истребляет род Унтамо,
Обращает избы в пепел;
Только пыль одна осталась,
Лишь остались в пеще камни.
Да рябина у забора» (Руна XXXIV).

2

В изучении прошлого Карелии и карел имеют большое значение раскопки и изучение курганов как на территории Карело-Финской ССР, так и на смежных с нею территориях, которые, по мнению археологов, были заселены предками карел. В. И. Равдоникас считает, что в X—XI веках предки современных карел жили в юго-

восточном Приладожье, где находились в то время важнейшие культурные центры местного населения. И только в XII—XIII веках культурные центры Карелии под давлением русской колонизации передвинулись из юговосточного Приладожья к Кексгольму и на реку Вуоксу (см. В. И. Равдоникас «Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юговосточном Приладожье», стр. 25. М. и Л. 1934).

В другой своей работе («Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии». «Карелия». Ежегодник за 1928 год, стр. 67—68) В. И. Равдоникас так пишет о Карелии X века:

«Оставаясь в пределах фактов археологии и, отчасти, истории, можно выдвинуть такую гипотезу: на территории Приладожья и Белозерья в первом тысячелетии нашей эры жила финно-угорская народность, вероятно, однородная в социально-культурно-языковом отношении. Культурные остатки этой народности до конца 1-го тысячелетия, за исключением отдельных находок — в массовом их проявлении еще не найдены. Начиная с X века западная (Приладожская) часть этой народности вступает во взаимодействие с норманнами, вначале и довольно долго совершавшими свои известные набеги за рабами, которых везли затем на восточный рынок на Волгу».

Торговля карел с норманнами, славянами, камскими булгарами была в X веке довольно интенсивной. Она способствовала быстрой классовой дифференциации карел, распаденню их родового общества. Старейшина рода, постепенно превращаясь в феодала, захватывал леса, богатые пушниной, рыбные ловли, плодородные земли, луга и т. п.; он вел торговлю с соседними племенами для собственного обогащения, заставлял население отдавать ему часть продуктов, добытых на захваченных им территориях.

В. И. Равдоникас указывает, что в это время, время расцвета Приладожской культуры, здесь формировалась карельская народность, оставившая после себя Приладожские курганы.

Находки в Старой Ладогe — керамические изделия, сделанные на большом гончарном круге, а также металлические — железные и бронзовые изделия стандартного размера. Население жило на площади рядом с городищем, укрепленным валом. В это время появились первые церкви, сначала деревянные, а несколько позже каменные. (В XII веке на территории Старой Ладоги были сооружены каменная крепость и церковь, которая уцелела до наших дней).

Район Старой Ладоги богат курганами и селищами, по которым восстанавливается картина существования общества При-

ладожья в X—XI веках. Жили тогда люди сначала большими, а затем малыми семьями, объединенными в род. Расположены курганы группами по берегам рек и озер. В. И. Равдоникас зарегистрировал 1113 курганов X—XI веков, распределенных по 172 группам. Каждая группа, повидимому, являлась курганами одной семьи, и из этого можно заключить, что семья в это время была немногочисленной. Курганы, относящиеся к концу XI, а также XII, XIII и XIV векам, распределены группами по 50, 100 и больше. Это дает возможность исследователю заключить, что семьи в это время объединялись в территориальные союзы — общины.

Население занималось охотой, скотоводством, подсечно-мотыжным земледелием. В XII веке развилось и пашенное земледелие, на что указывает находка железного сошника.

В Приладожских курганах и в Старой Ладогe были обнаружены разнообразнейшие изделия как семейного производства, так и местных ремесленников, а также привозные из крупных ремесленных центров и импортные: из Скандинавии, Прибалтики, с Востока, кроме того обнаружены монеты арабские и другие. Все это свидетельствует о значительном для того времени уровне культуры и ремесла, о международных связях жителей Приладожья.

Курганы Приладожья свидетельствуют о резком имущественном неравенстве в обществе. Попадаются целые группы курганов с бедным инвентарем и в то же время богатые и бедные курганы в одной и той же группе. В одном из курганов наряду с основным погребением обнаружены сопровождающие погребения, повидимому, рабов и жены.

Рабовладельческого строя в Карелии не было, но Калевала и финско-карельские песни говорят нам о том, что в Карелии продавали и покупали рабов. Об этом же свидетельствуют материалы раскопок и другие данные. Существование рабовладельческих государств приводило к тому, что рабовладельцы добывали рабов в странах, переживавших стадию разложения первобытно-общинного строя и начало феодализма, причем торговля рабами в Карелии велась не только в первом тысячелетии нашей эры, но и в более позднее время. «...Постановление короля Биргера в 1316 году имело в виду помешать похищению и продаже карельских девушек. Такие местные названия, как *Orjaulahti* (залив рабов), *Orjansaari* (остров рабов), в Карелии суть воспоминания о месте торговли рабами» (Suomen asukaat pakanunden aikona, стр. 66, Aspelin. 1885. Цит. по

«История карел» В. Крохина). Возможно, что названия эти объясняются тем, что сюда приезжали норманны для захвата рабов и рабынь.

3

Несомненно, что карельские феодалы были заинтересованы в том, чтобы избежать разорительных столкновений с русскими, и стремились установить с ними такие отношения, которые обеспечивали бы карельской знати расширение ее торговых связей через богатый Новгородский рынок. Этим можно объяснить тот факт, что карельские феодалы приняли православие без особого сопротивления и, видимо, помогали новгородцам принудительно крестить карельское население.

Раскопки курганов в Приладжье свидетельствуют о том, что (начиная, вероятно, с конца XI века и главным образом в XII и XIII веках) высший класс — карелы — собственники земли — перешел уже к «чистому» христианству, в то время как остальное население, хотя и крещеное частично, не отошло от язычества. В курганах, относящихся к XI—XII столетиям, совершенно исчезли богатые погребения, так как феодалы уже хоронили покойников в могилах христианского типа, не насыпая курганов, не кладя вместе с покойником различных вещей.

Ранние известия о жизни карельского народа и о взаимоотношениях карел с русскими очень немногочисленны. Среди них большое значение имеют краткие сообщения русских летописей. Эти записи очень неполны и не всегда верно освещают роль карел в истории. Но если в Северных летописях, главным образом в Новгородских, карелы все же упоминаются довольно часто, то Южные и Суздальские летописи даже не упоминают о них. В более поздних списках летописей о карелах уже нет известий, ибо карелы потеряли свое значение как самостоятельная, независимая военная сила, а летописцы интересовались главным образом военными походами карел. В русских летописях и скандинавских хрониках даны только крупницы для характеристики карельского народа, но, несомненно, и они дают возможность заключить, что его прошлое наполнено воинскими подвигами и упорством в борьбе за свои кровные интересы.

Наиболее раннее свидетельство русского летописца о карелах относится к 1143 году, когда «ходили Карела на Емь и бежали (назад) в двух лойвах разбитые» (Новгородская I, 135)¹.

¹ Часть летописных текстов в переводе на современный язык приводится по си-

Неудачу этого похода карел на финское племя емь можно объяснить тем, что в это время новгородцы, обычно поддерживавшие карел в их походах на шведскую сторону, не оказали им военной помощи. В Новгороде господствовала тогда киевская партия Мстиславичей, мало заинтересованная в карельских и финляндских делах.

Тесные связи карел с новгородцами имели место до события, упомянутого летописцем. Так например олонечкие карелы уже в 1134 году платили новгородскому владыке повинность — 3 гривны, — что, кстати, свидетельствует о том, что они были обращены в православие. Живя на территории враждебного им племени вепсов, карелы Олонца без противодействия подчинились Новгороду, так как искали у него экономическую и военную опору. В 1137 году новгородцы брали дань с карельской солеварни у Белого моря. Новгородская вольница в XI веке проникала сюда по Онеге и Двине.

В XII и в начале XIII века дань, взимаемая новгородцами, не была особенно обременительной, носила часто формальный характер и не означала еще включения территории, с которой взималась дань, в состав новгородских владений. Подчинение новгородцам не носило такого характера, как подчинение норманнам, опустошавшим край и порабощавшим население. Новгородцы были заинтересованы в том, чтобы не обострять отношений с карелами, жившими у выхода в Балтийское море, и в течение продолжительного времени не покушались на их независимость, не стремились включить Карелию в состав Новгородских земель. Именно этим можно объяснить поддержку, которую русские получали в своей борьбе против шведов от местных племен.

В 1185 году по инициативе папы Александра III шведы, прощупав предварительно при помощи миссионеров положение финских племен, организовали кровавый крестовый поход против финнов, эстов и карел, угрожая в то же время интересам Новгорода. Начиная с 1157 года (военный поход Эрика IX) новгородцы объединялись с местными племенами и давали шведским завоевателям вооруженный отпор. Ответом на враждебные действия викингов, руководимых ярлом Поном, в 1185 году были совместные действия карел, эстов, куров и других племен и на-

стематизированным выдержкам в ежегоднике «Карелия» за 1928 год (Петрозаводск. 1931) и в Хрестоматии по истории Карелии (Петрозаводск. 1939.). По Хрестоматии цитируется также часть документального материала, к которому даны ссылки на первоисточники или сноски: «Материалы по истории Карелии».

родностей, поддерживавшихся новгородцами, против богатого шведского города Сигтуны.

Это был победоносный морской поход на Швецию. Его особенно тщательно готовили. Неожиданно подойдя к берегам Швеции, карелы, эсты и др. окружили епископское имение Альмаретек, убили находившегося в нем упсальского архиепископа Иовина и сожгли имение. Карельский флот проник в озеро Мелар и атаковал город Сигтуну, «самый сильный и богатый торговый город Швеции, в котором одновременно правило 4 бургомистра и обойти который по валам можно было не менее чем в 6 часов» (Suomen asukaat rakennusten aikana, стр. 87). Город был уничтожен. Ненавистный карелам и русским шведский ярл Ион был убит.

Стремясь преградить вход в озеро Мелар, шведы выстроили город Стокгольм, который заменил им Сигтуну.

Об этом историческом походе русские летописи не сообщают. Свидетельства о нем сохранили скандинавские хроники.

В XII и XIII веках происходили многочисленные походы шведов с подвластными им финнами на Карелию и, с другой стороны — походы новгородцев с карелами против шведов и находившихся под их влиянием финских племен.

Так например в 1191 году «ходили Новгородцы в лойвах с Корелю на Емь и воевали землю их, и пожгли, и скот изрубили» (Новгородская I, 163).

Набег 1191 года был особенно успешным для карел. В финляндских источниках сообщается о том, что около 1191 года русские сожгли город Або. Возможно, что речь тут идет об этом набеге. Однако закрепить свою победу новгородцы не могли, так как действовали слишком далеко от своих баз, и о том, чтобы удержать захваченный город, даже не помышляли. Разрушив шведские поселения, новгородцы с карелами ушли, после чего побережье было снова занято шведами.

В конце XII века новгородцы построили монастырь в месте слияния Сухоны с Югом, а в начале следующего столетия построили город Устюг и этим прервали торговые связи беломорских карел с болгарами. Это, а также систематические нападения норманнов способствовали тому, что часть карел переселилась от устьев Двины в глубь страны. Дружинники новгородской воишны начали селиться среди беломорских карел, причем это проникновение в беломорскую Карелию не носило характера больших кровавых походов. По крайней мере, материалов о таких походах историки в своем распоряжении не имеют.

В 1227 году, как сообщает летописец, «Князь Ярослав Всеволодович через послан-

ных крестил множество карел, мало не всех людей» (Лаврентьевская, 427).

Надо полагать, что речь идет тут не обо всех карелах, а только о тех, которых можно было окрестить во время одного похода. Не может быть и речи о том, что Ярослав крестил весь карельский народ. Насильственное крещение 1227 года (упоминаемое только в одной Лаврентьевской летописи) являлось ответом на насильственное обращение карел в католичество и было для новгородцев не совсем обычным делом.

Многие летописные своды под 1241 годом сообщают о походе князя Александра Невского на немецких рыцарей в крепости Конорье. В этом походе участвовали как активная сила карелы: «Пошел князь Александр на немцев, на крепость Коноре, с Новгородцами и с Ладожанами, и с Карелюю, и с Ижорянами, и взял крепость, а немцев привел в Новгород, а иных пустил на свободу; а Вожан и Чудцю изменников перевешал» (Новгородская I, 259). А в 1253 году новгородцы вместе с карелами разгромили немецких рыцарей у Нарвы.

В последующих летописных сообщениях приводятся факты, свидетельствующие об обострении отношений между новгородскими князьями и карельским населением, может быть, карельскими феодалами, которые стремились удержать в своих руках взимавшуюся новгородцами дань. Новгородские князья в это время усиливали колонизацию края и закрепощение карельского крестьянства. Возможно, что отношения обострились из-за того, что крестьянство сопротивлялось принудительному введению православия. Новгородское общество выступало против агрессивных действий князя и старалось не допустить вредных для интересов Новгорода кровопролитий. Как указывает летописец под 1269 годом, «Князь же хотел итти на Корелу и умолиши его Новгородцы не итти на Корелу; князь же отослал полки назад» (Новгородская I, 292).

Однако в 1278 году, как указывает летописец, «Князь Дмитрий с Новгородцами и всей Низовскою землею наказал Корелу и взял землю их на шит» (Новгородская I), то есть разорил дотла.

Надо полагать, что речь здесь также идет о части карельской территории. Причиной карательного похода могло быть возвращение карел к язычеству.

Карельский народ мужественно сопротивлялся чужеземным вторжениям и захватам.

Один из шведских походов на Карелию (1292) окончился полным разгромом шведов. В летописи под 1292 годом указывается: «Приходили Свей воевать, 800 их; 400 пошло на Корелу, а 400 на Ижору; избил

их Ижора, а Карела избилла своих, а иных руками забрали» (Новгородская I, 302).

На этот раз карелы и ижоряне одержали победу над шведскими силами без помощи русских.

4

Затруднения, испытанные Новгородом в конце XIII века в связи с татарским гнетом, давившим Русь, разорение и истощение страны не давали новгородцам возможности обеспечить за собой военное преобладание в Карелии, к западу от Ладожского озера. Конец пути по Вуоксе из Ладожского озера в Финский залив у Выборга не был укреплен новгородцами, безопасность приладожско-балтийской Карелии не была обеспечена. В отсутствие укреплений, обеспеченных сильными гарнизонами, была слабая сторона новгородской колонизации. Шведы воспользовались этим положением и намеревались причинить русским «ущерб при выходе»; они совершили в 1293 году поход на эту часть Карелии и заложили крепость Выборг. Укрепившись на побережье, они продвинулись вверх по Вуоксе и подчинили себе 14 карельских погостов, принудив жителей принять католичество.

Шведское вторжение, сопровождавшееся строительством крепостей, парализовало торговлю в Карелии и в то же время активизировало действия новгородцев. В 1295 году новгородцы появились на Вуоксе, захватили и разрушили шведскую крепость Кекегольм. Кюцца правитель Швеции Торкель Кнутсон выстроил в 1300 году крепость Ландскрону (рядом с территорией нынешнего Ленинграда), новгородцы с карелами разгромили эту шведскую твердыню.

Многие из неправославных карел этой территории оказали в свое время поддержку шведам в захвате побережья Вуоксы, но, испытав шведское владычество, ревностно помогали новгородцам в борьбе против шведов. Однако русские в то время не сумели сохранить симпатий карел. Феодалное закрепощение карельского крестьянства продолжало усиливаться. Правитель из Новгорода — князь Борис Константинович — нещадно притеснял карел, облагал их непомерными налогами, жестоко карал. Источники свидетельствуют о том, что эта его деятельность не соответствовала интересам новгородцев. Так, в грамоте от 1308 года новгородцы пишут великому князю тверскому Михаилу Ярославичу: «А Бориса Константиновича кормил Новгород Карелою, а он Карелу всю истерял и за Немцев¹ загнал... пусть из Новгородской земли уходит» («Памятники истории Великого Нов-

¹ В данном случае и в последующих речь идет о шведах.

города». Под ред. С. В. Бахрушина, стр. 23. М. 1909).

В 1310 году на месте разрушенной шведской крепости Кекегольм новгородцы построили новую крепость — Корелу. Однако возникшее среди карел недовольство правлением Бориса Константиновича шведы использовали для подрыва положения русских. Многие из карел бежали из Карелы в Выборг и оттуда вместе со шведами напали на крепость Корелу, в то время как восставшие карелы перебили русский гарнизон внутри крепости. Летопись под 1314 годом так сообщает об этом событии: «Избила Карела русских горожан в Корельском укреплении, и впустила к себе шведов; Новгородцы же с наместником Федором пошли на них и передалась Карела и избилы Новгородцы шведов и Корелу изменников» (Новгородская I, 314).

Следует отметить, что карательные экспедиции новгородцев не были направлены против карел вообще, а имели ограниченный характер. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в последующих походах новгородцев против шведов карелы активно участвовали.

5

В первой тетради большой рукописи Маркса, озаглавленной Энгельсом «Хронологические выписки», под 1290—1318 годами имеется драгоценное для советского историка высказывание о шведских вторжениях в Финляндию и в Карелию, о католической заразе, распространенной на карел, о безуспешности шведских походов против русских:

«Торкель завершает подчинение и обращение в христианство финнов и распространяет шведское владычество и христианскую заразу на соседний народ, карелов; для закрепления этого в Карелии основан тогда Выборг; шведы пришли таким образом в соприкосновение с русскими... Военные походы против русских стоили шведам больших потерь людьми и не дали положительных результатов...» (Архив Маркса и Энгельса. Т. V, стр. 338).

В 1323 году русские построили у выхода Невы из Ладожского озера крепость Орешек, в которой тогда же был заключен со шведами договор, получивший в истории название Ореховского. К шведам отошла значительная часть карельских земель, три округа: Саволак, Ескис и Епреля, — но новгородцы получили, по договору, важные для себя гарантии, остановившие шведскую агрессию в Карелии у берегов реки Сестры, в 35 километрах от Невы — основного водного пути русских к Балтийскому морю.

Ореховский договор наряду с установлением границ регламентировал торговые отношения, запрещал строить города на карельской земле, запрещал шведам скупать земли у карел, подвластных Новгороду, а также заниматься интригами против великого князя.

6

Между тем русская колонизация Карелии продолжала усиливаться. Многие богатые карельские земли были захвачены новгородскими боярами, которые забирали у карел пушнину, строили деревни, населяя их боярскими страдниками (после покорения Новгорода Москвой и конфискации боярских земель Иваном III боярские страдники превратились в черносотных крестьян великого князя). Рядом с этими деревнями возникали поселения с вольным крестьянским населением. Постепенно побережье Белого моря, так же как и берега Онежского озера, все больше и больше заселялось русскими. В населенных местностях основывались православные монастыри, которые различными, в том числе и темными, путями увеличивали и округляли свои земли, эксплоатируя и закрепощая местное население.

Документальный материал свидетельствует о том, что новгородская колонизация Карелии наряду с отрицательными чертами (территориальными захватами, закрепощением и т. д.) имела и прогрессивное значение. Колонизация ускорила развитие феодализма в Карелии, втягивала ее в широко развитые товарно-денежные отношения, приобщала Карелию к более высокому уровню производства и культуры.

Карелы в основной своей массе жили западнее и южнее русских. В южной части края население больше занималось сельским хозяйством и частично охотой, а ближе к северу преимущественным занятием населения были охота и рыболовство.

Через три года после заключения Ореховского договора со шведами новгородцы заключили мирный договор и с норвежцами, которых до этого очень беспокоили набеги беломорских карел, руководимых русскими. Норвежцы, по этому договору, допускали русских и карел беспрепятственно торговать на норвежской территории. Но и после этого договора карелы, жившие на берегах Белого моря, продолжали враждовать с норвежцами. Многочисленные набеги карел на норвежские территории и норвежцев на карельские земли не давали решающего преимущества ни тем, ни другим и разоряли главным образом коренных жителей этих мест — лашландцев.

В 1333 году новгородцы отдали приаждоженскую территорию Карелии в кормление литовскому князю Юримонгу Гедиминовичу. При владычестве сына его Александра, поселившегося в Орешке, феодальный гнет особенно усилился и вызвал среди карел большое недовольство. Недовольные наняли опору в шведском Выборге и в 1337 году восстали против русских, убили многих из них, а также православных карел и впустили в крепость шведов. Восставшим не удалось поднять все карельское население против власти новгородского ставленника, и они вынуждены были бежать в Выборг, откуда производили свои набеги на православную Карелию. Новгородцы в свою очередь жестоко расправлялись со шведами и подчиненными шведам карелами, опустошали земли их, жгли хлеб, рубили скот, уводили в свой стан многочисленных пленников.

В кровавых распрях между шведами и русскими мужественный карельский народ терпел большие потери. Новгородская летопись под 1339 годом сообщает о договоре новгородцев со шведами, касающемся карел. В нем говорилось: «Если к вам наши бегут, секите их или вешайте, или ваши к нам, мы так же с ними поступим. Тогда не польстят промеж нами; а тех не выдадим, которые крещены в нашу веру, потому что и без того мало их осталось...» (Новгородская I, 336).

Постепенно вооруженное сопротивление карел новгородским ставленникам прекратилось. В отдельных случаях карельские феодалы под давлением народных масс пытались найти защиту от притеснений и насилий наместника у Новгородского общества. Соблюдая государственные интересы, новгородцы в 1384 году по жалобе карел удалили из Карелии (Кексгольм) князя Патрикия.

7

По Ореховскому договору 1323 года, приотнические области Карелии остались за Новгородом. Но отдаленность этих мест от Новгорода и слабость карельской колонизации привели к тому, что шведы и подвластные им финны (емь) получили здесь преимущественное влияние, постепенно крестили приотнических карел в католическую веру, заставляли их платить десятину католической церкви. Стремясь привлечь карел на свою сторону, шведы стали избегать применения к ним жестких мер, даже смягчили насильственный характер крещения язычников. Положение Новгорода в приотнических частях Карелии оказалось ослабленным, и это вызвало походы новгородцев против приотнических карел.

В 1375 году приотнические карелы — квенны — построили город Улеаборг (Oulu). В летописи под 1375 годом об этом сообщается: «Поставила Корола Семидесятская Новый городок» (Новгородская, IV, 305).

В 1377 году новгородцы осадили его, захватили посад, но города не взяли и ушли в свою землю. Другие походы новгородцев и православных карел в конце XIV столетия также не увенчались особым успехом.

С укреплением русских на Белом море связано строительство в XV веке Соловецкого монастыря. После того как в 1419 году норвежцы произвели большой поход на берега Белого моря и разорили поселения на Северной Двине, русские построили остроги в Коле, Керети, Кеми и Суме. Соловецкий монастырь взял на себя содержание гарнизонов этих острогов и постепенно становился опорным пунктом русских в Поморье.

Летопись под 1444 годом сохранила нам свидетельство об ответных действиях карел против норвежцев, причем действия эти не были безуспешными: «Ходили Корола на Мурман, избивли их, и повоевали, и в плен набрали, и вернулись здоровы» (Новгородская I, 424).

В XV и в XVI веках в приладожской Карелии возникло много православных монастырей: «Свирский по Свири, Андрусова пустынь (Олонецкий уезд), Ильинский женский монастырь (Повенецк), Никольский (Ладожск), Сянецбский (Олонецк), Яблонская пустынь (Олон), Брусенский (Пютр), Машезерская пустынь» (В. Крох и н. История карел, стр. 231). По северо-западным берегам Ладожского озера стояли скиты Валаамского монастыря. Эти монастыри сыграли крупнейшую роль в русской колонизации края. Монастыри владели многими деревнями, все больше закрепощая окрестное население, лишая его всех прав состояния. Толвуйским крестьянам, например, было запрещено промышлять в вотчинах Палеостровского монастыря (1477—1478 годы). Грозная грамота предупреждала крестьян: «А кто... почнет лес сечи, пожни косити, зайцов гоняти или рыбы ловити, или ягоды и грибы брати... тогда тот лишен будет лодки и сетей и за свою вину даст нам рубль. А кто почнет с нами суноровати... суд ему предо мною» («Материалы по истории Карелии», документ 34).

Даже в близком соседстве монастырей сплось и рядом крещение крестьян являлось чисто формальным делом, которое не мешало крещеным в православную веру совершать попрежнему свои языческие обряды. Феодалская религия вызывала сопротивление крестьянства. В 1534 году новгородский архиепископ Макарий писал

в своей грамоте: «...многие христиане с женами и с детьми своими заблудили от истинныя христианския православныя веры, о церкви деи божины и о церковном правиле не берегут, к церквам и к боже-ственному пению не ходят и к вам деи к отцам своим духовным, ко игуменом и попом, на покаяние не приходят, а молятца деи по северным своим мольбницам древесом и камению по действию диаволу...» (из грамоты новгородского архиепископа Макария в Вотскую пятину, в Чуль, Пжору, Карельский и другие уезды об искоренении языческих обрядов. «Материалы по истории Карелии», документ 56).

В монастырских вотчинах крестьяне жестоко эксплуатировались, несли тяжкие повинности. Закрепощению крестьянства монастырями принимало все более широкие размеры.

Не легче жилось и крестьянам, платившим оброк государству. В 1565 году крестьяне Выгозерской волости писали об отказе от рыбных ловель из-за непосильных налогов и оброка:

«...от той есмь ловли в конец истощали и опустели, потому что ловлишко худое, а от нас удалело за 100 верст и боле, и нам столько не добыть, сколько станет в проести и в волоките, а се государева дань великая, и нам тою ловли вперед ловить не мочно...» («Материалы по истории Карелии», документ 92).

Вражда между собой, монастыри старались урвать друг у друга земли, воды, леса. Эта вражда прежде всего отражалась на крестьянах, которых, по словам грамоты Палеостровского монастыря от 1548 года, «били и грабили и вязали».

Русская колонизация, а также истребление пушного зверя в южной Карелии заставили часть карельского населения расселяться в более северных местах карельской территории. Здесь они приходили в соприкосновение со шведскими подданными, которые расселялись за пределами территорий, обеспеченных за шведами по Ореховскому договору. Это нарушение шведами условий Ореховского договора дошло до того, что они выстроили в 1475 году на территории Новгородской Карелии крепость Нейшлот. Систематическое нарушение шведами указанного договора вызвало со стороны новгородцев и карел энергичное противодействие, оно выразилось в новых походах на шведскую сторону. В свою очередь шведы и подвластные им финны совершали свои кровопролитные набеги на карельские и русские поселения. Требования московских царей о соблюдении условий Ореховского договора пред'являлись в 1482, 1487, 1493, 1507, 1513 годах. Шведы всячески уклонялись от окончательного установления границ и прибегли

к обману, подменив первоначальный договор. По новому, поддельному договору, приботническая Карелия не значилась в составе новгородских земель.

8

Русские и карелы вели во второй половине XVI века обширную торговлю, скупали в шведских областях шкуры зверей, скот, хлеб, сало, сбывали сукна, холст; беломорские карелы торговали солью, вывариваемой в Коле, Кандалахте, Печенге.

Карелия все больше привлекала внимание иностранных купцов, торговля здесь особенно интенсивно развивалась во второй половине XVI века, когда был уже открыт путь в Западную Европу через Белое море. Записи Томаса Соутэма и Джона Спарка (1556 год) об их путешествии с товарами через Карелию указывают, что, согласно листу, выданному старшими монахами Соловецкого монастыря, крестьяне «должны быть готовы оказать нам помощь во всех опасных местах и, где необходимо, перетаскивать наши суда и товары волоком, что они действительно и делали...» («Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», стр. 113).

Между тем шведские вторжения в Карелию продолжались. Это были не случайные походы, преследовавшие ограниченные цели, а планомерная борьба за влияние и власть на берегах Балтийского моря. В грамоте царя Ивана IV новгородскому наместнику (1555 год) указывалось, что шведы «приходили на наши волости Карельские и Ореховские войною и детей боярских и жон их и детей их и людей и крестьян били и секли и животы грабили, и перелезши за рубеж землю пахут и сено косят сильно, и в рыбные ловли вступаютца и рыболовей побили до смерти... И как к вам ся грамота придет, и вы б часа того послали детей боярских... и земцов всех... с карельскими и с ореховскими обидными с порубежными людьми пути на Выборгский уезд, а велели им над немцы учинити по тому ж, как они над нашими людьми чинили, а за прабезы бы свои взяли гораздо вдвое и втрое...» («Материалы по истории Карелии», документ 78).

В той же царской грамоте указывалось, что «из тоо рухляци, что возьмут, не пропало ничто». Все захваченное у шведов должно было идти в казну.

Особенно сильные удары обрушились на приладожскую Карелию в 1580 году, когда шведский полководец Делагарди опустошил берега Ладожского озера, истребив тысячи православных карел. Часть уцелевших жителей приладожской Карелии бежала от лютой казни в русские области. В 1583 году было заключено перемирие ме-

жду шведами и русскими, по которому Карельский уезд был присоединен к Швеции. Обезлюдивший край был заселен шведскими выходцами, в том числе отслужившими срок солдатами.

Вторгаясь и после этого на территории русских и карел, шведские отряды истребляли население, грабили и уничтожали все на своем пути. Так, швед Свен Пелерсен в своем донесении о походе 1591—1592 годов сообщал о том, что пришли они к городу Великая Сумы «и выжгли его до основания и в тот же день отправились далее к другому городу... Вирма. Этот город также сожгли до основания. Из Вирмы пошли к третьему городу... Квинна Ниме, который мы тоже сожгли до основания» («Чтения в О. И. Д. Р.», кн. III, 1894 год, Смесь», стр. 12—16).

В 1594 году Соловецкий монастырь в целях защиты от чужеземных вторжений был обнесен каменными стенами, число ратников в монастыре, а также в беломорских острогах было сильно увеличено; шведы при вторжении в северную Карелию получали сильный отпор.

После многих столкновений со шведами русские добились того, что в 1595 году Карельский уезд был возвращен Москве. Царь Борис Годунов приказал переселить бежавших в русские области карел на прежние места и назначил епископа Карельского и Ореховского.

Стремясь ликвидировать последствия шведских вторжений и укрепить экономическое положение края, царь Борис Годунов предоставил карельскому населению многие льготы на 10 лет. В царской грамоте от ноября 1598 года говорилось о том, что в Карелии разрешается беспоплавно торговать всякими товарами, что население освобождается от оброка с рыбных ловель, что ему даются выгоны для скота¹.

9

Московское правительство не верило шведам и, стараясь не ввязываться в новые столкновения с ними, призвало народ к отпору возможным вторжениям. В грамоте царя Василия Шуйского в Кольский острог от марта 1607 года говорится:

«А где будет в которых местах Свейские люди учнут вперед переходити за рубеж на наши земли и похотят нашую прямою землею и угоды владети к своим землям воровски насильством или дань с которых волостей учнут збирати, и вы б порубежным людям приказали накрепко, чтоб они нашую прямою землею и угоды Свей-

¹ Дополнительный материал по истории и экономике Карелии в XV и XVI веках см. в этом номере, стр. 88.

ским людям владети не давали и их ни в чем не слушали и к себе их не пустили и за свое прямое стояли..., а в их бы земли наши порубежные люди потому ж не вступались и задоров и смуты напрасные ни в чем не делали..., чтоб вас с Свейскими людьми ссоры и драки не учинити, а нашу землю владети им не даги» (Акты врем. правлен. царя Василия Шуйского, под ред. А. М. Гневушева, документ 78).

Воспользовавшись «смутным временем» в Московском государстве, шведы возобновили военные действия и в 1611 году захватили Корелу с уездом и ряд других местностей под предлогом оплаты шведской «помощи» русским в борьбе с Польшей.

«Помоща» русским со стороны шведов сменилась объединенными действиями шведско-польских отрядов против русских и карел. В декабре 1612 года два польско-литовских полка также вторглись на территорию Карелии. До осени 1613 года им удавалось безнаказанно заниматься грабежами, убийствами, разрушением карельских погостов. Но в ноябре 1613 года русские военные отряды начали планомерную борьбу против захватчиков. Борьба шла с переменным успехом. В начале 1614 года польско-литовские силы потерпели в боях с русскими большой урон, после чего вступили в сделку со шведами, находившимися в Лонских погостах. Объединенные шведско-польские силы двинулись на Олонец и, сломив сопротивление русских, заняли город. После ряда атак в марте того же года русские войска разгромили шведско-польские отряды, взяли Олонец и принудили захватчиков отступить с большими потерями. Тогда же шведско-польские шайки начали действовать и в Шуйском погосте; в большинстве своем они были перебиты местным населением или погибли от холода и голода в дремучих карельских лесах.

В памяти народной сохранились правдивые рассказы о героической борьбе карельского народа против чужеземных захватчиков. Паны ходили по деревням, грабили, убивали, пытали население. Взяли они себе проводника из деревни Петель-Наволоок и отправились в путь на лодке по быстрому течению. «Вехали в Сегежму-реку, а тут есть большой весьма порог, над порогом, близ берега, большой камень. Паны и не воображали себе смерти, а проводник, поровнявшись с камнем... выскочил на него... а панов пихнул вперед на струю, которая быстро понесла их в порог; тут лодка опрокинулась, и все паны утонули» (Олонецкие Губернские Ведомости, 1870 г., № 35).

Значительная часть населения опустошенного края уходила в пределы Московского государства. На их место шведские правители переселяли жителей со своей

территории, причисляя их к лютеранской общине.

По Столбовскому миру 1617 года, Москва, ослабленная польско-шведской интервенцией, снова уступила Швеции Карельский уезд, потеряла всю Западную Карелию (граница, установленная Столбовским договором, примерно совпадает с границей до событий 1939—1940 года).

Население приладожской Карелии, присоединенной к Швеции, было тесно связано с русскими как по религии, так и по укладу жизни. Борьба политическая облекалась в форму борьбы религиозной. Принадлежность к лютеранству превращала карела в глазах русских в шведа, так же как принадлежность карела к православию давала повод шведам считать его русским. В зависимости от религии, исповедывавшейся населением, обосновывались притязания на те или иные территории. Получив в 1617 году край, подвергавшийся русскому влиянию, шведы приложили много усилий, чтобы полностью искоренить это влияние и в первую очередь уничтожить православие. Дворяне и посадские были высланы с территории, захваченной шведами. Почти все русские, а также многие карелы перешли в Россию. Это усилило положение лютеранской церкви на присоединенной к Швеции земле. Однако шведские правители были очень озабочены приобщением к лютеранской церкви оставшихся здесь православных. Лютеранский катехизис перевели на русский язык. Православным, усвоившим этот катехизис, выдавались награды, так же как и лютеранским пасторам, читавшим свои проповеди на русском языке. В каждом православном приходе был лютеранский пастор, проповеди которого православные слушали в принудительном порядке. В то же время лютеранская церковь принуждала православных попов читать молитвы на финском языке. Православные же, научившиеся говорить по-фински, приписывались к лютеранским приходам. На православных оказывалось сильнейшее экономическое воздействие с целью заставить их перейти в лютеранство. В то время как отошедшие от православия освобождались от платежа казенных податей, православные должны были уплачивать их в двойном размере.

Укреплению положения шведов в захваченных районах способствовала раздача карельских земель шведскому дворянству и переселение в эти места жителей из коренных шведо-финских округов. Сюда съезжались отчаянные авантюристы и преступники, которым было обещано за переселение помилование; они безнаказанно грабили и истребляли остатки населения, приверженного к русским.

Несмотря на все это следы русского влияния в этих частях Карелии не исчезли. Московское правительство, надеясь в будущем вернуть утраченные в Приладожье карельские земли, осваивало и укрепляло пограничные места, формировало из пограничного населения драгунские полки.

Новая война русских со шведами началась в 1656 году. Сердоболь был взят русскими войсками, Кексгольм был осажден. Карельское население оказывало русскому наступлению полное содействие, снабжало русское войско продовольствием и сеном, карелы служили русским проводниками по тайным лесным дорогам. Принудительно крещенные в протестантскую веру отказывались от нее и возвращались к православию. Когда успехи русского наступления сменились неудачами и войска вынужденны были отступить, тысячи карельских семейств вместе с ними ушли на русскую территорию. Многие из тех, кто остался, шведы подвергли кровавой расправе.

В 1658 году от нападения шведов жестоко пострадала беломорские карелы.

В 1661 году было заключено со шведами соглашение о сохранении границ, установленных Столбовским миром.

10

В XVII веке монастыри развернули особенно широкую деятельность. Эксплуатируя местное крестьянство, они в то же время широко развивали различные промыслы с многочисленной рабочей силой. На этих промыслах работали наряду с местным населением пришлые и беглые люди.

В карельской деревне наряду с развитием промыслов и торговли усиливалось имущественное неравенство среди крестьян, устанавливались новые оброки и повинности, вызывавшие острое недовольство населения. К шведским разорительным вторжениям присоединялись насилие местных феодалов.

В конце XVII века в северной Карелии, в лесной глуши, появились уходившие от преследования русские старообрядцы. Стали возникать старообрядческие, раскольничьи скиты. Раскол, социальное содержание которого было очень сложным, постепенно связывался с массовым движением, собиравшим недовольных из среды всех слоев народа.

В 1676 году в ялварской северной тьме царские войска, преодолев длительное сопротивление, ворвались в Соловецкий монастырь (ставший к этому времени раскольничьим), чтобы казнить сотни людей.

В отписке воеводы Мещернинова, осаждавшего Соловецкий монастырь, говорится:

«А в Соловецком же монастыре воров, бельцов, разных чинов людей московских, беглых стрельцов и донских казаков и беглых боярских людей и крестьян человек с четырьста и больше, да чернецов человек с 300» (цит. по «Истории СССР», Т. I, стр. 523. 1939). Это свидетельствует о том, что в борьбу монастыря с царской властью вовлекались представители трудового народа и, в частности, местного крестьянства. Документы свидетельствуют о том, что окрестное население активно помогало восставшим. Этим объясняется мощный отпор, который получало на протяжении ряда лет московское войско от осажденных. Монастырь пал только в результате предательства одного из монахов, который открыл войскам потайной вход.

К этому времени относятся «гарни», массовые самоожжения русских и карел (в конце XVII и в XVIII веке). Они, несомненно, являлись одним из методов обличенного в религиозную оболочку протеста крестьян против непереносимого гнета и кабалы.

Уходя от преследований, население пряталось в лесах, шло вслед за раскольниками, призывавшими погнаться в огне «за древнее благочестие». В 1687 году вооруженные крестьяне и раскольники захватили Палеостровский монастырь, в котором произвели самоожжение. В 1689 году в том же монастыре было устроено второе самоожжение.

Однако край продолжал развиваться. В конце XVII столетия в Карелии возникла горная промышленность. Создание ее было подготовлено довольно значительным развитием железоделательных промыслов в русских и карельских погостах. В грамоте об оказании пособия новгородскому гостю Семену Гаврилову, писанной «лета 1666 марта в 5 день», говорится:

«По нашему великого государя указу, послан с Москвы из Новгородского приказу Новгородский гость Семен Гаврилов, а с ним плавильщик иноземец Донице Юрьич, в Олонецкой уезд в Толвуйскую волость, для сыску медные руды; а что ему Семену к тому рудокопному делу на покупки и на всякие расходы денег и иных запасов, и подвод под всякие запасы и ценовальничков и иных каких мастеровых людей и толмачей понадобится и то ему ведено давать в Великом Новгороде и на Олонце» (Доп. к Актам историческим, Т. V, документ 13, ч. I).

Новгородский гость Семен Гаврилов, найдя в 1669 году медную руду, начал строить плавильный завод. В дальнейшем в Карелии действовали иноземцы Марселле и Бутенайт, также имевшие особые полномочия от московского государя. Заводчики подорвали кустарную добычу и обра-

ботку железа, захватили богатые рудой земли, леса, ввели принудительную работу окрестного населения на заводах. Все это вызвало возмущение крестьянства, о чем свидетельствуют многочисленные источники. Крестьяне не выполняли обязательств по доставке руды и угля на Олонецкие заводы, и Андрей Бутенант обратился с челобитной через Олонецкую приказную пзбу:

«Милосердный государь царь и в. кн. Федор Алексеевич пожалуй нас иноземцев вели, государь и в. кн. по тем крепостем дать в погостех свой царский суд и управу, чтобы нам иноземцом убытками вечно не разоритца и заводом нашим в запустении не быть. Царь государь смилуйся, пожалуй» («Крепостная мануфактура в России». Ч. II, документ 10).

Царь приказывал подавлять сопротивление крестьянства, но крестьяне сопротивлялись новому закрепощению все сильнее. Марселле и Бутенант доносили в 1684 году в Пушкарский приказ о том, что староста Костянтин Семенов, сын Попов «...на наши Олонецкие заводские на Усть реку многолюдством с пичальми и з бердыши и с рогатинами и с кистеями нас иноземцов бранил и бесщестил всякою неподобною бранью и прикащик нашего иноземца же Андрея Кастропа рогатиною поколол и за мастеровыми и работными людьми з бердыши и с копыями гонялся и похваляюща смертным убийством...» («Крепостная мануфактура в России». Ч. II, документ 13).

Когда польский Иван Бураков со стрельцами прибыл в 1687 году в Фоймогубскую волость, чтобы доставить к суду в Олоонец провинившихся перед иноземными заводчиками крестьян, прибывшим было оказано вооруженное сопротивление. По отписке Ивана Буракова можно себе представить, что произошло в Фоймогубской волости:

«...увидя нас идучи к себе, и учали кричать, что-де «вы к нам не ходите, будет дурно и живы не дадимся». А были они в скопе нарочно, для того дела с ружьем, с топорами и с копыями и с кольем... и говорили прежде свои речи, что «мы живы не дадимся, хотя будет и больше того стрельцов». И бранили всячески и угрожали всякими угрозы...» («Крепостная мануфактура в России». Ч. II, документ 23).

Сопротивляясь приписке к Олонецким заводам, как указано в грамоте Петра I от 1696 года, «крестьяне учинили бунт, и у деревни Преображенья господня били в колокола в сполох, и собирались из деревень с дубьем и с кольем...» («Крепостная мануфактура в России». Ч. II, стр. 149—150).

Царь полностью поддерживал заводчиков. Сопротивление крестьян было сломлено. Деревни были прикреплены к заводам. Дальнейшее закрепощение, связанное с прикреплением населения к заводам, вызвало в следующем веке мощные крестьянские восстания, которые правительству удалось усмирить только при помощи значительных воинских сил.

В XVII столетии Карелия имела для русского государства особенно важное значение. Этим можно объяснить разностороннюю военную и экономическую деятельность московского правительства того времени в Карелии. Здесь строились новые крепости, увеличивались и реорганизовывались воинские силы русских, а также всячески поощрялась торговая деятельность и развитие промыслов. В предстоящих боях за карельские земли огромное значение имела поддержка, которую оказывало население Карелии той или другой воюющей стороне.

Население Ингрии и Карелии, поработанное шведами, проявляло и в конце XVII века, как показывает недавно найденный документ, большое недовольство шведским правлением и религиозными преследованиями и требовало от московского правительства защиты и вознаграждения русских земель, отторгнутых шведами: «...и собрали они Священ с них многую себе казну; и в правде тех поборов многих крестьян замучили до смерти, и жен овдовили, и детей осиротили и младенцов голодною смертью померили; и те-те их великих государей прадедовские искони вечные Российского государства старинные вотчины отлучены от Московского царства и от православные христианские веры и отаны Священ неверным в поругание... и великие государи пожаловали б их для единых православных християнских веры велели б их ис под-ыта немецкого освобождать...» (Доклады Академии Наук СССР. 1927. А. И. Андреев «К истории Ингрии и Карелии в конце XVII века», стр. 179).

В ответ на челобитие московское правительство сообщило, что «у великого государя с Турским салтаном была война, и оборонять их невозможно и наеялся б они милости Божии, и обороны впродь во удобное время» (там же, стр. 180).

Это «удобное время», как показали дальнейшие события, было не за горами.

Мероприятия Петра I в начале следующего столетия (когда Петр пришел по воде и суше с войском, артиллерией и двумя фрегатами от Белого моря до устья Невы, чтобы завоевать Прибалтику) свидетельствовали о дальнейшем росте значения Карелии в исторических судьбах России.

«Материалы по истории Карелии XII—XVI веков»

Карельский научно-исследовательский институт культуры (в столице Карело-Финской ССР — Петрозаводске) при содействии Института истории Академии наук СССР подготовил к печати сборник материалов по истории Карелии XII—XVI веков. По характеру источников сборник делится на две части. Древнейший период в истории Карелии, т. е. XII—XIV века, от которого не сохранилось письменных материалов документального, актового характера, представлен в Сборнике выдержками главным образом военного содержания из русских летописей, касающихся Карелии и карел. Выдержки эти сопровождаются в Сборнике подробным комментарием, привлекающим к разъяснению русских летописных данных также и материалы шведских хроник. Вторая часть Сборника, XV и XVI века, представлена уже актовым материалом. В нашем сообщении мы подробно остановимся на второй части.

Начиная с первых десятилетий XV века до нашего времени сохранились постепенно увеличивающиеся в своем количестве подлинные документы юридического характера: разного рода купчие, закладные, меновые, данные (вкладные), духовные завещания, раздельные и тому подобные грамоты, касающиеся земель и населения карельской территории. В общем все же количество этих документов для XV века невелико. Составителям рассматриваемого Сборника удалось выявить лишь 50 документов этого периода. XVI век представлен уже 250 документами, причем состав их значительно разнообразнее и включает, помимо названных материалов, целый ряд так называемых «публичных» актов, т. е. актов, исходящих от государственной власти, главным образом «жалованных грамот» разным местным монастырям, представлявших им вотчинные феодальные права на земли и на крестьян (право суда, административного управления, финансового обложения и т. п.).

Сравнительная малочисленность сохранившихся от XV и XVI веков документов по истории Карелии позволила включить в рассматриваемый Сборник почти все эти документы. Карельский институт культуры не ограничивается этим первым Сборником и продолжает разработку материалов по позднейшим векам. Но здесь возникает уже необходимость составления тематических

сборников, так как огромное количество сохранившихся архивных материалов не позволяет, конечно, издать их целиком. Из обильного архивного материала XVII века Карельский институт культуры остановился пока на теме «Карельская деревня в XVII веке», и соответствующий том Института готовит сейчас к печати.

Переходя к обозрению содержания второй части рассматриваемого Сборника, необходимо оговорить следующее обстоятельство. Карельское население было к этому времени в основном окрещено. Многие карелы не сохранили прежних своих имен и приняли имена православные. Следовательно, у нас нет внешних признаков для различения национальности лиц, называемых в сохранившихся документах. Обычно, в особенности в XVI веке, когда русификация карельского населения усилилась, документы ограничиваются лишь сообщением о принадлежности действующих лиц к той или иной территориально-административной волости. Отсюда в большинстве документов мы не найдем непосредственных указаний на то, что дело в них идет о карельском, а не о пришлое русском населении, и потому возможно, что некоторые из напечатанных в Сборнике документов действительно к карелам непосредственного отношения не имеют. В основном, однако, поскольку речь идет об исконной карельской территории, постольку мы должны будем встретить здесь по преимуществу именно карельское население. Для примера разберем следующие два документа: в 1584 году, 1 ноября, крестьяне Кемской волости Трофим Григорьев сын и Григорий Григорьев сын продали Соловецкому монастырю принадлежавший им участок сенных покосов и рыбных ловель. Из этого документа, как я из многих ему подобных, никак нельзя сделать заключения, что Трофим и Григорий — карелы. Однако до нас дошел и второй документ, исходящий от тех же крестьян. В 1585 году, 14 декабря, они снова продали тому же монастырю другой свой участок, и в этом документе, по счастливой случайности, добавлена следующая подробность: «Се яз Трофим да яз Григорий Григорьевы дети, а оба есми братеника, кареляне, а живем в Кемской волости, продали...» и т. д. Следовательно, Трофим и Григорий — карелы. Этот документальный пример дает нам осно-

вание считать большинство приводимых в Сборнике документов относящимися именно к карельскому населению.

Карельские документы XV века представляют ряд особенностей по сравнению с таковыми же документами XVI века. Прежде всего в них гораздо чаще встречается самое упоминание о карельской национальности действующих лиц. Очевидно, «обрусительная» политика не проявлялась еще в XV веке так ярко, как в XVI. Но наиболее любопытны случаи упоминания не просто карел, а «карельских родов»: купил землю «промеж пяти родов» (докум. № 14); владеет участком земли между корелюю, куды вся пять родов владеют» (№ 15); купил отчину «промежю корелой пяти родов» (№ 20); купил отчину «промежю пяти родов карельских детей» (№ 21); заложил отчину «карельской земли промежю пятью род карельских детей» (№ 22); завещал отчину «в кореле между пяти родов» (№ 48) и т. п. В отдельных документах упомянуты и названия некоторых из этих «пяти карельских родов»: Так например в документе № 5 говорится, что Ховра Тойвотова продала «отчину свою Рокольского роду»¹; в документах №№ 3 и 4 названы как родичи «Курольцы» и известные уже нам «Ровкульцы»; в документе № 46 упомянут «Наволоч род». В XV веке, в эпоху вполне развитых уже феодальных отношений в Новгородской земле, не может быть и речи о существовании родового строя у карел, находившихся в сфере длительного политического влияния Новгорода, но тем не менее сохранившийся в названиях пережиток этого строя сам по себе весьма любопытен, тем более что в XVI веке упоминаний о «карельских родах» мы уже нигде более не встречаем.

Несомненно, что в XV веке происходил планомерный и беззащитный захват и освоение исконных карельских земель и угодий русскими феодалами. В первой половине XV века, еще при самостоятельности государственной власти Новгорода, эти феодалами являлись представители высшей новгородской знати — новгородские посадники и тысяцкие. Впрочем, уже тогда намечался блок этих светских феодалов с вырастающими на карельской терри-

¹ Ховра Тойвотова из Рокольского рода является, вероятно, прямым потомком Тойвота, упоминаемого в уставе новгородского князя Святослава Ольговича 1137 года, где говорится о карельской территории «на Ракуле». Повидимому, в начале XII века Тойвот был еще ракульским родовым старейшиной; в XV веке потомки его вынуждены были отдавать свои бывшие родовые земли новгородским колонизаторам.

тории феодалами духовными — в данном случае с Палеостровским монастырем, обосновавшимся на северных берегах Онежского озера. В 1415—1421 годах перечисляемые в документе по именам новгородский посадник, двое тысяцких и ряд других, несомненно, богатых и влиятельных новгородцев отдают Палеостровскому монастырю целый ряд островов на Онежском озере, с запрещением местным крестьянам вступать во владение этими островами и прилегающими рыболовными угодьями.

В 1419—1420 годах новгородский посадник Афанасий Еоифович купил участки исконной карельской земли по рекам Сороче и Выгу; таким же путем приобрел карельскую землю и новгородский тысяцкий Дмитрий Васильевич; огромные карельские территории на берегу Белого моря и в глубь материка купил в 1447—1454 годах новгородский посадник Дмитрий Васильевич. Многие карельские деревни находились в обладании известной новгородской посадницы Марфы Борецкой и т. д. С внешней стороны эти земельные захваты прикрыты вполне законной формой — покупкой, — но что представляла собой эта «покупка» по существу, вскрывает нам документ 1415—1417 годов, именно: запись карела Никиты Ивановича, адресованная новгородскому тысяцкому Дмитрию Васильевичу о возмещении убытков от нападения карел на его рыбных ловцов на реке Выге. Оказывается, что когда Дмитрий Васильевич послал своих ловцов на «купленные» им рыболовные угодья по карельской реке Выге, местные карелы выгнали припавших ловцов и выкинули их сети. Упомянутый в записи карел Никита, повидимому, какой-то очень богатый человек, принужден был «за свою вину» уплатить тысяцкому крупный штраф и лично выгородиться этим от ответственности за нападение карел, предоставив тысяцкому разделяться по своему усмотрению с остальными участниками этого нападения, т. е. просто предал «свою братию корелу». Из повеления карел, осмелившихся выступить против могущественного новгородского феодала, с несомненностью явствует, что вся эта «купля» была проведена тысяцким без согласия непосредственно заинтересованного населения. Во второй половине XV века, в особенности после падения новгородской самостоятельности, светские новгородские феодалы сходят со сцены, но зато особенно интенсивную деятельность по освоению карельских земель развивают монастыри и, в частности, основанный в первой половине XV века и быстро развивавшийся и богатевший знаменитый впоследствии Соловецкий монастырь.

Процесс освоения карельской территории

местными монастырями во второй половине XV и в XVI веке шел полным ходом. В 50-х и 70-х годах XV века весьма заметна захватническая политика со стороны новгородского Вязицкого монастыря, основанного около 1411 года и быстро сумевшего захватить себе вотчинные земли в пределах Карелии на северных берегах Онежского озера. Вязицкий монастырь приобретал земли как путем покупки, так и путем так называемых «вкладов». «Вкладами» в монастыри назывались обычно безвозмездные уступки монастырям тех или иных видов имущества, преимущественно недвижимого, в обмен за личное нестойкое монастырям обязательство «вечно» возносить молитвы богу за умерших родственников вкладчика-дарителя или за него самого после его смерти. В суеверном сознании людей того времени агитация монастырей находила благодатную почву. Среди самых широких слоев населения, от бедняков-крестьян до богачей-феодалов, был распространен взгляд, что пожертвования, вклады в монастыри, как учреждения «вечные», обеспечивали и «вечную» молитву, а такая молитва, конечно, представлялась более «полезной» и «действительной» чем временные молитвы какого-либо приходского попа, по своей человеческой природе, конечно, недолговечного. Поэтому вклады в монастыри были широко распространены и способствовали накоплению огромных монастырских земельных владений. Рассмотрение купчих грамот Вязицкого монастыря и «вкладных» (или «данных») позволяет наблюдать, как распространял и округлял названный монастырь свои земельные владения на северном берегу Онежского озера. Опираясь друг на друга, переходили к нему земельные участки вокруг Толвуя, Шунги, Повенца. Но Вязицкий монастырь тянулся и далее на север, осваивая участки по реке Выге, пробираясь, по видимому, к берегам Белого моря. Здесь он столкнулся с интересами быстро усиливавшегося Соловецкого монастыря. Этот последний повел со своих островов освоению материка, направляясь в глубь Карелии, захватывая ее земли и воды на запад и югозапад от Белого моря. Еще во второй половине XV века Соловецкий монастырь успел обзавестись и получить «вкладами» участки земли по берегу Белого моря, у Кемь, Шунь, Впрмы, Сумы и двинулся по реке Выге, где у порога Золотца столкнулся с Вязицким монастырем. Как было уже сказано, столкновение это привело к конкуренции. От XVI века сохранилось прямое указание на открытую борьбу Соловецкого монастыря с Вязицким, когда Соловецкий монастырь перегородил реку Выг в нижнем ее течении с целью не пропускать рыбу, идущую из моря вверх по

реке к рыболовным угодьям Вязицкого монастыря.

Приобретательская деятельность Соловецкого монастыря продолжалась и расширялась в XVI веке. Достаточно указать, что в рассматриваемом Сборнике мы найдем свыше 60 купчих и свыше 20 вкладных и духовных грамот XVI века на вновь приобретенные монастырем карельские земли.

Помимо купчих и «данных» Соловецкий монастырь приобретал крестьянские карельские земли путем ростовщических операций, ссужая крестьян деньгами под заклад их недвижимого имущества и затем, после прощочки уплаты долга, захватывая заложенное имущество в полную свою собственность. Несколько таких «закладных» взято в рассматриваемом Сборнике. Как образец этих небольших по размерам, но красочных по содержанию документов можно привести закладную кабалу от 22 июля 1581 года: «Се яз Марк Анисимов сын Пинитяев, кемлянин (т. е. крестьянин Кемской волости), занял есмь у Соловецкого старца у Ермогена денег 10 рублей казенных от дни св. мироносицы Марьи (22 июля) до рождества христово (25 декабря) лета 7090 (1581)-го. А заложил есмь ему в тех деньгах лук уголья своего¹, в Кемь реке рыбные ловли, и во всех ловлях промысел волошан, и с мерекими пожнями, ...чем есмь изстари сам владею и куда изстари ходила коса и топор и соха, да и дворовое место и с полями сеныными и с копеннкою. А не дам яз денег на тот срок, ино ся кабала на тот заклад, что в сей закладной писано, и купчая влериь (вечно) без выкупа». При уплате денег должником ему возвращалась кабала. Поскольку приведенная кабала осталась в архиве Соловецкого монастыря, означенное в ней имущество выкуплено не было и осталось в собственности монастыря. Куда делся должник, заложивший вместе с землей и самое свое дворовое место, — неизвестно, но не исключена возможность, что он остался тут же, превратившись лишь из полусвободного «черного» (по позднейшей терминологии «государственного») крестьянина в крепостного крестьянина Соловецкого монастыря. Ряд подобных случаев мы имеем при пролаже крестьянами своих участков монастырю. Например 15 мая 1578 года крестьянин Кемской волости Яков Бряшнин с сыном Леонтием продал за 7 рублей свой участок рыболовных угодий Соловецкому монасты-

¹ По расчетам В. О. Ключевского, «лук» равнялся двум «обжам», или примерно $\frac{3}{4}$ десятинам. «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае». Сборник статей. Т. I, стр. 12, примечание 2. Изд. 1918.

рю и в конце своей купчей приписал: «И мне, Якову, жлти за Соловецким монастырем во крестьянех и давати оброку с того уголья на всякой год по полтине в казну в монастырскую». Таким образом монастырь через несколько лет полностью возвращал затраченную на покупку сумму денег и приобретал, кроме самого рыболовного уголья, постоянного плательщика — оброчного крестьянина.

Кроме постепенного освоения территории путем приобретения разными отмеченными выше способами ряда мелких крестьянских участков Соловецкий монастырь добивался также пареких пожалований на передачу ему целого обширных, населенных крестьянами волостей.

В 1556 году царь Иван IV жадует Соловецкому монастырю многие деревни и рыболовные уголья по нижнему течению реки Выг и по реке Суме и кроме того там же 25 соляных варниц, т. е. мелких соледобывающих заводов. В 1590 году царь Федор Иванович передает монастырю волость Пюхчу, причем из соответствующей жалованной грамоты мы узнаем, что монастырь владеет там же угольями в Уйбе и Керети. Наконец, в 1591 году Соловецкому монастырю была передана половина всей Кемской и всей Подужемской волости «со крестьяны, и с пашнею, и с луками, и с рыбными ловлями, с соляными варницами, и со всякими угодьи». Монастырь уже и до того владел одной половиной этих волостей, а после передачи второй половины волости эти целиком и полностью вошли во владения Соловецкого монастыря. Чтобы покончить с вопросом о расхищении карельской территории крупными русскими феодалами, следует еще отметить, что с югозапада наступал на Карелию Кирилло-Белозерский монастырь. От 1578 года сохранились три документа: купчая и две закладных кабалы, по которым Кирилло-Белозерский монастырь успел захватить деревни в карельской Водлозерской волости. С юга же по реке Свири, более плодородные земли были издавна захвачены крупнейшим новгородским духовным феодалом, так называемым новгородским Софийским домом, т. е. высшими представителями духовной власти в Новгороде — архиепископами, позднее получившими звание митрополитов. Земельные владения по Свири служили архиепископу для раздачи населенных поместий светским своим слугам-васалам, так называемым софийским детям боярским. Главная масса земель раздавалась по погостам левого берега Свири, не затрагивая карельских земель, но захватывались также и правобережные карельские земли, достигая Олонецкой волости. Документы, по которым передавались во

владение софийским детям боярским такие поместья, назывались, как и вообще такого рода документы, «послушными» грамотами. В Сборнике приводится до 50 таких «послушных грамот» за 1559—1600 годы. Содержание их весьма трафаретно, для примера приведем одну из них от 21 августа 1572 года: «Се яз господни пресвященный Леонид, архиепископ Великого Новгородца и Пскова, пожаловал еси своего сына боярского Данила Петрова сына Кученского в Обонезской пятине, в Олонецкой волости, дому святей Софiei, премудрости божии, на Мопжевском пороге деревнею в дву дворах, обжаю с третью, и с угодьи... И вы б, тоо олонецкие деревни дому святей Софiei и пашни крестьяне, Данила Кученского чтили и слушали во всем, и пашню на него пахали, и оброк ему всякой платили, чем он вас изоброчит; а он вас ведает и судит по сей нашей грамоте. Дана лета 7080-го августа в 21 день». Эти «послушные» грамоты являются типичными документами феодального права.

К сожалению, сохранившиеся документы дают очень мало сведений о внутренней жизни населения Карелии. Кое-что можно узнать из них о занятиях и промыслах карел. Судя по содержанию многочисленных актов о купле-продаже и передаче земельных участков по вкладам, можно сделать заключение, что основным занятием населения было рыболовство. Значительная часть документов говорит именно о передаче рыболовных угодий, о пашне упоминается реже. Это, повидимому, объясняется природными условиями края. По крайней мере, Соловецкий монастырь, хлопоча о новых земельных пожалованиях, всегда отмечал, что монастырь «кормится» своими соляными промыслами и рыбными ловлями и что «во всей де их монастырской вотчине пашни нет ни загогу», хлеб приходится покупать, «а хлеб до у них купят дорого». Это указание монастыря на отсутствие хлебопашества в его карельских вотчинах нельзя, конечно, распространять на другие карельские территории. В документах все же имеется достаточно указаний и на пашенное хозяйство. В самой традиционной для XVI века юридической формуле, определявшей границы передаваемого в другие руки земельного участка («куда ходила коса и топор и соха»), слышится отголосок замочного трудового освоения пашни и прямо называется соха как сельскохозяйственное орудие. В целом ряде купчих упоминаются «пашенные земли». В одной «данной» («вкладной») Соловецкому монастырю от 4 июля 1546 года некоей Ефросиньи, жены Ивана Карельского (т. е. несомненной карелки), отмечается, что земельный уча-

сток ее, очевидно, умершего мужа передается монастырю «с хлебом и с сеном, что к сему году на тех двух обжах ржи и ячмени в земли сеяно». Это сообщение интересно и тем, что косвенно обрисовывает и самую систему карельского крестьянского хозяйства. Поскольку ячмень является яровой культурой, а рожь—озимой, мы имеем здесь, несомненно, уже трехпольную систему хозяйства. Но даже и при продаже земель с пашенными участками главное внимание все же обычно уделяется рыболовным угодьям. Для примера приведем одну такую типичную купчую от 24 мая 1586 года: «Се яз Анисей Григорьев сын Опцнев, кемлянин, продал еси четверть лука со всем уродем, отца своего вотчину и свою, имену Яякову Соловецкого монастыря и з братьею, рыбную ловлю в Кемп реке и в Ужме и в Вонге и во всех реках, и в морских топях, и сениные покосы, и с пашенною землею, куда ходила на то угодье коса и топор и соха изстари. А взял еси на том своем угодьи три рубли московскую. Прдал еси вдерьн без выкупа. А та у меня четверть ни продана, ни заложена никому и нет дела никому до нея. А хто станет вступатися в то мое угодье с закладною или с купчею и мне Анисею очипати от всех крепостей, и убытка мне монастырю не учинити ни в чем...»

Из некоторых документов можно получить сведения о способах рыбной ловли, например в «заборах», в «приколках», «лучом», о породах местной рыбы, например семги, тинды, лосося, нельмы и т. п.

На втором месте после рыбного промысла стоял промысел соляной. Соль вываривалась по берегам Белого моря издавна. В целом ряде купчих и вкладных мы найдем указания на передачу крестьянами Соловецкому монастырю своих солеварен, так называемых цренов. Црен — это большая железная сковорода, на которой вываривалась соль из рассола, добываемого из специально оборудованных соляных колодцев. Несмотря на примитивность подобных соляных заводов оборудование их (главным образом частая смена перегоравших железных снастей) требовало все же значительных средств. Отсюда развился способ коллективного владения цреном, причем каждый участник такой складчины владел, на правах полной собственности, какой-либо долей црена, соответствовавшей доле вложенных денег, например $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и др. Отсюда встречаем купчие, где объектом продажи являются эти, иногда очень мелкие доли црена. Так например уже знакомая нам кареланка Ефросинья отдала Соловецкому монастырю принадлежавшие ее умершему мужу одну четверть и одну восьмую долю црена.

Указания на занятия населения соляным промыслом в публикуемом Сборнике документов довольно многочисленны. Хищническое истребление лесов на дрова для солеварения привело к обезлесению этого лесного края. Например в 1590 году Соловецкий монастырь жаловался царю, что соляные варницы у него «запустили, потому что леса высекли и варити соль нечем».

Наконец, некоторую роль играл и кузнечный промысел, вероятно, основанный на местной кустарной железообьюющей промышленности. Ряд документов сообщает о продаже кузнечных снастей, о кузницах и т. п.

Наконец, кроме промыслов, значительную хозяйственную роль играла в жизни карельского населения торговля. Об «обонежских» купцах упоминают еще летописные известия. «Таможенные грамоты», т. е. царские грамоты Соловецкому монастырю на право взимания торговых таможенных пошлин в принадлежавших ему карельских волостях, например в волостях Кемской, Сумской и Варзужской, определенно говорят, что «приезжают деи в ваши померские волости всякие торговые люди, померцы и каргопольцы и двиняне и новгородцы и заонежцы и иных городов и волостей со всякими товары, и теми своими товары в ваших волостях торгуют, и соль и рыбу и всякой товар покупают, а таможенные пошлины и явки и рыбные десятины без наших таможенных грамоты вам не дают». Даруя монастырю право собирать эти таможенные пошлины, грамота устанавливает их размеры, причем с иногородних, приезжих купцов размер этот устанавливается в 7 денег с рубля, «а Кемские и Сумские волости и иных ваших померских волостей со крестьян с рубля по 2 деньги».

На почве оживленной торговли и промыслов, с одной стороны, и экспроприации земель и закабаления крестьянского труда монастырями—с другой, карельская деревня все больше расслаивалась. В массе своей беднела и превращаясь в крепостных монастырских крестьян, деревенское население в то же время выделяло отдельных богатеев кулацкого типа. В рассматриваемом Сборнике печатается, между прочим, духовное завещание от 24 августа 1576 года некоего Ивана Клементьева сына, завещавшего свое имущество Соловецкому монастырю, из архива которого и извлечен этот документ. Иван Клементьев, по имени, крестьянин Кемской волости, имевший большое хозяйство явно кулацкого типа с применением наемного труда. Имущество его состояло из двора с разнообразными хоромами, из пашенного участка и рыболовных угодий, из половины црена и солеваренного двора, из большого судна и

двух карбасов. У Ивана Клементьева было 8 лошадей, 2 коровы «красных», много медной посуды, представлявшей тогда большую ценность, запас купленной пшеничной муки на 3 рубля, 6 с лишком рублей денег находилось в раздаче в долгах по кабалам. Помимо пашенного участка близ двора Иван Клементьев владел также купленным полем и купленными сенокосами. В числе своих долгов Иван Клементьев отмечает 10 алтын «сенокосу Парфейку найму». Иван Клементьев в то же время был обязан поставкой, а с другой стороны, должен был получить сотни и тысячи пудов соли.

В некоторых из публикуемых документов содержатся также данные о нравах, быте и религиозных верованиях карел (помимо официального православия). Я имею главным образом в виду грамоты от 25 марта 1534 года и 8 июня 1548 года новгородских архиепископов к городскому и сельскому духовенству новгородской Вотской пятины, в частности к духовенству Карельского «уезда» об искоренении языческих обычаев и обрядов, все еще сохранявшихся среди местного населения.

В актовом материале даны некоторые данные о военных столкновениях со Швецией и о мерах, принятых московскими царями для противодействия разрушительным шведским вторжениям.

О продолжавшихся в XVI веке нападениях шведов на карельскую территорию косвенно свидетельствуют царские жалованные грамоты монастырям Соловецкому, Валаамскому (на Ладожском озере) и Коневскому (там же). Соловецкий монастырь принужден был, например, построить крепость в Сумском посаде на Белом море специально для защиты против шведов и содержать там на свои собственные средства отряды стрельцов. Само собою разумеется, что денежные расходы на эту военную оборону рубежей Московского государства Соловецкий монастырь стремился, и при этом весьма успешно, переложить на плечи местного карельского населения. Отмеченные уже выше пожалования московским правительством карельских территорий Соловецкому монастырю, с правом эксплуатации проживавших на этих территориях крестьян, часто обосновывались именно этими военными расходами Соловецкого монастыря.

На протяжении всего обзора материалов рассматриваемого Сборника постоянно говорилось о захватах и освоении русскими феодалами карельских территорий. Некоторая, и все же значительная, часть Карелии оставалась, однако, еще в непосредственном владении и эксплуатации мест-

ных крестьянских общин. Эти общины управлялись главным образом собственными, т. е. крестьянскими же, выборными должностными лицами — старостами и целовальниками (так называемое земское самоуправление). Но как крестьяне, перешедшие в крепостную феодальную зависимость от монастырей, так и крестьяне, оставшиеся «черными», т. е. «государственными», несли тяжелые повинности и налоги в пользу землевладельцев и государства. Об этом налоговом обложении и административном управлении монастырских крестьян сообщают публикуемые в Сборнике монастырские «уставные грамоты» и «наказы». Например «уставная грамота» Соловецкого монастыря от 17 августа 1548 года крестьянам Сумской, Шижемской и Впремской волостей, т. е. волостей, несомненно, карельских, устанавливала определенные денежные сборы с местных крестьян в пользу монастырских приказчиков и доводчиков (т. е. мелких судейских и полцейских чиновников), определяла судебные пошлины, нормировала «вечные» сборы, т. е. налоги с выдаваемых замуж крестьянских девушек и вдов, а также сборы за право проживания у монастырских крестьян пришлых людей, устанавливала денежные штрафы за недовольное винокурение, штрафы за нарушение установленных правил поведения (например за азартную игру «зернь») и т. п. Само собою разумеется, что все эти сборы, налоги и штрафы являлись лишь дополнительными обложениями к основному податному обложению, разверстывавшемуся, или, по терминологии того времени, «разрубавшемуся», в крестьянских волостях по пашне и промыслам отдельных крестьян-плательщиков. Эти налоги, по преимуществу денежные, как например «наместничьи», «дьячие», «целовальничьи», «полоняником на окуп», «пищальные», «посошные», «приметные», «на государво дело», «мостовщина» и другие, а также натуральные повинности («ямская» или «подводная», заменявшаяся иногда уплатой «ямских денег», «ратчина», т. е. предоставление определенного количества «ратных людей» — воинов — и содержание их во все время войны) и, наконец, вообще «всякие государевы подати» тяжелым бременем лежали на крестьянское население Карелии, разоряя его и вынуждая к пассивной форме сопротивления — бегству. Впрочем, эта последняя часть нашего обзора касается не только крестьянского населения Карелии, но вообще предельно тяжелого обложения крестьян в Московском государстве при феодально-крепостном строе.

Из истории борьбы Западной Грузии против султанской Турции в XVII—XVIII веках

Грузия с конца XV века распалась на отдельные самостоятельные царства и феодальные владения, которые вели между собой частые войны, ослаблявшие страну.

«Грузины дореформенных времен, — пишет товарищ Сталин, — жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачливцу-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушные крестьян» (И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 10. Госполитиздат. 1939).

Имеретинское царство, находившееся в Западной Грузии, формально было единым, но феодальные княжества, входившие в его состав (Гурния, Мегрелия, Абхазия), постоянно стремились отделиться.

В результате ослабления центральной власти имеретинского государства и усиления политической самостоятельности феодальных княжеств гурнийские и мегрельские князья иногда завоевывали престол имеретинского царя и присваивали себе его титул. Об этом свидетельствуют документы, относящиеся к эпохе распада грузинского государства. Например итальянский путешественник XVII века Ламберти, находившийся в Мегрелии с 1635 по 1653 год и оставивший книгу «Описание Колхиды», прямо заявляет, что имеретинский царь не смог положить конец самоуправству мегрельского владетеля Левана Дадзани.

«После покорения Абхазии и Гурнии, — говорит Ламберти, — Дадзани вздумал разными способами занять также Имеретию, или Башачук, владетель которой раньше был его царем. С этим намерением Дадзани вел постоянную войну с Имеретией. Хотя и до сих пор он своего желания исполнить не мог, так как имеретинский царь заперся в весьма сильной Кутаисской крепости, которую войска Дадзани взять не могли, но все-таки он до такой

степени разорил Имеретинское царство, что оно по своим силам далеко уступает Мегрелии» («Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 43-й. «Описание Колхиды», стр. 24. Разрядка моя.—И. А.).

Аналогичные сведения сообщает французский путешественник Шарден, посетивший Грузию в 1672—1673 годах. В беседе с Шарденом имеретинский царь заявил, что при всем его желании положить конец внутренним войнам он добиться этого не в силах.

«Я сильно огорчен, — сказал царь, — тем не менее ничего сделать не могу. Я один, жалкий слепой человек (царь был слеп. — И. А.), и что они хотят, то и заставляют делать. Никому не могу открыть свои секреты, никому не доверяюсь, всем на все право даю и обижать их не могу: боюсь, чтобы не убили» (Шарден «Путешествие по Грузии», стр. 71. На грузинском языке).

Это заявление имеретинского царя свидетельствует о слабости центральной власти и о силе самостоятельных феодальных княжеств.

Самостоятельное существование феодальных княжеств продолжалось вплоть до присоединения Грузии к России.

Бесперывные внутренние усобицы создавали благоприятную почву для бесчисленных иноземных набегов и нашествий на грузинский народ. XVI—XVIII века в истории народов Западной Грузии являются периодом, когда эти народы были постоянным объектом нападения турецких султанов. Но несмотря на распри между отдельными княжествами, несмотря на то что не все княжества выступали совместно и единодушно против турецких султанов, последним не удалось окончательно покорить свободолюбивый грузинский народ.

1

В 1512 году, как сообщает историк Вахушти, турецкий султан напал на царствовавшего тогда в Имеретии Баграта III (1510—1548) и при активной поддержке самцхийского атабага Мзе-Чабуки одержал победу над имеретинцами.

Результаты этого нашествия историк Вахушти описывает следующим образом: «...Пришедшие турки предали огню Кутане и Гелати, потом опустошили, сожгли, уничтожили и пленили всех, где кого нашли... и ушли» (Вахушти «Жизнь Грузии с 1469 по 1800 год», стр. 285. Изд. Чичинадзе. 1913. На грузинском языке).

После ухода войск турецкого султана скрывшийся перед их нашествием Баграт вернулся в свою резиденцию и принялся за восстановление разрушенных селений. Вернулся и народ, укрывшийся от грабителей.

Баграт III еще два раза сражался с турецким султаном. В 1545 году, очутившись перед неизбежностью очередной войны с турецким султаном, он обратился к мегрельскому владетелю с призывом выступить совместно против общего врага, но Леван Дадлиани не захотел принять участие в предстоящей войне. Гурийский же владетель Гуриели дал свое согласие участвовать со своими войсками в борьбе против Турции. Однако Баграт, не уверенный в том, что силами своими и Гуриели сможет одержать победу, и учитывая неустойчивость позиции имеретинских князей, обратился к картлийскому царю Луарсабу с просьбой помочь ему. Луарсаб дал согласие и явился со своими войсками. Но несмотря на помощь Луарсаба война с Турцией в 1545 году была проиграна.

После этих поражений вся Западная Грузия вынуждена была платить дань турецкому султану. Имеретинский царь обязался отдавать султану в рабство до

60 человек обоего пола ежегодно. Гуриели и омшский владетель также платили Турции дань. По сообщениям ряда источников, Дадлиани, хотя и держал себя довольно самостоятельно по отношению к султану, но все же платил ему дань.

«А емлет де с ним (с омшцев.—И. А.) турецкий царь дани по 100 человек людей мужского пола и женского и до 80.000 полотен всяких на год» («Сб. материалов по истории России» Белокурова, «Посольство в Дадлианскую землю», стр. 257. Москва. 1888).

С установлением турецкого влияния в Западной Грузии усилилась продажа туркам захваченных в междоусобных войнах пленных. Количество пленных, по сведениям Шардена, ежегодно достигало 12 тысяч человек (сведения, повидимому, преувеличены).

Несколько пагубно действовала на экономический рост страны продажа пленных, видно из некоторых цифр, сообщаемых Шарденом. В 50-х годах XVII века Мегрелия насчитывала около 80 тысяч жителей, а к 70-м годам того же столетия население ее сократилось до 20 тысяч человек.

Приводя эти цифры, Шарден замечает:

«Такое уменьшение произошло от войн с соседями и от того, что дворяне продавали в последние годы множество людей обоего пола».

Ужасы турецких набегов подробно описываются грузинскими источниками. В течение XVI—XVIII веков турецкие войска неоднократно нападали на жителей Западной Грузии, сжигали их селения, раз-

Первоначальный вид Кутаиса — столицы Имеретии.

С гравюры 1835 года.

Продажа пленных.

Абхазский краеведческий музей.

рушали ценнейшие памятники грузинской материальной и духовной культуры.

Продажа пленных, которая была излюбленным способом наживы метрельских, гурийских и абхазских князей, опустошала и крайне ослабляла страну, и без того основательно разрушенную. Страна лишалась трудоспособных людей, падали производительные силы общества.

Больше всех, без сомнения, страдали крестьяне, выносившие на своих плечах все ужасы бесчисленных набегов. Двойной гнет, испытываемый грузинскими крестьянами, окончательно разорил их и доводил до состояния полной нищеты.

«Говоря о простом народе,—писал Ламберти про крестьян Метрелии XVII века (Арканджело Ламберти. Указ. сочинение, стр. 41),—мы должны сказать, что он не совсем одет, так как бедность доходит до того, что они могут прикрыть только половину тела. И действительно, мужчины не имеют другой одежды, кроме какой-то шерстяной накидки, которая еле-еле достигает до колен, и совсем простой веревки, заменяющей пояс. В остальном они не заботятся ни о рубахе, ни о шароварах, ни о носках, ни об обуви».

Чтобы яснее представить себе крайнюю нищету грузинских крестьян, мы приведем еще одно место из произведения того же автора, где он описывает жилище дома «простого народа». «Что касается прочно-

сти дома, — повествует Ламберти, — то достаточно сказать, что дома целиком построены из дерева и покрыты соломой. Вследствие этого никто не уверен в том, что его дом до вечера останется цел, так как сильный ветер разнесет солому и дом останется без крыши или же случайно попадет искра и дом сгорит дотла. А красоты уже окончательно лишены эти дома, так как они очень темны и не имеют окон, а свет проходит только через дверь, которая очень мала и потому пропускает очень мало света. Дом не только не имеет никакого украшения вроде рисунка, но от постоянного дыма так закопчен и черен, что скорее подумаешь, что находишься в трубе, чем в приличном помещении» (там же, стр. 36).

Грузинские крестьяне являлись объектом феодальной эксплуатации. Самой тяжелой была жизнь так называемых моджалабе, правовое и материальное положение которых приравнивало их к настоящим рабам. Крестьяне были основной силой в борьбе с турецкими завоевателями, которые грозили им окончательным разорением и порабощением. Правда, отдельные представители господствовавшего феодального класса также энергично боролись против султанской Турции, но значительное большинство феодалов ставило свои сословные и личные интересы выше интересов родины, мешало героической борьбе грузин-

Всe Мeнгрeлло Рrинсипe.

Леван II Даднани.

Со старинной гравюры.

ского народа против турецких султанов. Узко-сословные, классовые и личные интересы часто толкали князей к прямому предательству и к измене родине.

Борьба между центральной властью и княжествами продолжалась и в XVII веке. В 1611 году владельцем Одисси стал Леван II (1611—1657), вступивший на престол после смерти отца своего—Манучара. Когда началась борьба между Леваном II и имеретинским царем Георгием III (1605—1639), Леван постарался закрепить союз с соседними княжествами. С этой целью, как сообщает Вахушти (цит. соч., стр. 300), Леван женился на дочери абхазского владельца Шервашидзе, а сестру свою Мариам выдал за сына гурийского владельца—Симона. Этот союз по существу был направлен как против султанов, так и против имеретинского царя. В 1623 году Леван II после упорной борьбы одержал при поддержке абхазов победу над Георгием III, причем многих имеретинцев взял в плен и потребовал за их освобождение большой выкуп.

Захваченные в плен люди в большинстве случаев продавались турецким купцам, а прибыль, получаемая от этой торговли, стимулировала грабительские набеги одного княжества на другое, и эти шабегги становились системой.

Царствование имеретинского царя Алек-

сандра III (1639—1660) характеризуется интенсивной борьбой феодальных княжеств против центральной власти и одновременно усилением агрессии турецких султанов. Александр стремился подчинить себе мегрельского владельца Левана II, считавшегося наиболее опасным врагом центральной власти. Ставя перед собой задачу покорения Левана II и Гуриели, Александр стремился объединить и укрепить свое царство так, чтобы сделать его способным дать отпор общему врагу—турецким захватчикам—и обеспечить независимое существование имеретинского царства. Однако все попытки Александра покорить Левана II ни к чему не привели.

Опасность турецкого нападения возросла к этому времени настолько, что страх быть покоренным турецким султаном вынудил Александра обратиться к московскому царю Алексею Михайловичу за помощью в борьбе как против Левана, так и против агентов Турции. С этой целью Александр направил специальных посланцев в Москву к царю Алексею с просьбой принять Имеретию под свое покровительство.

В письме к Алексею Михайловичу, датированном 13 августа 1646 года, имеретинский царь Александр довольно подробно говорил о противохристианских поступках Левана Даднани, который ныне отложился от него и платит дань турецкому султану, а главное, «посылает христианских детей в полон к турецкому султану по триста и по четыреста» и, таким образом, желает омусульманить весь одисский народ. Более того, Александр жалуется, что Даднани, установив с турецким султаном хорошие отношения, чинит неприятности своему бывшему владельцу Александру, что он, Даднани, дважды и трижды в год приходит вместе с агентами Турции и разоряет Имеретию, стремясь подчинить турецкому султану земли, принадлежащие Александру.

«Даднанский был мой раб и давал дань мне. И ныне отложился от меня и соединился с царгородским султаном. И собрав воинских людей, приходит до меня по дважды, по трижды и чинит мне шкату. собирает абазинцев (абхазов.—И. А.) и чиков (джихов.—И. А.) и приходит на меня во вся годы»,—писал Александр («Посольство стольника Толочанова и дьяка Пвлева в Имеретию в 1650—1652 годах», стр. 5. Тбилиси. 1926).

Однако обращение имеретинского царя к Московскому государю не дало существенных результатов: ряд причин, главным образом внутренние неурядицы в Московском государстве, помешал быстрому продвижению русских в Грузию.

В начале XVIII века имеретинское царство испытало еще раз опустошительное

наместные ставленники турецкого султана. Поводом для очередного нападения послужило сокращение в правление Георгия Абашидзе (1702—1707) «юларков», получаемых ахалцхским пашой от имеретинского царства. Турецкий султан Мустафа направил арзрумского пашу с большим войском в Имеретию и приказал ему опустошить всю страну. Паша сам направился в Грузию, а своего кега (кега — титул помощника командующего турецкими войсками) отправил в Ахалцх, чтобы он набрал там войско и пошел на штурм крепости Багдад.

Георгий, узнав о предстоящей войне, вооружил имеретинцев и решил дать отпор врагам.

Мужественно сражались испытанные в боях имеретинцы; весь ход войны предсказывал успешное ее окончание, но усобицы сказались и здесь. Из-за них была погублена почти выигранная война. Властвовавший в Мегрелии Гуриели, а после него Липарит нарушили свою присягу на верность имеретинскому царю и перешли на сторону врага. В результате турецкие войска одержали победу и разрушили много имеретинских крепостей. Затем турки направились в Одиши и поставили свой гарнизон в крепости Рухи (в 5—6 километрах от города Зугдиди, в Западной Грузии), а также построили крепость Анаклиа в 30 километрах от города Зугдиди (1703 год).

Но в это время в Турции начались смуты в связи со смертью султана Мустафы.

«Но пожалел страну бог, умер султан Мустафа, и сделался султаном Ахмед, и была смута в Стамбуле» (Вахушти, стр. 334—335).

На этот раз война окончилась в пользу имеретинцев. Командующий турецкими войсками («сераскир») получил предписание вернуться в Стамбул для подавления происходивших там беспорядков. Перед тем как уехать из Имеретии, он приказал своему заместителю заключить мир с Абашидзе, что и было сделано.

Но скоро имеретинцы напали на отступавших турок, и схватка принесла победу имеретинцам. Враги были изгнаны как из Имеретии, так и из Одиши.

«Убили Коллис-пашу, ранили в руки Исака, ахалцхского пашу, турок обратили в бегство и взяли много добычи, лошадей, мулов и нагруженных верблюдов» (Вахушти, стр. 335).

Со дня вступления на престол Соломона I (1754 год), названного Великим, в истории имеретинского государства начинается поворот к объединению имеретинского народа и к укреплению его государства. В наследство Соломону I досталось раздробленное, экономически разру-

шенное государство. Князья не подчинялись центральной власти, измена и предательство были частым явлением.

Соломон I направил свои усилия к улучшению экономического положения государства и к прекращению самоуправства отдельных владельцев (Даднани, Гуриели, рачинского эристави (князя), имеретинских князей), к ликвидации раздробленности государства и укреплению центральной власти и к окончательному разгрому заклятых врагов страны — турецких султанов.

Соломон I был государственным деятелем крупного масштаба. В первую очередь он принял энергичные меры к прекращению продажи грузинских подданных в рабство, считая, что в этой постыдной торговле была главная причина экономического ослабления страны.

Совершенно естественно, что подобные мероприятия царя Соломона вызвали противодействие как со стороны турецкого султана, так и со стороны князей, превративших торговлю людьми в доходную статью.

Соломон I отказался также выплачивать дань людьми султану. Последний в 1757 году объявил Имеретии войну. На этот раз на стороне Имеретии выступили сын владельца Мегрелии — Кациа Даднани — и самурзаканский владелец Хутуния Шервашидзе.

В этой войне грузинский народ проявил исключительный героизм, память о котором сохранилась в грузинских народных преданиях того времени.

«Турецкое войско сокращалось на столько человек, сколько было выстрелов из лагеря имеретинцев, так как они стреляли во врага исключительно метко» (Сб. Грузинского историко-этнографического общества «Дзавели Сакартвело». Том II, стр. 37), — гордо сообщается в одном из преданий.

И грузинский народ победил. Война была выиграна. Несмотря на то что один из имеретинских князей, Леван Абашидзе, изменил родине и выдал врагу все военные тайны, турки потерпели полное поражение.

Война 1757 года показала горячую любовь грузинского народа к своей родине, показала его силу, единодушие и волю к борьбе против иноземных поработителей, несмотря на внутренние усобицы.

Характерно, что народное предание с презрением и ненавистью говорит не только об изменнике Леване Абашидзе, но и обо всех, кто уклонился от участия в этой борьбе за свободу родины. По преданию, Абашидзе поплатился за свою измену смертью. Во время сражения с турками он был убит рядовым воином царя Соломона.

Дворец владетеля Мегрелии в Зугдиди.

Со старинной гравюры.

Народные предания в основном правильно передают причины возникновения войны, ее ход и окончание. Довольно точно названы места сражений и имена лиц, прославившихся или же опозоривших себя.

Очень много места в преданиях уделяется героической роли в этой войне грузинского крестьянства, воплощенного в образе крестьянина-богатыря Брегвадзе.

Несмотря на жестокое поражение турецкий султан все же не хотел сложить оружия. Он продолжал настойчиво требовать отмены запрещения продажи людей. Но Соломон на это не согласился и в 1759 году предложил всем владетелям дать письменное обязательство, что они впредь не будут заниматься продажей пленных.

В письме, датированном 1759 годом, адресованном Соломону I, владетели Мегрелии и Гурии, рачинский эристави, их сыновья и князья, фамилии которых в документе перечислены, дали следующую клятву царю:

«По этому предмету (т. е. продаже пленных.—И. А.) мы ныне поставляем единодушно перед богом, что пока дышим, не делать этого дела, не ослаблять в этом друг другу, а соединиться между собою в повиновении царю Соломону и исполнению его велешия, чистосердечно поддерживая друг друга и не изменяя один другому ни ради какого гнета и затруднения, но губить в этом деле своих голов и оказывать царю Соломону твердую поддержку, чтобы такое страшное дело не совершалось через нас. Таково условие, подносимое намъ богу и человеку» (Акты Кавказской археографической комиссии. Т. I стр. 57).

Правда, клятва эта впоследствии неоднократно нарушалась, но все же самый факт подписания такого документа имел очень большое политическое значение.

В 1760 году султан снова выступил против Имеретии. Он отправил большую карательную экспедицию под начальством сераскира Мола Абдулла, но и на этот раз победу одержали имеретинцы. Во время войны «...как тот Сераскер, так и многое число турецкого войска убито, и многие же в полон взяты» («Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии». Т. I, стр. 15. Петербург. 1891).

В следующем, 1761 году опять явились «незванные гости» и опять были отброшены. «Все разбито»,— так коротко говорит о положении противника современник—грузинский митрополит Максим (там же).

Турецкий султан не мог примириться с создавшимся положением и в 1763 году направил в Грузию карательную экспедицию, в которой участвовало 40 тысяч человек.

Пятидесятая армия имеретинцев боролась против сорокатысячного турецкого войска и разбила сильнейшего врага. «...Турки вынуждены были налетке бегом спасаться, которых множественно число побито, а у имеретинцев, коих было не более пяти тысяч, убито только дворян два человека...» (там же).

В 1766 году турецкому султану удалось одержать временную победу, в результате которой Соломон I был лишен престола и вынужден был скраться. Царем имеретинским султан объявил двоюродного брата Соломона—Теймураза. Но султан пощадил, что победа эта временная,

и искал путей для заключения мира с Соломоном. В начале 1768 года мир был заключен и Соломону I был возвращен престол. Однако имеретинский царь обязался попрежнему платить дань и ежегодно отдавать султану до 60 человек обоего пола.

Хотя в царствование Соломона I владельческие князья (Даднани мегрельский, Гуртели — владетель Гурнии — и рачинский эристави) выступали вместе с ним против внешних врагов, но для борьбы с султанской Турцией он считал необходимым заручиться помощью сильного союзника. С этой целью Соломон обратился к Екатерине II, готовившейся к войне против султана, и в 1768 году просил ее «избавить из рук иноплемеников» Грузию.

Екатерина II послала в 1769 году в Грузию графа Тотлебена с войском для совместного выступления против султанской Турции. Турция потерпела решительное поражение, и в 1774 году был заключен мир, известный под названием Кучук-Кайнарджийского мира.

С этого времени «Блистательная Порта» обязалась не вмешиваться во внутренние дела Имеретинского государства. «Торжественно и навсегда отказывается она (Турция — П. А.) требовать дани отроками и отроковицами и всякого рода других початей» («Грамоты», стр. 413).

В мирном договоре был, между прочим, и следующий пункт:

«В части Грузии (Имеретии) и Мингрелии (Мегрелии. — П. А.) находящиеся крепости Багдачик, Кутаис и Шегербен (Шоропан), Российским оружием завоеваны, будут Россией признаны принадлежащими тем, кому они прежде принадлежали, так, что ежели подлинно оные города издревле, или с давнего времени были под влащею блистательной Порты, то будут признаны ей принадлежащими...» («Грамоты», стр. 413).

Этот пункт, сформулированный довольно неясно, по существу, оставлял крепости за султанской Турцией. Но крепости эти не имели уже серьезного значения ни для какой стороны, так как они задолго до этого были разрушены по приказанию царя Соломона I.

Договор этот сыграл большую роль в истории Грузии. Он дал России непосредственный доступ в Грузию и тем самым укрепил ее связи с могущественным северным соседом.

2

Бурно протекала также борьба мегрелов против захватнической политики султанской Турции. Об этом рассказывает тот же итальянский монах Ламберти, который в своей книге «Описание Колхиды» при-

водит один весьма характерный случай. Когда турецкий султан Мурад в XVII веке объявил войну персидскому шаху Сефи и потребовал от мегрельского владетеля Левана II Даднани, чтобы он как дань султана тоже выступил с войском против персидского шаха, то Леван не только отказался выполнить это требование, но довольно резко ответил султану, что «никто из его предков не был обязан служить ни войне бывшим турецким императорам, и поэтому и он на этот раз не намерен этого сделать и просит вспомнить, что подати он давал не потому, чтобы этим признать его настоящее господство, а потому, чтобы султан с войском не вступил в его пределы. Но если султан это не сделает, то он сейчас же прекратит отдачу подати и легко может защитить княжество своим войском» («Описание Колхиды», стр. 27—28. Разрядка моя — П. А.).

Получив отказ от мегрельского владетеля, султан Мурад не принял никаких мер для его устрашения, так как «княжество Даднани было так сильно укреплено самой природой, что невозможно было бы его покорить» (Ламберти). Кроме того султан отлично понимал, что в случае нападения на землю мегрелов он встретит жестокое сопротивление со стороны свободолюбивого, храброго мегрельского народа.

«Он (турецкий султан. — П. А.), — говорит Ламберти, — также отлично знал положение мингрельцев (мегрелов. — П. А.), которые, конечно, всегда дают понять, что если бы турецкие войска или морем, или сушею подступили к их стране, то они сожгли бы свои дома и ушли бы со своим скотом и домашним скарбом в горы, где издевались бы над турками, потом оттуда часто спускались бы и, хорошо знакомые со своей страной, вовлекли бы турок в такую засаду, что войско их было бы быстро разбито» (там же, стр. 28).

Тот же Ламберти рассказывает, что когда в Мегрелию приезжали послы турецкого султана, то местные жители нарочно вели их по самым северным дорогам, отводили им самые плохие дома и даже, изменяя вековым обычаям гостеприимства, подавали им плохое вино.

В другом месте Ламберти, касаясь вопроса о естественных богатствах Мегрелии, указывает, что в этой стране много всяких рудников, но они совершенно не разрабатываются. По мнению Ламберти, мегрелы умышленно отказываются от пользования рудниками, опасаясь того, что в Константинополе распространятся слухи о богатстве этой страны. Свободолюбивые мегрелы предпочитали жить в нищете, лишь бы не попасть под власть султанской Турции. «В высочайших горах Кав-

каза очень много как золотых, так и серебряных рудников, но все это держат в тайне из боязни турок, которые из жадности к золоту могли бы покорить Колхиду. И так как они предпочитают свободу богатству, то они охотнее отказываются от золота, чем от свободы, лучше быть жалкими и бедными свободными людьми, чем сделаться богатыми рабами турок» (Ламберти. Цит. соч., стр. 220. Разрядка моя.— П. А.).

Объяснение Ламберти, несомненно, основное (очевидно, тут играли роль и другие моменты, как то: слабое развитие техники у мегрелов и т. д.), но оно весьма характерно.

Мегрельский народ сумел отстоять независимость своей страны, и если турецким султанам удавалось иногда победить мегрелов, то победа эта была кратковременной. Полного покорения Мегрелии турецкие султаны так и не сумели добиться.

3

Захватив несколько пунктов на Черноморском побережье и построив там укрепления, турецкие султаны пытались поставить в зависимость от себя отдельных феодальных владетелей Западной Грузии, в том числе и абхазских. Крепости Сухум-Кале и Паш-Кале (Поти) были основными укрепленными пунктами турок на абхазо-мегрельском побережье Черного моря. Захватническая политика султанской Турции в Абхазии, так же как и во всей Западной Грузии, имела только временный успех, объясняемый усобицами феодальных владетелей, о чем мы говорили выше. Но абхазский народ совместно с грузинским народом энергично отстаивал независимость своей страны.

Интересно замечание Пейсонелли, исследовавшего торговлю на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1752 годах, о том, что «Порта назначает в эту страну (Абхазия.— П. А.) своего бея, называемого беом абазинцев, который, однако, пользуется только титулом начальника без всякой власти. Главное начальство в этой местности принадлежит паше Черноморского побережья, но абазинцы не повинуются турецкому бегу, и лишь одна сила может привести их к покорности и повиновению» (Пейсонелли «Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1752 годах», стр. 29. Краснодар. 1927. Разрядка моя.— П. А.).

Совершая неоднократно набеги на народы Западной Грузии и на абхазов в том

числе, турецкие султаны причиняли им колоссальный вред. Они жгли и грабили селения, убивали и уводили в плен население, разрушали памятники старины и искусства. После московского царя Алексея в Имеретию и Мегрелию неоднократно в своих отчетах упоминают о разрушении памятников древней эпохи во время нашествия турецких войск.

Жестокость врага, тяжесть дани, преследование христианской веры — все это вызывало у абхазов стремление дать решительный отпор противнику.

К сожалению, мы не располагаем достаточными материалами о борьбе абхазского народа против турок в XVII веке. Мы ограничимся здесь описанием лишь отдельных эпизодов этой борьбы в XVIII веке.

В 1725 году абхазы единодушно восстали против иноземного ига. Крепость Сухум-Кале была осаждена, но, потерпев поражение, абхазы вынуждены были снять осаду.

Через три года (в 1728 году) абхазы снова единодушно выступили и вновь осадили сухумскую крепость, но и на этот раз им пришлось отступить.

Однако неудачи и поражения не останавливали абхазов. Они продолжали свою героическую борьбу за освобождение от ига турецких султанов.

В 1732 году в Поти прибыл турецкий паша, чтобы окончательно покорить жителей кавказского берега Черного моря. Турецкие султаны понимали непрочность своей власти в Западной Грузии и отдавали себе отчет в том, что они, по существу, не владеют ни Мегрелией, ни Абхазией. Прибывший в Поти турецкий паша ставил своей задачей действительное покорение непокорных мегрельцев, имеретинцев и абхазов и решил действовать дипломатически. Он обещал содействовать имеретинскому царю Александру V (1721—1752 годы) в деле окончательного присоединения к Имеретии всех феодальных княжеств, формально входивших в состав имеретинского царства. Имеретинский царь решил воспользоваться этим случаем для присоединения Мегрелии и Абхазии и для усиления центральной власти, с тем чтобы впоследствии положить конец набегам султана. Александр V поехал в Одиссу, чтобы уговорить Дадпани быть соучастником пашы в деле окончательного покорения жителей Черного моря. Но Дадпани не колеблясь отказался от этого предложения.

Получив от мегрельского владетеля отказ, турецкий паша совместно с имеретинским царем направил свои войска в Одиссу. Результаты этого набега описываются в источниках так: «Турки и имеретинцы разрушали все и брали в плен

всех, кого где находили. Турки ворвались в Илори. Сожгли церковь, сорвали крышу, уничтожили рисунки и после направилась в Абхазию... И турки разрушили все и пленили многих» (Вахушти «Жизнь Грузии», стр. 354).

После этого поражения владетелю Абхазии Шерванидзе было предложено принять магометанскую веру и сделаться союзником султана. Шерванидзе сначала оказывал сопротивление, но, опасаясь потерять титул владетеля, в конце концов согласился.

Этот случай еще раз подчеркивает, что в борьбе с иноземными захватчиками грузинские князья руководствовались не столько защитой интересов народа и страны, сколько своими групповыми, сословными и личными интересами. Народ же героически сопротивлялся иноземному гнету и насильственному обращению в магометанство.

Таким образом, султану удалось установить союз с Шерванидзе, но Турция потеряла вчерашнего союзника — имеретинского царя.

При помощи Шерванидзе турецкий султан одержал победу над имеретинским царем (1733 год). Абхазские народные массы, которые действовали в этой войне по принуждению, выжидали случая, чтобы с новой силой начать борьбу против своего подлинного врага — турецких поработителей.

Возмущение предательской политикой Шерванидзе и желание освободиться от ига султана вылились в том же, 1733 году в открытую войну против турок. Вахушти пишет: «...напали абхазцы, уничтожили войско турок и обратили в бегство... убили многих... взяли много богатства, оставили магометанство и вернули себе свою веру» (Вахушти. Цит. соч., стр. 35).

Абхазский народ разбит войска султанской Турции, которая стремилась к окончательному покорению свободолюбивой страны.

Имеются сведения о большом восстании абхазского народа в 1771 году, когда во главе народа стали два брата — Леван и Зураб-бей Шерванидзе — и восставшим удалось взять штурмом сухумскую крепость. Однако возникшая между братьями усобица и предательство Левана Шерва-

нидзе, продавшего сухумскую крепость туркам, сорвали восстание.

В конце 80-х годов XVIII столетия владетелем Абхазии сделался Келеш-бек Шерванидзе. Келеш-бек стремился окончательно отложиться от султанской Турции. С этой целью он начал тайные переговоры с русским царским командованием на Кавказе.

Но переговоры эти в то время не увенчались успехом. Турецкий султан организовал заговор против Келеш-бека, и в 1808 году Келеш-бек был убит.

Турецкий султан временно победил. Однако абхазский народ не сдавался и не переставал оказывать упорное сопротивление турецким войскам.

В XVII—XVIII веках Грузия была слишком слаба, чтобы сохранить самостоятельность: ей грозило полное подчинение султанской Турции или шахской Персии. Грузия перешла под протекторат России. Присоединение к России не избавляло Грузию от национального гнета, но оно было наименьшим злом по сравнению с поработенным грузинского народа восточными деспотами, какими были Турция и Персия.

Русский протекторат давал Грузии возможность для экономического развития.

В письме к Марксу от 23 мая 1851 года Энгельс указывал на то, что «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 211). Благодаря присоединению к России Кавказ втягивался в мировое товарное обращение; страна, население которой стояло в стороне от мирового хозяйства «и даже в стороне от истории» (Ленин. Т. III, стр. 464), превращалась в страну нефтепромышленников, фабрикантов, торговцев. Развитие промышленного капитала вызвало возникновение и рост рабочего класса: пролетаризация крестьянства усиливалась. Стихийная борьба трудящихся Грузии сменилась борьбой организованной, возглавленной в конце прошлого столетия великим соратником великого Ленина — товарищем Сталиным. Эта борьба привела грузинский народ вместе с другими народами СССР к полной победе над угнетателями и к полному национальному и социальному освобождению.

В. Самойлов

Из истории сношений России с Японией в XVII—XVIII веках

1

Первые русские сведения о Японии относятся к XVI—XVII векам.

Немало таких сведений имелось в известиях иностранцев, побывавших в Китае и Японии. В XVI—XVII веках из-за границы в Москву вывозилось большое количество книг исторического и географического характера, особенно по Востоку, содержащих в себе известия о путешествии братьев Поло, сведения о поездке японской миссии в Рим, к папе Сиксту V и т. п.

В конце XVI века в Риме было издано на итальянском языке описание путешествия японского посольства к папе Сиксту V. В 1590 году описание этого путешествия было издано также и в Макао на латинском и японском языках. В 1604 году в Нагасаки патер Родригез напечатал грамматику японского языка. В 1615 году патер Амати издал в Риме первый труд по истории Японии. В 1669 году голландец Арнольд Монтанус выпустил свою книгу о Японии. Немного позже напечатал книгу о Японии шведский ботаник Энгельберт Кемпфер, который в 1690—1692 годах находился на службе у голландских купцов в Японии.

Географические познания русских также обогащались известиями из так называемых

космографий, издававшихся в Западной Европе и переведившихся на русский язык переводчиками Посольского приказа в Москве. Наиболее широкое распространение в Московской Руси имели космографии Авраама Артелия и Герарда Меркатора.

Московские бояре и купцы задолго до первых попыток завязать сношения с Японией имели о ней немало сведений, почерпнутых из иностранных книг.

С другой стороны, завоевание и освоение Сибири территориально приблизило Московское государство к Японским островам и, естественно, расширило географические знания русских о Японии. В 1483 году русские совершили первый поход в Сибирь, к низовьям Иртыша и Оби. В 1581—1585 годах казаки во главе с Ермаком завоевали необъятные просторы Сибирской земли. Экспедиции Пояркова (1643—1646 годы), Хабарова (1647—1650 годы) и других сыграли огромную роль в исследовании Сибири, о которой до того времени европейцы имели весьма смутное представление. Эти экспедиции вывели границы Московского государства к водам Охотского моря и Тихого океана.

Из всех русских экспедиций XVII века ближе всех подходил по направлению к Японии Поярков, когда двигался по Амуру к Охотскому морю. Вскоре на берегах

Старинное русское морское судно.

С гравюры XVI века.

Охотского моря появилось первое русское поселение — Косой Острожок, основанный в 1648 году. В конце XVII века к Московскому государству был присоединен Камчатский полуостров.

Япония — легендарное царство Зипангу — была совсем не далеко.

Таким образом, русские разведали пути к Тихому океану и положили начало освоению территории Сибири.

«Греция, Рим, Старый и Новый свет, — писал исследователь Сибири Фишер, — могут хвалиться героями своими, сколько хотят; я не знаю отважились ли бы они на то, что Сибирские наши прои Буза, Перфирьев, Бекетов, Чагиба, Хабаров, Степанов и многие еще другие действительно učinили» (Фишер И. «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием», стр. 630. СПб. 1774).

Конечно, эти исследователи приносили в Московию сведения о далеких странах, которые граничат с Сибирью и Китаем.

Многие известия о Японии приносились московскими послами, побывавшими в восточных странах, особенно в Китайской империи. В 1616—1620 годах тобольский воевода послал в Монголию и Китай Василия Тюменца, Ивана Петлина и Андрея Мундова. Томский казак Иван Петлин первым из русских в сентябре 1618 года прибыл в Пекин. В середине XVII века завязываются русско-китайские сношения. В 1656 году русский посол, боярский сын Байков достигает Пекина. В 1675 году в

Китае было отправлено русское посольство во главе с Николаем Спафарием.

Спафарий, отправляясь в Китай, получил в числе других задание разузнать в Китае все, что известно о Японии. Описывая свою дипломатическую деятельность в Китае, Спафарий сообщает, между прочим, что «писано же мало нечто и о сем острове японском, которого описание имеется здесь в России особливая пространная книжица».

Из этой «отписки» можно заключить, что в конце XVII века московские бояре и купцы имели довольно обширные для своего времени сведения о Японии.

С другой стороны, в Японии в начале XVIII века также настойчиво пропагандируются идеи сближения с народами Европы и Азии, с их культурой. Знаменитые японские ученые Сугита Гемпаку и Маэно Ристаку преследовались японским правительством за пропаганду этих идей. Даже сегун Иосемунэ попал под влияние этих идей, выстроил для себя в Эдо обсерваторию и отменил запрет на ввоз в Японию европейских книг.

Безусловно, разложение феодализма в Японии и тяга к сближению с народами Европы и Азии объективно способствовали возможности установления торговых и дипломатических сношений между Россией и Японией.

2

Первые попытки к установлению сношений России с Японией относятся к на-

чалу XVIII века, когда Петр I создал обширную централизованную империю, имевшую прочные торговые и дипломатические сношения с другими государствами Европы и Азии.

При Петре I дипломатическая служба русского правительства имела огромный размах. Брауншвейг-Люнебургский резидент при Петре I Фридрих Вебер в своих записках, изданных в 1721 году, так характеризовал русскую дипломатическую службу: «Нет в целом свете (дипломатической) канцелярии, в которой бы велись дела на стольких языках, как в русской» («Русский архив», стр. 1107, 1872).

Связи России с Китаем при Петре I чрезвычайно усилились. Несколько позднее Буринский (1727 год) и Кяхтинский (1728 год) трактаты между Россией и Китаем установили торговые и дипломатические сношения между Россией и Китаем. «...обоих государств вечной мир накрепко утвердили, уложили и договорили» (Сборник договоров России с Китаем. 1689—1881 годы, стр. 74. СПб. 1889). В это время русские купцы вели торговлю с Персией, Бухарой, Хивой и Китаем. Они проникали в восточные страны и искали все новые и новые рынки для выгодной торговли. Русские промышленники на свой страх и риск пускались в плавание по необозримым просторам Тихого океана, открывая и колонизируя новые острова. Ученые экспедиции Российской академии наук пядь за пядью исследовали Сибирь и северовосточные пространства Тихого океана.

В начале XVIII века русские промышленники стремились отыскать ближайший путь из Сибири в Америку и к Японским островам. Камчатка стала опорным пунктом для русских экспедиций в Америку и Японию.

В первом десятилетии XVIII века намечаются два пути в Японию: первый — через острова Курильской гряды из Камчатки и второй — через Шантарские острова. Отправным пунктом для русских экспедиций в Японию все же становится Камчатка с ее Большерецким портом.

Уже в конце XVII века на берега Камчатки бурями выбрасывались японские суда, плававшие по Охотскому морю. Еще тогда казак Лука Морозко нашел на Камчатке несколько японских рукописей, выброшенных на берег, видимо, вместе с японскими судами. В начале XVIII века пятидесятник Владимир Атласов встретил на Камчатке потерпевшего кораблекрушение японца Денбея, которого Петр I велел прислать в Артиллерийский приказ для обучения русских учеников японскому языку и грамматике.

В то же время, как рассказывает Вебер, два русских купца вошли в Сенат с представлением о необходимости соединения каналами рек и озер в России так, чтобы корабли с товарами свободно проходили из Архангельска в Тихий океан для торговли с Ост-Индией и Японией. Вебер утверждает, что Брюс получил согласие Петра на посылку судна к Японским островам, но это судно будто бы, возвращаясь обратно, побило во время бури. Брюс не оставлял мысли о посылке к Японским островам хорошо оснащенных кораблей, которые «...наверное откроют нечто новое и найдут путь к наилучшим сношениям с Японией...», с государством, «о географическом положении которого до сих пор еще верно не знают» («Русский архив», стр. 1410, 1413, 1872).

Планы Брюса, видимо, активизировали попытки местных властей и промышленников Сибири открыть Японию.

Известно, что в 1706 году приказчик Камчатальских островов Василий Колесов ходил на Курильские острова и видел от Курильского острова за переливками землю, за которою было «Матмасское и Апонское государство».

Сибирские власти, посылая в 1710 году якутского казачьего десятника Василия Севастьянова на службу на Камчатку, наказывали ему: «и домогатца ему всякими мерами, по которое время прислан будет с Москвы из спалников, и чтоб учинить с Японским государством меж рускими людьми торги не малые, как и у китайцов с рускими людьми бывают торги и посылаютца с Москвы великого государя с товары купчины, чтоб в тех новоприсланных торгах великого государя казне учинить многую прибыль. И проведывать ему, какле у них в Японском государстве узорочные товары обретаютца, также и руские товары в том государстве, какле надобны, и на которые походу болши бывают, и станут ли они с рускими людьми торги иметь; и воинские японские люди какое у себя имеют оружие и битву, и к воинскому делу каковы удобны, и какими пути проезд к ним бывает, о том вышесказанном о всем осведомитца подлинно и писать в скорости... к великому государю к Москве в Сибирской Приказ» («Памятники Сибирской истории XVIII века». Кн. 1-я, стр. 418—419. СПб. 1882).

Мы не знаем, как Севастьянов выполнял поручение разведать путь в Японию и с нею «учинить торг». Однако весной 1711 года в челобитной 75 служилых людей Камчатки, поднявших бунт и убивших поставленных над ними приказчиков Липина и Чирикова, встречаются сведения о том, что этим приказчикам вменялось в

обязанность проводить Японские острова, завести сношения с японцами. Но приказы «о проведании новых земель радиения не показали», и служилых людей, вызвавшихся охотой ехать проводить Японию, «поверстали в бунт», заковали в железа и морили голодом. В челобитной рассказывается, что в 1710 году в Катигурскую губу Камчатского бобрового моря, где жители еще не были объяснены, пришло и разбило о берег разбойную бусу¹ с 10 японцами. Эти жители, видимо, имевшие свои счеты с японскими пиратами, «боем на шях нануцали» и 6 японцев убили, а 4 взяли в плен. Двое из этих японцев в 1711 году уже научились говорить по-русски: «дознались малое число» и кое-что рассказали русским о своей стране.

«А сказывают государство свое Эдо, а около того их государства стоят 7 городов не по дальному расстоянию, но поблизку город от города. А стоит их государство против Камчатского носу на Пенжинском море на острове. А сказывают в своем государстве и в городах золото и серебро рожится, камыи, китайки, ш дабы делают; а про шью свои товары, ш которые нашим удобны сказать в достаток не знают, для того, что они рускому всему разговору вскоре не навькли» («Памятники Сибирской истории XVIII века». Кн. 1-я, стр. 442. 1882).

Двое японцев в 1712 году были увезены в Якутск, а двое умерли:

Немного позже, в 1713 году, была организована одна из первых русских экспедиций в Японию. В апреле этого года из Камчатки на нескольких мелких судах отплыл для «проводывания» новых, еще не открытых островов и Японии служилый человек Иван Козыревский. В экспедиции участвовало 55 служилых людей и промысловиков и 11 ясачных жителей. При экспедиции находился толмач — японец Сана. На всякий непредвиденный случай Козыревский захватил 2 медных пушки, 20 ядер, пинцаль, 15 фунтов свинца, 6 фунтов пороха и 16 фунтов олова в блюдах.

Экспедиция добилась некоторых успехов. Были проведены на море против Камчатского носу три острова, и с двух островов «языки» были взяты. Из дошедших до нас известий видно, что «...одежды крапивныя и дабинныя и шелковыя, и сабли и котлы он Иван взял же». Козыревский составил чертежи этих островов: «даже и до Матманского острова», то есть до одного из главных островов Японии — Хоккайдо.

¹ Буса — мелкое японское судно.

Кроме того Козыревский со встретившихся ему в море у Курильских островов «разбойных бус Японского государства» снял и доставил на Камчатку 22 золотника золота «в планках и в кусках, а все с написанием их языка» («Памятники Сибирской истории XVIII века». Кн. 2-я, стр. 45, 46. СПб. 1885).

Несколько раньше, в 1709 году, имела место экспедиция Сорокоумова к Японским островам, которых он пытался достичь другим путем: через Шантарские острова.

Сибирский губернатор Гагарин, стремясь отыскать путь в Японию и открыть с нею русский торг, видимо, руководствовался теми правительственными указаниями, о которых рассказывает Вебер.

Русские экспедиции петровских времен уже отыскивали наиболее близкий для плавания кораблей того времени путь в Японию. Этот путь проходил из Камчатки к Японским островам вдоль Курильской гряды.

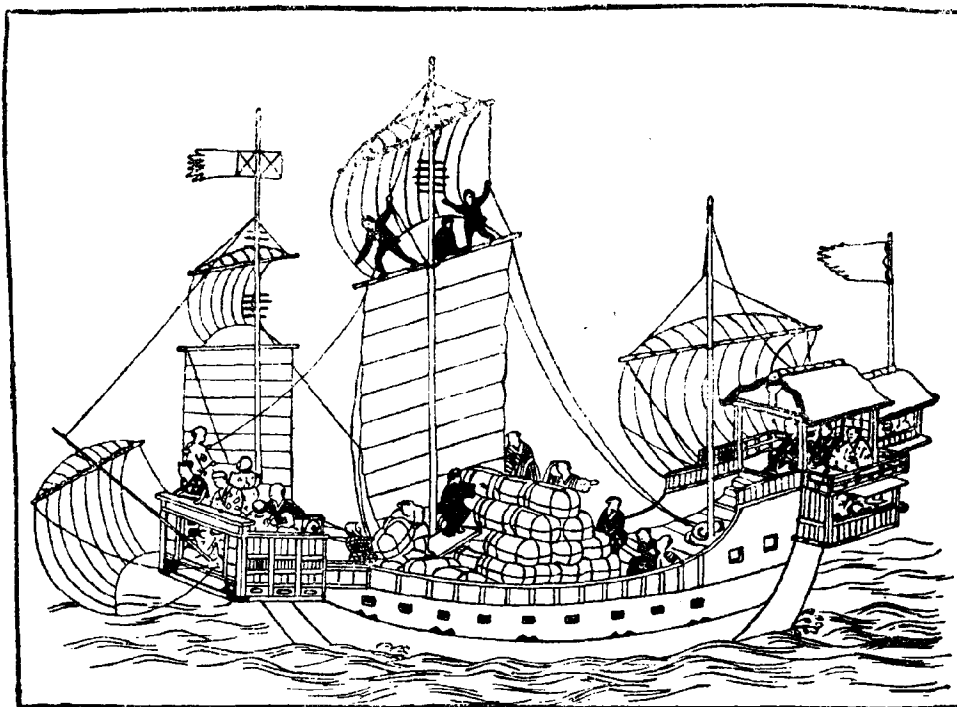
Оставалось только завязать сношения с этой таинственной страной. Этой цели были посвящены все последующие русские путешествия в Японию.

Некоторые меры в этом отношении предпринимали царские дипломаты в Китае, всерьез разужавая об экономических ресурсах Японии и о возможности завести с ней торговлю.

В реляции Лалга и Крисница о торговле с Китаем и Японией, составленной в 1722 году, изложены любопытные известия о внешней торговле Японии, осуществлявшейся через посредство голландцев. Крисниц указывает, что голландцы хорошо налаживают на торговле сыромятными кожами, которые они меняют на японское золото и серебро. Голландских купцов, приезжавших в Японию, японские власти, по словам Крисница, лишали оружия и отвозили в «фортецию» под караул и выпускали в город только тех купцов, которые «кидали себе под ноги кресты» в доказательство того, что среди них нет христианских миссионеров. Сообщая о размере голландской торговли с Японией, Крисниц указывал, что для торгу с Японией приходит в год только около 5 голландских кораблей.

«Япония, — писал Крисниц, — состоит во многих островах. Оные имеют малое число караблей, и те невелики. Оные мало употребляют огненного оружия, но большую часть стрел» («Памятники Сибирской истории XVIII века». Кн. 2-я, стр. 384. СПб. 1885).

Когда в 1725 году в Китай был послан граф Савва Владиславич для заключения нового трактата, ему Коммерц-коллегией было предписано разведать «...о торговле

Японское торговое судно XVII века

С японской гравюры.

с Японией, ибо когда будет устроено судоходство по р. Амуру, то наверное из всех торгов российских этот торг будет прибыльнейший, а у голландцев это купечество самое важное» (У л я н и ц к и й В. А. «Русские консульства за границею в XVIII веке». Ч. 1-я, стр. 179. М. 1889).

Однако не только поиски торговых выгод, которые обещал русским купцам японский рынок, толкали царскую Россию на установление связей с Японией. Значительную роль в попытках установить эти связи сыграл в XVIII веке вопрос о морских путях, связывающих Сибирь с Аляской, Командорскими и Алеутскими островами.

Показателем стремления русских установить торговые сношения с Японией является появление в России первых школ по изучению японского языка.

Еще в 1702 году Петр I приказал прислать из Якутска в Артиллерийский приказ японца Денбей для того, чтобы Денбей выучил японскому языку и грамматике 4—5 русских учеников. В 1705 году Петр вновь запросил, как выполнен его указ о Денбее. Есть известия о том, что в это время в Петербурге была создана школа по изучению японского языка. По этим известиям, ею руководили японцы Денбей и Санима, доставленные в 1714 году из Камчатки. Эта школа существовала, видимо, недолго, ибо в 30-х годах XVIII века в Петербурге вновь была организована японская школа.

В 1729 году два японских судна во время бури были выброшены на камчатский берег. Пятидесятник Штинников перебил почти всех японцев, оказавшихся

на русской земле. Штинникова за это самовольство казнили, а уцелевших японцев в 1734 году привезли в Петербург, показали императрице Анне Ивановне, окрестили и сделали учителями японского языка. В 1736 г. при Академии наук была создана японская школа, в ученики которой были определены солдатские дети. Учителями школы стали эти японцы, перекрещенные в Кузьму Шульца и Демьяна Поморцева. Общий надзор над школой был поручен архивариусу и помощнику библиотекаря Академии наук крещеному японцу Андрею Богданову, заодно обучавшему Шульца и Поморцева русскому языку. В дальнейшем преподавательский состав школы пополнялся за счет японцев, попадавших на берега Камчатки. В 1753 году эта школа была переведена в Иркутск, где продолжала существовать до 1816 года.

Нужда в переводчиках японского языка была острой, ибо квалифицированных переводчиков этого языка в России почти не было. В 1742 году, например, ни в Сенате, ни в Коллегии иностранных дел не смогли прочесть двух японских писем, попавших в Сенат. Тогда послали эти письма для перевода в Сибирскую губернскую канцелярию. Однако канцелярия через год вернула эти письма обратно с отношением, в котором говорилось, что переводчиков японского языка в Тобольске нет.

В то же время в России появились новые книги о Японии на русском языке. Андрей Богданов, архивариус и помощник библиотекаря Академии наук, был японцем, родившимся в Сибири. Он много занимался японским языком. В 1734 году Богданов перевел на русский язык книгу

«Описание Японии с историей гонения на христиан японских». Кроме того он сочинил «Грамматику, разговоры и краткий словарь японского языка» и др. В этом же, 1734 году Академия наук издала переведенное Коровиным и Горлицким с немецкого «Описание о Японе, содержащее в себе три части, то-есть: известие о Японе и о вине гонения на христиан; историю о гонении христиан в Японе и последование странствования Генриха Гагенфа, которое исправною ландкартою и изрядными фигурами украшено», переизданное затем в 1768 году. В атласе, изданном Академией наук в 1745 году, на XIX карте видна часть Японских островов.

Организация школ японского языка, издание на русском языке книг и карт Японии — все это говорило об усиливающемся внимании правительства, купцов и ученых кругов царской России к Японии.

Вторая камчатская экспедиция Беринга главным образом преследовала цель отыскать путь к Америке и к Японии.

Еще в 1738 году Адмиралтейская коллегия по предложению Беринга снарядила экспедицию для исследования берегов Японии и описания Курильских островов и реки Амура. Во главе экспедиции был поставлен капитан Мартын Петрович Шпанберг, участвовавший еще в первой камчатской экспедиции Беринга.

В состав судов экспедиции, направившихся из Охотска в Большерецк и оттуда по направлению к Японии, входили: командорское судно-бригантина «Архангел Михаил», дубель-шлюп «Надежда» и бот «Гавриил». Суда были хорошо обеспечены провизией, пресной водой и «артиллерными припасами». Для переговоров с японцами к экспедиции были прикомандированы два ученика академической школы японского языка.

16 июля 1738 года суда экспедиции достигли Курильских островов и 30 июля приплыли к «Черным братьям» — островам Курильской гряды, недалеко от японского острова Хоккайдо. Однако Шпанберг, не доплыв до Японии, повернул корабли обратно. Как видно из корабельного журнала командорского судна «Архангел Михаил», это произошло потому, что дубель-шлюп «Надежда» и бот «Гавриил» отстали от «Архангела Михаила», запасы сухарей на кораблях были на исходе и вдобавок наступала «поздняя пора»: близилась осень.

14 августа суда экспедиции бросили якорь у Большерецка и остались здесь на зимовку. 23 мая 1739 года они вместе с вновь выстроеным ботом «Большерецк» вышли из порта и отплыли «в японский боуж».

На этот раз Шпанбергу повезло: 16 июня 1739 года матросы увидели неве-

домую землю — «остров или берег», — час и плывущие по морю стволы деревьев. Вскоре на этой земле показались люди. У берегов земли участники экспедиции увидели много мелких судов и одно большое судно, величиной с бот «Гавриил». Эта земля была, видимо, японским островом Хонсю.

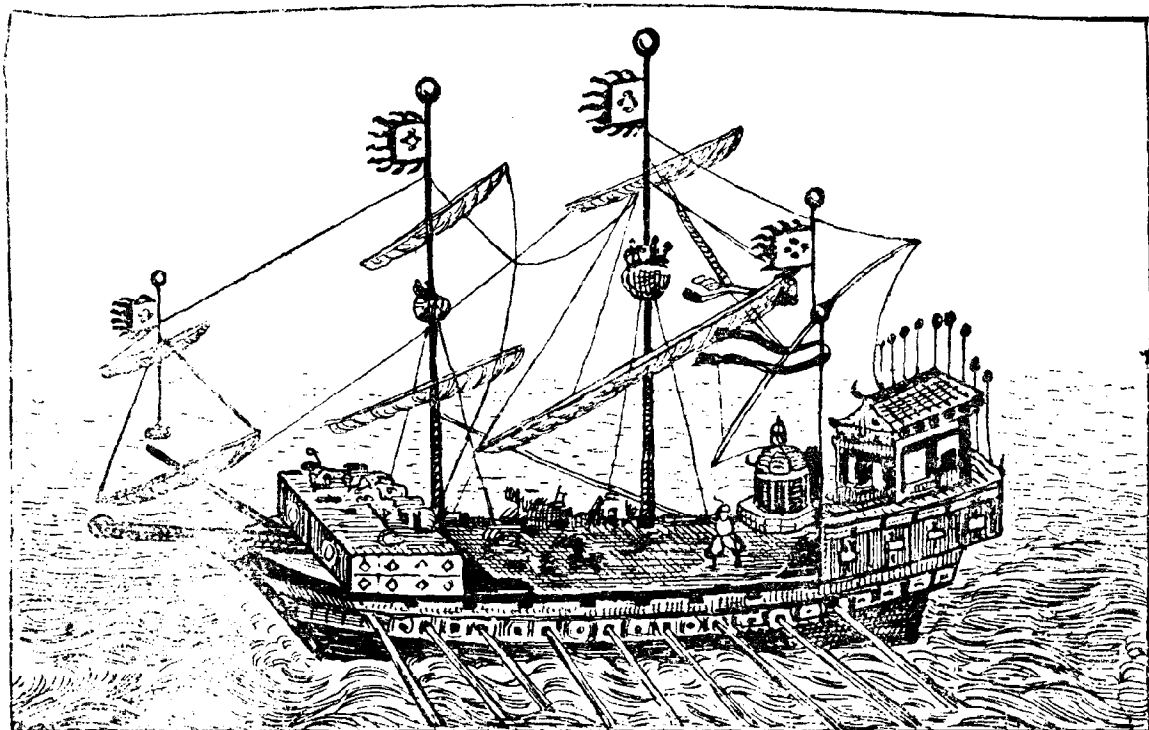
18 июня 1739 года в корабельный журнал бригантины «Архангел Михаил» была внесена запись: «Увидели в западной стороне, близ земли: разных малых бус или судов японских под парусами и иных на якоре. А во той земле место каменистое и на тех камнях лес великой растет, а какой про то неведомо. Також в 4 местах виден жилье и близ того жилья засеяно было: видно хлеба, а какого то не видно... Жилье было видно каменное и деревянное» (Государственный архив феодально-крепостнической эпохи. Портфель Миллера № 535. л. 151).

Японцы, подехав на лодке к бригантину, махали руками, призывая русских на берег. Русские тоже, махая руками, звали японцев к себе на корабль. Что кричали японцы, корабельный толмач расслышать не мог из-за противного ветра. Однако ни русские, ни японцы не рискнули встретиться. Русские имели основания опасаться неприятных неожиданностей. Когда 20 июня «Большерецк» пошел к берегу взять воды, неожиданно появилось 10 японских судов «с носу на подобие галер» и на берегу внезапно показались толпы людей. Шпанберг, опасаясь «нечаянного нападения» и избегая столкновения с ними, дал сигнал «Большерецку» вернуться обратно.

Через два дня Шпанбергу удалось завязать товарообмен с жителями этого острова. В обмен на русские сухари и товары японцы снабдили русские корабли рыбой, рисом, табаком, редиской, огурцами и другими «мелочными товарами». Кроме того японцы приносили на корабли, приставшие к берегу, червонцы чистого золота. «А покупали опе и выменивали больше охотно портища: суконные и короткые синпе» (там же).

Интересно описание японцев, составленное офицерами экспедиции:

«Они японцы росту среднего, и малого росту довольно, а большого росту довольно мало мы видели; а на тело смуглые: глаза черные и немалые, волосы також черные, а головы бритые с самого лба и за верховище, а назад волосы у каждого причесаны гладко и клеем наклеены и белой бумагой обвиты и перевязаны, а самые концы волосов отрезаны, а у молодых ребят самое верховище квадратно выбрито на вершок и також волосы причесаны и наклеены и со лба и ззани вместе связаны; у них японцев носы небольшие с пережибною тушью

Японский военный корабль начала XVII века.

С японской гравюры.

и остроносых мало. Платье на них долгое и подпоясано и рукава широкие... Носят спальные шпавары токмо (не разобрано.— В. С.), а которых мы видели: все были босы и без порток, а вместо порток закрывают или завязывают свой срам полотном» (там же, л. 153). Вскоре к Шпанбергу на корабль приехали японские чиновники. Он их встретил ласково, «подчивал водкою и кушаньем», а они сидели на корточках и «минами» (мигикой.— В. С.) сказывали о том, что эта земля есть Пифония (остров Иппон, теперь — Хонсю), что в их государстве есть еще остров Масму (остров Матсмай, теперь — Хоккайдо) и т. д. Местные японские чиновники не препятствовали торговле русских с японцами. Эта торговля за время стоянки судов была оживленной. Однако суда Шпанберга стояли здесь недолго.

Видимо, не договорившись с японскими чиновниками, Шпанберг 27 июня 1739 года повел корабли вдоль побережья «Яппонского острова», приплыл к неведомым островам, где люди были «сходны по персонам с курильским народом», и месяц спустя вернулся в Охотский порт, а затем — в Большерецк, так как почти все его спутники были больны.

Экспедиция Шпанберга была первой русской экспедицией, которая достигла Японии. Однако Шпанбергу, не обладавшему достаточными полномочиями, не удалось положить начало прочным сношениям между Россией и токугавской Японией.

Вернувшись в Охотск, Шпанберг предложил Берингу организовать новую экспедицию к Японским островам. Беринг направил его в Петербург. Однако здесь над

отважным моряком устроили следствие. Чиновники Адмиралтейской коллегии обвинили Шпанберга в том, что он якобы вместо Японии попал в Корею. Шпанберг сумел доказать, что он действительно был в Японии, а не в Корее.

В 1740 году Шпанберг стал готовиться к новому путешествию в Японию. К нему для этой цели были прикомандированы ученики японской школы — солдатские дети Шенанькин и Фенев. Летом 1741 года корабли Шпанберга вновь вышли в «японский вояж», но из-за густых туманов они дальше Курильских островов проникнуть не могли.

Вскоре вышел царский указ о приостановлении этой экспедиции.

Примерно в это же время закончил свое сибирское путешествие известный историкограф Герард Миллер, который начал его 8 июля 1733 года и проделал 33 025 верст пути. Как Миллер, так и Крашенинников, следовавший в 1737—1740 годах Камчатку, очень интересовались Японией и принимали активное участие в подготовке экспедиции Шпанберга. Перу Миллера, путешествовавшего «для учинения в истории и географии всяких исследований», принадлежит, между прочим, сохранившееся в рукописи историческое и географическое описание земли Нессо (острова Хоккайдо)¹.

Приостановив экспедицию Шпанберга, центральные и местные сибирские власти не отказались от стремления войти в сношения с Японией.

¹ Государственный архив феодально-крепостнической эпохи. Портфели Миллера № 530, тетрадь 16.

Когда в конце 40-х годов XVIII века на Курильские острова, принадлежавшие России¹, была выброшена японская буса с людьми, было приказано этих людей опросить, а затем «более знатных и смысленных» из них отослать в Петербург, в Адмиралтейскую коллегию².

Правительство неспроста вызывало наиболее «знатных и смысленных» японцев в Петербург. Видимо, уже в это время созрел план установления сношений с Японией путем поездки русских кораблей к Японским островам под предлогом возвращения на родину потерпевших кораблекрушение японцев.

Именно под таким предлогом русские корабли во второй половине XVIII века направлялись к берегам Японии.

3

В середине XVIII века знаменитый русский ученый М. В. Ломоносов, стоявший во главе Географического департамента Академии наук, предложил отыскать Северный морской путь в Тихий океан.

В 1764 году он составил проект экспедиции и для этой цели выработал инструкцию для ее руководителей. Эта экспедиция по настоянию Ломоносова была организована. Через год, 9 мая 1765 года, экспедиция под начальством Чижагова отправилась отыскивать Северный морской путь через Ледовитый океан в Северную Америку, Японию, Китай и Индию. Однако она не увенчалась успехом³.

Более активно в это время пытаются завести торговлю с Японией вольные промышленники, искавшие удачи в безбрежных просторах Тихого океана. «...Самые океаны не в состоянии были положить препону и наметить границы разгоревшейся страсти к барышам и наживам» («Памятники Сибирской истории XVIII века». Кн. 1-я, стр. VII, СПб. 1882).

В 1766 году русские промышленники высадились на острове Уруп, совсем недалеко от острова Хоккайдо.

Бениовский, сосланный на Камчатку за службу в войсках польских конфедератов, также замышлял отправиться в Японию. Весной 1771 года, став во главе 70 взбунтовавшихся ссыльных офицеров и местных казаков, Бениовский на галиоте «Святой Петр» вышел в море и направился вдоль Курильских островов в Японию. Однако в Японию ему попасть не удалось.

¹ Курильские острова были отданы царским правительством Японии в мае 1875 года в обмен на остров Сахалин (Карафуто).

² «Описание дел Архива Морского Министерства». Т. VII, стр. 387. СПб. 1895.

³ «Московский телеграф» № 11, стр. 289—314. И. 21-я. 1828.

Японцы встретили его ружейным огнем. Возможно, именно об этом событии сообщает летопись дома Мацумаэских даймио, когда указывает, что в это время эзосцы (жители острова Эззо, или Хоккайдо) убили 20 русских, приплывавших к японским берегам, а остальных обратили в бегство.

Эта же летопись сообщает, что в 1778 году 29 русских приплыли к острову и ходатайствовали о разрешении торговать с населением. Местный японский чиновник ответил им, что ответ будет дан по получении инструкций из Мацумаэ. Тогда русские, пообещав приехать через год, уплыли обратно. В 1779 году они вернулись вновь, но ничего не добились и вскоре покинули Японию.

В 1786 году японский чиновник Могамы Токунай, отправившись на Курильские острова, арестовал и увез в Японию находившихся там русских. Вскоре он, однако, освободил их и выслал с наказом: «Вход в японские пределы иностранцами поданным воспрещается строжайшим образом. Поэтому я предписываю вам самым скорым образом возвратиться в Ваше государство».

Отдельные промышленники, конечно, не могли добиться серьезных успехов в торговле с японцами.

Первые успешные попытки в этом отношении во второй половине XVIII века связаны с деятельностью крупных сибирских торговых компаний, в частности с деятельностью компании⁴, возглавлявшейся известным купцом Г. И. Шелеховым, основателем Российско-Американской торговой компании.

Еще в 1777 году Шелехов снаряжал судно для плавания к Курильским островам и к берегам Японии. Однако его в это время отвлекла колонизация северозападных берегов Америки, где в 1784 году Шелехов положил начало русским поселениям. К началу организации компании вольные промышленники уже основали ряд русских поселений на Алеутских островах, Кадьяке и др.

Постепенно возникали новые укрепленные поселения на побережье Северной Америки — и Берингово море замыкается русскими владениями.

Компания не ограничивалась этим: в 1812 году в Калифорнии было основано русское укрепление «Росс».

Пользуясь поддержкой правительства и монопольно осуществляя колонизацию вновь открытых земель на Тихом океане, Шелехов ни на минуту не забывал о Японии, манящей его огромными торговыми

⁴ На базе которой в 1799 году была учреждена Российско-Американская компания.

выгодами и своим положением на главных морских путях в Тихом океане.

С именем Шелехова связаны активные стремления царского правительства завести торговлю с Японией, в частности связана история экспедиции Лаксмана в Японию в конце XVIII века.

Уже в 1786 году была задумана посылка в Тихий океан экспедиции «для охранения прав России и русской торговли на этом океане».

Экспедиция должна была состоять из 4 вооруженных судов. Участвовать в экспедиции были приглашены известные ученые, профессор Паллас и Форстер, ботаник Рудольф и историограф Рейнгер. Начальником экспедиции был назначен капитан 1-го ранга Муловский. Для экспедиции была изготовлена «генеральная карта». Царским указом было предписано снабдить экспедицию товарами для открытия торговли с Японией, медалями и гербами для «ознаменования островов, открытых нашими мореплавателями».

Начавшаяся в 1789 году во Франции буржуазная революция отвлекла на время русское правительство от экспедиций в далекие страны. 16 октября 1789 года Екатерина II приказала приостановить экспедицию в Тихий океан.

Бурные события этих лет не смогли надолго остановить отправку русских экспедиций в Японию, а скорее способствовали им, ибо Англия, Франция и Голландия, соперничавшие между собой в Тихом океане, теперь были отвлечены делами на европейском континенте.

Именно в 1792—1793 годах царское правительство при активном участии Шелехова и Академии наук организовало удачную экспедицию в Японию. Эта экспедиция была самой успешной из всех русских экспедиций в Японию за весь период с начала XVIII века по 1853 год. Ее начальником был назначен исправник поручик Адам Лаксман. Его отец, академик Эрик Лаксман, выработал наставление экспедиции и доставил в Охотск японцев, которых экспедиция должна была отвезти на родину. Торговую часть экспедиции готовил Шелехов. Для экспедиции был снаряжен галиот «Святая Екатерина», и на нужды экспедиции было ассигновано 36 тысяч рублей.

12 сентября 1792 года этот галиот под начальством Лаксмана вышел из Охотского порта и поплыл к берегам Японии. На его борту было 20 матросов, 4 солдата, переводчик, чертежник, несколько купцов, японцы, возвращавшиеся на родину, и волонтер Кох — всего 40 человек.

Целью Лаксмана было установить торговые сношения с Японией. Лаксман вез в

Японию письма и подарки от иркутского генерал-губернатора японским властям и от отца — Эрика Лаксмана — трех японским ученым.

9 октября суио стало на рейд у деревни Намуро, на южной оконечности острова Хоккайдо. Лаксман решил здесь зимовать. Население дружелюбно встретило русских. Летопиень дома Мацумаэских даймю сообщает, что русским морякам было отпущено для продовольствия 1000 мешков риса.

Однако на просьбу Лаксмана уведомить японское правительство о его прибытии местный губернатор ответил лишь через два месяца. Только весной 1793 года в Намуро прибыло посольство от сегуна из Эдо с ответным письмом. Это письмо предлагало доставить русских и привезенных ими японцев в Мацумаэ. Лаксман на собственном, а не на японском корабле отправился в Хакодате, ближайший к Мацумаэ портовый город острова Хоккайдо. Отсюда 13 июля 1793 года посольство двинулось в глубь страны, сопровождаемое почетным конвоем, который всячески стремился изолировать русских от общения с населением.

17 июля посольство прибыло в Мацумаэ, где несколько дней велись взаимные переговоры о порядке церемониала представления русских японским правителям. От Лаксмана требовали, например, чтобы он говорил речь лежа ничком. Все-таки Лаксмана к сегуну в Эдо не допустили и всячески корили за то, что он явился в Японию.

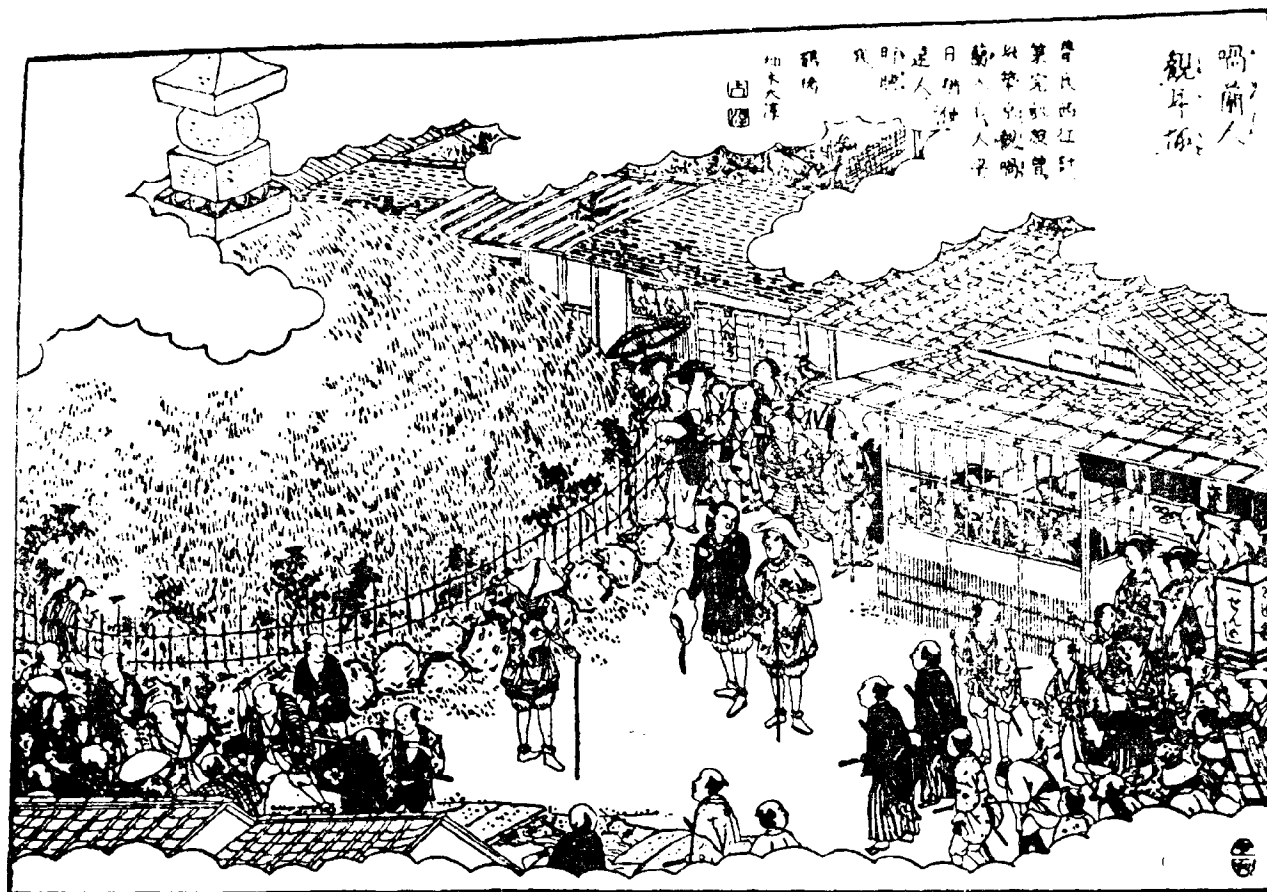
Голландские негоцианты мешали переговорах Лаксмана с японцами, не останавливаясь ни перед чем, чтобы не допустить русских торговать с Японией.

Однако Лаксман все-таки сумел выхлопотать разрешение русским кораблям ежегодно приставать в Нагасацком порту, на острове Кюсю, для торговли с японцами.

11 августа 1793 года Лаксман, одаренный подарками и вывезший богатые коллекции из Японии, вышел в море. 8 сентября галиот «Святая Екатерина» бросил якорь в Охотском порту.

За эту экспедицию Эрик Лаксман был произведен в надворные советники, а Адам Лаксман получил чин капитана. Были награждены все участники экспедиции. Сенат приказал назначить денежный оклад, наравне с другими учителями Иркутского народного училища, двум японцам, обучавшим в этом училище японскому языку нескольких семинаристов.

Однако русские купцы не воспользовались разрешением приезжать для торговли в Нагасаки. Шелехов стремился монопольно воспользоваться этим разрешением, но вскоре умер, не успев палатить русскую

Голландские купцы в Японии.

Гравюры XVIII века.

торговлю в Нагасаки. Напрасно нагасацкие жители ждали Лаксмана и русских товаров.

Вернувшись домой, Лаксман в 1796 году стал готовить новую экспедицию в Японию с тем, чтобы, получив правительственные полномочия, заключить с ней торговый договор.

Незадолго до этого, в 1795 году, иркутские купцы подали Екатерине II прошение о том, чтобы в 1796 году из Охотска в Японию было послано одно купеческое судно с товарами и с японцами, потерпевшими кораблекрушение у Алеутских островов. Иркутские купцы просили также о том, чтобы им дали переводчика японского языка и «дозволительную грамоту, выданную японским государем поручику Лаксману» («Описание дел Архива Морского Министерства». Т. V, стр. 114. СПб. 1888).

Иркутские купцы хотели воспользоваться этой «дозволительной грамотой» для торговли в Нагасаки.

28 июля 1796 года Екатерина II рескриптом на имя иркутского и колыванского генерал-губернатора Селифонтова предписала послать в Японию русский корабль и доставить туда 15 потерпевших кораблекрушение японцев, чтобы, «пользуясь сим случаем, можно было приобрести обстоятельнейшие о Японии сведения

и способствовать распространению в том крае российской торговли» (Костромской государственный архив. Фонд Селифонтова. Японские дела).

Отвечая Екатерине, Селифонтов писал, что на снаряжение этой экспедиции надо ассигновать 29 976 рублей и дать экспедиции от Адмиралтейской коллегии искусных морского офицера и штурмана. Селифонтов настаивал на том, чтобы для переговоров с японцами был дан человек расторопный, знающий не только коммерческую, но и дипломатическую часть, ибо по прибытии русского корабля в Японию не исключена возможность столкновения с «равновыми и корыстолюбивыми» голландцами. На эту должность Селифонтов рекомендовал «первого класса голову от армии капитана и сибирских старинных татар Мурзу Сабанак Кульмаметова».

Однако эта экспедиция не состоялась.

Смерть Екатерины II и события в Европе на некоторое время отвлекли царское правительство от попыток заключить торговый договор с Японией. Эти попытки все же вскоре возобновились.

Уже в 1797 году иркутские купцы пытались учредить купеческую компанию на акциях для торговли с Японией. В 1799 году была учреждена Российско-Американская компания, участниками которой сделались в числе других Александр I и другие члены царской фамилии.

¹ Описание дел Архива Морского Министерства. Том IV, стр. 700, СПб. 1884 г.

Инициатива русских экспедиций в Японию почти целиком перешла в руки заправил Российско-Американской компании.

Посольство камергера И. П. Резанова в Японию в 1803—1805 годах на судах «Нева» и «Надежда» под общим начальством И. Ф. Крузенштерна было первым официальным посольством от царского правительства к японскому правительству. На кораблях находились японцы, доставленные из Сибири в Петербург, но не все: некоторые японцы не пожелали вернуться в Японию и предпочли остаться в Петербурге, несмотря на то что Александр I всячески уговаривал их вернуться на родину.

Посольство Резанова было неудачным. На его попытку заключить договор с Японией ему ответили отказом, а приехавших с ним японцев японские власти сначала отказались принять, но потом приняли и, едва русские корабли отплыли от берега, их заковали в цепи и посадили в тюрьму.

Несмотря на неудачу посольства Резанова Российско-Американская компания не оставляла мысли о торговле с Японией. 23 сентября 1809 года в Петропавловскую гавань, на Камчатке, совершив кругосветное плавание, прибыл из Кронштадта военный шлюп «Диана». Шлюпом командовал отважный моряк, лейтенант В. М. Головнин. Его помощником был офицер русской морской службы П. И. Рикорд. Головнин вместе с Рикордом занялся исследованием и описанием северной части Тихого океана. Кроме того он доставлял хлеб и припасы русским поселениям в Северной Америке.

Летом 1811 года шлюп отплыл к южным островам Курильской гряды и затем к японским островам. 11 июля 1811 года Головнин в сопровождении небольшого числа людей и без оружия, по приглашению японских властей высадился на японский остров Кунашири. Японцы вероломно захватили его в плен и вместе с его спутниками бросили в тюрьму. Головнин жил в плену около двух лет. Попытка побега из плена ему не удалась. Находясь в плену, Головнин вел записки о своей жизни у японцев. Эти записки явились для того времени ценнейшим по содержанию и достоверности трудом о Японии.

Только 1 октября 1813 года Головнину с помощью Рикорда удалось освободиться из японского плена.

Безрезультатно окончилось также плавание в Японию в 1842 году русского корабля «Князь Меншиков» под начальством Линденберга.

Режимом изоляции Японии от внешнего мира японские правители пытались искусственно задержать разложение феода-

лизма и рост капиталистических элементов в стране.

В середине XIX века США, Англия, Франция и Россия потребовали по инициативе США открытия японских портов для иностранной торговли.

Под этим нажимом Япония была вынуждена заключить договоры с этими странами, открыв для торговли с ними ряд портов. Революция Мейдзи в 1868 году смела сегунат и режим самонизации. Япония вступила на путь быстрого капиталистического развития.

4

Внешние обстоятельства играли царизму на руку при его попытках установить торговые и дипломатические связи с Японией.

Феодалный режим Токугава в XVIII веке был ослаблен. Некоторая часть японских феодалов и купцов сама шла навстречу русским попыткам связаться с Японией. Из летописи дома Мацумаэских даймио мы знаем, что в начале XIX века даймио Мацумаэ — Мицухиро — был обвинен в сношениях с русскими, в том, что снабжал их экспедиции провизией и т. д.

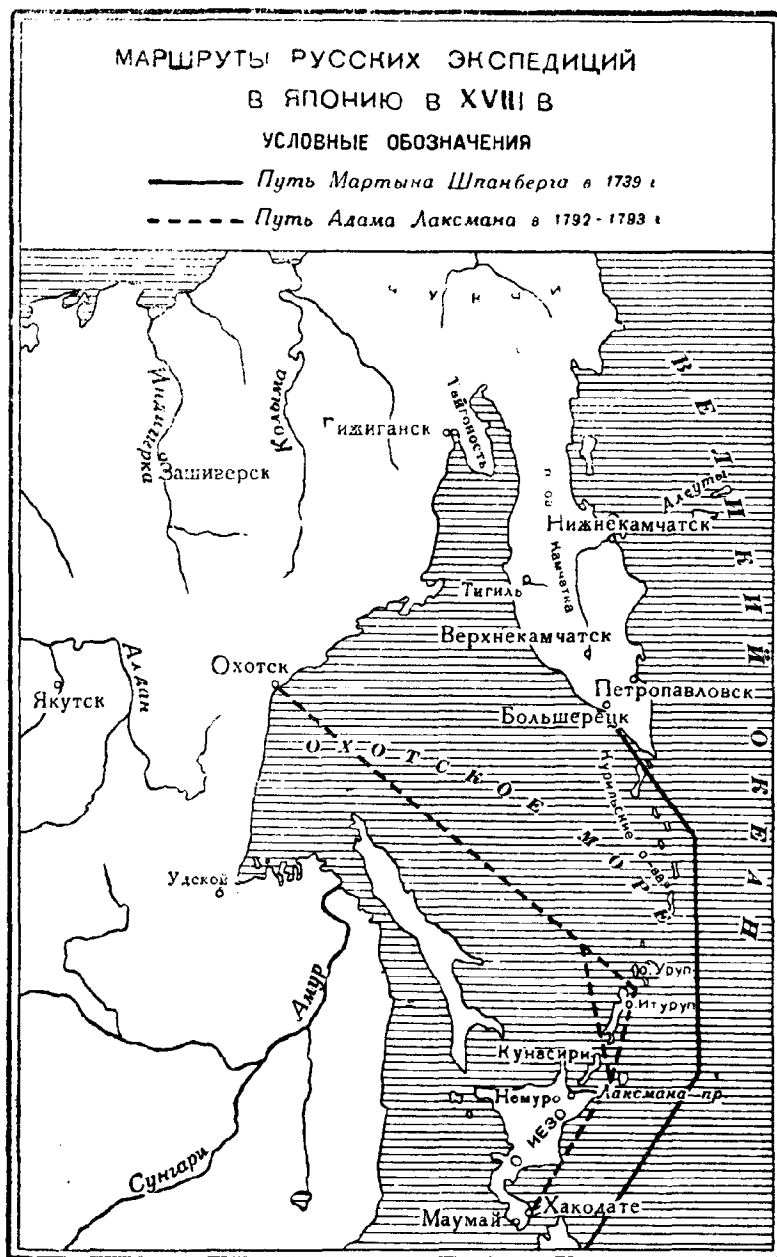
Один из японских историков, Окамота Кенсукэ, писал: «Что же касается политики в отношении к русским, то внешне она показывала стремление к исключению русских и замкнутости, но внутри она сводилась к ожиданию завязания с ними торговых сношений».

Нет оснований утверждать, что царская Россия в XVII—XVIII веках думала о завоевании Японии. Захватническая политика русского царизма в конце XVIII века была направлена главным образом к завоеваниям на Ближнем Востоке и в Европе.

«В общем и целом, — писал вожь коммунистической партии Японии Сен-Катаяма, — Россия вела мирную политику и добивалась открытия японских портов дипломатическим путем» (Сен-Катаяма «Современная Япония», стр. 16. «Плановое хозяйство», М. 1926).

Почему же не увенчались успехом первые попытки царского правительства установить связи с Японией?

Это объясняется прежде всего тем обстоятельством, что токугавское правительство, стремясь искусственно задержать развитие капитализма в Японии, грозившее смести режим Токугавы, опасалось сношений с иностранцами. Кроме того японские феодалы относились с подозрением к приобретениям царизма в Азии и с беспокойством наблюдали за ростом этих приобретений. Они собирали сведения о России, русские карты и пропагандировали идеи военного нападения на русские

Маршруты русских экспедиций в Японию в XVIII веке.

территории в Азии. Еще в 1786 году японский министр Мацудайра Саданабу выпустил книгу «Три страны», в которой ожесточенно нападал на Россию.

В начале XIX века, после неудачного посольства камергера Резанова в Японию, японские чиновники Харумото и Нарюки обратились к первому министру Японии с письмом, предлагая устроить военную экспедицию для нападения на русские берега. В правительственных кругах Японии уже тогда возник и обсуждался фантастический проект завоевания Сибири.

Безуспешность попыток России вступить в сношения с Японией объясняется также и тем, что «ревнивые и корыстолюбивые» голландцы, монополизировав всю внешнюю торговлю Японии и опасаясь конкуренции русских, всячески настраивали японцев против русских.

Все эти причины, вместе взятые, обусловили неудачу первых попыток царской России завязать торговые и дипломатические сношения с токугавской Японией. Только в середине XIX века Япония открыла свои порты для иностранных кораблей.

Военные поселения в России XIX века

1

Военные поселения в России существовали издавна. Еще в XVII веке восточные и южные границы Московского государства охранялись поселенными войсками, занимавшимися наряду с воинской службой земледелием. Неоднократно к созданию военных поселений для защиты окраин прибегали и в XVIII веке. Петр I, царицы Анна и Елизавета устраивали поселения на отдельных границах империи. С расширением границ такие поселения теряли свое значение и поселение сливались с местным населением.

Военные поселения XIX века ни в какой преемственной связи с ними не стоят. Они возникли в совершенно иной обстановке и предназначены были для решения совершенно других задач.

Причины, вызвавшие возникновение военных поселений в XIX веке, начали складываться еще в царствование Павла I. Налуганный восстанием Пугачева и французской революцией конца XVIII века, Павел I стремился усилить самодержавие путем милитаризации страны. Введением беспощадной военной дисциплины Павел I стремился обезопасить себя от революционных выступлений.

Он ввел в армии прусскую палочную систему, изгнал из нее все живое, инициативное, связанное с именем Суворова, и пытался подчинить таким же военным порядкам и жизнь всего гражданского населения.

Идея милитаризации гражданского населения, идея мелочной регламентации частной жизни, а главное, грандиозная система муштры в дальнейшем нашли свое отражение в военных поселениях.

Еще в 1778 году, в письме к Панину, Павел I предлагал ставить полки на «неподвижные квартиры» вместе с семьями. «Поставя полки вместе,— писал он,— всегда они будут под глазами своих начальников», а когда полки разбросаны, «то происходят разные прихоти и эксцессы» («Русская старина» за 1882 год, стр. 407).

За свое короткое царствование Павел не успел провести мероприятий по введению военных поселений. Это было частично осуществлено в царствование Александра I. Но Александр I, прикрывавший идею абсолютной власти монарха, выпячиваемую

Павлом I, обещаниями создать «представительные учреждения», сохранил суровые павловские порядки только в армии.

Было одно место в России, где в масштабе поместья было осуществлено то, к чему стремился Павел I в масштабе империи: это — Грузино, усадьба графа Аракчеева с ее чисто военными порядками.

Ко всему, что существовало во владениях Аракчеева, можно было применить два эпитета: единообразие и бесправие. Дома были выстроены по одному плану, вытянуты в одну линию, с одинаковыми интервалами и одинаково выкрашены в розовый цвет. Все крестьяне были одинаково одеты. Вся их жизнь была регламентирована до мельчайших деталей, вплоть до обязанности докладывать о каждом яйце, снесенном курицей. Без ведома Аракчеева никто ничего не мог предпринять. Даже в самые интимные стороны жизни вторгался солдатский сапог Аракчеева. Он составил «Краткие правила для матерей-крестьянок грузинской отчины» и «Правила о свадьбах». Аракчеев приказом составлял брачные пары. В случае несогласия намеченных жертв вступить в брак он накладывал краткую резолюцию «согласить»... и их «соглашали». Из бельведера графского дворца Аракчеев мог видеть в подзорную трубу все свои двадцать две деревни. «Там (в Грузине.— Н. Л.) невольно приходилось вспоминать о почившем отце (о Павле.— Н. Л.), а в лице владельца этого поместья видеть преданного слугу покойного» (Вел. князь Николай Михайлович «Александр I». Т. I. стр. 272).

Аракчеев как бы являлся живым мостом между царствованием Павла I и Александра I. Связь между этими двумя царствованиями явственным образом обнаружилась в 1810 году в организации военных поселений.

Идея военных поселений получила первое практическое разрешение в 1810 году, когда стала явственно обрисовываться неизбежность войны с Францией. Это требовало увеличения и без того значительно выросшей армии и изыскания средств на содержание ее. Военные расходы России и до этого были так непомерно велики, что привели страну к тяжелому финансовому положению.

Найти выход из создавшегося положения был призван министр Сперанский. Он предложил ввести жесточайшую экономию, пересмотреть бюджеты всех ведомств и установить контроль над государственным издержками. Но сокращение расходов по военному ведомству могло означать лишь сокращение армии, а этого Александр I допустить не мог. Следовательно, нужно было искать способы утешить содержание армии. Таким способом, по мнению Александра I, и была организация военных поселений.

Конечно, не случайно именно в это время Александр I посетил в первый раз Грузию (7 июля 1810 года). Он пришел в восторг от «обилия и устройства», которое нашел там, и возложил руководство военными поселениями на Аракчеева.

Практическая работа по созданию поселений была поручена генералу Лаврову. Александр I специально послал его в Грузию посмотреть на тамошнее устройство. «Чтоб не терять более времени, — писал Александр I Аракчееву, — я приказал Лаврову ехать к тебе в Грузию для личного с тобою переговоров... чертежи твои весьма мне понравились, и, мне кажется, лучше придумать мудрено. Лаврову покажи пожалуй — все твоё сельское устройство» (Вел. князь Николай Михайлович «Александр I». Т. IV, стр. 24).

Летом 1810 года Лавров занялся подысканием подходящей для поселения местности. В Бобылецком старостве, Климовецкого повета, Могилевской губернии, найден был участок земли, предоставленный особым договором в пользование казенных крестьян на три года. Договор было решено расторгнуть, крестьян переселить в Новороссийский край, а на их место поселить солдат.

9 ноября 1810 года на имя ген. Лаврова последовал указ, предлагающий приступить к организации поселений. Крестьяне в последнюю очередь узнали о свалившемся на них несчастье. Весь 1811 год они строились, обзаводились новыми домами и не подозревали о грядущей беде. Сообщили им об их судьбе всего за два месяца до переселения, в феврале 1812 года. 4 тысячи крестьян были переселены в Крым, причем условия переезда были таковы, что значительная часть их погибла в дороге.

В опустевшие крестьянские дома вселили запасный батальон Елецкого мушкетерского полка, составленный из знающих земледелие солдат. Их наделили землей, скотом, инвентарем и семенами. Солдат должен был сделаться земледельцем и сам прокармливать себя.

Война 1812 года прервала этот опыт. Уже в июле 1812 года батальонный батальон выгнали на фронт, а земля остав-

ленная в живых вернулась назад, то наши свое хозяйство расхищенным.

Война 1812—1813—1814 годов и связанная с нею разруха еще острее поставили вопрос о положении русской армии. Европа, в которой Александр I добился военной гегемонии, к этому времени создала армию нового типа. Ее двумя особенностями были массовость и подвижность. Предпосылки создания подобной армии заключались «...в социальной и политической эмансипации буржуазии и мелкого крестьянства. Буржуазия дает деньги, крестьяне ставят солдат; эмансипация обоих классов от феодальных и цеховых пут является необходимым условием для возникновения нынешних колоссальных армий...» (Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Т. I, стр. 23, 1937).

Совсем по иному принципу строилась армия в феодально-крепостнической России. Царская Россия выступала на международной арене как оплот реакции, и ее влияние на европейские дела зависело от военной мощи, основу которой составляла старая, крепостническая армия. Наличие колоссальной армии неотложным образом ставило вопрос о ее финансировании. В бюджете 1816 года военные расходы составляли 54,5% всего бюджета, а общая сумма расходов возросла в два раза по сравнению с 1810 годом. Армия поглощала все доходы и ставила под угрозу финансовое положение страны. Это заставило Александра I снова вернуться к своей идее организации военных поселений. Но осуществление этой идеи встречало теперь новые затруднения. За годы войны произошли серьезные изменения в армии. Соприкосновение с буржуазными странами Европы оказало огромное влияние на солдат. Они перестали считать себя слепым орудием в руках начальства. «Солдаты, возвратившиеся из-за границы, — докладывал В. Карзини Кочубею, — а никак не служившие в корпусе, во Франции находившиеся, возвратились с мыслями совсем новыми... Люди начали больше рассуждать. Судят, что трудно служить, что большаго взыскания, что они мало получают жалованья, что наказывают их строго и проч.» («История русской армии и флота», стр. 94).

Александр I, однако, был твердо убежден, что солдат не может рассуждать и если все-таки солдат заговорил, то произошло это лишь вследствие разлагающего влияния со стороны. «Народ наш плут или дурак», — презрительно отзывался царь о своих подданных. Единственным средством укрепления армии Александр I считал изоляцию ее от всех остальных слоев общества, проверку офицерства, уси-

ление до максимума муштровки. Осуществить это он рассчитывал опять-таки при помощи военных поселений.

Сразу же после войны 1812—1814 годов в армии снова началась жестокая муштра. Даже Константин, брат Александра I, заядлый «гаташник», вынужден был признать: «Я более двадцати лет служу и могу правду сказать, даже во время покойного Государя был из первых офицеров во фронте; а ныне так перемудрили, что и не найдешься... Да я таких теперь мыслей о гвардии... что вели гвардии стать на руки ногами вверх, а голову вниз и маршировать, так промаршируют» (И. Е. Паничин «Тактическая подготовка русской армии перед походом 1828—1829 гг.», стр. 2, 3).

Рост революционных настроений среди крестьянства, вызванный войной 1812 года, также наталкивал Александра I на путь устранения всех бед путем военных поселений.

Милитаризация крестьянства, введение военных порядков в деревне должны были, по мнению Александра I, обеспечить полный порядок в стране. К выполнению своего плана Александр I приступил осенью 1816 года.

На деле военные поселения, в которых Александр I видел спасение от всех бед, поглощали огромные средства и оказались в результате убыточными.

2

В «Уложениях о военных поселениях» изложены принципы организации военных поселений. Для поселяемого полка отводился участок земли, населенный государственными крестьянами. Если в него входили помещичьи земли, то они либо выкупались у помещиков вместе с крестьянами либо обменивались на другие, находившиеся вне района военных поселений. Этот участок получал название округа поселяемого полка. Казенные крестьяне, проживавшие в округе, обращались в военных поселен.

Поселенный полк делился на две части: 1) действующую, состоящую из двух батальонов, и 2) поселенную, состоящую из одного батальона. Кроме того имелся резервный батальон.

Поселенные батальоны комплектовались из солдат действующей части «беспорочного поведения», преимущественно жеманых и обязательно в прошлом земледельцев, из наиболее состоятельных крестьян, в возрасте от 18 до 45 лет. Включенным в поселенный батальон присваивалось звание хозяев-поселян. Они и составляли основную часть поселений. Хозяева-поселяне должны были содержать и солдат

двух действующих батальонов и их семьи. На каждого хозяина приходилось по два солдата действующих частей, которые назывались постояльцами. Казна должна была выплачивать некоторый провизант постояльцам, с передачей его в руки хозяев. Постояльцы обязаны были в свободное от военной службы время помогать хозяевам, а солдатские семьи находились в полной зависимости от последних. Хозяева-поселяне обязаны были также поставлять фураж.

Хозяева-поселяне имели свое хозяйство: землю, скот, инвентарь. Поступающих в хозяева из солдат всем этим снабжала казна. Поселенной части была обеспечена полная оседлость, и она никогда не выступала в поход. Хозяева-поселяне, кроме земледелия, должны были заниматься и фронтовой службой: три дня в неделю отводились военным занятиям и три дня — земледельческим работам.

Та часть коренных жителей, которая по бедности не вошла в поселенный батальон, распределялась в действующие части и в нестроевые или же использовалась на казенных работах.

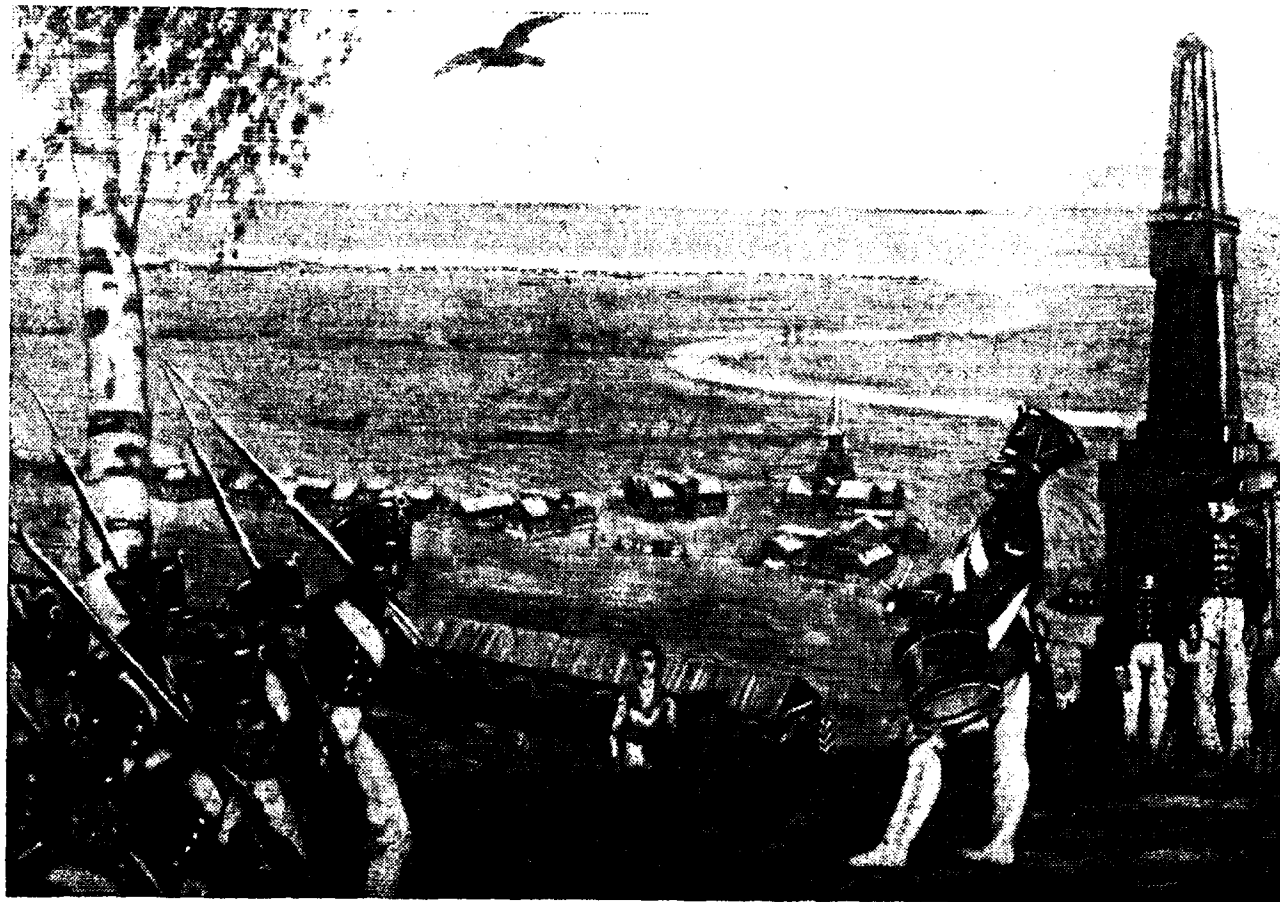
Дети всех военных поселен считались кантонистами. Кантонисты делились на три возраста: 1) малый — до 7 лет, 2) средний — от 7 до 12 лет и 3) большой — от 12 до 18 лет. Кантонисты старшего возраста зачислялись в резервный батальон и обучались военному делу, но жили с родителями и обязаны были помогать им в работе.

Таковы в самых общих чертах принципы организации военных поселений. Но в действительности жизнь в военных поселениях строилась совсем не по этим принципам.

Началось поселение в августе 1816 года с батальона гренадерского графа Аракчеева полка в Выгонской волости, Новгородской губернии. Были намечены два района поселений: Новгородская и Могилевская губернии — для поселения пехотных полков — и южные губернии (Харьковская, Херсонская, Екатеринославская) — для поселения кавалерии.

Уже к концу 1818 года имелись военные поселения в следующих местах: 6 полков 1-й гренадерской дивизии в Новгородской губернии, полки 2-й пехотной дивизии в Могилевской губ., 3-я уланская дивизия в Харьковской губ., уланская Бугская дивизия в Херсонской губ. и одна артиллерийская рота при Охтенском пороховом заводе.

В 1821 и 1824 годах количество поселений было увеличено, и к концу царствования Александра I в военных поселениях состояло: в новгородском поселении — 90 батальонов, в могилевском —

В военном поселении.

С гравюры М. В. Добужинского. Музей революции СССР.

12 батальонов, в слободско-украинском — 36 батальонов и 240 эскадронов, 32 фуражарских роты, 2 саперных роты и 3 роты Охтенского порохового завода.

На 1 января 1826 года в округах военных поселений находилось всех нижних чинов, считая и войска, назначенные для работ, 156 043, кантонистов — 154 062. Число всех находившихся под командованием гр. Аракчеева доходило до 748 519 человек (Отчет за 1825 год Николаю I. Приводится по книге П. П. Евстафьева «Восстание новгородских военных поселений», М. 1934).

Военные поселения представляли собою крупную организацию, охватывавшую сотни тысяч людей. Александр I твердо намеревался поселить всю армию, и Аракчевым была составлена специальная карта поселения для всей армии.

Вплоть до 1831 года Николай I продолжал расширять военные поселения. Только грандиозное восстание новгородских поселенцев, грозившее перерасти во всероссийскую крестьянскую войну, заставило Николая I отменить военные поселения.

Уже из беглого изложения общих принципов организации поселений можно было заметить, что огромную роль в этом мероприятии играло обращение крестьян в военных поселенцев.

Обращению подлежали только государ-

ственные крестьяне, которые являлись наиболее свободной частью крестьянства России. Они были лично свободны и только вносили в казну определенный оброк и подати. Таким образом, у них были некоторые стимулы к развитию своего хозяйства. Превращение же в военных поселенцев означало жесточайшую военно-крепостническую кабалу, почти рабство, по сравнению с которым даже положение помещичьих крестьян казалось завидным.

Как уже выше указывалось, наиболее зажиточную часть крестьян обращали в хозяев-поселенцев. Так как часть солдат из действительной армии также делали хозяевами-поселенцами, то число хозяйств резко увеличилось, что привело к уменьшению земельной нормы. «Для прокормления одного тягла во всех степных местах, следовательно плодороднейших, определяется по меньшей мере по 6 десятин одной пахотной земли и по 3 десятины лугов. В поселениях же Новгородской губернии для прокормления семейства и 2 постояльцев назначается только 4,5 десятины пахотной земли и 1,5 десятины лугов и паств», — сообщается в записке к Николаю I («Столетие военного министерства», т. IV, книга I, приложение № 15, стр. 57).

Положение осложнялось еще тем, что число постояльцев только в редких случа-

ях было законным, т. е. 2 человека, обычно же оно значительно превышало норму и доходило до 9 человек.

Очень скоро после создания поселений хозяевам-поселянам прекратили выдачу солдатского жалования и провианта за постояльцев. Аракчеев поставил перед командирами округов задачу — «пещись об ускорении перехода продовольствия в своем округе на обязанности военных поселян». Дляощрения он ввел сложную премиальную систему, стимулировавшую деятельность командного состава в этом направлении.

Офицеры, стремясь заслужить премии, приступили со всем пылом к осуществлению этого мероприятия. Образчиком такой предприимчивости может служить начальник старорусских поселений ген. Маевский. Стремясь доказать, что поселянам очень выгодно держать постояльцев, Маевский писал в своем приказе: «А если взять в пример пословицу, оправданную временем и опытом, что при трех всегда бывает сыт четвертый, то из сего самого очевидно уже открывается существенная польза всякого хозяина, усыновляющего таким образом нового члена в своем семействе» («Новгородский сборник». Вып. IV, стр. 239. Новгород. 1866).

Но это было отнюдь не единственной формой эксплуатации хозяев-поселян. Существовали еще десятки других способов грабежа.

Очень часто хозяина-поселянина отрывали для казенных работ. При этом он получал в день 10 коп., в то время как обычная дневная плата батрака составляла 50—60 коп., а иногда доходила до рубля.

Некоторые работы их заставляли выполнять бесплатно. Именно отказ поселян косить казенное сено в страдную пору (а его надо было выкосить 103 тысячи пудов) и послужил поводом к известному чугуевскому восстанию 1819 года.

Ведение собственного хозяйства крайне осложнялось тем, что сплошь да рядом покосы находились за 40—50 верст, да и выгоны подчас бывали за 10—12 верст. Поселянам систематически не хватало сена, и скот падал от голода. В 1824 году поселяне старорусских округов вынуждены были прикупить за свой счет громадное количество сена — 1 169 672 пуда.

Кажется, не было ни одного мероприятия в военных поселениях, которое не было бы направлено на ограбление поселян. Так например существовало положение:

«Для поддержания военных поселян-хозяев в непредвиденных денежных по хозяйству нуждах учреждается в поселенном батальоне денежный заемный капитал...»

Он образовывался «вычетом у каждого военного поселянина-хозяина при выдаче жалования по 1 рублю в треть» («Учреждения о военных поселениях». Ч. 1-я, § 157).

Под таким благовидным предлогом происходило принудительное удержание весьма значительной суммы денег из жалования поселян. Получить же ссуду поселянин почти никогда не мог, ибо комитет, ведавший выдачей ссуд, нес личную ответственность за деньги и в случае невозвращения их обязан был возмещать убытки из личных средств. Разумеется, охотников рисковать своим карманом не находилось.

Фактически этим заемным капиталом начальство распоряжалось полностью.

Такой же грабительский характер носило учреждение запасных хлебных магазинов. Фонды этих магазинов составлялись из одновременных сборов после урожая. Вскоре этот же хлеб поселяне брали взаимы с обязательством возратить в двойном и тройном размере.

Существовала кроме того система денежных штрафов за нарушение правил; а так как вся жизнь была мелочно регламентирована, то избежать их не было никакой возможности.

Вообще изобретательность Аракчеева по части выкачивания денег из поселян была неисчислима. Так, он обязал всех поселян ходить каждую субботу в ротную баню, за что взималось 4 коп. с человека. На семью это составляло большую сумму.

Все эти поборы в три—четыре раза превышали сумму взимаемых раньше податей.

С особой силой крепостническая сущность военных поселений сказывалась в том, что с переходом крестьянина на положение поселянина он не владел больше своим хозяйством. В любую минуту его могли лишить всего.

«Дурные и нерадивые хозяева лишаются дома, земли, всех выгод от казны в поселении им представленных и выписываются из военных поселян-хозяев в действующие батальоны», — сказано в «Учреждении о военных поселениях» (Ч. I, § 87).

Поселянин держал хозяйство от казны и за это отбывал барщину (казенные и общественные работы), вносил оброк (заемный капитал, штрафы, взъяскания), платил натурой (содержание постояльцев, поставка дров, кирпичи) и выплачивал, наконец, налог крови (его дети комплектовали поселенный полк).

В отличие от помещичьего крестьянина поселянин вместо одного вида повинности отбывал все три. При всем этом он был

еще солдатом, совершенно лишенным личной свободы.

Так как у мужчин большую часть времени отнимала военная служба, то вся тяжесть ведения хозяйства пала на женщин. Их жизнь была также строго регламентирована. Ни одна из них не имела права без разрешения ротного комитета продавать что-нибудь из своей собственности: ни кур, ни яиц, ни масла, ни шерсти.

Вообще Аракчеев был виртуозом в области регламентации. Не только жизнь людей, но и поведение скота было строго расписано. «Солдату и корове написан одинаковой точности маршрут ежедневных переходов... с коровой обращались как с ружьем», — вспоминает ген. Маевский.

В учебнике по истории СССР рассказывается о военной регламентации жизни поселян:

«Дважды в день унтер-офицер обходил жилища, следя за чистотой и порядком и подвергая жестоким наказаниям нарушителей их. Полевые работы совершались под командой капрала. Вставать, идти на поле работать, обедать, ложиться спать — поселяне все делали по военным сигналам и барабанному бою. Все крестьянки в одно время должны были топить печи; ночью строго запрещалось зажигать свет... За малейшее ослушание поселенцы, их жены и дети подвергались жестоким телесным наказаниям» («Россия в XIX веке», стр. 118. Т. II. Под редакцией проф. М. В. Печкиной).

Такое было положение основной части крестьянства, обращенного в военных поселян. Не лучше было положение и другой части — солдат резервных, действовавших и рабочих батальонов.

Как уже выше говорилось, немущая часть крестьянства, находящаяся в строевой службе, использовалась на казенных работах.

В округах военных поселений шла огромная строительная работа: вырубали леса, осушали болота, ломали камень, делали кирпич, строили крестьянские избы и строили эцкернграузы, цейхгаузы, штабные дома, церкви, лазареты, магазины, конюшни. Такой размах строительства потребовал бы громадного напряжения казны, но Аракчеев нашел легкий выход, применив дешовый солдатский труд.

Полуденная плата солдату в день была 25 копеек, в то время, как полуденная плата у помещиков и других частных лиц колебалась от 60 копеек до 1 рубля.

Та же система обчетов и злоупотреблений, которая применялась к хозяевам-поселянам, полностью процветала и здесь.

Бытовая сторона жизни солдат действующих частей была еще более тяжелой

чем у других поселян. Жили они по 8 человек в одной комнатухе, и если кто-нибудь из них женился, то его семья селилась тут же, в этой же общей тесной камерке. Питались они очень плохо, так как получали харчи от обнищавших поселян, которые «без соли бывают часто дней по 10-ти. Пища варится у поселян — или с капустою, забеленные молоком, или постным маслом; с мясом же никогда...» («Граф Аракчеев и военные поселения», стр. 205. С.-Петербург. 1871).

Исчерпывающую характеристику положения солдата дает уже цитированный автор «Взгляда на военные поселения»:

«Здесь невозможно опять воздержаться, Всемилостивейший Государь, от вопроса: в чем же состоит благодеяние обещанное ему, может быть, раненному воину? Он живет в казарме, в которой требуется от него непомерная чистота, он жилища не знает, он не имеет никакой собственности, он несет все бремя строевой службы и сверх того направляет другие тяжкие работы, как то: роет каналы, возит камень, расчищает поля, делает дороги, помогает хозяину в полевых работах и если пользуется хорошою пищею, то не иначе как с пожертвованьем части получаемого им жалованья. Вот Государь, положение действующего солдата!» («Столетие военного министерства». Ч. IV. Кн. I. Приложение № 15, стр. 58).

Под строгим надзором протекала и жизнь офицеров. Их всячески стремились изолировать, оградить от всякого влияния извне.

Какое громадное значение придавал этому Александр I, видно из его письма к Аракчееву, полученного последним 4 марта 1824 года. Александр I пишет: «Обращая бдительное внимание на все, что относится до наших военных поселений, глаза мои ныне прилежно просматривают записки о проезжающих. Все выезжающие в Старую Руссу делаются мне замечательны. 2-го марта отправились в Старую Руссу отставной ген.-майор Веригин, 47 Егерского полка полковник Аракчеев. Может-быть, они поскакали и по своим делам, но в нынешнем веке осторожность не бесполезна» (Вел. князь Николай Михайлович «Александр I». Т. II, стр. 645). Письмо кончается строгим наказом: «Вообще прикажи Морквинкову и военному начальству обращать бдительное и обдуманное внимание на приезжающих из Петербурга в ваш край». Так сам царь осуществлял личный контроль над своим любимым детищем.

Все хоть сколько-нибудь прогрессивные элементы внутри самой армии немедленно «пыжмались». Даже просто образованные

Муштровка солдат в военном поселении.

С картины А. В. Моравова.

и культурные люди, питавшие интерес к общественным вопросам, не допускались в офицерский состав военных поселений. Ставка делалась на грубых, невежественных «фрунтовики» — настоящих гатчинцев.

«В жизни поселенного офицера, — пишет очевидец, — не было темных или светлых сторон: была одна, если так можно выразиться, сторона бесцветная, гнетущий тяжкий рутинизм, заедавший всякую человеческую способность, — решительное отступление всякой разумной мысли и слова. В быту наших офицеров умственной жизни, высших потребностей и тому подобного существовать почти не могло... книги считались роскошью невозможной» (Крымов «Воспоминания офицеров Новгородского поселения», стр. 443. 1862).

Анализ положения солдат и крестьян в военных поселениях полностью подтверждает вывод о том, что поселение было дальнейшим закрепощением крестьян.

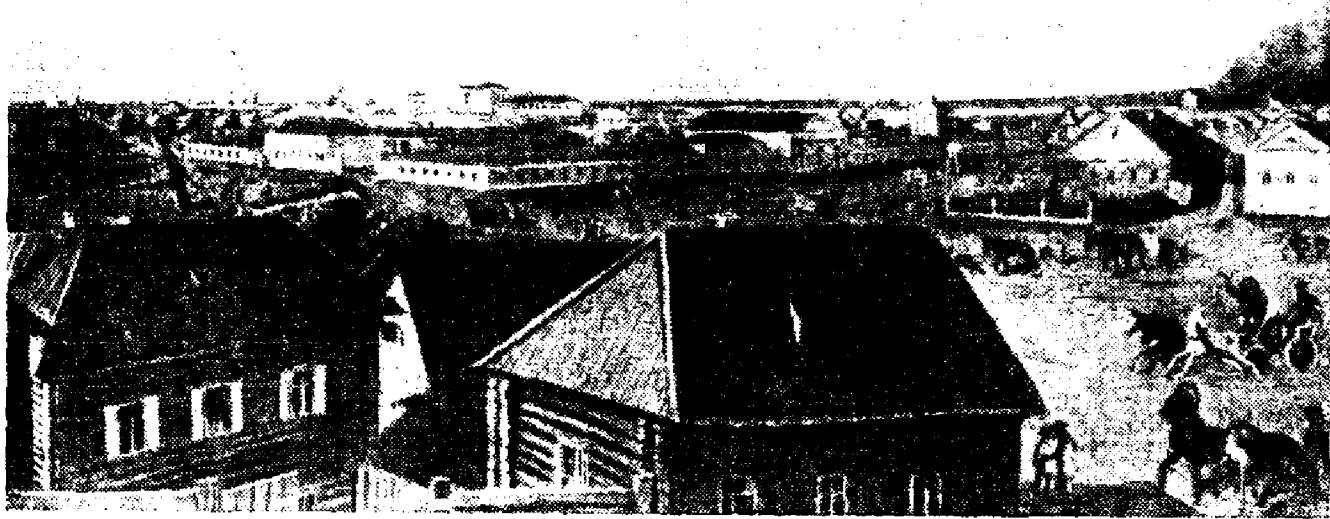
Большинство исследователей признавало, что военные поселения были грубейшей формой крепостничества. Но из этого положения они не делали того логически неизбежного вывода, что военные поселения были попыткой решения крестьянского вопроса в целом, для всей России. Решением крестьянского вопроса это было

не только потому, что для поселения всей армии, к чему стремился Александр I, нужно было обратить в поселки 75% всех казенных крестьян. Это важный, но не решающий фактор. Основное заключалось в том, что существование военных поселений возможно лишь при наличии крепостного права в остальной части России. Значит, Александр I, воля поселения, стремился укрепить и усилить крепостное право.

В «Учреждении о военных поселениях» предписание совмещать занятие земледелием с военной службой мотивируется ссылкой на помещичьих крестьян, «обязанных господскою работою в отношении к своему помещику». Здесь с полной наглядностью обнажается связь между поселением и наличием крепостного права.

Известно, что и после 1816 года, т. е. после начала массового внедрения поселений, Александр I делал вид, что интересуется проектами освобождения крестьян. Более того, в 1818 году он приказал Аракчееву составить проект освобождения крепостных. В действительности же за все время деятельности Александра I нельзя указать ни одного реального мероприятия, направленного хотя бы на ограничение крепостного права.

Александр I учитывал неоднородность дворянства, учитывал силу его прогрес-

Чугуевские военные поселения. XIX век.

Музей революции СССР.

сивной части, силу общественного мнения внутри страны и за границей, вот почему он творил свое черное, крепостническое дело под прикрытием либеральных речей.

Общей ошибкой всех исследователей царствования Александра I и его времени было утверждение, что военные поселения были личным делом Александра I и Аракчеева. Но самая идея военных поселений не вызвала возражений со стороны реакционной части дворянства, и, не будь угрозы революционного взрыва, она приветствовалась бы ею; помещики, однако, слишком хорошо знали, какой колоссальный запас революционной энергии аккумулярован в крестьянах, и потому боялись давать им в руки оружие. Помещики не были твердо уверены в силе и могуществе солдатской муштры и в этом расходились с императором, считавшим, что крестьянин, превращенный в солдата и изолированный от «либералистов», бунтовать не может.

Можно привести сотни высказываний, подтверждающих, что лишь боязнь восстания вооруженных крестьян настраивала эту часть дворянства против военных поселений. Ярко выразил эту мысль Вигель: «Чего не могут сделать полтора миллиона людей, недовольных, измученных, выведенных из терпения с оружием в руках!» (Вигель «Записки». Ч. II, стр. 119).

«В порядке вещей, — пишет Лонгинов, секретарь императрицы, — что рано или поздно России не избежать революции... Пожар начнется у нас с этих пресловутых поселений» («Русский архив 1912 года». Кн. 7-я, стр. 367).

Иначе относилась к военным поселени-

ям прогрессивная часть дворянства и, в первую голову, декабристы.

С величайшим гневом обрушился Пестель на введение этого мероприятия: «Одна мысль о военных поселениях, прежним правительством заводимых, наполняет каждую благомыслящую душу терзанием и ужасом. Сколько пало невинных жертв для пресыщения того неслыханного зловластия, которое с яростью мучило несчастные селения, для сего заведения отдаленных... Никакое правительство не может никакого права иметь отделять от общей массы народа часть оного с тем, чтобы на сию часть возложить, за исключением остальных, самую тягочайшую и жесточайшую повинность, каковая есть военная. Как можно до такой степени все чувства справедливости и совести отвергнуть, чтобы навечно некоторые семейства назначить для войны, со всеми их детьми, внуками и вообще потомством... Разве военные поселения не такие же чувства имеют, разве они не такие же граждане нашего отечества, разве они не те же права имеют на благоденствия, как и другие россияне, разве прочие россияне не те же имеют обязанности к отечеству, как и они, и разве защита отечества не есть священная обязанность для всех и каждого» (П. И. Пестель «Русская правда». Гл. III, § 9).

Декабристы поняли крепостническую сущность поселений, и борьба против поселений была борьбой с ненавистным крепостным правом. Больше того: они даже делали ставку на поселян в своих революционных замыслах. Об этом говорится во «Взгляде на военные поселения»: «И не видели ли мы в прошедшем бунте, что намерение мятежников было, в случае неудачи, отступить в поселение».

Но лучше всех поняли сущность военных поселений сами жертвы этого грандиозного эксперимента. Крестьяне уловили связь поселений с крепостной неволей. Это янее всего вывдилось в их ожесточенной борьбе против военных поселений.

Стоит почитать письма Аракчеева в те дни, когда он насаждал военные поселения, чтобы почувствовать, каким страхом он был об'ят, ожидая восстания крестьян. При создании старорусских поселений Аракчеев 3 ночи спал не раздеваясь, готовясь ежеминутно усекаать от расправы. Крестьяне Высоцкой волости, назначенной первой к поселению, ответили поджогом собственной деревни Аракчеева, считывая таким путем избавиться от солдатчины. Чтобы обратить в поселение деревню Ясенево (в 13 верстах от Новгорода), пришлось вызвать из столицы лейб-гвардейский Семеновский полк, который 6 недель блокировал селение. «Крестьяне, отесненные к последней пзбе, измученные голодом и холодом,— покорились» («Граф Аракчеев и военные поселения», стр. 3).

Поход Семшовского полка был в насмешку назван «ясеновской кампанией».

Крестьяне Холынской волости отказались подчиниться указу о переходе в поселение. Многие из них тут же, на сходе, где оглашался указ, были окружены войсками и загнаны во двор. Там крестьяне 12 дней без пищи и воды сопротивлялись всем предложениям о сдаче и, лишь обесиленные голодом, сдались.

Особенно остро протекала борьба против поселений на юге, где существовала традиция вольности и особых прав казачества. Сильные волнения имели место в 1817 году при переводе бугского казачьего войска на поселение. Казаки отказывались подчиниться указу о переходе. Среди них упорно держался слух о существовании какой-то грамоты Екатерины II, по которой бугское казачество не подлежит преобразованиям. Движение возглавил капитан Бравинский, взявшийся отыскать «пропавшую грамоту». Его помощниками были казаки Бибиченко и Германенко. На подавление сопротивления было брошено 3 полка с 4 конными орудиями. Казаков приводили к присяге под дулами заряженных пушек с зажженными фитилями.

Александра I ничто не могло остановить от осуществления его плана. «Военные поселения будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупамн дорогу от Петербурга до Чудова» (расстояние больше чем в 100 километров.— П. Л.),— заявил император.

Восстания не прекращались и в последующие годы. Наиболее крупными из них

были восстания 1819 и 1831 годов. Первое из них вспыхнуло в округах Чугуевского и Таганрогского уланских полков. Поселяне Чугуевского полка отказались в горячую, страшную пору идти косить казенное сено. К восставшим примкнули и поселенные уланы. Волнение быстро перекинулось в округ Таганрогского полка. Со всех сторон в Чугуев на помощь восставшим стремились поселяне. Восстание принимало все более угрожающий характер.

Из Петербурга спешно выехал Аракчеев. Но к его приезду ген. Лисапевич уже подавил восстание. Он арестовал 1104 человека из Чугуевского полка и 899 — из Таганрогского. Военным судом 275 человек были приговорены «к лишению живота». Лицемер Аракчеев отменил приговор суда, заменив смертную казнь шпицрутенами: «каждого через тысячу человек по двенадцати раз». Это был жесточайший вид расправы, ибо почти никто не мог вынести такой экзекуции.

Осужденным об'явили, что те из них, кто из'явит раскаяние и попросит о помиловании, будут прощены. Но царские сатрапы ошиблись в своих расчетах. Осужденные проявили исключительный героизм, и почти все решительно отказались от помилования. Большая часть подвергнутых экзекуции умерла под ударами шпицрутенов.

Самым значительным по размаху и значению было восстание новгородских военных поселян летом 1831 года.

С самого начала это восстание носит официальное название «холерного бунта». Этим пытались скрыть классовый характер борьбы военных поселян, выдать ее за проявление варварства и невежества. Но холера послужила лишь поводом, а подлинные причины «бунта» заключались в военном, экономическом и моральном гнете, которому подвергались поселяне.

Восстание началось 11 июля 1831 года в Старой Руссе. Мастеровые 10-го военно-рабочего батальона избили своих офицеров, заявив, что те хотят их отравить, и бросились в город. К ним присоединились городские мещане и купечество. Последнее, впрочем, вскоре покинуло восставших, испугавшись масштабов движения.

Восставшие сделались хозяевами города. Мастеровые отправились в уезд поминать помещичьих крестьян. Вскоре восстание охватило все округа поселений (за исключением одного) и перешло за их пределы. «Набат гремел по селениям. Бунт поселенцев охватил все пространство от Новгорода до Холма и Демянска и готов был перебраться в Тверскую губернию».

Восстание бушевало на территории в 200 верст.

Бунт в Новгородских военных поселениях. XIX век.

Музей революции СССР.

Военные поселения стремились уничтожить не только поселения, но и помещиков. Они отчетливо понимали причины восстания. Подполковник Панаев, участник усмирения восстания, обратился к одному поселянину с просьбой растолковать восставшим, что холеру вызывают не лекарства. На это поселянин ответил ему: «Что тут говорить! для дураков яд, да холера; а нам надобно, чтоб вашего дворянского козьяго племени не было» («Бунт военных поселений в 1831 году», стр. 121). По существу, это было не солдатское восстание, а восстание крестьян против дворян.

Восстание привело в трепет начальство и самого Николая I. Начальник поселенного корпуса ген. Эйлер был в панике. Солдаты отказывались повиноваться начальству и выдавали своих офицеров поселянам. Когда толпа восставших поселян выступила в Старую Руссу, солдаты не оказали им сопротивления и выдали своих офицеров.

Восстание подавили с помощью обмана. Николай I срочно выпустил манифест к восставшим, гарантируя им прощение в случае чистосердечного раскаяния. Он даже сам выехал в район восстания. В то же время из Петербурга выступили войска под командованием ген. Самсонова и обманным путем, под предлогом высочайшего смотра, были выведены из округа поселений все резервные роты в Гатчино.

К концу июля подоспели войска Самсонова и началась расправа. Суду было предано около 5 тысяч человек. Все они были жестоко наказаны.

Именно это восстание было причиной отмены военных поселений. Сразу же после новгородского восстания, в том же, 1831 году Новгородские и Могилевские военные поселения были реорганизованы в округа пехотных солдат, в которых войска стояли на постое на общих основаниях. Начиная с этого момента военные поселения стали играть второстепенную роль.

Н. Кузин,

учитель средней школы имени
С. Т. Шацкого, Угодско-Заводского
района, Московской области

Использование местного исторического материала для укрепления исторических знаний

Наша школа (Угодско-Заводской район, Московской области) расположена вблизи района решающих боев русской армии с французскими интервентами, отступавшими от Москвы в 1812 году. В нашей местности сохранилось немало памятников «грозы двенадцатого года», которые можно использовать, работая над темой «Война 1812 года».

Краеведческий материал является прекрасным вспомогательным средством в школьной работе, однако его следует привлекать только после того, как достаточно основательно разобран и закреплён в сознании учащихся общий ход исторических событий данного периода. В противном случае местный материал может заслонить общий ход развития исторических событий и тем самым искажить историческую перспективу. Поэтому мы особенно тщательно изучили общий ход войны 1812 года и особое внимание уделили:

1) разбору фактов, свидетельствующих о высоком патриотическом подъёме народа, отстаивавшего свою родную землю от наполеоновских захватчиков, и

2) военным операциям против Наполеона под руководством талантливого ученика генерала Суворова — фельдмаршала Кутузова.

По карте хорошо известной учащимся местности мы разбираем знаменитый фланговый марш Кутузова от Москвы к Тарутину, рассматриваем расположение русской армии под Тарутиным. Преподаватель описывает укрепления, которые были там возведены для того, чтобы выдержать большой бой с французами, указывает на значение тарутинского лагеря, где Кутузов привёл в боевой порядок русскую армию после тяжелого Бородинского боя и искусного отступления через Москву.

Передовой отряд французов под командованием Мюрата разбил свой лагерь на берегу рек Нары и Чериниши. Весьма интересно сравнить жизнь лагерей: русская

армия все время пополнялась свежими силами, население оказывало своей армии всемерную поддержку и людьми и продовольствием; французы же были лишены возможности наладить свое питание и, мародерствуя в окружающих деревнях, нередко попадали на вилы и под дубины крестьян-партизан.

Далее преподаватель рассказывает учащимся о бое под Тарутиным 18 октября 1812 года, в котором русская армия нанесла серьёзный удар авангарду армии Наполеона. Победоносное сражение русской армии под Тарутиным — первое чисто наступательное действие русских — подняло патриотический дух русской армии.

Кутузову не пришлось давать генерального сражения Наполеону под Тарутиным. Он получил известие о том, что в ночь на 19 октября Наполеон с главными силами оставил Москву и движется на Калугу. Возмущённый этим известием, Кутузов воскликнул: «С сей минуты Россия спасена!» Он отчетливо понимал, что наполеоновские полчища ждёт теперь гибель. Путь Наполеона лежал через Нарю — Боровск — Малоярославец. Стратегическая задача для Кутузова заключалась в том, чтобы не дать Наполеону пробиться в ещё не разоренный войною район страны и заставить его отступать по старой Смоленской дороге, по которой интервенты пришли в Россию. Эту задачу и решил бой под Малоярославцем 23 октября 1812 года, после которого началось отступление «великой армии», вскоре превратившееся в беспорядочное бегство.

Описывая сражение при Малоярославце, преподаватель устанавливает по карте дислокацию войск обеих армий и определяет стратегическое значение Малоярославца. Городское население вместе с отрядом русской армии под командованием Дехтурова героически обороняло город. Одни из жителей города неожиданно для французов открыли мельничную плотину, благодаря

чему небольшая река Лужа наполнилась водой, и форсирование ее французами было затруднено; другой житель сжег мост через реку на виду у наступающих частей противника. Мост этот был единственной переправой через реку.

Бой под Малоярославцем отличался крайним ожесточением. Геройство русских поражало французов. Город 8 раз переходил из рук в руки. Он нылал со всех сторон. В огне погибло множество людей. После сражения город представлял собою груды дымящихся развалин. Из 240 домов, бывших в городе до сражения, уцелело лишь 40.

При описании битвы под Малоярославцем преподаватель обращает внимание учащихся на мудрую стратегию Кутузова, который знал, что враг обречен на гибель, и не хотел зря проливать кровь героических русских солдат. Поэтому он избегал больших сражений и, в частности, под Малоярославцем не вводил в бой главные силы и даже отступил от города на 2½ версты к югу, заслонив Наполеону дорогу на Медынь и Калугу.

С другой стороны, Наполеон также не решился на генеральное сражение под Малоярославцем. Решение Наполеона об отступлении было принято, в частности, в силу доводов маршала Бессьера, утверждавшего, что атаковать Кутузова на его новой позиции невозможно. Бессьер заявил на военном совете, созванном Наполеоном в деревне Городне, под Малоярославцем: «Разве мы не видели вчерашнего поля битвы, разве не заметили, с какой яростью русские рекруты, еле вооруженные, едва одетые, шли там на смерть!» И «в первый раз за эту кровавую русскую кампанию он (Наполеон. — Ш. К.) повернулся спиной к русской армии, решил перейти из позиции преследующего в позицию преследуемого» (Е. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», стр. 228).

Трудность положения Наполеона под Малоярославцем учитель иллюстрирует следующим рассказом.

На другой день после битвы Наполеон поехал со свитой к Малоярославцу. Неожиданно на них напал отряд казаков атамана Платова. Казаки не знали, что имеют дело с Наполеоном и его маршалами. Если бы не подоспели на выручку французские кавалеристы, стычка могла бы окончиться для Наполеона смертью или пленом.

Отступавшая французская армия все разоряла на своем пути. Города Боровск и Воря были разграблены и сожжены. Зверства интервентов еще больше разжигали пламя народной партизанской войны. Преподаватель рассказывает учащимся об организации местного населения для борьбы с французами. Повсюду в нашей местности

крестьяне вооружались, и во всех деревнях устанавливались сторожевые посты — пикеты. При появлении врагов сторожевые посты звонили в набат, и собравшиеся по звону набатного колокола крестьяне отважно вступали в борьбу с небольшими отрядами французской армии. Учитель разбирает с ребятами ряд документов, свидетельствующих о героической борьбе крестьян-партизан в нашей местности. Женщины не отставали от мужчин в борьбе с ненавистным врагом. Они не только несли сторожевую службу, были проводниками, но и подобно знаменитой старостихе Василисе вступали в сражения с небольшими отрядами французских войск.

Документы рассказывают о борьбе крестьян с французами еще до отступления последних из Москвы. Приведем два из них. Донесение «о взятии в плен неприятельских партий отрядом ополчения». Рапорт от 29 августа 1812 года калужскому гражданскому губернатору от кордонного начальника Суходольского:

«С 26 по 28 августа произошло следующее: 26 числа с кордонов дано мне знать, что шайка французов в числе 10 человек приближается к селению Трашковичам. Распорядив людей кордонных ко встрече их, внезапною таковою, злодеев среди леса атаковав, привели в трепет, и без дальнего сопротивления обезоружив взяли в плен, кои все за надлежащим караулом куда следует посланы. 26-го числа, известясь, что другая неприятельская партия в числе 75 человек собирается на границах Масальского уезда в намерении напасть на села Пятницкое и Любунь, с мечем и огнем... 27-го по утру составное ополчение из вооруженных воинов и крестьян с пиками и косами следовали мы в деревню, в коей нашед означенную партию природных французов, атаковали их. Сопротивление злодеев было отчаянное, но храбрость русских при трехчасовом сражении все превозмогла. Злодеи рассеялись, побежали... В сем деле убито неприятелей 36 чел. и ранено не мало, кои увезены на лошадях. В плен взято 6 чел. С нашей стороны убито воинов 2, графиня Орловой села Пятницкого крестьянин 1 да ранено 3» (цит. по сборнику «В тылу армии. Калужская губерния в 1812 г.», стр. 35).

Второй документ рассказывает о борьбе крестьян с отступающим врагом:

«Боровского уезда, Рябушинской слободы, крестьянская девка, оставшаяся с подругами в селении, когда все мужчины до стариков выехали из слободы на сборные места против неприятелей, увидела едущих мимо селения пятерых французов в повозке, наполненной награбленными вещами. С железной лопатой в руках бежит сия

русская героиня навстречу мародерам, останавливает лошадей и мужественным голосом кричит сдать. Между тем прочие женщины окружают едущих, которые и сдались, бросив ружья и прося помилования. Но девка, не выслушав просьбам их, заставила умереть мучительной смертью. Один из неприятелей покусился было бежать в ближайший лес, но девка, выйдя впереди бегущего, ударила лопатой по голове и принудила его упасть к ногам» (там же, стр. 22).

Преподаватель рассказывает учащимся о том, что партизанское движение особенно сильно развилось в Боровском уезде, Калужской губернии. В селе Каменском этого уезда успешно действовал партизанский отряд в несколько тысяч человек.

Когда в конце разбора войны 1812 года учащиеся слушают знаменитое место из X главы «Евгения Онегина», где Пушкин пишет:

«Гроза двенадцатого года

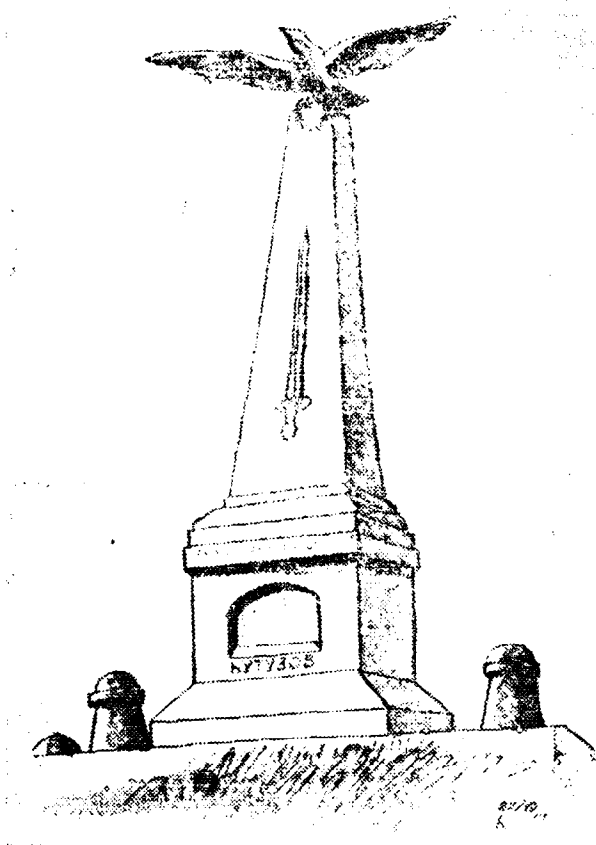
Настала — кто нам тут помог?

Остервенение народа,

Барклай, зима, шель русский бог?», —

то для них вывод ясен, ибо они отчетливо представляют себе картину того, как «дубина народной войны поднялась со всею своею грозной и величественной силой и, не спрашивая ни чьих правил и вкусов... поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие» (Л. Толстой «Война и мир»).

В заключение разбора местного материала по войне 1812 года учащиеся узнают историю памятника на месте тарутинских укреплений. Многие из учащихся бывали на этом поле и видели памятник и сохранившиеся до сих пор остатки некогда грозных укреплений. Село Тарутино в 1812 году принадлежало Нарышкиной. Вскоре после 1812 года оно перешло к новому владельцу — графу С. П. Румянцеву, который решил поправить свои денежные дела и к тому же прослыть либералом и «истинным патриотом». Он якобы в память о событиях 1812 года уволил 745 душ крестьян и дворовых из Тарутина и других сел и деревень в звание «вольных хлебопашцев». За свое «освобождение» крестьяне обязаны были заплатить долг Румянцева Опекуновскому совету в Петербурге в сумме 66 600 рублей ассигнациями. Эта сумма должна была быть уплачена крестьянами в течение 21 года начиная с 1829 года. Помимо этой суммы они должны были уплачивать проценты за долг и соорудить в селе Тарутино памятник. Проект памятника составил помещик, а стоимость его сооружения в сумме 44 тысячи рублей серебром должны были взять на себя крестьяне. Крестьяне также

Памятник М. И. Кутузову близ деревни Горки, на месте Главной ставки М. И. Кутузова.

Рис. ученика школы им. Шацкого.

обязаны были вносить по 50 копеек с души в год для текущего ремонта памятника. На памятнике выгравирована надпись: «На сем месте Российское воинство под предводительством фельдмаршала Кутузова укрепясь спасло Россию и Европу» и «Сей памятник воздвигнут на изживенные крестьян села Тарутина, получивших от графа С. П. Румянцева безмездную свободу».

Памятник этот напоминает нам не только о народных героях 1812 года, но и о безмерных страданиях наших предков-крестьян, ограбленных «разгелем» — помещиком, который «даровал» крестьянам «безмездную свободу» стоимостью в 110 тысяч рублей, не считая процентов за его долг.

История войны 1812 года глубоко западает в память учащихся. В заключительной характеристике событий этого года преподаватель напоминает учащимся, что сокрушительный удар Наполеону и его «великой армии» нанес великий русский народ, никогда не терпевший чужеземных захватчиков на своей земле. Если в 1812 году крепостное крестьянство, «калужские и московские бороды», нанесло смертельный удар до тех пор непобедимому генеральному полковнику Наполеону, то еще больший разгром ждет наших врагов — империалистов, — если они посмеют напасть на наши советские земли. Освобожденные Великой Октябрьской со-

Памятник пехотинцам, погибшим при Бородинском сражении. Поставлен между расположением батареи Раевского и деревней Семеновской.

Рис. ученика школы им. Шацкого.

циалистической революцией от всякого гнета, народы Советской страны, вооруженные первоклассной боевой техникой, под руководством партии и великого Сталина поднимутся на защиту наших священных границ и разгромят врагов на их территории.

* * *

Очень полезно в целях укрепления и расширения исторических знаний учащихся устраивать военно-исторические походы и экскурсии.

Из года в год мы систематически организуем экскурсии к местным памятникам войны 1812 года. Для этой цели используются главным образом летние каникулы.

Так, в 1933—1934 году мы совершили экскурсию в Боровск; в 1934—1935 году — в Тарутино и Малоярославец; в 1935—1936 году организовали военно-исторический поход по маршруту Боровск—Городня—Малоярославец (45 километров) и, наконец, в 1936—1937 и в 1938—1939 годах — два похода в Бородину (100 километров).

Как были организованы два последних, самых интересных похода в Бородину?

Наш путь шел через Боровск—Верюна—Москайск—Бородину. Это был как раз путь, по которому начала отступать армия

Наполеона. Так как участниками похода были не только старшие учащиеся, изучавшие историю войны 1812 года, но и учащиеся VII—VIII классов, этой теме не изучавшие, то еще до начала похода учитель провел несколько бесед, в которых кратко ознакомил всех его участников с историей войны 1812 года.

В поход мы выступили в конце июля с таким расчетом, чтобы использовать самое теплое время года и иметь возможность ночевать в деревенских сараях на сене, что значительно упростило организацию походного хозяйства. Длительность похода — 7 дней. Главное внимание мы уделили Бородине. Здесь мы и пробыли 2 дня.

На Бородинское поле мы совершили 4 экскурсии.

Вначале ознакомились с музеем, где получили наглядное представление об обстановке сражения, рассмотрели образцы вооружения и военной амуниции того времени, ознакомились по макету с расположением сил обеих сторон на поле битвы.

Затем поднялись на центральный редут (так называемую батарею Раевского), с которого хорошо видно почти все поле сражения. Ориентироваться в обстановке нам помогали многочисленные памятники, расставленные по полю.

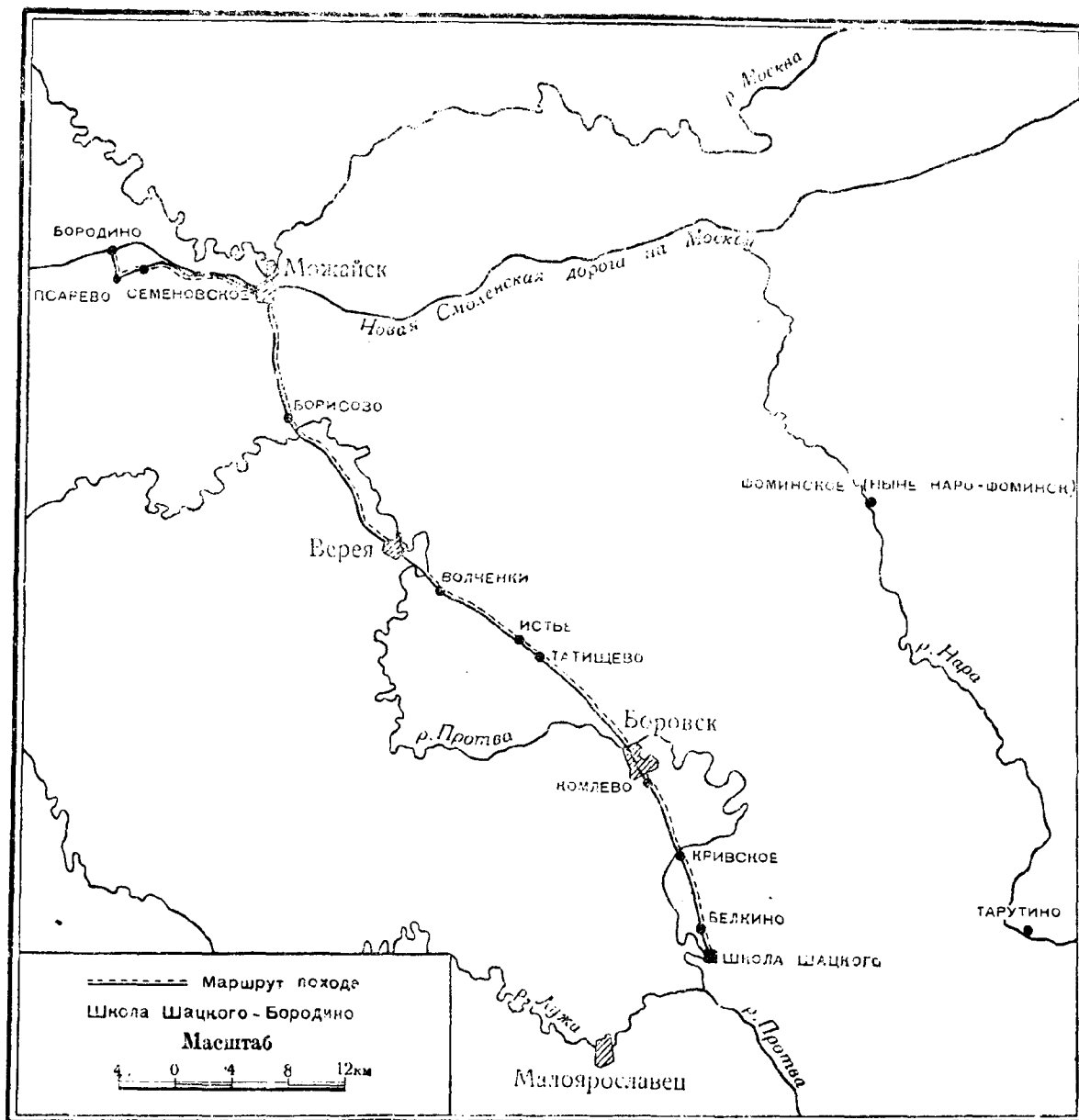
В конце второй экскурсии мы попробовали представить себе разницу в технике боя теперь и 127 лет назад. Это сравнение боевой техники, средств передвижения, основных стратегических и тактических приемов боя очень заинтересовало ребят.

Во время третьей экскурсии мы посетили знаменитый Шевардинский редут и Багратионовы флеши. И, наконец, четвертая экскурсия была в Горки, откуда Жузов руководил боем.

Во всех этих экскурсиях учащиеся сделали себе на память много зарисовок.

Преподаватель использовал во время экскурсии литературно-художественный материал. Так, мы прочли замечательное описание сражения из романа «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Бородино» Лермонтова и несколько отрывков из мемуаров участников боя, русских и французов. Сочетание вида местности, где шло историческое сражение, с прекраснейшими реалистическими картинами у Толстого оставляет неизгладимое впечатление.

Вот что пишет ученица VIII класса З.: «Бородину! Поле Бородина! Это здесь слава Наполеона начала меркнуть. Душитель французской революции столкнулся с волей народа, защищавшего свою независимость. Героическая сила нашего народа заставила померкнуть «солнце Аустерли-

Маршрут экскурсии на Бородинское поле учащихся школы имени Шацкого.
 Схема составлена учениками.

на», освещавшее до тех пор победное шествие Наполеона по Европе. Русский народ никогда не терпел иноземного ига. Полчища врагов не раз пытались полонить русскую землю, но всегда неизменно бывали и будут биты».

Ученик Ваня Д. пишет: «Здесь земля полита кровью народной и устлана костями. На этом поле русский народ, отстаивая свою независимость, нанес Наполеону смертельную рану, от которой он уже не оправился. На полях бородинских наливаются богатые колхозные хлеба, отдельными точками и вышками стоят памятники. К памятникам ведут любовно расчищенные дорожки. Надписи рассказывают о том, что было на этом месте 127 лет назад, сколько было раненых и убитых.

Вечная память патриотам русской земли, отдавшим свою жизнь за родину! Теперь уж мы врагов на родную землю не пустим. Мы будем бить их на их же

земле «малой кровью, могучим ударом», по-воросшиловски. Никому не отнять у нас, советских людей, счастливой жизни, созданной под руководством великого Сталина.

Эти походы в Бородино принесли всем нам большую пользу, а для меня, будущего учителя-историка, они особенно важны. Знания и опыт, приобретенные во время походов в Бородино, помогут мне в будущей работе с ребятами».

Бородинский поход и подобные ему экскурсии и походы являются прекрасным средством воспитания у учащихся глубокой любви к героическому прошлому нашего народа, способствуют углублению и развитию интереса молодого поколения к военной истории, а следовательно, способствуют осознанию учащимися своего священного долга перед родиной. «Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР».

Д. Ребизов,

преподаватель психологии Орловского
государственного педагогического института

О запоминании исторического материала учащимися старшего школьного возраста

В усвоении учащимися учебного материала огромную роль играет прочное запоминание. Оно является основным условием воспроизведения воспринятого. Сознательное и прочное запоминание полученных сведений (особенно по истории) глубоко влияет на мировоззрение, волю и характер учащихся. Вот почему преподавателям необходимо знать и уметь применять те способы и приемы, с помощью которых педагог добывается прочного закрепления в памяти учащихся пройденного материала.

* * *

В 1938—1939 учебном году я преподавал историю СССР на I и II курсах Орловского железнодорожного техникума. Возраст учащихся первых двух курсов техникума — 16—17 лет, т. е. тот же, что и в 8—9-х классах средней школы.

Мне удалось добиться того, что большинство учащихся техникума прочно запомнило материал по истории СССР. Об этом свидетельствуют данные успеваемости за год по I курсу и за первое полугодие 1938—1939 учебного года по II курсу.

На I курсе 60,2% учащихся получили по истории СССР «хорошо» и «отлично» и лишь один ученик получил оценку «плохо». На II курсе 100-процентная успеваемость. 70% учащихся усвоили программный материал по истории СССР на «хорошо» и «отлично».

Как удалось добиться хорошей успеваемости? Исключительно важную роль в запоминании и воспроизведении играет первичное восприятие. Оно закладывает основы знаний. Поэтому мы прежде всего заботились о том, чтобы учащиеся возможно лучше воспринимали учебный материал по истории. Мы использовали во время занятий исторические карты, картины, хронологические таблицы, художественную литературу. Особое внимание мы уделяли повторению в классе и самостоятельной работе учащихся дома. На I курсе из-за отсутствия учебника по истории СССР пришлось прибегнуть к записям. Учащиеся записывали по нашим указа-

ниям в конце урока основные положения, даты, имена и т. д. Записи и отдельные брошюры по некоторым темам учащиеся использовали для работы дома. На II курсе прибегали к записям в виде исключения. Учащиеся пользовались отдельными брошюрами и по некоторым темам статьями Ленина и Сталина (на II курсе проходили историю СССР начиная с февральской буржуазно-демократической революции 1917 года в России). Мне удалось вызвать у большинства учащихся глубокий, устойчивый интерес к истории нашей родины. А интерес играет большую роль в педагогическом процессе: он способствует прочному запоминанию и помогает учащимся усваивать объяснения учителя.

Прочному запоминанию и лучшему усвоению программного материала по истории способствовало сопереживание, развернутое между группами (внутри техникума) и между нашим учебным заведением и Киевским железнодорожным техникумом.

* * *

Мы стремились выяснить, в каком объеме учащиеся воспроизводят в памяти исторический материал непосредственно после усвоения его на уроке и позднее, спустя 5—10 дней, месяц и т. д. С этой целью мы тщательно учитывали успешные ответы учащихся непосредственно после рассказа учителя и через известные промежутки времени. Кроме того мы задали учащимся I курса «А» сочинение на тему «Освобождение от татарского ига», а в группе «С» I курса — на тему «Крымская война» сразу после уроков на эти темы. В тех же группах I курса сочинение было вторично задано через 10 дней (в группе «А») и спустя месяц (в группе «С»). Так как записей по этим темам учащиеся не делали и учебников у них не было, то после первой письменной работы rozdali конспекты на темы «Освобождение от татарского ига», «Крымская война» и предложили учащимся повторять эти темы дома по конспектам. Мы наме-

редно не предупредили учащихся I курса «А» о вторичной письменной работе на тему «Освобождение от татарского ига». Они знали, что по этой теме, как обычно, будет устное повторение, и готовились к нему. Учащиеся I курса «С» мы, наоборот, предупредили о том, что по теме «Крымская война» будет письменная работа.

Выводы из этого опыта получились следующие:

1. Учащиеся воспроизводят из исторического материала непосредственно после его усвоения основное, наиболее существенное. Они объясняют причины и сущность тех или других событий, их результаты: вспоминают даты, имена и т. д.; менее существенное, отдельные детали при этом не воспроизводятся, т. е. сразу не запоминаются.

Так например учащиеся I курса «А» в сочинениях на тему «Освобождение от татарского ига», написанных непосредственно после урока, правильно излагают обстоятельства, способствовавшие освобождению русского народа от татаро-монгольского ига, приводят факты, характеризующие походы хана Золотой Орды Ахмата на Москву в 1472, а затем в 1480 годах. В большинстве письменных работ правильно объяснено, каким образом Иван III одержал бескровную победу над Золотой Ордой, какое значение освобождение от татарского ига имело для Московского государства и всего русского народа. Учащиеся I курса «С» также правильно изложили наиболее существенное из материала по теме «Крымская война». Запоминанию материала способствовали: 1) последовательность, систематичность, четкость изложения (материал излагался в историко-хронологической последовательности, с четким выделением главного, наиболее существенного); 2) сочетание слухового восприятия с зрительным. На тему «Освобождение от татарского ига» во время урока на доске записывались даты: 1472 год, 1480 год; имена: Ахмат, Казимир IV, династия Гиреев и др.; была использована историческая карта. На уроке о Крымской войне были показаны хронологическая таблица, отражавшая последовательный ход событий (с 1853 по 1856 год), и политическая карта Европы; 3) живой, интересный рассказ преподавателя. Многие учащиеся показали хорошие результаты. Некоторые учащиеся (из группы «С») по теме «Крымская война» воспроизвели до 70% материала, изложенного на уроке.

Отдельные учащиеся I курса «А» проявили недостаточный интерес и внимание к истории. Это сказалось на результатах их работы. Они воспроизвели 40—45% материала и допустили отдельные ошибки.

Например вместо «Ахмат» писали «Ахмед», вместо ханство — княжество. Или надо было написать: «Войска Ивана III и Золотоордынского хана Ахмата встретились на реке Угре в 1480 году», а было написано: «Оба противника встретились на реке Угре в 1472 году».

Некоторые учащиеся, интересующиеся историей и имеющие хорошие оценки по этому предмету, все же воспроизвели по теме «Крымская война» до 40—50% того, о чем было рассказано на уроке.

Причина этого прежде всего в том, что по объему материал был слишком велик. Он был примерно в 1½ раза больше объема материала на тему «Освобождение от татарского ига». Несомненно, обилие фактов и событий, которые надо было запомнить, перегрузило память учащихся. Для того чтобы учащиеся могли запомнить большое количество фактов, нужно повторять материал несколько раз дома самостоятельно и в классе под руководством учителя. И, конечно, не надо перегружать память учащихся чрезмерно большим количеством сведений. Чтобы запомнить содержание урока истории, учащиеся должны понять смысл исторических фактов, связь исторических событий друг с другом, их причины и следствия и т. д. Ясное, четкое и правильное изложение исторических событий свидетельствует о том, что учащийся ясно мыслит и понимает то, о чем он рассказывает. Наоборот, неясное, нечеткое изложение и тем более неправильное освещение исторических событий говорят о неясности мышления, о непонимании учащимся излагаемых фактов.

В начале 1938—1939 учебного года мы выяснили, что некоторые учащиеся I курса, окончившие неполную среднюю школу, не имели правильного представления об исторической хронологии. Они не понимали, что значат термины «до нашей эры» и «нашей эры». Так например один из учащихся на вопрос, где и когда жили скифы, правильно ответил, что «скифы — древнейшие народы, жившие на территории Восточной Европы с VIII по III век до нашей эры». Спрашиваю: «Сколько же лет жили скифы на территории Восточной Европы?» Учащийся ответил: «Тысячу сто лет». Другой учащийся не мог ответить на вопрос, сколько лет прошло с XII века до нашей эры по настоящее время.

Учащийся I курса «А» в сочинении на тему «Освобождение от татарского ига» написал: «Все земли после татарского ига попали в руки крестьянских масс». Учащийся не уловил себе, что в конце XV века все земли обширного русского государства оказались во владении великого кня-

зи, бояр-вотчинников, дворян-помещиков и монастырей.

Чтобы не допустить повторения таких ошибок, мы обратили особое внимание на то, чтобы все учащиеся правильно поняли ход исторических событий, их сущность, значение и т. д. Для того чтобы учащиеся не только запомнили исторические факты, но и понимали их смысл, полезно в конце уроков отводить несколько минут на вопросы учащихся и ответы на них учителей.

Повторение способствует лучшему пониманию исторического материала, а следовательно, более прочному его запоминанию; если после усвоения содержания урока прошел небольшой промежуток времени (шестидневка, декада) и за это время учащиеся повторили (дома или в классе) то, что им рассказал преподаватель, то они не только закрепляют полученные знания, но и запоминают больше фактов, имен и т. д. по сравнению с тем, что они удержали в памяти после урока, воспроизводят их более полно и точно; еще лучше воспроизводят материал те учащиеся, которые несколько раз его повторяли.

Из 26 учащихся I курса «А», написавших через 10 дней после урока сочинение на тему «Освобождение от татарского ига», 22 человека воспроизвели материал полнее чем непосредственно после урока. На I курсе «С» при повторении в классе темы «Крымская война» из 21 человека 19 запомнили фактического материала больше чем в первый раз, хотя после урока прошло довольно много времени. Два человека запомнили столько же, сколько и непосредственно после урока; несколько учащихся забыло часть того, что запомнило при первичном восприятии, и допустило ряд ошибок. Оказалось, что эти учащиеся несерьезно отнеслись к самостоятельной работе над материалом и плохо повторили его дома.

Учащиеся, как правило (есть и исключения), воспроизводят материал в виде логически связанного рассказа. Эта особенность памяти характерна для учащихся старшего школьного возраста. И это не случайно: учащиеся старших классов обладают достаточно развитой смысловой (логической) памятью, что связано с усиленно развивающимся в этом возрасте логическим мышлением. Об этом свидетельствуют устные ответы и письменные работы учащихся.

Учащиеся школьного возраста в большей степени чем их младшие товарищи обладают способностью пересказывать не буквально, а «своими словами». Они часто излагают материал в другом порядке, чем это делал на уроке преподаватель или чем этот материал изложен в учебнике.

Большо того: учащиеся, как показывает наш опыт, часто творческим образом перестраивают содержание урока и пересказывают его по-своему. При этом они дополняют свое изложение фактами из разделов курса, пройденных иногда значительно раньше. Это — уже не простое повторение заученного, хотя бы и «своими словами», а сложная творческая работа. Способность к творческой переработке воспринятого — также одна из особенностей памяти учащихся старшего школьного возраста. Так, в работах на темы «Освобождение от татарского ига» и «Крымская война» многие учащиеся приводили факты из других разделов курса, логически связывая их с данными темами. Один из учащихся, характеризуя результаты Крымской войны, писал в сочинении: «В 1861 г. Александр II издает манифест об отмене крепостного права, боясь, что «крестьяне освободят себя снизу», т. е. восстанут и свергнут власть царизма, так как восстания и крестьянские волнения после войны были не единичны». О манифесте Александра II на уроке не упоминалось. Учащийся узнал о нем самостоятельно и совершенно правильно использовал в своем ответе.

Некоторые учащиеся, объясняя, какое значение имело для русского народа его освобождение от татарского ига, пересказывали своими словами цитату из «Секретной дипломатии» Маркса, приведенную преподавателем на одном из предшествующих уроков

Маркс писал, что татарское иго «оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой». Татары-монголы установили режим систематического террора, причем «разорения и массовые убийства стали его постоянными институтами». Один из учащихся I курса «А» написал: «Освобождение русского народа от татарского ига имело очень большое значение, так как татарское иго оскорбляло душу русского народа, это иго тяжелое и позорное». Подобные факты, характеризующие творческий характер воспроизведения, не единичны.

Бывают, однако, случаи, когда учащиеся приводят факты из других разделов курса, не имеющие непосредственного отношения к данной теме. Естественно, что логически связывать разнородные факты учащимся не удается. В таких случаях нужно указывать учащимся на их ошибки и добиваться от них последовательного, систематического изложения материала. Этим мы будем способствовать развитию у учащихся, во-первых, смысловой (логической) памяти и, во-вторых, логического, последовательного и систематического мышления.

И. Ивагин

«История средних веков». Т. II. Под редакцией профессоров С. Д. СКАЗКИНА и О. Л. ВАЙНШТЕЙНА. Соцэкгиз. 1939. 561 стр. 7 р. 90 к. Тираж 50 000 экз.

1

Выход в свет второго тома «Истории средних веков», учебного пособия для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов, является положительным событием в развитии исторического образования в нашей стране. Коллектив авторов и редакторов рецензируемой книги проделал большую работу.

Студенты и преподаватели средних школ получили пособие, которое относительно подробно освещает третий период истории средних веков. Если буржуазные пособия доводили обыкновенно историю средних веков только до конца XV или до начала XVI века, то в рецензируемом пособии она доводится в основном до конца XVIII века.

Авторы рецензируемого тома отказались от традиций буржуазных ученых, писавших только историей так называемых великих держав. Наряду с изложением истории крупных государств авторы осветили и историю малых народов.

Рецензируемый том «Истории средних веков» насыщен богатым фактическим материалом.

В основном авторы дали не историю отдельных завоеваний, действий выдающихся личностей и т. д., а историю народов Западной Европы с XVI века до конца XVIII века. Все важнейшие исторические явления рассматриваются в книге в определенной связи с развитием экономических отношений.

Много внимания уделяется в рецензируемой книге вопросам государства в последний период средних веков.

Наряду с этими достоинствами книга имеет и очень существенные недостатки.

Авторы сравнительно мало уделили внимания истории культуры. Вопросы истории культуры, философии, науки и техники освещены в специальной (последней) главе, оторванной от контекста книги.

Не вполне удовлетворительна и композиция всей книги. Во-первых, не все главы

достаточно связаны между собой. Можно сказать, что в рецензируемой книге мы видим и разрозненные очерки и главы по истории отдельных стран или периодов в истории Европы. Во-вторых, в книге часто встречаются повторения. Например история войны за испанское наследство довольно подробно излагается в связи с историей Франции, Англии, Голландии и Габсбургов. Это относится и к явлениям истории культуры. О Леонардо да Винчи говорится и в истории Италии и в специальном разделе. О Локке и Гоббсе говорится и в разделе об Англии и в специальном разделе. Нам кажется, что, изложив существо вопроса в одном месте, можно было в другой части или ограничиться ссылкой на соответствующую страницу или повторить наиболее существенные положения в кратких чертах.

Для лучшего уяснения достоинств и недостатков книги рассмотрим наиболее важные ее главы.

2

Первая глава—«Генезис капитализма в Западной Европе» — является как бы введением к книге. Автор совершенно правильно определяет сущность и значение третьего периода средних веков (стр. 3). Он правильно ставит основные вопросы темы (развитие капитализма, формирование буржуазии как класса и развитие абсолютизма как особой формы феодально-дворянского государства). Правильно определена также сущность первоначального накопления (стр. 5). Однако автор не обратил внимания на важнейший вопрос, относящийся к указанному периоду истории, — на возникновение и значение претеритарных элементов. Между тем классики марксизма-ленинизма этому вопросу придавали существенное значение. Вот, например, что писал Энгельс: «...в то время как буржуазия и дворянство еще ожесточенно боролись между собой, немецкая крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне, — в этом не было ничего нового, — но за ними показались пачатки современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах» (К. Маркс и Ф. Энгельс «О революции и борьбе с нею». Т. II, стр. 440. См. об этом же Маркс и Энгельс. Т. XV, стр. 509). В другом сочинении Энгельс эту мысль подчеркнул еще ярче. «По буржуазия, — говорит он, — породила своего

близнец-антагониста, пролетариат, а вместе с ним и новую классовую борьбу, которая началась еще до того, как буржуазия окончательно завоевала политическую власть» (Маркс и Энгельс. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 296).

Диалектика исторического процесса показывает, что формирование капиталистического способа производства было связано с возникновением и развитием предпролетариата. История развития предпролетариата должна была быть отражена не только в первой главе, но и во всей книге.

Говоря о буржуазии XVI—XVII веков, автор не использовал ценнейшее положение «Краткого курса истории ВКП(б)» о том, что буржуазия, двигая вперед производительные силы общества, «хотела удешевить производство товаров, выбросить побольше товаров на рынки Азии и только что открытой Америки и получить побольше прибыли. — ее сознательная деятельность ограничивалась узкими рамками этой будничной практики» (История ВКП(б), стр. 124).

3

Большое место в рецензируемой книге занимают главы, относящиеся к истории Германии.

В главах «Германия накануне реформации» и «Реформация и крестьянская война в Германии» обстоятельно показаны экономика, политическая раздробленность и сословная пестрота Германии накануне и в период войны 1525 года. Хорошо показана крестьянская война.

Говоря о немецком гуманизме (о его ограниченности), автор не использовал положения «Краткого курса истории ВКП(б)» о степени зрелости буржуазии позднего средневековья. Между тем именно это положение дает ключ к пониманию существа немецкого гуманизма, как и других идеологических направлений того времени.

Не до конца вскрыта двойственность концепции представителей немецкого рыцарства—Ульриха фон Гуттена и Франца фон Зиккингена. Автор подчеркивает прогрессивную сторону их деятельности. Но следовало бы привлечь чрезвычайно ценное замечание Маркса по этому вопросу, которое показывает, что Гуттен и Зиккинген «стали, с одной стороны, проводниками современных идей, а с другой стороны, на деле представляли интересы реакционного класса» (Маркс и Энгельс. Т. XXV, стр. 251, 261).

Содержательная глава XVIII — «Германия от Аугсбургского мира до конца Тридцатилетней войны».

Глава XIX — «Германия во второй половине XVII и в начале XVIII века» — так-

же заслуживает положительной оценки. Хорошо показаны аграрные отношения в отдельных районах Германии и причины медленного развития промышленности. Ярко показано отрицательное значение сепаратистской деятельности князей в Германии.

Глава XX — «Пруссия и Австрия в XVIII веке» — во многих местах загромождена рядом второстепенных фактов и дат. В ней имеется множество фактических данных, к сожалению, не обобщенных (например стр. 432 — 434). Как показывают экзамены на исторических факультетах университетов и пединститутах, именно вопросы, затронутые в рецензируемой главе, нуждаются в особенно отчетливом изложении и требуют ясного анализа. Не мешало бы при переиздании несколько переделать главу, сократив количество второстепенных фактов и дат и расширив изложение и анализ важнейшего материала.

4

В «Истории средних веков» богато представлена история Франции в третий период средних веков. В XVI главе — «Франция XVI века» — хорошо изложена аграрная история Франции (стр. 298 — 302). Хорошо освещены вопросы политической и культурной истории.

Нельзя считать бесспорными утверждения автора о гугенотстве. Подвергнув критике концепции Мишле и Лучиньского, автор подробно излагает свое мнение, которое, как видно из текста, является результатом его исследовательских занятий. Расчленив гугенотство на «религиозное гугенотство» и «политическое гугенотство», он подчеркивает реакционный характер указанного движения и особенно последнего его направления. Говоря о первом периоде религиозных войн, автор заявляет, что в лице гугенотов и католиков «сражались две феодальные клики, стремившиеся захватить короля и править затем от его имени» (стр. 325). Подчеркивая реакционность «политического гугенотства», автор в ряде случаев ругает католиков — приверженцев Гизов — в слишком розовых красках (стр. 338 — 341).

Хотя феодально-сепаратистские элементы часто использовали гугенотство в своих целях, но из этого нельзя выводить заключение о характере движения в целом. Если иметь в виду «религиозное гугенотство», то оно как раз воспринято было городами наиболее передовых районов Франции. «Религиозное гугенотство» являлось французским ответвлением кальвинизма. Автор и сам в следующей главе указывает, что отмена Нантского эдикта и изгнание гугенотов — наиболее предприимчивых и бога-

тых элементов французского общества — сыграли отрицательную роль. С выводами автора о гугенотстве нельзя согласиться в полной мере. Мы считаем необходимым отметить и прогрессивные его черты. Гугенотство являлось оппозицией против господствовавшей католической феодально-организованной церковной иерархии. Галликанская церковь отличалась от церквей других стран, паходившихся всецело под властью папской курии. Папское засилье здесь не имело решающего значения. Это обстоятельство наложило определенный отпечаток на французскую реформацию. Все зависело от того, какие классовые группы поддерживали гугенотство. Нам известны, например, попытки польского шляхетства использовать кальвинизм. В данном случае, конечно, кальвинизм (идеология самой революционной буржуазии того времени) терял свою прогрессивность. При переиздании рецензируемого сочинения оценку сущности и роли гугенотства нужно обосновать глубже.

Глава XVII — «Франция в XVII и первой половине XVIII века» — является особенно удачной. Именно в таком духе нужно было подать весь материал и в других главах. Она отличается яркостью исторических характеристик. На примере Людовика XIV автор показывает ограниченность прогрессивной миссии абсолютизма (стр. 358 — 359). Превосходно характеризуется политика Кольбера (стр. 362 — 365). Привлечены богатые данные по истории классовой борьбы. Метко охарактеризован Людовик XV.

Недостатком рассмотренной главы является отсутствие более или менее подробных данных о Жане Мелье.

5

Очень большое место в рецензируемой книге занимает материал по истории Англии. При этом главы, относящиеся к этой теме, отличаются некоторой громоздкостью, особенно те из них, в которых говорится об аграрных отношениях.

Несмотря на обилие фактического материала политическая история Англии при Генрихе VIII и Елизавете изложена бледно. Недостаточно также освещен вопрос о пуританстве. В этом вопросе автор ограничился общими рассуждениями.

Слабо освещены явления культуры в Англии в период Тюдоров.

Автор говорит о меркантилизме и об аграрном протекционизме Стюартов после их реставрации. Нам кажется, что нужно было подчеркнуть и другую сторону деятельности Стюартов. Маркс, например, указывал, что Карл II в интересах своего

двора продавал промышленные и торговые интересы Англии. Известно также, что Карл II за деньги выдавал государственным секретам французам.

Не показана политическая борьба остатков подавленных во время революции радикальных течений, которые скрывались под религиозной оболочкой.

Результаты английской революции правильно, на основе указаний классиков марксизма-ленинизма, охарактеризованы автором (стр. 287 — 290).

6

Глава VII — «Испания в XVI веке», — на наш взгляд, является удачной. Без лишнего слов, четко и ясно автор показывает особенности развития испанского абсолютизма. Он использует ценнейшие замечания Маркса по существу разбираемых в этой главе вопросов. Правда, мы должны отметить, что материалы экономии в ней преобладают в ущерб данным о политических порядках и культуре; слишком мало говорится об инквизиции, которая являлась тогда в Испании, по замечанию Маркса, страшным орудием абсолютизма.

Хорошо написана глава VIII — «Испания и Португалия в XVII и XVIII веках».

7

Глава IX — «Нидерландская революция» — имеет ряд существенных недостатков. Нам кажется, что автор без особых оснований развенчивает Вильгельма Оранского, не определяя настоящей его роли в истории нидерландской революции.

Нам кажется не совсем удачной характеристика Альбы. Автор характеризует его как «крупнейшего военачальника Европы того времени, незаурядного дипломата, человека, ясно ставившего себе цели и неуклонно идущего к ним, не останавливаясь ни перед чем» (стр. 175). Не вступая с автором в спор о довольно сомнительных военных дарованиях Альбы, мы отметим, что он не был ни большим политиком, ни дипломатом, чаще всего действовал напролом, кровавыми методами лобовой атаки. Включать подобные дифирамбы в советский учебник нет никакой надобности. Кстати, отметим, что автор сам в дальнейшем изложении частично опровергает данную им раньше характеристику: «Однако Альба с полным непониманием и тупой настойчивостью приводил в защиту своей системы аргументы, типичные для феодальной экономической идеологии» (стр. 177).

Нам кажется, что автор чрезмерно подчеркивает разбойный характер выступлений морских гезов (стр. 178). Нужно было бы показать, что движение морских гезов являлось своеобразным проявлением борьбы

с испанским засильем, что оно порождено было обстановкой крайнего засилья испанской военищины. Иначе трудно увязать положение автора о том, что возжель морских гезов стал одним из возждей революции (стр. 179).

Совсем недостаточно вскрыта в рецензируемой главе роль радикально-демократических элементов и, в частности, их особое место в революционном движении. Нужно было этот вопрос рассмотреть более обстоятельно.

Автору нужно было подчеркнуть значение нидерландской революции в истории Европы. Ведь она явилась первым мощным ударом по абсолютистским порядкам, которые господствовали в странах Западной Европы.

Как в изложении конкретного материала, так и в обобщениях недостаточно подчеркнута национально-освободительная сторона ранней буржуазной революции в Нидерландах. В отличие от других буржуазных революций нидерландская революция направлена была не только против феодальных порядков, тормозивших развитие производительных сил, но и против чужеземного засилья (испанского абсолютизма). На эту сторону обратил свое внимание Маркс в «Хронологических выписках» (см. отрывок из «Хронологических выписок» в журнале «Большевик» № 24 за 1936 год, стр. 62 — 63).

Особенность буржуазных движений на заре развития капитализма показана также Лениным: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, сознание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, сознание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д... Первая преобладает в начале его развития...» (В. И. Ленин. Т. XVII, стр. 139 — 140).

Эти ценнейшие указания автор не использовал.

Глава X — «Голландия XVII и XVIII веков» — показывает результаты революции в северных провинциях и доводит их историю до XVIII века.

8

Остальные главы «История средних веков», как и рассмотренные выше, отличаются по качеству друг от друга. Глава II — «Великие географические открытия» — охватывает основные вопросы темы, но написана она скушно. Между тем

именно эти главы можно и нужно было сделать увлекательными по форме.

Глава III — «Италия в XVI — XVIII веках» — является одной из особенно важных частей рецензируемого учебника. Чтобы определить ее место в нашей учебной литературе, нужно отметить, что до сих пор в вузовских курсах история Италии XVI — XVIII веков обычно не излагалась. Студенту приходилось черпать материал из устаревших общих работ. Надо иметь еще в виду и то обстоятельство, что этот раздел недостаточно разрабатывался и буржуазными историками.

Глава VI — «Реформационное движение в других странах Европы и контрреформация» — написана с большим знанием вопроса. Автор правильно изложил сущность и содержание реформации (стр. 102). Обстоятельно показаны в книге особенности общественного строя Швейцарии в период реформации. Этот материал восполняет существовавший до сих пор пробел в нашей литературе. Но глава имеет и недочеты: ее содержание не вполне соответствует заглавию. Фактически автор рассмотрел не все типы реформации, а только кальвинизм, пуританство и реформацию в Скандинавии. В главе не затронуты вопросы реформации в Шотландии, Польше и Венгрии. Автор, очевидно, полагал, что лучше осветить вопросы реформации в указанных странах в связи с изложением их истории, но, к сожалению, и тут говорится о них вскользь¹.

Глава XXI — «Политическое и экономическое развитие Швеции после Тридцатилетней войны» — написана хорошо. Этой главой учебник также восполняет существенный пробел в учебно-исторической литературе.

Глава XXII — «Польша в XVI — XVIII веках», — имея определенную ценность, все же не удовлетворит запросов учащихся. Автор этой главы мало говорит о роли иезуитов в закабалении польской шляхтой украинцев и белоруссов, мало говорит об униатской церкви. Нам кажется, что он неправильно трактует вопрос об образовании Польско-Литовской унии 1569 года. Автор считает, что причиной образования указанной унии является натиск Московского государства. «Поскольку, — пишет автор главы, — удары Москвы пришлись непосредственно по великому княжеству Литовскому, на которое ложилась основная тяжесть борьбы, ливонская война ускорила оформление полной унии Литвы и Поль-

¹ Указанный выше недостаток относится и к страницам о Норвегии. Ее история в третий период средних веков не затрагивается. Не вскрыты также особенности реформации в Норвегии.

ши» (стр. 450). А между тем доказано, что эта уния являлась прежде всего результатом натиска польских панов и шляхтичей на Восток.

Слишком бегло, всего в нескольких словах, автор говорит об изгнании польских интервентов из Московского государства в начале XVII века (стр. 454).

Не использованы в главе ценнейшие указания Энгельса о паразитизме польского шляхетства.

Глава XXIII — «Турция в XVI — XVIII веках» — является одной из первых работ нашей исторической литературы в этой области, неплохо показывает структуру и основу турецкого государства и вскрывает причины его упадка. Однако глава схематична. В ней не использованы ценнейшие указания классиков марксизма по существу излагаемого вопроса¹.

Содержательна и интересна XXIV глава — «Развитие техники и естествознания в XV — XVIII веках. Новое мировоззрение», — но она при всей своей ценности несколько выпадает из контекста. Сначала изложена общая история народов Западной Европы, а потом отдельно даны их успехи в области науки и техники. Мы считаем, что такое расположение материала ничем не оправдано. Совершенно ясно, что техника и наука развиваются вместе с развитием производительных сил, также и духовная культура (идеология) преобразуется вместе с преобразованием материальной культуры людей. Эти положения особенно четко изложены в IV главе «Краткого курса истории ВКП(б)». Было бы целесообразно изложить историю важнейших изобретений, открытий и успехов науки во II главе (расширив ее содержание и заголовок) или в истории отдельных стран. Расположив материал по такому принципу, мы дали бы возможность студентам правильно представить себе общий исторический процесс.

Что касается различных концепций (философских, политических, политико-экономических и утопически-коммунистических)², то их характеристики также должны войти или во II главу или в разделы, посвященные истории отдельных стран. Например о Макиавелли непременно нужно говорить в связи с историей Италии (можно, конечно, о нем несколько слов сказать и в связи с общей характеристикой эпохи Возрождения), о Гуго Гроцие и Спинозе —

¹ См. Маркс и Энгельс. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 9, а также «К критике политической экономии» Маркса, стр. 66. 1930.

² Отметим, что в книге не уделено достаточного внимания утопически-коммунистическим концепциям, в частности концепции Кампанеллы,

в связи с историей нидерландской революции и Голландии, о Бэконе, Локке, Гоббсе, Гарингтоне и Вильяме Петти — в связи с историей Англии.

Мы считаем, что в качестве заключительной главы полезно было бы дать обзорный очерк. В этом очерке можно обобщить все сказанное в книге, еще раз показав основные ее контуры. Совершенно ясно, что все методологические вопросы читателю легче воспринять после того, как он хорошо ознакомится с фактическими данными.

В книге приложен список литературы, в котором перечислены все важные пособия по истории средних веков на русском языке. Нужно было расчленить указанную литературу (для студентов) на минимум и максимум. Студент (особенно заочник) в процессе прохождения курса не в состоянии прочитать все указанные пособия. Он должен знать, какие из них нужно прочитать в первую очередь.

Положительной стороной рецензируемой книги являются исторические карты по важнейшим темам.

* * *

В заключение еще раз укажем, что перед нами полезное и обстоятельное марксистско-ленинское учебное пособие по истории средних веков, но оно нуждается в дальнейшем усовершенствовании. Авторам и редакторам следует теснее связаться с профессорами, доцентами, преподавателями и студентами исторических факультетов университетов и институтов, собрать их замечания и пожелания, вытекающие из опыта работы, для того чтобы совместными усилиями превратить рецензируемую книгу в образцовое пособие.

Н. Зельин

«Вестник древней истории» 4 (9). Сопэкпиз. Институт истории Академии наук СССР. М. 1939. 302 стр. + иллум.

«Вестник древней истории» издается уже четвертый год (с 1937 года) — период достаточный, чтобы читатели журнала могли составить себе представление об его характере и особенностях. Появление исторического журнала, посвященного разработке вопросов истории древнего мира, было значительным событием в развитии советской историографии. Оно было одним из свидетельств культурного роста нашей

страны и показателем возрождения исторической науки, которое пришло на смену отвлеченному социологизированию и грубому схематизму. Обширные культурные интересы массы советских читателей должны были охватить и богатейшую область социально-экономического, политического и культурного развития древнего мира, столь важную для понимания истории позднейшего времени. Растет интерес к научному изучению конкретного исторического материала, стремление на этом изучении основывать выводы и обобщения.

«Вестник древней истории» и должен быть выражением этого стремления и способствовать его дальнейшему развитию в области древней истории.

«Вестник древней истории» призван разрешить трудную, но благодарную задачу быть одновременно специальным журналом, в котором могла бы идти место научная статья или заметка по древней истории, какой бы специальный характер она ни носила, и в то же время удовлетворять запросы широких кругов читателей, знакомя их с основными проблемами истории древнего мира, с новейшими открытиями и исследованиями. В настоящей рецензии подробнее будет охарактеризовано содержание последнего номера за 1939 год, но предварительно необходимо рассмотреть, как журнал в целом разрешает стоящую перед ним задачу.

Содержание каждого из четырех номеров «Вестника древней истории» за 1939 год распадается по следующим разделам: I. Статьи. II. Критика и библиография. III. Ученка. IV. Приложения. В пределах каждого из этих разделов можно было бы заметить в свою очередь известное деление по содержанию и характеру статей и заметок. В 1939 году в разделе I помещено 40 статей, — несомненно, значительный количественно и ценный в научном отношении материал.

В начале номера даются 1—2 статьи, посвященные проблемам марксистско-ленинской методологии, изучению произведений основоположников марксизма-ленинизма, публикации их работ. Во втором номере напечатаны, например, «Хронологическо-выносок» (отрывки из публикации в «Архиве Маркса—Энгельса». Т. V. 1938), имеющие крупнейшее значение для советских историков. Очень желательно, чтобы редакция продолжила работу по извлечению и публикации ценнейшего материала, относящегося к древней истории, который рассеян в произведениях основоположников марксизма-ленинизма.

Что касается остальных статей, то тематика их интересна, но несколько однообразна. В самом деле, помещенные в «Вестнике древней истории» за 1939 год ста-

ты распределяются по историческим эпохам и странам следующим образом: древний Восток — 13 статей, древняя Греция — 4, Рим — 5, археология — 3, Византия, славяне и средневековый Восток — 9 статей. Из этой справки видно, что разработка вопросов древней истории ведется в журнале неравномерно: много внимания уделяется древнему Востоку, достаточно — средним векам и неаполитической археологии и недостаточно — древнему Риму и особенно Греции. Это впечатление усилится, если мы перейдем к более подробному рассмотрению статей в пределах каждого раздела. Так, по истории древней Греции дана одна интересная переводная статья: глава о крито-микенских письменах из книги Эванса «Дворец Миноса». Ее можно только приветствовать, ввиду того что на русском языке проблемы крито-микенской эпохи до сих пор разрабатывались мало, притом в крайне спорной форме, преимущественно проф. Богаевским.

Статья А. В. Мишулина «К изучению восстания рабов в древней Греции» значительна по теме и представляет несомненный интерес по содержанию. Автор собрал большой материал, ценный для изучения социальной истории Греции в V—IV веках до нашей эры. Однако нельзя ожидать, чтобы столь существенный вопрос был в статье рассмотрен с исчерпывающей полнотой. Обзор современной историографии неполон: нет, например, указания на работу Чикотти по истории рабства, на «Историю труда» Глопа и др., а данные источников, привлеченных автором, нуждаются в дальнейшем исследовании. Другие 2 статьи посвящены более узким темам: «О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты» проф. С. Я. Лурье и «Парфенон в «Парфеноне» акад. С. А. Жебелева. Таков материал статей по истории Греции. В нем совершенно не отразилась эпоха эллинизма, нет ни одной оригинальной работы по ранней истории Греции, не поставлены вопросы политической и культурной истории Греции классической эпохи. Нужно, таким образом, признать, что история Греции в целом в разделе статей представлена недостаточно.

Несколько больше разрабатывалась история Рима. Кроме переводной статьи Н. Льюиса «Из истории римского гнета в Египте» мы имеем здесь статьи: «О восстании Аппиета» А. И. Болтуновой, «Круговой путь Помпея в Закавказье» акад. Я. М. Мананьяна, «Первоначальное христианство и его историческая роль» А. Б. Рановича, «Римская стратегия в IV веке н. э. у Аммиана Марцеллина» В. П. Холмогорова. Каждая из этих статей интересна в том или ином отношении. Однако и здесь следует отметить

отсутствие трактовки более широких проблем истории древнего Рима (за исключением статьи о христианстве). История республики не представлена почти вовсе, история римской культуры — также.

Гораздо полнее разрабатываются проблемы истории древнего Востока. Темы носят более разнообразный характер. В статьях проф. Авдиева и Шолпо изучаются вопросы восточной, религиозной и культурной истории древнего Египта, несколько статей посвящено древним народам Закавказья, в работах акад. Никольского и Дьяконова затронуты интереснейшие моменты в истории Междуречья. Сравнительно слабо представлена история Индии и Китая.

Среди всех этих работ имеются статьи широкого проблемного характера (акад. Никольского, Шолпо и др.), несомненно, заинтересовывающие читателя, хотя и не всегда убеждающие его. Так, нам представляется недостаточно обоснованным решение значительного вопроса, поставленного в статье Шолпо «К проблеме арийского завоевания древней Индии» (№ 3). Автор правильно указывает на отсутствие четкого решения этой проблемы у советских авторов (проф. Кун, Золотарев); они без дальнейшего рассмотрения признали это завоевание «типотетическим» или «мифическим». Однако и тов. Шолпо часто лишь ставит вопросы в довольно общей форме, недостаточно обосновывая решение их. Конечно, интересные результаты должно дать марксистское критическое исследование «Ригведы» и «Авесты» (стр. 42). Конечно, при изучении этих текстов, как утверждает автор, надо учитывать сложную историю, пережитую ими; то, что сохранилось в них общего, имеет большую ценность для нас. Однако автор мало останавливается на этих вопросах, в его статье нет анализа состава или истории «Ригведы» или «Авесты», а то общее, что выявляет автор, настолько общее, что, пожалуй, могло бы быть установлено без тех предосторожностей, о которых говорит тов. Шолпо.

И в отделе статей, как и в других отделах, достаточно внимания уделяется археологии (3 статьи). Однако эти статьи трактуют вопросы, имеющие только отдаленное отношение к собственно истории древнего мира: например «К истории первобытного хозяйства на Оке и в верхнем Поволжье в эпоху металла» или «К истории Ингушлян» (преимущественно материал XII—XVIII веков).

Помимо всего указанного, мы находим 9 статей на темы, выходящие иногда далеко за пределы истории древнего мира, например «Русско-византийские отношения IX—XII вв.» (проф. Приселкова) или

«Значение походов Святослава в Болгарию» (акад. Успенского).

На основании обзора статей мы можем прийти к следующим выводам: в целом они представляют большой интерес, но 1) разделы древней истории разрабатываются очень неравномерно, причем особенно слабо представлены древняя Греция и отчасти Рим; 2) среди статей сравнительно немного работ, посвящающих широкие вопросы социально-экономической, политической и культурной жизни древнего мира. Отсутствуют темы по истории древнего мира, источниковедения, историографии (за исключением статьи Лурье) и первобытной истории на материале древних народов Средиземья.

Во втором отделе — «Критика и библиография» — также проявляются особенности тематики, отмеченные для 1-го раздела. 7 статей из 28 даны на такие, например, темы, как «К истории державы Рюриковичей», «Русская Правда», «Из литературы об ал-Идриси» и пр. Заметки и рецензии на книги по истории древнего Востока посвящены, за малыми исключениями, руководствам общего характера. Половина из них приходится на долю Египта (4 из 8) и 2 на общую историю Западной Азии. Отсутствуют рецензии на работы по истории Сирии, Финикии, Китая и других стран. По Греции, наоборот, аннотированы 3 книги специального характера и нет ни одной рецензии на общие работы, которых вышло немало за последние годы. Более всего представлена библиография по Риму: за исключением одной краткой заметки, рецензий на книги по римской истории нет. Опубликованные рецензии дают в общем достаточное и правильное представление о новых книгах: обстоятельная рецензия проф. Шангина на «XII том русских рукописей из Каталога астрологических рукописей», рецензия проф. Авдиева на работу Диманса «Экономическая и социальная история древнего Египта» со справедливой критикой методологических установок французского автора, и др. Помимо этого типа рецензий, в журнале помещены библиографические заметки и списки статей в некоторых иностранных журналах с аннотациями. Было бы желательно расширить критико-библиографический отдел и в отношении тематики (особенно по истории Греции и Рима) и в отношении характера аннотаций. Необходима большая систематичность и больший охват журналов и книг. Надо отметить также, что заметки об иностранных книгах иногда настолько сжаты, что не дают ясного представления о них. Следить по «Вестнику» за зарубежной литературой также нельзя ввиду выборочности материала. Желательно было бы по возможности в каж-

дом номере давать обзор журналов и книг по древней истории примерно так, как это делалось в «Archiv Orientalni», где можно было найти сравнительно полную и разнообразную библиографию по самым различным проблемам древнего Востока, или в соответствующем отделе английских журналов по Греции и Риму («Journal of Hellenic Studies» и «Journal of Roman Studies»).

Третий отдел журнала — «Хроника» — должен являться хроникой исследований и работ во всех отраслях истории древнего мира: археологии, эпиграфики, палеологии, палеонтологии, истории науки и техники, а также работы научно-исследовательских институтов, музеев, научных конференций и т. д. Большая часть статей рассматриваемого отдела (23 из 29) посвящена археологии. Это, разумеется, неплохо: «Вестник древней истории», несомненно, дает возможность составить представление о состоянии археологических исследований в СССР. Можно указать лишь на то, что из археологических обзоров только 7 касаются областей древнего мира, остальные знакомят главным образом с материалом по доисторической археологии и археологии позднего времени. Конечно, очень интересно иметь полный обзор археологических открытий, узнать и о неандертальском человеке в Узбекистане и о зарострийском костехранилище XIII века нашей эры, но все же желательны более подробные отчеты о раскопках, имеющих непосредственное отношение к истории древнего мира.

В четвертом разделе — «Приложения» — помещаются исследования и переводы источников, обобщенные одной темой. Замысел дать в одном номере нечто цельное по содержанию, разработку крупной исторической проблемы представляется нам весьма удачным. Спорным может быть лишь характер таких приложений и их тематика. Приложения за 1939 год таковы: № 1 — «К истории древних славян», № 2 — «Материалы к истории Иберии (древней Испании)», № 3 — «Материалы по истории Скифии в греческих палисидах Балканского полуострова и Малой Азии» и № 4 — Проклпий «О постройках». Уже из этого краткого перечня видно большое разнообразие в темах, характере и композиции приложений. Последние два представляют собою публикацию источников. Особенно ценной является работа Б. П. Гравкова — собрание надписей Греции, содержащих материал по истории Скифии, с кратким, но интересным экскурсом по истории вывоза рабов из Скифии. Эта работа является важным дополнением к собранию надписей Северного Причерноморья и «Известиям древних писателей о Скифии

и Кавказе» и долго сохранит свое значение. Кроме греческого текста даны перевод и ценные и поучительные комментарии к отдельным надписям.

Приложение в четвертом номере — сочинение Проклпий «О постройках» — перевод крупного цельного произведения без комментариев и без оригинального текста. Конечно, нельзя требовать полного единообразия при оформлении этих приложений, но все же можно указать, какой тип публикаций представляется более удобным и ценным для читателя. Здесь, нам кажется, ответ ясен: первый тип во всех отношениях предпочтительнее. Во всяком случае, небольшие по размеру материалы (надписи, небольшие сочинения, папирусы и пр.) лучше было бы публиковать с греческим или латинским текстом. Если это трудно выполнимо для более крупных произведений, то все же всегда необходимо комментарий, все равно, иметь ли в виду специалистов или же широкие круги читателей. Такие сочинения, как «О постройках», полнотные, так сказать, в сыром виде, могут дать сравнительно мало, тогда как соответствующие комментарии могли бы многое разъяснить и усилить интерес к произведению. Важно также было бы поместить и обстоятельную статью, содержащую биографию и характеристику автора, разбор его работ и т. д.

Приложения в 1 и 3-м номерах имеют иной характер.

«К истории древних славян» представляет собою ряд статей о славянах с древнейших времен и до VIII—IX веков нашей эры. «Материалы к истории Иберии» смешанного характера: отчасти это переводы источников — Авлениа, Страбона (1-я книга), Аппиана и Плутарха, отчасти — статьи (Мишулина и Петерс).

В общем в «Вестнике древней истории» за 1939 год мы имеем разнообразные типы приложений: 1) цельное произведение, 2) сборник источников одного рода, 3) сборник статей и 4) сочетание источников и исследований. Относительно всего отдела можно высказать следующие пожелания. Как ни интересны материалы по истории Византии и славян, все же желательно было бы уделить в приложениях больше места источникам и исследованиям по истории собственно древнего мира: по крупным периодам, странам или проблемам.

Так, была бы желательна публикация материалов по истории римских провинций и по истории окраин СССР: Крыма, Кавказа, Средней Азии. Следовало бы дать приложение по истории древнего Востока, тем более что переводов многих первоклассных древневосточных источников на русский язык еще не существует. Ввиду того срав-

нительно малого внимания, которое уделялось до сих пор Греции на страницах журнала, следовало бы дать еще приложение на одну из тем греческой истории. Переводы негочнышков желательнее иметь с текстом и, во всяком случае, с необходимыми комментариями и вводными статьями. Важно было бы и в дальнейшем давать переводы авторов, до сих пор не переведенных на русский язык или переведенных неудовлетворительно, например: по греческой истории — Птоломея, Демосфена, мелкие произведения Аристана, псевдоаристотелевский трактат «*Oeconomica*», надписи и папирусы, отдельные книги Диодора Сицилийского, по Риму — памятники права, авторов позднеимперской империи, по Востоку — памятники древневосточного законодательства, цельные художественные произведения и прочее.

Несмотря на некоторые указанные выше недочеты «Вестник древней истории» в настоящем виде, несомненно, разрешает в общем удачно задачи, стоящие перед ним, и удовлетворяет назревшую потребность в журнале по истории древнего мира. Содержание вышедших номеров разнообразно и интересно, и можно только пожелать, чтобы журнал оставался на том высоком научном уровне, на котором он стоит. Высказанные замечания могут быть в основном сведены к следующему. Журнал должен сохранить разнообразие материала; помимо специальных исследований в нем должны находить место и обзорные статьи информационного характера. «Вестник древней истории» должен быть журналом, освещающим важнейшие проблемы древней истории, намечающим пути их разрешения, центром научно-исследовательской работы советских ученых в области истории древнего мира. Соответственно с этим рядом со статьями более специального характера в каждом номере должна быть работа, знакомящая с постановкой той или иной крупной исторической проблемы и дающая попытку ее разрешения. С другой стороны, несколько не приходится останавливаться перед, казалось бы, очень узкими темами. Значение статьи зависит не только от темы, но и от способа ее разработки, и работа на специальную тему может вплотную подводить к правильному решению вопроса, имеющего широкый исторический интерес. Из отдельных исторических дисциплин (помимо собственно истории) до настоящего времени в «Вестнике древней истории» широко представлены археологические исследования, гораздо меньше внимания уделяется эпиграфике, палеологии, филологии, шумизматике и т. д. Большой удельный вес должна получить тематика собственно древнего мира. Это не значит, что не следует помещать статей на темы, несколько

выходящие в отношении времени или пространства за эти рамки.

«Вестник древней истории» в настоящее время поступает, несомненно, правильно, стремясь охватить прежде всего историю древних народов, живших на территории СССР. В журнале помещен интереснейший в этом отношении материал и поставлены широкие проблемы. Мы имеем в виду лишь известную пропорциональность в структуре журнала, правильное соотношение частей.

Внешнее оформление журнала оставляет желать лучшего. Рисунки не всегда отчетливы (например изображение колхидских монет — № 4, стр. 158). Желательно также улучшить и сделать более многочисленными карты к отдельным статьям и указатели. К сожалению, в них встречаются пробелы и неточности. Так например в указателе к сочинению Прокопия «О постройках» неверно и неполно дан «Эфес» (в указателе — V, 1, 5, следует — V, 1, 4; 7), отсутствуют Смет, Веландинар и др. В указателе к «Материалам к истории Иберии» пропущены «Массинесса», «Ливия» — Апп. 89. (№ 2, стр. 295) и др.

Четвертый номер «Вестника древней истории» за 1939 год открывается передовой «Сталин и развитие марксистской исторической науки в СССР» и статьей А. В. Мишулина «Из лаборатории исторических идей Ленина». Первая статья намечает основные моменты в вопросе о значении работ товарища Сталина для развития марксистской исторической науки, именно лишь намечает, так как в одной статье, говоря словами ее автора, «невозможно исчерпать богатство содержания теоретических работ товарища Сталина...» В статье тов. Мишулина комментируются высказывания Ленина о рабстве, причем правильно указывается на «некоторого рода универсальный характер» понятия рабства и на глубокий анализ конкретно исторических форм рабства у Ленина.

Статьи акад. Джавахидовичи и Ушакова посвящены историко-этнологическим проблемам истории Кавказа, Закавказья и Ближнего Востока в древнюю эпоху. В работе акад. Джавахидовичи «Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи» перечисляются группы источников, которыми можно воспользоваться для решения скифо-сарматского вопроса. Автор справедливо указывает на собственные имена и этнические наименования, имеющиеся в греческих надписях Причерноморья, как на основной источник в противоположность описательным сведениям, которые дают классические писатели, сведениям по мифологии и этническим наименованиям, имеющимся в трудах греческих и римских историков и географов.

Далее даются подробное сопоставление и анализ иранских имен в надписях Причерноморья. Главный вывод автора сводится к тому, что население древнего Причерноморья принадлежало к адыгейским племенам. Это устанавливается путем сближения древних названий со словами языков адыгейско-чечено-лезгинской группы. Так например в состав названий «Синопа», «Анапа», «Пантикапа» входит часть апэ (-опа), означающая «устье». И этнические имена, по мнению автора, не иранского, а адыгейского происхождения. На этом основании он утверждает, что скифы и сарматы принадлежали к северокавказским адыгейско-чечено-лезгинским народностям.

Не имея возможности дать самостоятельное суждение по вопросам кавказской филологии, я все же считал бы нужным высказать некоторые соображения. Акад. Джавахишвили указывает своеобразный и интересный путь для решения трудной и много изучавшейся скифо-сарматской проблемы. Можно думать, что дальнейшее исследование эпиграфических данных и других источников с точки зрения, выявленной в данной статье, прольет свет на эту проблему. Однако автор и сам заметил, что «нужно начинать с эпиграфических материалов, и... когда выяснится, в каком направлении следует вести дальнейшие изыскания, возможно и целесообразно перейти к анализу источников остальных групп». Это не только возможно и целесообразно, но, прибавим от себя, и необходимо. Едва ли можно так категорически определять принадлежность скифов и сарматов, не рассмотрев вопроса о том, насколько этимологические сравнения и анализ подтверждаются другими 5 группами источников, о которых говорит сам автор, в частности данными археологических раскопок.

Далее, для того чтобы выводы автора были прочны, нужно было бы дать основательный разбор иных взглядов. Между тем, например, «иранскому» решению скифо-сарматского вопроса автор отводит лишь несколько строк.

Помимо сказанного в статье поставлен ряд других вопросов: откуда пришли грузины в Закавказье, с севера или юга, представляют ли Северный Кавказ и Причерноморье первоначальную родину скифо-сарматских племен, и др.? Путем исследования грузинской топонимии автор устанавливает наличие в Грузии чеченских и дагестанских названий и заключает отсюда, что Грузия была заселена чеченскими и дагестанскими племенами. То же утверждается относительно Азербайджана и Армении. Сарматские племена, таким образом, пришли с юга, так же как и грузины. Далее автор переходит к решению вопроса

о табалах и мушках (предках грузин), опять-таки путем сопоставления нескольких групп названий в стране хеттов и Урарту. Грузинские, картвельские и скифо-сарматские племена могли прийти лишь с юга, а потому табалы и мушки не могли быть индоевропейцами. Приводится выдержка из Евсевия, ссылающегося на Мегасфена в рассказе о походе Навуходоносора в Ливию и Иберию, причем автор отождествляет лувитов и предков лубенов (обитателей Албании).

В общем нельзя не признать, что статья акад. Джавахишвили ставит ряд интересных исторических вопросов, а стремление автора объяснить иранские имена путем сближения с кавказскими (в частности северокавказскими) языками заслуживает полного внимания. Однако предлагается невозможным разрешить и вопрос о скифо-сарматских племенах и о родине грузин, о первоначальной территории адыгейских племен, о табалах и мушках, а кстати, о лувийцах и кашкаш тем способом, который применяет автор, т. е. лишь путем исследований топонимии, этнонимии и немногих, довольно случайного характера ссылок на сообщения древних писателей. Можно, конечно, согласиться с автором, что выводы западноевропейской литературы далеко не так уже забыты, как кажется, что их необходимо пересмотреть, но для этого следовало бы привлечь всю совокупность данных, а не одну лишь топонимику.

К работе акад. Джавахишвили по теме и методу, но не по общему характеру близко стоит статья тов. Ушакова «Проблема древнейшего населения Малой Азии, Кавказа и Эгеиды». Она не представляет собою самостоятельного исследования, как работа акад. Джавахишвили, но сопоставляет выводы других исследователей. Конечно, такие информационного типа статьи также очень нужны, но их построение, нам кажется, должно быть иным, более ясным.

Выводы автора иногда слишком общи, как например то положение, что обзор приведенного материала дает нить к установлению связей между древнейшим населением Малой Азии, Эгеиды и Кавказа или что можно говорить о двух общих слоях населения этих областей: 1) субарейцах-хурритах и 2) протохеттах. Сопоставление же различных названий в статье П. Н. Ушакова имеет чересчур «выборочный» характер, чтобы быть вполне убедительным. Следует вспомнить слова самого автора: «При словарном богатстве такого древнего культурного языка, каковым является грузинский, нетрудно по звуковому сходству подыскать этимологию различным топонимическим названиям, но такие опыты всегда остаются шаткими, пока не установлен прочно

факт связи древней истории изучаемой территории с данной народностью» (№ 4, стр. 50).

Совершенно иным характером отличается статья акад. Манадьяна «Круговой путь Помпея в Закавказье». Ее тема — установление пути Помпея на Востоке в кампании 66—64 годов до нашей эры. Территория современных Грузинской и Армянской республик не один раз являлась ареной крупных событий в древности. Статья затрагивает один из важных моментов в истории этих стран, когда римляне впервые в продолжительном и чрезвычайно трудном походе проникли далеко в глубь Закавказья. Этот поход был связан с общей политикой римского государства на Востоке и с долготлетней борьбой могущественного понтийского царя Митридата против Рима. Скудные данные античных историков все же позволяют проследить основные этапы этого предприятия. Его целью было преследование Митридата и утверждение влияния Рима на территории колхов и албанцев, с сопротивлением которых пришлось встретиться Помпею. Путь римской армии пролегал через верховья Евфрата, близ Арарата, к главному городу Армении — Арташату, оттуда в Колхиду, в город Фасис (современный Поты в долине реки Риона), где в гавани Помпея поджидал римский флот. Из Фасиса Помпей направился снова на юго-восток, в долину Аракса, к устью Аракса и Куры и, наконец, обратно в долину Евфрата.

Автор тщательно изучил свидетельства древних и на основании их, а также топографических соображений вносит поправки в изложение исследователей нового времени. Так, опровергается мнение Моммзена о месте зимней стоянки римского войска в 66—65 годах до нашей эры, уточняется путь в Албанию для борьбы с царем Албании Оройзом и т. д. Статья необходима для всех интересующихся восточным походом Помпея. Думается, однако, что вопросы исторической географии, которые в ней затронуты, вызвали бы больший интерес и получили бы лучшее освещение, если бы автор трактовал их, увязывая с вопросами собственно историческими.

Статья И. М. Дьяконова «Аморей (к происхождению культа бога Иисуса)» разделяется на две части. Первая (I—II) дает заслуживающее внимания соображения о народах Запада (ашиги), об их распространении в Междуречье. Автор настаивает на необходимости различать этих «восточных ханаанцев» или «амореев» старовавилонской эпохи от Амурру эль-амарнской корреспонденции, конкретной области северной Сирии от берегов Средиземного моря до Пальмиры. В этой части работы хотелось бы видеть более полный обзор литературы

об аморейях (например работы Clay и др.). С другой стороны, раз автор затронул вопрос о «старшинах западных» (akīl ašīgīn) — термин, многократно встречающийся в переписке и документах эпохи Хаммурапи, — то следовало несколько подробнее остановиться на этом вопросе, не ограничиваясь неопределенным заявлением: «Обозначается впечатление, что термин «амурру» превращается в нечто вроде обозначения профессии, — может быть, маемников, стоявших под началом специальных старшин» (стр. 61), — хотя тут же указывается, что среди последних широкое встречаются и женщины.

В третьем разделе содержатся некоторые данные о культуре и религии амореев, и лишь в четвертом автор подходит к вопросу о прототипе умирающего и воскресающего бога христианства. У привифратских амореев существовало, помимо других богов, лучшее божество Пешу. Это божество может быть сопоставлено с Иисусом Навином, который так же, как Пешу, связан не только с солнцем, но и с луной. В лице Иисуса Навина божество начинает терять свой прежний характер и превращается в устроителя земледелия. Между культом Иисуса Христа и местным палестинским культом земледельческого божества, носившего имя Пешу, может быть, по мнению автора, установлена прямая предметная связь.

Сопоставления, которые делает автор в своей работе, несомненно, интересны и поучительны, но вопрос о связи христианского мифа с восточными земледельческими культами гораздо более сложен, чем он, по-видимому, представляется автору. Во всяком случае, доказательства происхождения названия и культа Иисуса из определенного восточного мифа у автора только намечены: они сводятся главным образом к 1—2 цитатам из труда Франк-Каменского (см. стр. 68 в конце). Точно так же вопрос об историчности или неисторичности Иисуса не может быть разрешен без соответствующего анализа письменных источников, одним указанием на «существование культа «бога Иисуса» за 2000 лет до рождения христового». В общем для убедительного решения таких сложных вопросов по истории религии необходима более широкая историческая перспектива и больший материал чем те, которые мы находим в изложении автора.

Статья проф. Авдиева «Религиозное оправдание войны в древнеегипетском искусстве (сцены триумфа)» содержит обстоятельную сводку соответствующего материала. Проф. Авдиев уже не раз касался истории войн и военного дела в древнем Египте (см. его статьи «Военная политика Египта в эпоху архаики и Древнего Царства» в

«Вестнике древней истории» № 1 за 1938 год и «Военная политика Египта в эпоху Среднего Царства» в «Вестнике древней истории» № 1 за 1939 год).

В рассматриваемой работе автор стремится показать на определенном материале, «как война организовалась, как мобилизовалось вокруг войны народное сознание, как использовались самые различные рычаги идейного воздействия на массы». Он следит за изображением сцен триумфа в разные эпохи исторической жизни Египта (в Древнем, Среднем, Новом царстве, в позднем Египте), отмечая при этом характерные особенности изображений, связанные с исторической обстановкой данной эпохи. Особенно значительно изменяются сцены триумфа в эпоху Нового царства в связи с громадным расширением исторической арены Египта, многообразным влиянием культур других народов, развитием завоевательной политики. Рядом примеров автор подтверждает идею о том, что, в то время как в фигуре фараона сказываются символизм и орнаментальный схематизм, в изображениях пленников чувствуется отступление от канона, живая струя реализма. Эта мысль неоднократно выражена в статье в несколько однообразной форме. Так например на стр. 111 мы читаем: «Строгий орнаментальный схематизм, рождающий традиционный канон, заковывает всю сцену в формы условно-эмблематической схемы. И опять реалистические тенденции пробиваются наружу лишь в изображениях поверженных врагов...»; на стр. 109: «Старая традиционная сцена выдержана в условно-схематическом стиле торжественных и официальных изображений, становясь отныне трафаретным и традиционным каноном новой сцены триумфа»; на стр. 105 автор говорит об использовании «древней канонической эмблематики, которая теперь господствует над сценой триумфа, иногда целиком подавляет ее, облекая все изображение в форму строго орнаментальной, доведенной до степени иероглифической композиции, совершенно застывшей схемы» и т. д. Нужно отметить также, что ввиду той задачи, которую ставил перед собою автор, — показать, как «организовывалась» война, — лучше было бы не ограничивать своей темы и изложения чересчур узкими рамками — описанием и анализом сцен триумфа: трудно отделить в данном случае искусство слова от изобразительного искусства. С «оправданием войны» в эпоху Нового царства была связана вся система религиозных представлений, культа, официальной литературы, стиля изобразительных искусств и пр. Самая постановка вопроса об «оправдании войны» побуждала, казалось бы, затронуть некоторые из этих вопросов.

Несомненно, интересный материал дают также остальные статьи, помещенные в четвертом номере, — по истории Византии, славян и Согда в VIII веке.

Отдел критики и библиографии в четвертом номере несколько бледнее чем в предыдущих. Из трех рецензий, помещенных в этом отделе, одна посвящена выдающемуся труду Б. Д. Грекова «Киевская Русь» и обстоятельно характеризует основное содержание этого труда. Вторая — небольшая рецензия проф. А. Фреймана о новой работе по египетскому календарю. Наконец, третья — проф. Богаевского о шведских раскопках в Мальти-Дорионе, в западной Мессении, в югозападной части Пелопоннеса.

Шведская экспедиция под руководством Валмена начала работать в западной Мессении с 1926 года. Местечко Мальти — древний Дорион, — о котором говорится в «Каталоге кораблей», во II песне «Илиады» (II, 594 сл.) и развалины которого упоминаются в работе Павсания, путешественника и ученого II века нашей эры (IV, XXXIII, 7). Результаты раскопок позволяют проследить историю населения в Мальти на протяжении 1500 лет, начиная с неолитической эпохи и до 1000 года до нашей эры. Дорион I — небольшое поселение эпохи неолита, состоявшее из отдельных хижин. Дорион II — поселение около 2500—2200 года до нашей эры с преобладанием «прямоугольных домов». Дорион III и IV — поселения среднебронзового периода (после 2200 года) с новой планировкой и новым способом и стилем построек (овальные, сложно составленные дома). Дорион IV — укрепленный город, состоящий из трех частей, с дворцом в центре, со стенами, башнями и защищенными городскими воротами, с хозяйственными, общественными и культовыми сооружениями. Дорион V — город поздней бронзовой эпохи с настоящим микенским мегароном. Обнаруженные погребения отражают историческое развитие Дориона в различные периоды. Раскопки дали также значительный материал для характеристики хозяйственной жизни поселения. Они свидетельствуют о сильном развитии скотоводства. Керамика богата и разнообразна. Интереснейшим результатом раскопок является находка знаков письменности на глиняных обломках. Последние раскопки вообще все более указывают на распространение письменности в материковой Греции (сравни американские раскопки в Пилосе). Рецензент прав, считая необходимым пересмотр вопроса о происхождении греческой письменности в связи с новыми открытиями в средиземноморских странах.

Рецензия проф. Богаевского дает представление о памятниках Мальти-Дориона

и смене отдельных периодов в его развитии, но автор рецензии весьма субъективно освещает материал раскопок, причем освещение это отличается схематизмом и натянутостью. Если объяснения руководителя раскопок Валмена и являются во многом неприемлемыми, то голословное отрицание передвижений и завоеваний у проф. Богаевского также необоснованно. Проф. Богаевский применяет и по отношению к Мальте свою теорию, согласно которой эгейская культура представляет пример отвлеченного прямолинейного развития. Раскопки в Мальте же знакомят нас с живой исторической жизнью местного центра — от примитивного поселения неолитической эпохи до гораздо более сложных форм жизни в позднейшие времена. В частности на эти более сложные формы указывают и существование письменности и характер позднейших поселений.

Отдел «Хроника» в четвертом номере представляет большой интерес. О замечательных открытиях Саяно-Алтайской археологической экспедиции по исследованию древнехакасских могильников — каменных курганов, окруженных каменными стелами, — сообщают гг. Л. Евтюхова и С. Киселев («Открытие Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г.»). Эти открытия явились результатом многолетней работы. Их значение заключается в обнаружении замечательнейших образцов необычайно сложного прикладного искусства, на которых можно проследить не только влияние искусства сасанидского Ирана и китайской ювелирной техники, но и своеобразную древнюю традицию кочевых степных народов; эти изделия прекрасно знакомят с бытом и культурой древнекыргызской аристократии.

Несмотря на то что ряд могил оказался ограбленным, были сделаны ценные находки. Так, найдено было, например, серебряное позолоченное блюдо и 4 золотых сосуда на нем; на двух из них (на дне) были начараланы орхоно-енисейские надписи. Особенно замечателен третий сосуд, сплошь покрытый чеканным рельефным орнаментом с изображением фантастических птиц грифонов, держащих в клювах рыб, и пр. Также были найдены различные украшения сбруи: серебряные и золотые бляхи с орнаментом, сходным с орнаментом сосудов, золотой диск — нагрудник коня, «шедевр ювелирной техники».

В средней части кургана № 6, в углублениях, были обнаружены наборы сбруйных украшений и принадлежностей. Среди них особенно следует отметить рельефные бронзовые бляхи: изображения бешено скачущего всадника, разъяренного тигра, горных баранов, пятнистого барса, ланей и других животных. Эти сцены имеют ана-

логию в сценах сасанидских блюд, но открытые рельефы отличаются необыкновенным реализмом и непосредственностью.

Большой интерес представляют и все другие сообщения об археологических работах. Остановимся на некоторых из них. В статье А. Бернштама «Археологические работы в Казахстане и Киргизии» дана сводка результатов исследования города Тараза в долине реки Талас. Были открыты и изучены последовательные пять слоев, соответствующих различным историческим периодам. Древнейшим является слой V—VII веков нашей эры, наиболее богатые культурные остатки дал слой XI—XII веков нашей эры.

В статье А. Окладникова говорится о «неолитических находках в шивовых Ангары», а в статьях Т. Пассек и Б. Безвенглинского — о «новых открытиях Трипольской археологической экспедиции в 1939 г.». Трипольская экспедиция производила раскопки на поселении Коломийщина II. Были раскопаны 5 жилищ и ракушечная куча. Можно было, таким образом, изучить постройки, орудия, глиняные статуэтки и пр. Ознакомление с этим материалом дает возможность составить некоторое представление и о социальном развитии: можно было установить постепенность в расширении площади самого большого из раскопанных за последние годы трипольского дома, а отсюда сделать вывод о разрастании родовых коллективов и выделении новых домохозяйств. Особенно интересной является модель жилища нового типа — трипольского дома на ножках, с двухскатной крышей.

Открыты были также по течению реки Сухой Бобрицы 6 новых трипольских поселений.

В виде «приложения», как уже говорилось выше, в четвертом номере дан перевод сочинения Прокопия Кесарийского «О постройках». Перевод С. П. Кондратьева читается легко. «О постройках» — сочинение, написанное в 560 году нашей эры. Оно имеет несомненное значение и для характеристики автора в его отношении к Юстиниану, и для изучения географии и этнографии Византийской империи и окружающих областей, и для истории военного дела (оборонительных сооружений) и пр. Сочинение состоит из 6 книг и сообщает массу сведений о различных постройках: храмах, монастырях, дворцах, страноприимных домах и домах для больших, стенах городов, о крепостях, гаванях и т. д. Много любопытных для историка сведений о восточной границе мы находим, например, во II и III книгах, в Египте и Ливии в VI книге и т. д.

Отметим, однако, еще раз, что для использования этого содержательного истори-

ческого источника необходим комментарий, который давал бы разъяснения и сопоставления с сообщениями других источников. Следовало также приложить соответствующую карту.

Содержание четвертого номера за 1939 год подтверждает впечатление, складывающееся у читателя при знакомстве с предшествующими номерами. Каждый из них дает поучительный и свежий научный материал. Редакции удалось добиться крупных результатов. Журнал, несомненно, является в настоящее время средоточием работы советских исследователей по истории древнего мира в самом широком значении последнего термина. «Вестник» очень полно знакомит с археологической работой в нашей стране, уделяет большое внимание истории древних народов СССР. В нем идет разработка проблем истории древнего Востока, Греции и Рима, обращено достаточное внимание на вопросы исторической методологии марксизма-ленинизма. В вышедших уже номерах ВДН помещен ряд исторически значительных источников.

Та неравномерность в тематике, которая была отмечена выше, в значительной мере обуславливается неравномерностью разработки соответствующих проблем в советской литературе. Некоторые изменения в тематике, характере статей, улучшение их качества, а главное, соответствующая организация научно-исследовательской работы в институтах и вузах будут способствовать еще большему повышению научного уровня «Вестника древней истории». Можно надеяться, что с дальнейшим ростом советской исторической науки и увеличением молодых научных кадров круг разрабатываемых журналом вопросов будет становиться все более широким, а самая разработка — более глубокой и плодотворной.

П. Софинов

О книге А. ФЕДОРОВА «Пермская катастрофа и контрнаступление восточного фронта». Военгиздат. 1939.

Гигантская работа товарищей Сталина и Дзержинского по укреплению восточного фронта, разгрому Колчака, разоблачению преступной деятельности Троцкого и его приспешников заслуживает самого тщательного и серьезного изучения и освеще-

ния. Поэтому выход в свет книги А. Федорова необходимо всячески приветствовать. Тов. Федоров привлек богатый архивный материал и дал подробное описание оперативно-тактических действий 3-й армии в период с октября 1918 года по январь 1919 года. Он высказал новую точку зрения на судьбу 1-го морского крошадтского полка, показав, что полк не сдался в плен, а был полностью уничтожен белыми; дал новую оценку кунгурской операции, привел ценные данные о стратегических указаниях партийно-следственной комиссии и т. д. Все это дает возможность оценить работу тов. Федорова в общем положительно.

Вместе с тем надо отметить, что в книге тов. Федорова имеется ряд серьезных подсчетов и ошибок.

Нам кажется неверным самый метод исследования боевых действий изолированно от экономических и политических условий тыла, в отрыве военной работы от работы местных партийных и советских организаций. В книге тов. Федорова можно найти только отрывочные, случайные данные по этому вопросу. Даже в таком событии, как ижевско-вогкинский мятеж, автор описывает только оперативно-тактическую сторону. Этот профессионализм (кстати сказать, присущий большинству авторов, занимающихся изучением военных операций) привел к тому, что тов. Федоров не дал историко-политического анализа мятежа, не показал, что он являлся звеном общей цепи контрреволюционных выступлений в Вятской и Пермской губерниях, выступлений, подготовленных эсерами, меньшевиками, белогвардейскими агентами. Ведь вслед за мятежом в Ижевске вспыхнул мятеж авантюриста Степанова, оживилась контрреволюционная деятельность эсеров и меньшевиков во всех городах Вятской губернии. В связи с чехословацким мятежом велась усиленная подготовка к восстанию в Перми. (Выступление было намечено на 23 июня 1918 года. Ввиду ареста одного из руководителей заговора — пермского архиепископа Андроника — восстание сорвалось и заговорщики зарылись в подполье.) Все эти восстания и заговоры представляли собой единую мутную волну внутренней контрреволюции, которая пыталась облегчить продвижение регулярных армий белых. Поэтому неправильно рассматривать ижевско-вогкинский мятеж изолированно от общего состояния Вятской и Пермской губерний.

Описывая военные действия на фронте в течение 22—25 декабря 1918 года, тов. Федоров сообщает: «Белогвардейцы установили связь с контрреволюционными организациями в г. Перми и поставили им задачу — поднять контрреволюционное восста-

ние в городе при подходе войск белых» (стр. 104). Из этой фразы читателю вовсе не ясно, какие белогвардейские организации существовали в Перми, к чему сводилась их деятельность. Более того: приведенная фраза наводит на мысль, что связь колчаковской армии со своими агентами в Перми была установлена чуть ли не перед самым падением города. А это далеко не так. В Перми существовала довольно обширная подпольная организация во главе с Симоновым и Любашевым. Она имела боевой отряд в 50 штыков, бронемашину и пулеметы. Агенты организации пробрались в Чрезвычайную комиссию, в штаб 3-й армии, на военный телеграф и т. д. Диверсионные отряды взрывали поезда и железнодорожные пути, прерывали телефонную и телеграфную связь красных армий, рыскали по селам, провоцируя восстания и расстреливая советских работников. У белогвардейского подполья была постоянно налаженная связь с армией белых.

Специфическое положение крестьян Приуралья и ошибки местных партийных и советских организаций способствовали контрреволюционной работе в тылу.

Все это свидетельствует о том, какое огромное значение в поражении 3-й армии под Пермью имело неудовлетворительное состояние тыла. Тов. Федоров отделился от этого вопроса несколькими незначительными фразами. Увлечшись описанием тактических операций, он упустил из поля зрения другую, не менее важную сторону рассматриваемой им темы.

Освещение работы товарищей Сталина и Дзержинского также нельзя признать удовлетворительным.

В 3-й главе книги тов. Федоров создает специальный раздел «Поездка т. Дзержинского в Москву...», в котором рассказывает, как 13 января 1919 года тов. Дзержинский выехал в столицу и что он сообщил там Ленину. Мы должны разочаровать автора. В действительности этой поездки не было. Тов. Дзержинский не уезжал с восточного фронта до окончания работы комиссии. Это подтверждается тем фактом, что тов. Дзержинский вместе с товарищем Сталиным посылает Ленину телеграмму из Глазова 15 января, т. е. в то самое время, когда, по данным Федорова, он должен был только под'езжать к Москве. В указанной телеграмме товарищи Сталин и Дзержинский просили Ленина прислать им в Глазов копию решения о роспуске уральских областных и пермских губернских организаций. Пробытие тов. Дзержинского в этот период в Глазове подтверждается и другими источниками.

Можно указать хотя бы на запись разговора по прямому проводу между Волог-

дой и Глазовым от 15 января, в которой прямо говорится, что товарищи Сталин и Дзержинский находятся в Глазове и ведут следствие.

Тов. Федоров пытается подкрепить свое утверждение ссылкой на следующее указание тов. Ворошилова: «И только 13 января 1919 г. товарищ Сталин посылает вместе с т. Дзержинским свой краткий предварительный отчет о «причинах катастрофы» (К. Ворошилов «Сталин и Красная Армия», стр. 16. Воениздат. 1937). По очевидно, что тов. Федоров неправильно толкует указанную фразу. У тов. Ворошилова идет речь не о посылке отчета с тов. Дзержинским в Москву, а о посылке отчета, написанного товарищем Сталиным вместе с тов. Дзержинским.

На стр. 127 тов. Федоров допускает неточность при определении формального признака документа от 5 января 1919 года. Первое сообщение товарищей Сталина и Дзержинского из Вятки о начале расследования именуется телеграммой, тогда как в действительности это было письмо, посланное Ленину 5 января со специальным курьером. Сама по себе эта неточность не имела бы существенного значения, если бы в результате ее не последовали другие, уже более серьезные ошибки.

В поисках ответа Ленина на так называемую телеграмму от 5 января тов. Федоров решил, что телеграмма Ленина от 14 января 1919 года¹ и является искомым ответом (стр. 128). На тот факт, что Ленин говорит о «первой шифрованной депеше», а документ от 5 января и не шифрованный и имеет свою особую резолюцию, тов. Федоров не обратил внимания и произвольно об'единил в своей книге эти два документа, как будто бы один явился результатом другого.

Судьба письма от 5 января и резолюции Ленина и Свердлова от 8 января остались не изученными автором книги, и это привело тов. Федорова к новым неточностям.

На стр. 140 автор сообщает о присылке 3-й армии подкреплений из Вологды (3-й стрелковый полк, полк ЧК и полк железнодорожной охраны). Сведения эти автор взял из записи разговора по прямому проводу между командующим 3-й армией и членом реввоенсовета восточного фронта, находившимся в Вологде. Искритически, без всякого анализа тов. Федоров перенес непроверенные данные в книгу. А на самом деле указанные полки в 3-ю армию посланы не были.

¹ «Получил и прочел первую шифрованную депешу очень прошу вас обоим лично руководить исполнением намеченных мер на местах ибо иначе нет гарантии успеха. Ленин».

Получив требование ЦК от 8 января о посылке подкрепления в 3-ю армию, реввоенсовет и Главком отдали распоряжение о переброске в Глазов трех полков из Вологды и шестнадцати рот из Казани. Однако, когда дело дошло до фактической отправки войск, главное командование изменило свое решение и без ведома Ленина дало полкам другое назначение. Таким образом, 3-я армия не получила обещанного подкрепления и была вынуждена, напрягая все силы, обходиться наличными резервами. Это чрезвычайно важное обстоятельство по-прежнему освещает условия работы партийно-следственной комиссии. Нужно было обладать сталинской энергией, сталинским талантом полководца, чтобы разбитую и деморализованную наполовину уничтоженную армию, не получившую даже после катастрофы серьезной помощи от реввоенсовета республики, привести в боевой вид и начать контрнаступление.

Поверхностно освещен тов. Федоровым вопрос о Северном экспедиционном отряде лыжников. Здесь автор ограничился использованием только одного документа. В документе говорится, что в Вятке был сформирован к 20 января отряд лыжников численностью в 400—500 бойцов, который должен был 24 января 1919 года выступить по маршруту товарища Сталина: Слободской — Кайгород — Усолжье. Несколько ниже автор сообщает, что отряд выступил в путь 28 января. Таким образом, директива товарища Сталина не была своевременно выполнена, и отряд задержался в Вятке 4 дня. В чем причины задержки и кто в ней повинен? Что представлял собой отряд и какую работу провели в нем товарищи Сталин и Дзержинский? Почему необходимо было послать его на север Вятской губернии и какая борьба велась вокруг этого? Все эти вопросы не только не разрешены, но даже и не поставлены в книге тов. Федорова. А между тем они имеют громадное значение для понимания деятельности товарищей Сталина и Дзержинского на восточном фронте и тех условий, в которых приходилось им работать.

В середине января Уральский окрвоенкомат организовал в Вятке лыжный отряд. Когда товарищи Сталин и Дзержинский ознакомились с отрядом, они убедились, что он представлял собой дезорганизованную группу, не способную к серьезным действиям на фронте. Партийно-следственная комиссия немедленно приступила к реорганизации отряда. С помощью партийной организации отряд был превращен в стойкую боевую единицу. Он развернулся к концу января в полк численностью около 1000 человек. Наряду с беспартийными в нем было 200 коммунистов и много ком-

сомольцев. Он именовался Северным экспедиционным лыжным батальоном. Товарищи Сталин и Дзержинский дали батальону указание выступить 24 января в путь на север Вятской губернии для укрепления левого фланга 3-й армии. Одновременно товарищи Сталин и Дзержинский отдали распоряжение командованию 3-й армии о снабжении батальона орудиями. Несмотря на то что в городе Котельниче имелось необходимое вооружение, командование армии задерживало выдачу его лыжному батальону. Прибыв в Глазов (из Вятки) 21 января, Сталин и Дзержинский взяли под свое личное наблюдение выполнение распоряжения о вооружении лыжников. В это же время комиссии стало известно, что окрвоенкомат вопреки маршруту, данному товарищами Сталиным и Дзержинским, решил направить батальон в распоряжение 6-й армии, т. е. на менее важный, северный фронт. В связи с тем, что обещанные армии три полка не были присланы, а также учитывая вредную позицию окрвоенкомата, товарищи Сталин и Дзержинский 22 января телеграфировали Ленину, что неустойчивое положение левого крыла 3-й армии может испортить все уже налаживающееся дело, и попросили подтвердить указание комиссии. Вместе с тем батальону было дано вторичное распоряжение о выступлении на левом фланге армии. Только в результате упорной борьбы сопротивление саботажников было сломлено и лыжный батальон выступил в путь по маршруту товарищей Сталина и Дзержинского 28 марта 1919 года.

Крайне неудовлетворительно осветил тов. Федоров вопрос об укреплении тыла. В книге даны беглые сообщения о том, что в Вятке был организован военно-революционный комитет, созданы комендатуры в пунктах трактовых дорог и т. д. Но все это является только констатацией фактов. В книге нет основного — серьезного показа процесса работы по укреплению фронта и тыла, показа роста доверия и любви крестьян Вятской губернии к Красной Армии. Отдельные, отрывочные сведения, разбросанные в книге, не спасают положения, ибо они остались непроанализированными, внутренняя связь между ними отсутствует. Это, скорее, набор отдельных фактов, чем серьезное исследование вопросов, связанных с укреплением фронта и тыла. И поэтому хорошо составленный оперативно-тактический очерк не имеет под собой твердого основания.

Односторонность подхода тов. Федорова к оценке исторических явлений сказалась и при оценке им белых армий. «Пока армии белых были немногочисленны, — пишет автор, — наличие большого количества офицеров и иностранных инструкторо-

ров давало их войскам тактическое превосходство. Однако по мере увеличения численности белогвардейских войск за счет производимых мобилизаций их офицерские кадры растворились в массе мобилизованных, и белые потеряли свое недолговечное тактическое превосходство» (стр. 48). Отмечаемое автором явление имело место и сыграло некоторую роль в поражении Колчака. Однако не это было главным. Основное заключается в изменении классового состава армии Колчака в связи с мобилизациями. «Пока его армия была классовая,—говорил Ленин,—пока она состояла из добровольцев, ненавистников социализма, эта армия была крепка и прочна. Но когда он стал производить поголовный набор,—он, конечно, мог набрать армию быстро,—то здесь получилось обратное тому, что было при наборе против капиталистов и помещиков» (т. XXIV, стр. 354). У тов. Федорова вопрос о «тактическом превосходстве» заслонил собой другой, важнейший вопрос, о котором пишет Ленин.

Спорным является категорическое утверждение автора, что направление главного удара Колчака на север для соединения с английским десантом «было явно невыгодно для белых» (стр. 17). Автор недооценивает огромного стратегического и экономического значения Вятки и Котласа (железная дорога Вятка—Петроград, большие запасы хлеба, мехов, кожи в Вятке, огнеприпасы в Котласе и т. д.). Кроме того тов. Федоров упускает из виду, что одна попытка белых соединиться с Красным в районе Саратов — Царицын потерпела крах и это до некоторой степени определяло выбор северного направления.

Однако несмотря на указанные нами недочеты в книге тов. Федорова она представляет известный интерес для изучения оперативно-тактических действий 3-й и 2-й армий, тем более что до работы тов. Федорова этот вопрос освещался в литературе явно недостаточно.

С. Безбах

«Альбом наглядных пособий по истории СССР»

Выпуск 1-й. Госполитиздат. 1939. 27 картин. Цена — 100 рублей.

Составители — научные сотрудники историко-партийного кабинета Высшей школы партийных организаторов при ЦК ВКП(б) Н. Беляев, М. Мещ-

ков, Д. Петров, Л. Сегаль. Под руководством З. А. Ждановой. Консультанты—проф. Н. Тарасов и Г. Новицкий. Пояснительный текст составил проф. Г. А. Новицкий. Ответственный редактор—проф. В. И. Лебедев. Редакторы-организаторы — Е. Глазунова и Н. Коробченко. Художник Б. Капцов.

Выход в свет первого из восьми выпусков «Альбома наглядных пособий по истории СССР» является крупным событием в области пропаганды исторических знаний.

Первый выпуск «Альбома» охватывает темы «Наша родина в далеком прошлом» и «Киевское государство».

Составители включили в «Альбом» изображения подлинников и реконструкций, причем почти каждый лист представляет комбинацию обоих видов иллюстраций. Кроме того на каждой таблице, помимо заголовка, помещены удачно подобранные краткие, но яркие и выразительные высказывания из сочинений классиков марксизма, «Краткого курса истории СССР» и первоисточников (летописи, «Русская Правда» и т. п.).

Первый лист «Альбома» посвящен изображению жизни древнейшего населения нашей страны. Известное замечание Энгельса о значении «седой древности» для истории человечества помещено над репродукцией с картины В. М. Васнецова «Охота на мамонта». Внизу листа расположены палеолитические орудия труда. Все это заключается цитатой из сочинения Энгельса о роли труда в процессе превращения обезьяны в человека.

Пояснительный текст к таблице говорит о каменных орудиях, технике их изготовления, рассказывает, где найдены изображенные на таблице орудия, и приводит отрывки из «Истории ВКП(б)» об основе производственных отношений при первобытно-общинном строе. В заключение дается очень краткое объяснение картины Васнецова. К сожалению, ничего не сказано о внешнем облике людей того времени, их одежде, оружии, окружавшей их суровой природе.

На втором плакате центральное место занимает репродукция с другой картины Васнецова, изображающей стоянку родовой общины. Лист начинается цитатой из «Истории ВКП(б)» об общем труде и общей собственности на средства и продукты производства при первобытно-общинном строе. Внизу даны изображения неолитических орудий труда, жупища, челнока, высеченное на скале изображение охоты на оленя. Здесь же приводится высказывание Энгельса о периоде дикости.

Пояснительный текст и в данном случае носит чисто описательный характер. Не-

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ

РОДОВАЯ ОБЩИНА НА ПОЗДНЕЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ

Воспроизведение предметов быта и орудий труда и материалов, орудий, орудий быта, орудий труда, как и т. д. являются объектами деятельности человека.

Плакат из «Альбома наглядных пособий по истории СССР».

сколько больше сказано только об изображениях на скалах, о магическом значении этих рисунков.

Очень важно было бы дать территориальное размещение стоянок либо в виде карты с нанесением границ ледников либо в форме соответственно развернутого пояснительного текста. Однако составители этого не сделали. Недостатком является также и то, что текст не объединяет в пояснении центральной картины — реконструкции с дополнительными изображениями вещественных памятников или схем. Так например, говоря о том, что «жилищем человеку в этот период служили главным образом землянки», автор забывает сказать о пещере, около которой изображены члены родовой общины на центральной картине таблицы. Схема землянки-шалаша не даст верного представления о жилище того времени. Следовало бы дать изображение жилища Костенковской стоянки, которая гораздо ярче рисует обстановку коллективного жилища изучаемой эпохи и представляет научно ценный материал.

Лучше сделан следующий плакат — о родовой общине на поздней стадии развития. В центре находится картина М. Г. Соколова «Поселок эпохи трипольской культуры». Однако замечание составителя о том, что «люди в ту пору жили в больших

домах, которые внутри делились на помещения для отдельных семей», противоречит результатам раскопок Т. Пассека.

Последний плакат по разделу «Первобытно-общинный строй» воспроизводит картину А. Н. Комарова «Поселок срубно-хвалынской культуры». Под картиной помещены бронзовые изделия (кинжал и топор старейшины), золотой бычок и каменная литейная форма. Напечатанные тут же высказывания Энгельса говорят о первом крупном общественном разделении труда.

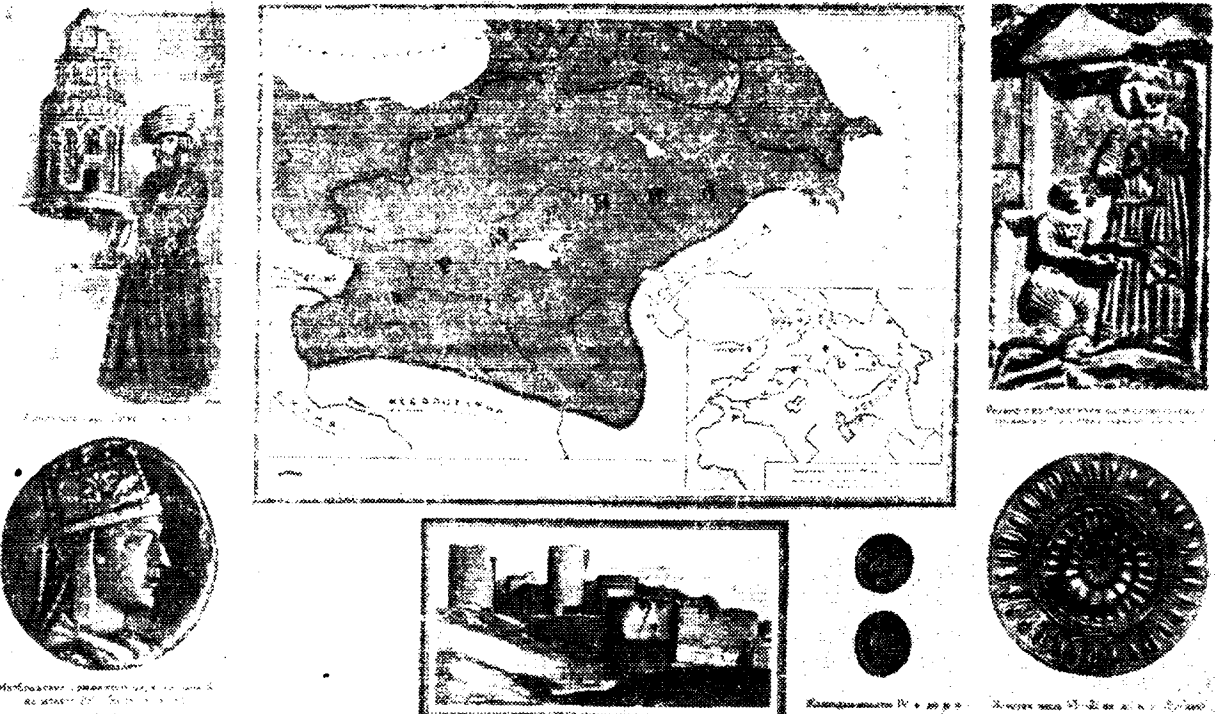
Пояснительный текст к этому плакату не связан с содержанием плаката. В то время как в тексте много места отведено погребениям срубной культуры, на плакате отсутствует изображение такого погребения.

Плакат № 4 отведен теме «Урарту — древнейшее государство в нашей стране». В отличие от предыдущих эта таблица представляет сложную композицию из ряда отдельных изображений. В центре помещена карта государства Урарту. Следует отметить удачный прием, примененный составителями на этой и на последующих картах. Там, где точные границы территории неизвестны, они отмечены отмычкой, т. е. постепенным ослаблением интенсивности цвета, обозначающего данное государство. Вокруг карты расположены изображения:

НАРОДЫ ЗАКАВКАЗЬЯ в VI в. до н.э.—VII в. н.э.

Изображены: 1) часть стены крепости Сардура I; 2) строительный камень Аргишти I; 3) барельеф «Халды обороняют крепость Сугунию от ассирийцев»; 4) статуэтки царницы халдов; 5) барельеф «Военнопленные халды»; 6) барельеф «Храм бога Халда в Мусапре подвергается нападению ассирийцев». Уже самый перечень показывает, как много материала включено в этот лист.

Изображены: 1) куль-обская ваза; 2) колчан; 3) гребень из кургана Солоха и 4) чертомлышская ваза.

Изображены: 1) куль-обская ваза; 2) колчан; 3) гребень из кургана Солоха и 4) чертомлышская ваза.

Плакат из «Альбома наглядных пособий по истории СССР».

1) части стены крепости Сардура I; 2) строительного камня Аргишти I; 3) барельефа «Халды обороняют крепость Сугунию от ассирийцев»; 4) статуэтки царницы халдов; 5) барельефа «Военнопленные халды»; 6) барельефа «Храм бога Халда в Мусапре подвергается нападению ассирийцев». Уже самый перечень показывает, как много материала включено в этот лист.

известные памятники: 1) куль-обская ваза, 2) колчан, 3) гребень из кургана Солоха и 4) чертомлышская ваза.

Плакаты №№ 5, 6 и 7 дают представление о народах северного Причерноморья в первом тысячелетии до нашей эры.

Плакаты №№ 8 и 9 отведены народам Средней Азии в VI—II веках до нашей эры (№ 8) и VII—X веках нашей эры (№ 9). С точки зрения новизны использованного материала это наиболее интересные листы. В центре каждого из них находится красочно выполненная карта, на которой отмечены места восстаний.

Плакат № 5 целиком занят технически хорошо выполненной картой размещения основных племен северного Причерноморья, составленной по данным Геродота. Однако спорным является обозначение принадлежности колоний греческим городам жирными цветными линиями по морю из Босфора к колониям. Греки в те времена плавали вдоль берегов, а не по открытому морю. Также неудачна растушевка Боспорского царства, едва заметная рядом с отчетливо обозначенными владениями Херсонеса.

Содержание расположенных вокруг карт изображений памятников раскрыто сжатым текстом пояснений. На самих плакатах дается краткая характеристика страны в данный период.

Плакат № 6 посвящен рабовладельческому строю греческих колоний Причерноморья V—I веков до нашей эры.

Удачно выполнен плакат № 10 — о народах Закавказья в VI в. до нашей эры—VII в. нашей эры. Он дает новый или малоизвестный материал, достаточно полно раскрытый в пояснительном тексте. Очень уместно использован отрывок из письма трудящихся Советской Грузии товарищу Сталину о героическом прошлом грузинского народа.

Плакат № 7 воспроизводит скифские изображения VIII—III веков до нашей эры на золотых и серебряных изделиях того времени. В плакате использованы широко-

К сожалению, в один лист втиснута более чем тысячелетняя история Закавказья. Совершенно не отражена в плакате культура Грузии.

Плакат № 11 посвящен народам Южной Сибири в V—X веках. Надо было бы закрасить приблизительный район государ-

ства хакасов и дать реконструкцию. Это тем более желательно, что мелкие предметы быта далеко не заполняют листа.

Плакат № 12 — о волжских болгарях и хазарах в VIII—X веках — очень содержателен. Центральная карта дает представление о размещении этих народов и подвластных им племен. Расположенные вокруг карты изображения предметов относятся, к сожалению, только к болгарам, о хазарах же нет никаких материалов.

Начиная с плаката № 13 дается на 5 листах материал о славянах VI—X веков. Первый лист (№ 13) содержит данные о славянах VI—VIII веков, остальные (№№ 14, 14а, 14б, 15) относятся к периоду IX—X веков. На первой таблице, в центре, известная картина А. Ф. Максимова — «Славянский поселок» — одна из лучших реконструкций этого периода. Помещенные по обе стороны картины Максимова цитаты из Маврикия удачно подобраны и вместе с изображением оружия и утвари дают представление о социально-экономическом строе славян.

К сожалению, полиграфическое исполнение этого плаката нельзя признать удовлетворительным. Краски оказались настолько блеклыми и монотонными, что трудно разобратся в деталях. К тому же и размер картины очень мал. Между тем его можно было смело увеличить, перекомпоновав таблицу, уменьшив шрифт текстов и поставив ее вертикально, как это сделано, например, в плакате № 17.

На плакате № 14 дана карта размещения племен и народов Восточной Европы в IX—X веках. Размещение племен показано хорошо, но главнейшие пути сообщения нанесены неудачно. Почему-то не показаны днепровские пороги, волжский путь на севере не сведен к одному варианту через озеро Селигер, а два других (по Мсту и Мологе) опущены.

Плакаты №№ 14а и 14б составляют тематически одно целое с плакатом № 14. Они дают материалы о хозяйственном укладе восточных славян в IX—X веках (№ 14а) и о походах славян на Царьград (№ 14б). Вокруг картин-реконструкций С. В. Иванова «Торг у славян» и Н. К. Рериха «На Царьград» расположены предметы быта, орудия труда, деньги, вооружение. Весь материал хорошо подобран и с помощью текста рисует разностороннюю картину хозяйственного уклада славян. Краткие выдержки из Ибн-Якуба и Ибн-Руста очень выразительны.

Последний плакат этой группы (№ 15) посвящен славянским верованиям в IX—X веках. Центральное место занимает картина В. М. Васнецова «Тризна». Качество воспроизведения ее оставляет желать луч-

шего. По обе стороны картины размещены древнеславянский языческий идол, меч и рог.

С плаката № 16 начинается серия из 9 таблиц о Киевском государстве. Вызывание К. Маркса о значении империя Рюриковичей открывает эту серию. Первая ее таблица занята большой картой. На ней нанесена территория владений Олега и его преемников.

Нужно сказать, что органическая связь плакатов между собой недостаточно продумана. Об этом свидетельствует карта плаката № 17, на которой снова показаны походы Олега и Святослава, отмеченные на предыдущей карте.

Удачно подобраны приведенные внизу плаката слова из речи Святослава.

Плакат № 18 рисует борьбу Киевского государства с кочевниками-печенегами в X—XI веках. Здесь очень уместно помещена цитата из «Правды»: «Русская земля являлась как бы барьером, запиравшим Европу от опустошительных набегов печенегов, половцев, татар». Рисунки Н. А. Касаткина «Печенег в степи» плохо выполнены технически, карта же набегов печенегов, походов славян и линий славянских укреплений оформлена удачно и дает очень наглядный материал.

На плакате № 19 репродукция с известной картины К. В. Лебедева «Полюжье» и цитата из сочинений Константина Багрянородного. Вместе с пояснительным текстом это достаточно полно раскрывает содержание темы.

В плакате № 20 (княжеский суд в X—XI веках) ощущается разрыв между содержанием картины и текстом.

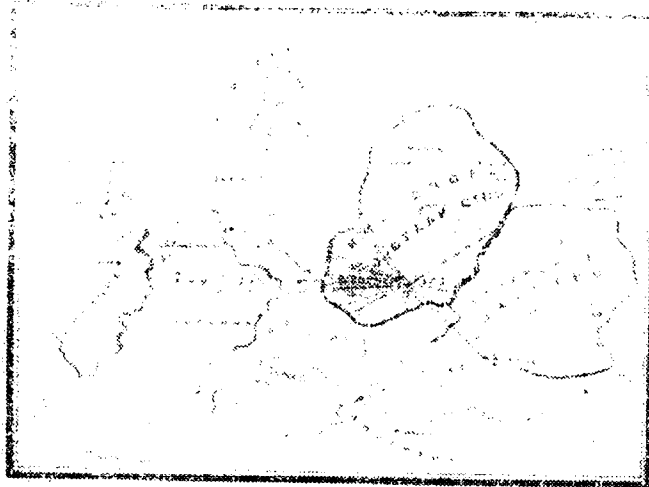
Плакат № 21 отведен интересной и до сих пор не освещавшейся в подобных изданиях теме — «Внешние связи Киевского государства X—XI веков».

Плакаты №№ 22 и 22а показывают культуру Киевской Руси в XI веке. На двух листах представлены: архитектура (Софийский собор в Киеве), живопись (фрески и мозаика), письменность (листы из «Изборника Святослава», отрывки из «Остромирова евангелия» и рукописи XII века), работы ремесленников. Но рисунки неудачны, особенно Софийский собор.

Фрески разнообразны по тематике (скоморохи, музыканты, охота на медведя, портреты детей Ярослава). Мозаика «Дмитрий Солунский» производит сильнейшее впечатление.

Последний плакат (№ 23) посвящен походу борьбы Киевского государства с кочевниками. Под цитатой из «Правды» о складывании русского народа в процессе борьбы с ордами азиатских кочевников помещена известная картина В. М. Васнецова — «Три богатыря».

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА X—XI ввков

Плакат из «Альбома наглядных пособий по истории СССР».

Неправильно поступили составители альбома, не посвятив «Слову о полку Игореве» специального листа, а только упомянув о «Слове» в тексте.

Приложенный в конце текста список литературы охватывает важнейшие произведения по истории этого периода и может быть использован студентами вузов. Самый же альбом для исторических или педагогических вузов слишком примитивен.

Часть картин-реконструкций, помещенных в альбоме, годится для III—IV классов, т. е. для начальной ступени обучения, и малоприспособна для VIII классов. Зато другая часть сложна для школьников III—IV классов и может быть использована более целесообразно в старших классах. Карты в большинстве очень примитивны и годятся, скорее, для малышей, а цитаты для

них сложны и не могут быть ими хорошо усвоены.

Для взрослых рабочих и колхозников, изучающих историю СССР на основе учебника Шестакова, содержание альбома подходит. На них, вероятно, и рассчитывали составители.

Выше говорилось о слабости полиграфической техники издания. Картонажные работы тоже не вполне хороши. Листы плакатов наклеены на довольно тонкий картон, не окантованы цветной бумажной ленточкой, отверстия для развески не заделаны в пистоны. Папка, в которой должны храниться листы, оклеена бумагой и только на спицах имеет коленкор. Шнурки для завязки отсутствуют. Между тем цена альбома настолько велика, что позволяет желать более высокого качества оформления.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: а) появление альбома надо приветствовать как новый, большой шаг в деле пропаганды исторических знаний; б) если в целом альбом дает научно-ценное систематическое освещение раннего периода истории СССР, то все же он несвободен от существенных пробелов; в) недостаточно привлечены новые, специально исполненные картины-реконструкции, более отвечающие современным требованиям; г) сам по себе прием широкого применения реконструкций неплох, но следовало бы шире использовать подлинники (миниатюры из летописей) и археологический материал, дав их в красках, что значительно повы-

сило бы восприятие плакатов учащимся; д) цитаты на плакатах в основном подобраны удачно; они лаконичны, выразительны и хорошо раскрывают содержание темы; е) карты в альбоме подобраны и исполнены в основном удовлетворительно, но слишком упрощены; ж) наименее удачен пояснительный текст; видимо, сделанный наспех, недостаточно глубоко продуманный, он часто не соответствует материалу и больше перечисляет изображения на плакатах, чем раскрывает их содержание; з) техническое оформление альбома стоит на недостаточной высоте.

Следует пожелать выхода в свет следующих выпусков в улучшенном издании.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ЛЕНИН В. И. Хронологические таблицы к истории империализма. М. Госполитиздат. 1940. 72 стр. Цена — 1 рубль. Тираж — 100 000 экз.

В книге помещены 9 таблиц: колониальные захваты и войны (три таблицы), «Борьба империалистов за Персию», «Железные дороги», «Главнейшие кризисы в международной политике великих держав после 1870—1871 годов», «Главнейшие моменты истории после 1500 г.», «Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 года», «Перечень войн» (с древнего Египта до XVII века). Таблицы взяты из ленинских «Тетрадей по империализму» и являются частью подготовительной работы Ленина к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма».

СТАЛИН И. В. Лондонский съезд РСДРП (Записки делегата). М. «Молодая гвардия». 1939. 122 стр. Цена в перепл. — 1 р. 80 к. Тираж — 5000 экз.

Настоящая работа была написана товарищем Сталиным тотчас после V съезда партии, состоявшегося в Лондоне в мае 1907 года, и напечатана в первых двух номерах газеты «Бакинские пролетарий». Работа дает блестящий анализ деятельности съезда.

В начале книги помещена вводная статья Ем. Ярославского.

«Курс истории ВКП(б)». Глава I. Борьба за создание социал-демократической рабочей партии в России (1883—1901 гг.). Лекция I. Ем. Ярославский. Отмена крепостного права и развитие промышленного капитализма в России. Появление современного промышленного проле-

тарата. Первые шаги рабочего движения. Стенограмма лекции, прочитанной 3 декабря 1939 года. М. 1940. 38 стр. Тираж — 3500 экз. (на правах рукописи).

Этой книжкой начата публикация «Курса истории ВКП(б)», читаемого в 1939—1940 учебном году в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б).

НИКИТИН И. В. и РАДУШИН А. Л. Ленин в Пскове. 1900 год. Сборник материалов и документов в помощь изучающим историю ВКП(б). Под общей ред. Н. И. Чумбарова. Лениздат. 1939. 72 стр. с илл., портр. и факсим. и 2 вкл. л. схем. Цена — 1 р. 50 к. Тираж — 8000 экз. (Ленинградский филиал Музея имени В. И. Ленина).

В книге помещены: вводная статья составителей «Ленин (и рабочее движение) в Пскове», материалы о пребывании Ленина в Пскове (отрывки из воспоминаний современников — П. Б. Крупской, Ю. О. Мартова, Н. Л. Сергиевского и Д. И. Ульянова), выдержки из переписки Ленина с родными, некоторые архивные документы и перечни дат и местопребываний Ленина в 1900 году после возвращения из ссылки и до отъезда за границу.

ЛУРЬЕ М. Л. Сталин в Петербурге в годы революционного подъема. 1911—1913. Лениздат. 1939. 130 стр. с илл. Цена в перепл. — 5 р. 50 к. Тираж — 10 000 экз.

Книга посвящена пребыванию товарища Сталина в Петербурге в период с сентября 1911 года, после побега из третьей (вологодской) ссылки, по февраль 1913 года (до шестого ареста товарища Сталина и высылки его в Туруханский край). В книге

рассказывается об организации товарищем Сталиным большевистских сил после Пражской конференции (5—17 января 1912 года), о массовом рабочем движении после ленинского расстрела, об организации газеты «Правда», о выборах в IV Государственную думу и о руководстве товарища Сталина деятельностью большевистской фракции IV думы. В конце книги помещены хроника революционной деятельности товарища Сталина в 1911—1913 годах и перечень мест, связанных с революционной деятельностью товарища Сталина в Петербурге в 1911—1913 годах.

«Как мы били белофиннов». Сборник воспоминаний, материалов и документов о разгроме белофинских банд в 1918—1922 годах (полобраны М. Лурье и М. Мительманом). Л. Лениздат. 1939. 92 стр. Цена — 1 р. 75 к. Тираж — 10 000 экз. (Ленинградский институт истории ВКП(б)).

В книге помещены: 1) речь товарища Сталина на заседании ВЦИК 22 декабря 1917 года по поводу декрета о независимости Финляндии; 2) вводная статья Т. Антипайнена «Разгром белофинских банд в Карелии в 1918—1922 годах»; 3) воспоминания и документы о борьбе Красной Армии и карельского народа с белофиннами, пытавшимися захватить Советскую Карелию в 1918—1922 годах, и 4) хроника событий борьбы с белофиннами с 21 марта 1918 года по 7 февраля 1922 года.

ФИЛИППОВ Н. (состав.). **Поезд смерти.** (Сборник воспоминаний). Город Куйбышев. Обл. изд.-во. 1940. 120 стр. Цена — 85 коп. Тираж — 10 000 экз.

В книге помещены: 1) вводная статья А. Шеффа «Самарская учредилка», о контрреволюционном комитете членов бывшего Учредительного собрания («Комуч»), хозяйничавшем в Самаре в июне—октябре 1918 года; 2) статьи и воспоминания о белогвардейском терроре в Самаре и о «поезде смерти», увезшем пленников «Комуча» из Самары во Владивосток по Сибирской железной дороге, захваченной в то время чехословаками, и 3) статья о суде над бывшим начальником «поезда смерти» белобандитом Дубровиным.

ПУХОВ А. **Балтийский флот в обороне Петрограда.** Под ред. Н. А. Корнятовского. М. и Л. Военмориздат. 1939. 140 стр. с илл. Цена в перепл. — 3 р. 35 к.

В книге описывается участие Красного Балтийского флота в защите Петрограда от интервенции Антанты и белогвардейских банд на протяжении всего 1919 года. Третья глава книги посвящена, в частности, контрреволюционному мятежу на «Красной Горке» и ликвидации его под руководством товарища Сталина.

КОРЧИН М. (состав.). **Борьба за советский Дон. Сборник к 20-летию освобождения Ростова на Дону от белых.** Ростов на Дону. Ростиздат. 1939. 124 стр. с илл. и портр. и 5 вкл. л. порт. и схем. Цена в перепл. — 2 р. 50 к. Тираж — 10 000 экз. (Истпарт Ростовского обкома ВКП(б)).

В сборнике помещены: очерк составителя «Борьба за социалистическую революцию на Дону», статьи и воспоминания об освобождении Ростова на Дону от белых (в том числе статьи С. М. Буденного, Е. А. Шаденко, О. И. Городовикова) и исторические документы о взятии Ростова.

ЮШКОВ С. В. **Очерки по истории феодализма в Киевской Руси.** М.—Л. Изд. Академии наук СССР. 1939. 253 стр. Цена в перепл. — 9 руб. Тираж — 6000 экз.

В книге охарактеризованы основные черты общественно-экономического строя Киевской Руси. Прослежены возникновение и развитие феодального землевладения, феодальной ренты и феодальной зависимости, оформление класса феодалов и феодально зависимого крестьянства, возникновение и первоначальное развитие феодальной монархии. В последней главе освещены некоторые местные особенности процесса феодализации Киевской Руси.

ЛОПАТИН П. **Москва. Очерки из истории великого города.** М. Госполитиздат. 1939. 188 стр. с илл. Цена в перепл. — 5 р. 50 к. Тираж — 25 000 экз.

В книге представлены в 13 очерках важнейшие периоды и события из истории Москвы: сбирание русской земли, борьба с польской интервенцией в начале XVII века, народные бунты, Москва при Петре I, Москва во время нашествия Наполеона, Москва дворянская и Москва купеческая, 1905 год в Москве, Великая Октябрьская социалистическая революция в Москве и Москва сегодняшнего дня.

Книга предназначена для широких читательских кругов.

МАНЕВСКИЙ А. Д. **Возникновение книгопечатания на Руси. 1564 — 10/III — 1939 г.** М. Гос. исторический музей. 1939. 40 стр. с илл. Цена — 1 р. 50 к. Тираж — 3000 экз.

Книжка издана в связи с исполнившимся 10 марта 1939 года 375-летием со дня выхода в свет первой печатной книги на Руси («Апостол»). В книжке рассказывается об изданиях рукописных книг в Московском государстве в середине XVI века и показана связь возникновения и развития книгопечатания с потребностями укреплявшейся центральной государственной власти.

ОСИПОВ К. Богдан Хмельницкий. М. «Молодая гвардия». 1939. 416 стр. Цена в перепл.— 6 руб. Тираж — 50 000 экз. Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 4—5.

Биография Богдана Хмельницкого и история возглавлявшейся им борьбы украинского народа против польского владычества (1648—1654 годы).

К истории донского казачества (автор Б. В. ЛУНИН). Ростов на Дону. Ростиздат. 1939. 240 стр. Цена — 4 р. 50 к. Тираж — 3000 экз. (Лекционное бюро Ростовского обл. отдела народного образования).

Книга состоит из двух частей. В первой части (стр. 5—136) освещены основные этапы истории донского казачества с XVI века до наших дней. Во второй части (стр. 137—206) дан очерк крестьянско-казачьих восстаний против крепостничества в XVII—XVIII веках (восстания Степана Разина, Кондрата Булавина и Емельяна Пугачева). В конце книги помещена библиография по истории донского казачества (стр. 207—238).

БАБУРИН Дм. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М. 1939. 396 стр. Цена в перепл.— 12 р. 50 к. Тираж — 3000 экз. (Труды Историко-архивного института. Т. I).

Книга посвящена первому в России государственному аппарату для регулирования промышленной жизни страны. В первой главе книги дана характеристика торгово-промышленной политики Петра I и изложена история образования Мануфактур-коллегии; во второй главе разобран регламент Мануфактур-коллегии; в третьей главе говорится о деятельности Мануфактур-коллегии в период с 1725 по 1779 год; в двух последних главах (четвертой и пятой) рассказывается об отношениях Мануфактур-коллегии к «указным» фабрикантам XVIII века и к рабочим крепостных мануфактур.

В предисловии дан обзор литературы предмета.

П. С. ИГНАТЬЕВА. Старая и новая Даниловка. Рассказы рабочих фабрики имени М. В. Фрунзе. Записала бывшая работница, ныне персональная пенсионерка. М. «Московский рабочий». 1940. 221 стр. с илл. Цена в перепл.— 7 р. 50 к. Тираж — 5000 экз.

В предисловии («От автора») рассказана в общих чертах история фабрики (бывш. Даниловской мануфактуры) со времени ее основания в 1867 году. В 30 раз-

делах сгруппированы короткие рассказы рабочих фабрики о положении на фабрике в конце XIX века, о первых шагах рабочего движения, о революции 1905 года, о годах реакции (1908—1912), о нелегальной работе большевистской организации фабрики в предреволюционные годы, о периоде империалистической войны и, наконец, о наших днях.

ЛАТЫШЕВ Н. Н. Удмурты накануне реформы. Первая половина и 60-е годы XIX века (возникновение товарно-капиталистических отношений и процессы расслоения среди удмуртского крестьянства). Под ред. проф. А. В. Шестакова. Ижевск. Удмуртгосиздат. 1939. 184 стр. Цена в перепл.— 7 руб. Тираж—8000 экз. (Удмуртский н.-и. институт истории, языка, литературы и фольклора при СНЕ УАССР).

Опыт работы над документальной историей удмуртского народа в период первой половины XIX века и отчасти в первые пореформенные годы. Приведенные в работе данные относятся прежде всего к удмуртам, населяющим Глазовский район (север), но значительное место уделено и удмуртам южного, Сарапульского района, где они состояли в непрерывных отношениях на Камских казенных заводах (Ижевском и Воткинском). В конце книги (стр. 171—181) дан обширный перечень источников (222 названия).

МАГОМЕДОВ Р. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махач-Кала. Дагестангосиздат. 1939. 131 стр. Цена—3 р. 50 к. Тираж—4000 экз.

В начале работы дается общая характеристика Дагестана и Чечни на пороге XIX века—накануне завоевания их царизмом,—затем описывается борьба горцев за свою независимость в первой четверти XIX века, восстание горцев Дагестана и Чечни в 1828—1834 годах под руководством Гazi-Магомеда, восстание 1834 года в Дагестане. Наиболее подробно освещено восстание Шамиля. Отдельная глава посвящена государственному устройству, введенному Шамилем на территории восставших горцев в 40-х годах. Последняя глава книги анализирует причины поражения восстания.

ТОКАРЕВ С. В. Крестьянские картофельные бунты. Кировское обл. изд-во. 1939. 104 стр. Цена в перепл.— 2 р. 70 к. Тираж—5000 экз.

Книга посвящена волнениям государственных крестьян в начале 40-х годов XIX века на территории быв. Пермской, Оренбургской, Вятской, Казанской и Саратовской губерний. Материал книги взят главным образом из архивных источников.

ЧЕРМЕНСКИЙ Е. Д. *Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 годов.* Под ред. В. А. Быстрянского. М. и Л. Соцэкгиз. 1939. 374 стр. Цена в перепл. — 7 р. 50 к. Тираж—10 000 экз.

В книге обобщен обширный фактический материал о буржуазных партиях в первой русской революции, полностью подтверждающий данный Лениным и Сталиным анализ предательской роли буржуазии в буржуазно-демократической революции 1905 года. Отдельные главы книги посвящены кануну революции, событиям 9 января, октябрьской всеобщей забастовке, декабрьскому вооруженному восстанию в Москве, периоду конституционных иллюзий (I и II думы) и начавшейся реакции.

ЖИТОВ К. и НЕПОМНИН В. *От колониального рабства к социализму (к 15-летию образования Узбекской ССР).* Ташкент. Партиздат. 1939. 122 стр. Цена в перепл.— 2 р. 50 к. Тираж—10 000 экз. (Институт истории Коммунистической партии (большевиков) Узбекистана при ЦК ВП(б) Узбекистана).

Владычество ханов в XVIII веке, узбеки в колониальном рабстве у царизма в XIX веке, победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане, национальное размежевание в Средней Азии, торжество ленинско-сталинской национальной политики, народное хозяйство и культура Советского Узбекистана—таков круг вопросов, освещенных в этой книге.

Сборник материалов для подготовки учителя к урокам истории СССР в 4-м классе (состав. Е. Е. КОЗЛОВА и Н. В. СУРАЖКЕВИЧ, под ред. В. Н. БЕРНАДСКОГО). Л. Обл. институт усовершенствования учителей. 1939. 103 стр. Цена — 3 руб. Тираж — 5000 экз.

В книге собраны высказывания основоположников марксизма-ленинизма, выдержки из исторических документов и отрывки из научно-популярной и художественной литературы, посвященные 7, 8 и 9-й темам курса истории в начальной школе (Россия XVIII века—империя помещиков и купцов, царская Россия—жандарм Европы, развитие капитализма в царской России).

АСТОН Д. *Британская контрразведка в мировой войне.* Перевод с английского. М. Соцэкгиз. 1939. 248 стр. Цена в перепл.—3 р. 10 к. Тираж—10 000 экз.

Очерки деятельности английской контрразведки в период первой мировой империалистической войны 1914—1918 годов принадлежат перу одного из руководителей разведки, имеющего 40-летний опыт шпионско-провокаторской «деятельности». В

первых главах даны сведения по истории английской военной контрразведки с середины XIX века.

НАРОЧНИЦКИЙ А. Л. *Указатель литературы по новой истории (1789—1918 годы).* Для преподавателей техникумов и рабфаков. Под ред. проф. В. М. Хвостова. М. 1940. 82 стр. Цена—2 р. 50 к. Тираж—500 экз. (ГУУЗ Наркомгоса СССР. Центральный опытный научно-методический кабинет социально-экономических дисциплин).

Указатель состоит из четырех основных разделов: 1) о преподавании новой истории, 2) общие пособия и источники, 3) период побед и утверждения капитализма (1789—1870 годы) и 4) период капиталистического упадка (1871—1918 годы).

Во всех разделах, кроме общей и специальной литературы, указаны труды классиков марксизма-ленинизма.

СЕБЕОС. *История епископа Себеоса.* Перевод с 4-го исправленного армянского издания Ст. Малхазянца. Ереван. Изд. армянского филиала Академии наук СССР. 1939. 184 стр. Цена в перепл.—10 руб. Тираж—4000 экз. (Институт истории материальной культуры армянского филиала Академии наук СССР).

Один из первоисточников армянской истории. Содержит обзор событий с мифических времен до середины VII века нашей эры. К русскому переводу даны пространственные комментарии.

РАДЦИГ С. И. *Античная мифология. Очерк античных мифов в освещении современной науки.* М. и Л. Изд. Академии наук СССР. 1939. 188 стр. с илл. Цена в перепл.— 5 руб. Тираж — 3000 экз. (Научно-популярная серия).

Книга излагает главнейшие мифы древней Греции и Рима, дает характеристику основных мифологических образов, исследует их общественное значение и связь с историческими фактами. В конце книги помещен алфавитный указатель мифологических имен и терминов.

АРЦИХОВСКИЙ А. В. *Введение в археологию.* М. Изд. Московского гос. университета. 1940. 162 стр. Цена — 6 руб. Тираж — 1000 экз.

Книга является первой попыткой объединить в одном курсе сведения об археологическом материале первобытных времен, античности и средневековья в пределах СССР, Западной Европы и Ближнего Востока. Шесть последних глав книги посвящены археологии старейших городов СССР (Киев, Смоленск, Владимир, Новгород, Москва).

Академия наук СССР выпускает сборник, посвященный великому русскому ученому М. В. Ломоносову. В сборнике помещены неопубликованные материалы об участии Ломоносова в подготовке двух экспедиций адмирала Чичагова в Северный Ледовитый океан. Ломоносов беседовал с русскими матросами, плававшими в Баренцевом море, писал инструкции для экспедиции, конструировал мореходные инструменты и наблюдал за их изготовлением, следил за обучением штурманов. Ломоносов участвовал также в подготовке экспедиции Креницына к северо-западным берегам Америки.

Ленинградское издательство Академии наук СССР готовит к печати ряд древних рукописей, в том числе монгольские летописи Юань-Чжао-Би-Ши, рассказывающие об истории монголов в царствование Чингис-хана, и арабские летописи Рашид-ад-Дина, относящиеся к XIII веку.

В Таджикистане производятся раскопки города Муяг, одного из древнейших городов страны. Этот город был столицей древней провинции Хуталь. В XII—XIII веках его разрушили монголы. Раскопки должны дать богатые материалы по истории Таджикистана.

В Государственном архиве Мордовской АССР хранятся документы о М. М. Сперанском — известном русском государственном деятеле начала XIX века. Документы относятся ко времени пребывания Сперанского на посту пензенского гражданского губернатора. Пензенские крестьяне ожидали увидеть в Сперанском защитника их интересов. Среди них ходила легенда о том, что Сперанский был сослан за то, что он предлагал царю освободить крепостных. Надежды крестьян не оправдались: Сперанский всячески старался доказать пензенским помещикам, что он «не потакает» крестьянам. Он издавал строгие предписания о поимке крепостных, ушедших от своих помещиков, и беглых солдат. Когда в большом помещичьем селе Кутли произошли волнения, Сперанский принял «энергические» меры.

Гораздо мягче относился Сперанский к провинившимся помещикам. Помещик Струйский (отец поэта Полежаева) засек на смерть своего бурмистра Михаила Вольнова. Против Струйского было возбуждено уголовное дело. Но у Струйского были

большые связи, и пензенская уголовная палата решила дело в его пользу. Приговор палаты поступил на заключение к пензенскому губернатору. Сперанский охотно утвердил бы приговор и не сделал это только потому, что Струйский в пьяном виде буйствовал и угрожал самому губернатору. По распоряжению Сперанского, Струйский в 1818 году был отправлен в ссылку, где и умер в 1826 году.

В бывшем храме Василия Блаженного в Москве, в котором помещается филиал Государственного Исторического музея, обнаружены на стенах фрески XVII века, которые до сих пор были скрыты под живописью XIX века. Во фресках совершенно отсутствует религиозный элемент — они представляют собой растительный орнамент. О такого рода росписях упоминается в летописях, но они почти нигде не сохранились.

Литературный музей приобрел переписку Н. Д. Фонвизиной (жены декабриста М. А. Фонвизина, последовавшей за ним в Сибирь), с ее родными, декабристами, их женами и другими ссыльными. Переписка охватывает время с 1827 по 1856 год и до сих пор не была опубликована. Она дает картину жизни декабристов в Сибири, их взаимоотношений и настроений.

Особый интерес представляет черновик письма Фонвизиной к Ф. М. Достоевскому, который в это время (в 1853 году) отбывал наказание по делу петрашевцев в омской каторжной тюрьме. Этот документ свидетельствует о связи писателя с декабристами.

В Москве производятся раскопки в районе Устьинского моста, Котельнической набережной и улицы Володарского. Цель раскопок — найти древнее городище князя Юрия Долгорукого. По преданию, Юрий Долгорукий заложил город Москву у устья реки Яузы, на месте теперешних раскопок, а по Тверской летописи, Москва была заложена этим князем в 1156 году на месте современного Кремля. Результаты раскопок будут представлять огромный интерес для истории Москвы.

Раскопки производит бригада Института истории Академии наук СССР совместно с Московским отделением Института истории материальной культуры имени академика Н. Я. Марра.

Стоянка древнего человека открыта в селе Старый Бодак, в восьми километрах от Днепропетровска. Раскопки стоянки будет производить Институт археологии Академии наук УССР совместно с историческими музеями Днепропетровска и Харькова.

Выставка «Суворов на Подолии» открыта в Камянецподольском областном краеведческом музее. Штаб-квартира великого полководца находилась в Тульчине, на Подолии, в 1796 году.

Здесь Суворов окончательно отредактировал свое военное наставление «Наука побеждать», заключавшее в себе самые передовые идеи тогдашней военной науки.

В Суворовское отделение Артиллерийского музея РККА в Ленинграде доставлено «Уложение» царя Алексея Михайловича с личными пометками Суворова. В Музее выставлены ключ от взятой Суворовым турецкой крепости Измаил и пушка, отбитая у французов в сражении при Негри.

В архиве Музея обнаружены новые документы Суворова, в том числе его записная книжка с перечнем всех офицеров и унтер-офицеров Суздальского полка, командиром которого был Суворов.

При Томском государственном университете открывается исторический факультет. В 1940—1941 учебном году на факультете будут обучаться шестьдесят студентов. Новый факультет будет иметь семь кафедр, четыре кабинета и богатую библиотеку. Ему передается университетский

музей, располагающий двадцатью пятью тысячами экспонатов.

В 1695 году, готовясь к азовскому походу, Петр I строил военный флот на реке Воронеж. На одном из островов реки был выстроен цейхгауз для хранения кораблестроительных материалов. Он представлял собой прочное здание с двумя каменными этажами и третьим, деревянным. По свидетельству современника, комнаты цейхгауза были наполнены «всеми самыми нужными вещами для флота; каждый сорт находится в особом месте, даже платя и самые малейшие вещи, нужные матросам». Цейхгауз был сильно укреплен и охранялся гарнизоном. По преданию, в цейхгаузе находилась «Рабочая палата» — кабинет Петра.

Во время пожара 1748 года верхний, деревянный этаж цейхгауза сгорел. В 1812 году здание было продано на слом, но разрушить его не удалось: оно оказалось настолько прочным, что расходы по его разборке превышали стоимость материалов.

В 1834 году возникла мысль восстановить в цейхгаузе комнату, где работал Петр I, но это намерение не было осуществлено.

Сейчас этот ценнейший памятник петровского времени взят на учет.

В Горьковском краеведческом музее обнаружен при разборе нумизматических коллекций «бородовый знак», введенный Петром I. Этот знак выдавался за плату именитым гражданам, желавшим сохранить бороду. На жетоне имеются надписи «Деньги взяты» и изображение носа, усов и бороды.

ПОПРАВКА

В № 2 «Исторического журнала» за 1940 год, на стр. 137, правая колонка, начиная с 19 стр. снизу, следует читать: «До мировой войны общий сбор зерна составлял 5 миллиардов пудов, а товарного хлеба вывозилось на рынок всего только 1 миллиард 300 миллионов пудов, т. е. только 26%. Из этого количества 500 миллионов пудов экспортировалось за границу и 800 миллионов шло на снабжение городского населения. (В СССР уже в 1938 году было 2 миллиарда 300 миллионов пудов товарного хлеба, т. е. 40% валового сбора.)»

СОДЕРЖАНИЕ

Акад. Б. ГРЕКОВ — Спорные вопросы периодизации древней истории народов СССР	1
Проф. А. ГУРЕВИЧ — Тактическая линия большевиков в первой русской революции	12
Батальонный комиссар Н. ФИРОКОВ — Сталинский план разгрома Деникина и его осуществление	25
А. МОГИЛЕВИЧ, М. АЙРАЛЕТЯН — Легенда и правда о „гульском инциденте“ 1904 года	41
В. ГОЛАНТ — Английский империализм в Южной Африке	53
Я. ГОЛЬДБЕРГ — Французская дипломатия в первые годы первой мировой империалистической войны	65
А. КРОНГАУЗ — Карелия до XVIII века	76
В. ГЕЙМАН — Материалы по истории Карелии XII—XVI веков	88
И. АНТЕЛАВА — Из истории борьбы Западной Грузии против султанской Турции в XVII—XVIII веках	94
В. САМОЙЛОВ — Из истории сношений России с Японией в XVII—XVIII веках	103
Н. ЛЕВИНТОВ — Военные поселения в России XIX века	115

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Н. КУЗИН — Использование местного исторического материала для укрепления исторических знаний	125
Д. РЕБИЗОВ — О запоминании исторического материала учащимися старшего школьного возраста	130

БИБЛИОГРАФИЯ

И. ИВАШИН — „История средних веков“, т. II	13
К. ЗЕЛЬИН — „Вестник древней истории“ 4(9)	17
П. СОФИНОВ — О книге А. Федорова „Пермская катастрофа и контрнаступление восточного фронта“	14
С. БЕЗБАХ — „Альбом наглядных пособий по истории СССР“	14

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ХРОНИКА

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. ВОЛИН**
Зам. редактора — **С. И. Голнер**
Отв. секр. — **О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № А — 28907 Изд. № 620 Зак. № 1559 Тираж 50 000
Материал сдан в набор 4 V 1940 г. Подписан к печ. 11.VI 1940 г. 10 печатн. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГЕОДЕЗИИ и КАРТОГРАФИИ при СНК СССР

**ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
и ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ**

У Ч Е Б Н Ы Е ИСТОРИЧЕСКИЕ КАРТЫ

- 1. КОМПЛЕКТ КАРТ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР из II тома Большого советского атласа мира.**
20 карт (в конверте). Ц.— 6 руб.
- 2. ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА.**
Масштаб 1:3,5 млн. На 2 л. Ц.— 5 руб.; на ткани с люверсами — 12 руб.
Карта охватывает период с начала завоевания Александра Македонского до образования эллинистических государств к 222 году до нашей эры.
- 3. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ПРИ ПЕТРЕ I. Европейская часть.**
Масштаб 1:3 млн. На 4 л. Ц.— 5 руб.; на ткани с люверсами — 20 руб.
Карта отражает важнейшие события XVIII века.
- 4. РАСШИРЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI—XVII ВЕКАХ.**
Масштаб 1:5 млн. На 3 л. Ц.— 5 руб.; на ткани с люверсами — 20 руб.

ПРОДАЖА в РОЗНИЦУ в картографических магазинах:

1. МОСКВА, Кузнецкий мост, 9.
2. ЛЕНИНГРАД, Гостиный двор, Суровская линия, пом. 102—104, а также в магазинах Когиза, Учторга — Роскультторга, Потребкооперации и в киосках «Союзпечати».

С ПОЧТОВЫМИ ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ по адресу Ленинградского магазина, а также по адресу: Москва, Таганский проезд, 2/10, магазин № 13 Когиза—«КАРТА—ПОЧТОЙ».

КАРТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАРОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА.

ТРЕБУЙТЕ В ТЕХ ЖЕ МАГАЗИНАХ ИСТОРИЧЕСКИЕ, ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ, СПРАВОЧНЫЕ и другие КАРТЫ.